

Аляксандр Тамковіч

Лёсы

www.kamunikat.org

2006

ЛЁСЫ

Частка першая

Чыгачкая прадмова

Гэтая кніга напісана разумным і моцным чалавекам.

Гэтая кніга напісана таленавітым і сумленным журналістам.

Гэтая кніга — пра разумных, моцных, таленавітых людзей.

Ужо таму яе варта прачытаць.

Яе аўтар, Аляксандр Тамковіч, працуе ў незалежнай журналістыцы суверэннай Рэспублікі Беларусь амаль што з таго моманту, калі журналістыка паспрабавала стаць незалежнай, а Рэспубліка Беларусь — суверэннай. Гэтыя два працэсы былі ўзаемазвязаны, і Тамковіч быў іх актыўным удзельнікам і адначасова зацікаўленым сведкам.

У лепшыя гады нашай нядоўгай дэмакратыі ён працаваў намеснікам галоўнага рэдактара газеты “Свободные новости”. Потым, у перыяд горкай, але, як нам усім тады здавалася, далёка не безнадзейнай барацьбы за дэмакратыю рэдагаваў газету “День”. Абодва гэтыя выданні пакінулі свой след у гісторыі найноўшай беларускай журналістыкі.

Як журналіст Тамковіч пісаў яркія і дакладныя каментарыі і браў захапляльныя інтэрв’ю, у якіх вядомыя людзі часам паўставалі з нечаканага боку. Магчыма, таму, што Тамковіч бачыў у іх перш за ўсё людзей, а ўжо потым — літаратараў, паэтыкаў, артыстаў і музыкаў. А можа і таму, што для сваіх суразмоўцаў ён сам быў найперш чалавекам, і толькі потым — істотай, якая задае пытанні, узброіўшыся дыктафонам.

Хаця чаму “пісаў”, “бачыў”, “быў”? Аляксандр Тамковіч — піша. Яго можна чытаць, з ім можна спрачацца.

Зараз чытачы трымаюць у руках кнігу “Лёсы”. Кніга, выдадзеная журналістам, — гэта прызнанне таго, што яго

праца будзе цікавай праз многія гады. Рукапісы не гараць, а газеты — гараць, застаюцца толькі кнігі, што стаяць на паліцах нашых бібліятэк. Яны ажываюць, калі мы бяром іх у рукі і перачытваем. Таму вельмі важна, каб творы нашых лепшых журналістаў выходзілі пры іх жыцці, а не пасля смерці, каб чытачы паспявалі патэлефанаваць ім і сказаць: “Слухай, сябра, у цябе так класна атрымалася — там, на 76-й старонцы!” А аўтар зняў бы з паліцы кнігу, знайшоў бы старонку і сказаў бы сам сабе: “Сапраўды, класна! Але магло быць і лепш...”.

Выхад кнігі Аляксандра Тамковіча — падвядзенне ім вынікаў сваёй журналісцкай дзейнасці, а значыць — некалькіх дзесяцігоддзяў жыцця. І калі тыя людзі, гутаркі з якімі ён сабраў у гэтай кнізе, пададуцца чытачам крыху менш адпаліраванымі, а іх словы — не такімі казённымі, як часам бывае, значыць, аўтар дабіўся сваёй мэты. Гэтыя людзі будуць жыць у нашай памяці і ў нашай агульнай Гісторыі такімі, якімі ўбачыў іх журналіст Аляксандр Леанідавіч Тамковіч.

І наогул, сябра, там, на 76-й старонцы, у цябе насамрэч атрымалася класна! Не, усё добра, але там — асабліва. Перачытай!

Аляксандр ФЯДУТА

Зінаіда БАНДАРЭНКА

Усе памятаюць яе як папулярную тэлеведоўцу, якая ў свой час не прыняла існуючага рэжыму ўлады, хоць у матэрыяльным плане такі выбар, мякка кажучы, быў вельмі нявыгадны. Можна шмат сказаць аб тым, чаму гэта адбылося, і, мусіць, усё гэта будзе праўдай.

Няма сумненняў, што яе аповед пра сваё жыццё таксама многае высветліць.

Непакорліvasць лёсу — у крыві

Мама мая, звалі яе Марыя, родам з Гомельшчыны. Нарадзілася яна ў 1902 годзе не ў самай беднай сям'і. Скажу так: гэта была сям'я “сераднякоў”. Трошкі ўяўляю іхні дом па маміных расповедах. Між Рэчыцай і Лоевам ёсць такая вёсачка — Лесуны. Мама мая з тых мясцін. Сям'я была шматдзетная. Раней жа было як? Колькі рабілі, гэтулькі і радзілі. Шанавалі Бога і баяліся граху. Колькі Бог даваў дзяцей, столькі і гадавалі. Маміна мама, а мая бабулька, памерла вельмі рана. У дом прыйшла іншая жанчына, яна для маёй мамы стала мачахай. Мама была самая малодшая, перахварэла на залатуху, што вельмі аслабіла яе здароўе. На хваравітую дзяўчынку не звярталі асаблівай увагі і вельмі здзівіліся, калі з яе сфарміравалася прыгажуня. Гэта для ўсіх было нечаканкай. На яе пачалі заглядацца патэнцыяльныя жаніхі. Сярод іх і сын тамашняга кулака Павел. Ён быў старэйшы за маму гадоў на пятнаццаць. Пасватаўся. А гэта быў неспакойны час — рэвалюцыі, перавароты, змена ўлады...

Між іншым, пра рэвалюцыю 1917 года на вёсцы ўпершыню пачулі толькі праз некалькі месяцаў. У глухое Палессе ўсе навіны даходзілі з вялікім спазненнем. Палешукі доўга не арыентаваліся, дзе і калі ў іх мясцовасці ўсталявалася савецкая ўлада, і наогул не ведалі, што гэта такое. Яно і зразумела: для селяніна самае гадоўнае — у пару ўсё пасеяць і сабраць ураджай, каб падрыхтавацца да зімы і перажыць яе бестурботна і сыта. А ўсё астатняе яго мала цікавіла. І калі прыйшлі Паўлавы бацькі сватацца,

то зразумела, што ў Марыі згоды ніхто не пытаўся. Яе бацькі адразу далі згоду на шлюб.

Такім чынам маці апынулася ў чужой сям'і. Мужа свайго яна, безумоўна, не кахала, нават мала ведала. Гэтак яны пражылі год ці два. У той час шмат хто з вясковага люду імкнуўся да гарадскога жыцця і ўцякаў з вёскі. Мама дазналася, што ў Гомелі жывуць нейкія далёкія сваякі. Аднаго разу на досвітку, калі ўсе сышлі на працу, яна пешшу выправілася ў абласны цэнтр. Каб ажыццявіць задуму, трэба было дабрацца да Лоева, а там ужо — параходам да Гомеля. У Гомелі знайшла прытулак у сваёй стрыечнай цёткі. Павел не ведаў, куды збегла жонка, а яна хадзіла па дварах, зарабляла тым, што выконвала тую працу, якую даручалі гаспадары. Адукацыі ў яе практычна не было — усяго чатыры класы царкоўнапрыходскай школы. Аднак пакрысе ўцягвалася ў гарадское жыццё. На адной вечарынцы пазнаёмілася з Сашам Бандарэнкам. Ён быў з сям'і чыгуначнага службоўца, вучыўся ў рамесным вучылішчы.

На пачатку трыццатых гадоў, як і сёння, у ВНУ для рабочай і вясковай моладзі былі ўведзены квоты. Гэтыя квоты распаўсюджваліся і на новага мамінага знаёмага. Аднойчы яго запрасіла начальства (ён ужо пачаў працаваць у дэпо) і пацікавілася, ці хоча ён паехаць у Мінск вучыцца на доктара. Саша наконт гэтага доўга раіўся з бацькамі. Яны на хлеб зараблялі фізічнай працай, а тут сыну прапановваюць стаць доктарам! Безумоўна, Сашавы тата і мама пагадзіліся.

А што мая мама? Яна зразумела, што для Сашы такой магчымасці можа больш і не быць, і пастаралася яму не замінаць. Расставаліся яны са слязьмі. Тады яшчэ падумалася, што яна са сваім каханым расстаецца назаўсёды.

Маленства без дзяцінства

Аднак праз некаторы час тата прыслаў маме ліст, у якім напісаў, што сумуе па ёй, не можа жыць без яе, і яна, шчаслівая, паехала ў Мінск. Для яе пачыналася новае жыццё. Уладкавалася афіцыянткай у рабочай сталоўцы — некаму ж трэба было працаваць, інакш не пражыць.

У 1931 годзе ў іх нарадзіўся сын. Назвалі яго Ігарам, а ў 1939-м на свет з'явілася я. Сям'я наша жыла ў інтэрнаце медінстытута, які тады месціўся на Ленінградскай вуліцы паблізу чыгуначнага вакзала. Калі нарадзілася я, тата ўжо скончыў ардынатуру і працаваў у ваенным шпіталі, што знаходзіцца ў цэнтры, на былой вуліцы Варвашэні (цяпер праспект Машэрава). Там яго і застела вайна.

Мінск бамбілі ўжо ў першы дзень. Тата дзяжурыў у шпіталі. Увечары 24 чэрвеня са шпіталя прыбегла ўся ў слязах медсястра і сказала, што наш тата загінуў, што ў шпіталі ідзе эвакуацыя і фашысты вось-вось уварвуцца ў горад, а нам трэба хутчэй уцякаць. Ужо значна пазней мы даведаліся, што падчас артналёту тата быў у аперацыйнай. Менавіта ў вугал гэтага будынка якраз і папала авіябомба. Няцяжка ўявіць, што там рабілася: грукат, пыл, крыкі, стогны. Высвятляць, хто ўцалеў, а хто загінуў, часу не было.

Мама адразу пачала збірацца ў дарогу. З сабой сабрала як мага больш рознай вопраткі — разумела, што даўдзецца мяняць яе на ежу. Прымацавала Ігару за плечы торбачку, узяла мяне на рукі, і мы пачалі выбірацца з палаючага горада ў напрамку Гомеля. Дабіраліся пераважна начамі. Удзень жа дарогу бамбілі фашысты, абстрэльвалі яе з самалётаў, бо па ёй адступала наша армія, ішлі бежанцы.

Дарогі былі перагружаныя. Часам хтосьці падсаджваў нас на грузавік ці драбіны. Гэтак мы дайшлі да Бабруйска. Там мама спрабавала сесці на цягнік і даехаць да Масквы. У горадзе жыў з сям'ёй родны брат таты Васіль, і мама спадзявалася на яго дапамогу. Але на вакзале нам казалі, што цягнікі да Масквы не даходзяць, за 150—200 кіламетраў пасажыраў высаджваюць і вяртаюць назад. Масква людзей не прымала.

Тады матуля вырашыла вярнуцца ў родныя мясціны: лес і балота выратуюць ад ворага. І мы пайшлі далей па трывожных ваенных дарогах. Ногі ў мамы і Ігара папухлі. Калі мы дабраіся да Гомеля, то там было адносна ціха, нашы зеніткі адганялі фашысцкія самалёты. Працавалі нават райкамы, пошта. Часовы прытулак знайшлі ў татавай сястры. Мама напісала пісьмо ва Уборак свайму роднаму брат — дзядзьку Міколу, і літаральна праз тыдзень

ён прыехаў на кані і забраў нас. Ад Гомеля да Уборак кіламетраў восемдзесят. У нашага дзядзькі быў досыць дабротны і прасторны дом, і немцы, калі наязджалі ў вёску, заўсёды спыняліся ў яго.

Пачатку вайны не памятаю, а вось час, бліжэйшы да вызвалення, прыгадваецца добра. Мне было амаль пяць гадкоў. Асабліва запомнілася ўборкаўская царква. Яна была вельмі прыгожая, прывабная. Мне здавалася вельмі вялікай, прасторнай, велічнай. Яе пазалочаныя купалы былі бачны адусюль.

З братам Ігарам адразу, як мы прыехалі, пачаліся непрыемнасці. Калі мы даведаліся, што тата загінуў, мама часта плакала і шмат расказвала пра яго. Я ж яго амаль не памятала. А ён у нас быў смуглявы, чорнавалосы. Бацькі яго з вёскі Бабовічы, што ў чарнігаўскім напрамку; паўвёскі жыхароў насілі прозвішча Бандарэнка. А Ігар надта быў падобны на бацьку — таксама смуглявы і чорнавалосы. Вельмі прыгожы быў хлопчык. З гэтай нагоды ў вёсцы было шмат гаворак. Казалі, што Марыін муж быў камуністам і, мусіць, габрэем, і некаторыя вяскоўцы называлі Ігара “жыдком”. Калі немцы ці паліцаі заходзілі ў вёску, то брата адразу хавалі далей ад вачэй. Мне ж, блакітнавокай і светлавалосай, нібыта нічога не пагражала, але вёска жыла ў заўсёдным страху.

Бліжэй да канца акупацыі неяк прыбегла да мамы жанчына, якая працавала прыбіральшчыцай на паліцэйскім участку, і ўсхвалявана сказала, што вёску могуць наведаць карнікі, а яна на свае вочы бачыла ў спісе на знішчэнне прозвішча нашай сям’і як сям’і камуніста і габрэя. Перад яе прыходам мы чулі страляніну. “Гэта паліцаі”, — патлумачыла жанчына, а на нашым падворку ў той час гуляла Тамара Курзіна. Жанчына сказала, што ўсіх Курзіных ужо забралі — нібыта ў іх хтосьці ў партызанах. Тамара, як пачула гэта, ірванула з двара. Мама схапіла яе і нікуды не пусціла. Так яна выратавала дзяўчынцы жыццё. Сям’ю ж Курзіных загналі ў хлёў і спалілі.

Дзядзька Мікалай, пачуўшы вестку, што мы ў спісе на знішчэнне, вывеў з хлява дзвюх кароў, загадаў маме збірацца і ісці ў Бурніцкія лясы — самую глухую мясціну Палесся. Дзяўчынку Тамару, а таксама двух сыноў дзядзькі Міколы мы ўзялі з сабой. Сам жа ён з жонкай і дачушкай

Ганначкай рушыў у кірунку балота: “Можа, хто і выратуецца,” — сказаў на развітанне, прывязаўшы да рукі другую карову.

Там, у лесе з векавымі соснамі, мы пражылі да глыбокай восені. Зрэшты, якое там жыццё? Пакутавалі. Спалі ў так званым курэні — будане з вялізнай адтулінай замест коміна. Навокал падобным чынам месціліся ўцекачы з суседніх вёсак. Шмат людзей. І курэні ставілі купкамі ў звыклым парадку, нібы паўтараючы мапу вёсак: Пракісель, Ваўкашанка, Уборак, Ястрабка. Дарэчы, карову-карміцельку мама прывязвала на ноч да нагі, каб не адышла, бо магі і партызаны пусціць на правянт. Яны часта наведваліся, як з суседняй Украіны, так і свае. Адноўчы прыйшлі і да нашага курэня. Маці хрыстом-богам маліла, каб не забіралі карову. Калі ўбачылі малых дзяцей, злітаваліся. А ў каго з уцекачоў па дзве каровы мелася, дык і размовы не было: адну абавязкова рэквізоўвалі. Дарэчы, маленькую Тамару ў хуткім часе забраў яе сваяк, намеснік камандзіра партызанскага атрада. І вось адноўчы сяджу я ў курэні. Бяжыць мама, ад радасці задыхаецца.

— Дачушка, — крычыць, — нашы прыйшлі!

Я думаю: “Якія нашы? Мо дзядзечка Мікола з цёткай Соняй?”

А яна: “Чырвонаармейцы ў лесе. Глядзі, чым пачаставалі”, — і дастае з пад ватоўкі бохан бялюткага хлеба. На сваёй памяці я такога ў вочы не бачыла.

Мама наліла мне малака (карова нас тады выратавала ад галоднай смерці) ды адамала ці не чвэрць бохана. Божа, якая гэта была смаката! Я ўпершыню адчула смак солі. Там, у лесе, усё елі несалёнае.

Тым часам маці тлумачыць: дачушка, наш Уборак ужо вызвалены; зараз будзем вяртацца ў вёску. Мо з паўдня кандыбалі мы туды з нашай кароўкай, а як падышлі — анямелі. Ніводнай хаты, толькі папялішчы. І ўшчэнт разбітая прыгожая царква, якая стаіць у мяне перад вачыма і оёння. Распавядалі, што як ішоў бой за вёску, на званіцы засеў фашысцкі кулямётчык. Метка касіў. І наша авіяцыя знішчыла не толькі кулямётчыка...

Людзям трэба было перажыць зіму, і вяскоўцы сталі капаць зямлянкі. Пазней гаспадарлівы дзядзька Мікалай паставіў хатку. Праўда, ужо не такую раскошную, як была

раней. Мама, цётка Соня і дзядзька Мікалай шмат працавалі: трэба было адбудоўваць не толькі сваё жыццё, але і калгаснае. І калі дарослыя збіраліся ў вольную часінку, то заўсёды ўспаміналі жыццё да вайны. Адночы завітала мясцовая варажбітка і адразу выдыхнула: “А муж твой, Марыя, жывы! Толькі побач з ім іншая жанчына”. І пачала мама пісаць усім сваякам. І ў Гомель, і ў Маскву — роднаму брату таты. Раптам прыходзіць ліст ад таты. Ён паведаміў, што знаходзіцца ў Германіі.

А здарылася наступнае. Авіябомба, якая папала ў вугал аперацыйнай, не ўзарвалася, толькі нарабіла шмат шуму і пылу, але ўсе засталіся жывы. І калі шпіталь эвакуіравалі, тата паспеў забегчы дадому, аднак убачыў замест яго вялізную яміну. Вядома ж, першая думка — усе загінулі... Потым службы ў хірургам у медсанбаце да апошняга дня вайны, дайшоў да Берліна.

...Неўзабаве нам замест пільмаў пачалі прыходзіць пасылкі. Праўда, ад голаду яны не ратавалі, бо ў скрынках мы знаходзілі дзіцячыя лялькі ды ўсялякую бялізну. Але цацкі выклікалі вялікую цікавасць у вяскоўцаў, бо яны нагадвалі некаторых “уборкаўцаў”. “Глядзіце, гэта ж Яўменіка, а гэта Васька Петракоў...”.

Праз некаторы час мама наважылася паехаць у Гомель, дзе жылі татавы сваякі. Пэўны час мы жылі ў яго сястры. Ігар пайшоў у школу. Раптам нам стала вядома, што ў горад прыбывае шпіталь для хворых на сухоты. Пасля вайны было шмат людзей з такой хваробай. Праз некаторы час да нас дайшлі чуткі, што галоўным урачом гэтага шпіталя прызначаны Аляксандр Парфірэвіч Бандарэнка. Гэта быў мой тата.

Чарговыя выпрабаванні

Потым мы даведаліся, што ў нашага таты другая сям’я. З Нямецкыны ён вярнуўся з жонкай і дзіцем. Для нас гэта было трагедыяй. Я тату не памятала, а вось Ігар адчуў шок — ён жа вельмі моцна быў прывязаны да бацькі. І, як вынік, закінуў вучобу, бегаў штодзень у бальніцу, паглядаў, чым займаецца тата, як ён пераходзіць з аднаго корпуса ў іншы. З цягам часу з дапамогай таты Ігара ўладкавалі ў рамеснае вучылішча, а мама пайшла

працаваць дэзынфектарам на Гомельскую чыгунку. Кватаравалі ў чужых людзей у маленькім пакойчыку. Татавы сваякі раілі маме не складваць рук, а змагацца за сваю сям'ю, за сваё шчасце.

Пакуль мы знайшлі гэты пакойчык, я, можа, з год жыла ў таты. Увесь час параўноўвала маму з яго новай жонкай. Мне падавалася, што мама значна прыгажэйшая. Але Кацярына Іванаўна была мудрая жанчына. Мяркуйце самі: як толькі яны прыехалі ў Гомель, яна нарадзіла другое дзіця, а неўзабаве — і трэцяе. А я ўвесь час жыла ў страху і трывозе, заўсёды чакала маму, але кожны яе прыход заканчваўся скандалам. Што да Ігара, то ён заўсёды быў галодны: у вучылішчы кармілі слаба. Ён забягаў да нас, каб хоць трохі падсілкавацца. Мы елі тое, што гатавалі ў “сухотнай” сталоўцы, для сваіх дзяцей жонка таты гатавала асобна. І вось калі ў школе рабілі манту, у мяне выявілі адпаведную рэакцыю на захворванне на сухоты.

Мама, калі я потым стала жыць з ёй, як магла старалася карміць мяне ўсім лепшым, хоць ёй было нялёгка — заробак простага дэзынфектара быў невялікім.

Кожны год на лета мама выпраўляла мяне ва Уборак — піць малако. Тым больш што там заўсёды поруч са мной была мая стрыечная сястра Ганначка, якую я вельмі любіла і якая потым стала маёй сапраўднай сяброўкай. Божа, як я любіла ездзіць туды! Вось дзе мне было раздолле!

Згадваецца такі момант. Старшыня калгаса аднойчы сустрэў нас, дзяцей, на вуліцы і сказаў: “Калі б вы замест бессэнсоўнага гойсання папрацавалі б трохі, я правёў бы вас на канцэрт — вечарам у клубе будуць выступаць артысты”. І мы вельмі стараліся, дапамагалі жанчынам на арфе. Завіхаліся, як пчолкі.

І што далей? Увечары сабраліся мы ля Уборкаўскага клуба, чакаем старшыню. Ён неўзабаве прыйшоў, аднак са сваімі дзецьмі, а нас нібы і не прыкмеціў. Гэта быў першы ў маім жыцці падвох з боку так званага “дзяржаўнага чалавека”. А ўборкаўскія хлопцы кінуліся на мяне з кулакамі: гэта ж я сагітавала ўсю вясковую дзятву на працоўны подзвіг. Хоць, калі падумаць, ці ўмясціў бы маленькі клуб такі вялікі гурт?..

Жыццёвы выбар

У школе мяне вельмі вабіў тэатр. Бегала ў драматычны гурток. Памятаю, ставілі спектакль “Юбілей” паводле А.Чэхава. Мне выпала галоўная роля. Мама з гэтай нагоды дэсыці прыдбала прыгожую доўгую сукенку. Менавіта тады я ўпершыню пачула апладысменты, адрасаваныя асабіста мне.

Пасля апошняга званка ў восьмым класе мы гулялі ў парку Паскевічаў на беразе Сожа. Было даволі цёпла, і хтосьці прапанаваў пакупацца. З дзяўчат адважылася толькі я. Даплыла да сярэдзіны ракі і адчула, што мяне прабралі дрыжкі, вярнулася назад. Мусіць, гэтае купанне і стала прычынай таго, што я захварэла на плеўрыт. А неўзабаве быў пастаўлены іншы дыягназ — сухоты. У маім арганізме пасялілася палачка — так мне растлумачыў тата. Лячэнне было вельмі сур’ёзным, мяне нават адправілі ў санаторый “Свяцк”, што на Гарадзеншчыне.

Але вучобу я не спыняла, і праз паўтара года (ці крыху раней) у мяне ўжо былі нармальныя аналізы. Між іншым, для таты мая хвароба стала шокам: у галоўнага ўрача сухотнай бальніцы дзіця хворае на сухоты! Ён вельмі перажываў, даставаў самыя эфектыўныя лекі.

Перажывала і я. Праз кожныя чатыры гадзіны мне даводзілася рабіць самой сабе ўколы. З татавай парадой я паступіла ў Гомельскае медыцынскае вучылішча. Захапленне тэатрам не прайшло, і я запісалася ў драматычную студыю Палаца культуры чыгуначнікаў. Менавіта там я сустрэла чалавека, які цалкам змяніў мой далейшы жыццёвы шлях, — мастацкага кіраўніка нашай драматычнай студыі, галоўнага рэжысёра Гомельскай тэлевізійнай студыі, заслужанага дзеяча культуры БССР Сяргея Паўлавіча Астравумава. Менавіта ён першы заўважыў у мяне задаткі тэлеведоўцы. Гэта дзякуючы найперш яму я стала той, кім стала.

Займаючыся ў драматычнай студыі, працягвала вучыцца ў медвучылішчы. Там я дапамагала рыхтаваць радыёгазету, і многія мае сяброўкі казалі, што мой голас гучыць натуральна, пяшчотна, прыгожа. Аднойчы ў так званым “чырвоным кутку” нашага вучылішча я пачула з маленькага тэлевізійнага экрана (здаецца, іх называлі тады

КВН), што Гомельская студыя тэлебачання праводзіць конкурс дыктараў. Гэтай абвестцы я не надала асаблівага значэння. Увечары прыйшла на чарговую рэпетыцыю, і Сяргей Паўлавіч параіў мне прыняць удзел у конкурсе. Мае пярэчанні пра медыцынскі інстытут (маё здароўе не дазваляла мне іншага — татава парада) яго не пераканалі. Маўляў: адно другому не зашкодзіць, паспрабаваць трэба.

І я адважылася. Падрыхтавала аповед пра сябе на беларускай мове — гэта была ўмова конкурсу, а таксама фрагмент з паэмы Някрасава “Княгиня Трубяцкая”. Калідор Палаца чыгуначнікаў, дзе праходзіў конкурс, гудзеў, як пчалаіны рой. Людзей — мора. Сярод канкурсантаў было нямала маладых прыгожа апранутых жанчын (пераважна жонкі ваенных). І гэта натуральна, бо ў ваколіцах Гомеля ў той час размяшчалася шмат вайсковых часцей. Я была апранута ў цёмна-сінюю сукенку з белым каўнерыкам.

Стаю ля акна, паўтараю тэкст. Раптам каля мяне прыпыняюцца дзве прыгожыя жанчыны, і я чую: “Мой сусед Шпанаў працуе рэжысёрам на тэлебачанні і сказаў мне, што калі на конкурс прыйдзе Бандарэнка, то нам тут рабіць няма чаго. Праўда, яна збіраецца паступаць у медыцынскі. Калі не перадумала, то ў нас ёсць шанц”. Пачулае мяне вельмі засмуціла. Душа мая паныла: я падумала, што прыйдзе яшчэ нейкая Бандарэнка. Нават і думкі не ўзнікла, што гаворка ідзе пра мяне. Я прайшла ўсе туры і перамагла.

Заканчвала медыцынскае вучылішча і бегала на вячэрнія праграмы гомельскай студыі, таму што дыктар Валя Шышкова пайшла ў дэкрэтны водпуск. Абласное тэлебачанне той пары вяшчала ўсяго каля трох гадзін, і праз мяне праходзіла ўсё: навіны, анонсы фільмаў, перадачы для дзяцей. За першы месяц працы на студыі я атрымала 1500 рублёў. Вядома, тагачаснымі грашымі. Калі я прынесла заробак дадому, мама расплакалася: мы з ёй такіх грошай ніколі не мелі.

Тата, калі даведаўся, быў катэгарычна супраць. Як я яго ні пераканвала, ён усё роўна хацеў бачыць мяне доктарам. Пазней супакоіўся і ўжо ганарыўся мною. Доктарам, і вельмі вядомым, стала мая зводная сястра Наталля, якая і дагэтуль працуе ў той жа сухотнай

бальніцы, дзе наш тата праслужыў галоўным урачом усё сваё жыццё.

Як я трапіла ў Мінск? У тыя гады не было магутных рэтранслятараў. Гамяльчане не мелі магчымасці бачыць тое, што адбываецца ў нашай сталіцы. І мінчане наўпрост не маглі ўключыць абласныя цэнтры. А тут меліся адбыцца дні культуры Гомельскай вобласці. Дзеля гэтага мне з рэжысёрам неабходна было прыехаць у Мінск і праз рэспубліканскае тэлебачанне расказаць мінскім тэлегледачам пра ўсё добрае, што робіцца на Гомельшчыне. Пасля майго паяўлення на сталічным тэлеканале на студыю паступіла шмат тэлефонных званкоў, асабліва тэлевізійнаму кіраўніцтву: тэлегледачы станоўча выказваліся менавіта пра вядучую дзён Гомельскай вобласці. Пра гэта я даведалася значна пазней, а тым часам мяне запрасіў на папярэднюю размову сам старшыня Дзяржкамтэта па тэлебачанні і радыёвяшчанні Васіль Пятровіч Несцяровіч, які прапанаваў пераехаць у Мінск. Аднак тады я была ўжо замужам і чакала дзіця. Вядома ж, прапанава аб пераездзе была для мяне прыемнай нечаканасцю, але я сказала, што патрыётка свайго горада і буду раіцца з мужам.

Мой муж, Генадзь Кап'ёў, працаваў інжынерам-канструктарам на "Гомсельмашы". Да жаніцбы (шлюб мы ўзялі вельмі хутка — праз два тыдні пасля знаёмства) ён жыў у заводскім інтэрнаце. І нам усім давялося жыць у адным пакоі камунальнай кватэры дома барачнага тыпу. Мама параіла для зручнасці перагарадзіць пакой фанерай. Неўзабаве ў нас нарадзіўся сыноч. Назвалі мы яго Сашачкам. Трэба было падумаць пра больш-менш зручнае жыллё. Генадзю, хоць ён і лічыўся маладым спецыялістам, нікай кватэры не абяцалі: з жылём на заводзе былі вялікія цяжкасці. Зноў па мацінай парадзе я пайшла да старшыні абласной тэлерадыёстудыі, аднак нічога суцэсальнага не пачула. А вырашыў гэтую складаную кватэрную праблему муж. Ён часта ездзіў у Мінск у камандзіроўкі. Аднаго разу зайшоў да В.П.Несцяровіча і расказаў, чаму я маруджу з пераездам у сталіцу. Старшыня камтэта толькі запытаўся, ці ў форме я. Сказаў, што я павінна прыехаць у Мінск і паказацца мастацкаму савету. У хуткім часе я так і зрабіла.

Яшчэ мушу нагадаць, што ў Гомелі я завочна вучылася на беларускім аддзяленні філфака Гомельскага педагагічнага інстытута. Пасля пераезду перавялася на філалагічны факультэт БДУ. Перагортваючы ў думках старонкі жыцця, пераконваюся ў тым, што ўвесь час я вучылася, і мае калегі таксама. Перыядычна нас пасылалі ў Маскву, на Шабалаўку, на курсы пры Інстытуце ўдасканалення работнікаў радыё і тэлебачання. У тэя гады ў Маскве з намі, дыктарамі, займаліся па шэсць і больш месяцаў. Мы прайшлі сапраўдную школу дыктарскага майстэрства. І з Масквы ў Мінск прыезджалі майстры сваёй справы Вольга Высоцкая, Юрый Левітан, Ніна Кандратава, Валянціна Лявонцьева, якія праводзілі на радыё і тэлебачанні майстар-класы. Упэўнена: калі хочаш быць прафесіяналам, ні на хвіліну нельга спыняцца на дасягнутым.

Жыццёвыя варункі

Калі я жыла ў Гомелі, мы з мамай не адзін раз ездзілі ў Грузію, дзе служыў у войску брат Ігар. Мама працавала на чыгунцы і мела права на бясплатны білет, і я — таксама, пакуль вучылася ў школе. З Ігарам адбылася вось якая гісторыя.

Калі надыйшоў час яму служыць у арміі, мама пайшла да сваяка і папрасіла, каб сына далёка не адсылалі. А тата, улічыўшы, што з Ігарам шмат клопатаў, папрасіў ваенкама, каб яго паслалі служыць як мага далей ад дому. І вось з “татавага клопату” Ігар праслужыў тры гады на поўдні Грузіі, і толькі напрыканцы службы яго вайсковую часць перавялі бліжэй да Тбілісі, дзе функцыянаваў завод танкавага ўзбраення. Таму менавіта ў гэтай часці выпрабоўвалі танкі.

У Тбілісі Ігар пазнаёміўся з рускай дзяўчынай Надзеяй, ажаніўся і асеў на сталае жыццё. Але яно не склалася. Пасля службы працаваў газаэлектразваршчыкам. Паслугамі яго працы шмат хто карыстаўся, а за працу разлічваліся вінном. З часам прызвычаіўся да спіртнога, нават лячылі яго, але нічога не дапамагло. Жонка не вытрымала, і хоць было двое дзетак, аднаго разу пасадзіла

Ігара на самалёт і выправіла яго ў Гомель. Так ён зноў апынуўся ў Беларусі.

Таты нашага ўжо не было ў жывых. Мама разумела, што Ігара нельга пакідаць аднаго. Так яны ўдваіх і жылі-дажывалі. Спачатку памерла мама, затым — Ігар. Я езджу на іх магілкі. Усе мае родныя пахаваны побач — мама, тата, Ігар, татава жонка Кацярына Іванаўна. У зямным жыцці было так шмат непаразумеўняў, а смерць усіх прымірыла. А мы, дзеці аднаго бацькі і розных маці, сябруем, часта сустракаемся і дапамагаем адно аднаму.

Замест эпілога

Часта пытаюцца, цікавяцца, якія ў мяне стасункі з тымі, хто зараз працуе на так званых “беларускіх” тэлеканалах, празваных у народзе “мясцовымі салянкамі” за падабенства і мешаніну з расійскімі праграмамі. Я іх не ганю, не дакараю, не ігнурую. Яны заложнікі рэжыму. У іх няма выбару, ім застаецца ці выканаць загад, ці адысці ад прафесіі. А зрабіць апошняе цяжка...

Аўтарскае пасляслоўе

Са спадарыняй Зінаідай мы гутарылі 22 сакавіка 2005 года. Я адразу папярэдзіў, што мяне не цікавіць бягучая палітыка. Бандарэнка распавяла пра сваё жыццё. Сама таго не ведаючы, яна падарыла мне ідэю зрабіць гэтую кнігу.

СТАНИСЛАВ БОГДАНКЕВИЧ

Да простит нас Юрий Бондарев, но монолог профессора С.Богданкевича действительно в некотором роде напоминает мгновения. Мгновения его жизни.

О детстве

Родился я даже не в деревне, а на хуторе Шаповал, что в нынешнем Воложинском районе, недалеко от железнодорожной станции Радошковичи. Рядом проходила польско-советская граница, так что я в некотором смысле «иностранец».

Отец был эдакий «разночинец». Для своего времени и для села достаточно образованный человек, поскольку учился в учительской семинарии. Его брат, соответственно мой дядя, её закончил, мой отец — нет, пришлось бросить. Дело в том, что деревня Семерники, где он жил, в течение получаса сгорела дотла.

Потом он окончил Варшавскую агрономическую школу. Занимался сельским хозяйством и работал учителем начальных классов.

Мой дед (его я не видел, так как он умер в сорок лет; бабушка прожила 99 лет) был бизнесменом, по нашим меркам, — перепродавал зерно из Белой Руси в Санкт-Петербург. Он умер внезапно. После его смерти родные наши много «керенок». Наверное, он их копил, но «богатство» очень быстро обесценилось.

Именно он взял кредит и приобрёл для своих детей у разорившейся графини кусок земли. Отец тоже у неё работал. Он был своеобразным гувернёром, то есть индивидуальным учителем.

Мне он рассказывал, что имел право бить её отпрыска за плохое поведение линейкой по рукам.

В семье было пятеро детей, я предпоследний, и мать всё время была домохозяйкой.

Начальная школа находилась близко, а потом пришлось ходить в школу в Дуброво, пять километров каждый день пешком. Её и закончил.

О пути в профессию

Мои родители переехали в Молодечно. Я поступил в Пинский учётно-кредитный техникум на ускоренные курсы. Учился там полтора года. Получил профессию банкира и работал в белорусских банках, то есть в разных отделениях Госбанка СССР. Прошёл все ступени.

Перебрался в Молодечно, где был начальником кредитного отдела местного банка. Потом дал согласие возглавить Клецкий районный банк. Затем меня пригласили в Белорусский республиканский банк Госбанка СССР начальником управления автоматизации банковских операций как человека, который знал систему изнутри.

В управлении появилось свободное время, и я написал кандидатскую диссертацию. Дело в том, что сразу же после техникума я заочно с отличием окончил Московский финансово-экономический институт, чем горжусь. Считаю, что самое лучшее образование — самообразование, когда человек штудирует первоисточники.

Один мой друг, с которым мы вместе учились в МФЭИ, к тому времени уже заведовал кафедрой банковского дела в нархозе, был кандидатом наук. И, вдохновлённый его примером, я тоже заочно окончил аспирантуру в Ленинграде. Там защитил кандидатскую, затем докторскую на тему «Кредитная система Белоруссии». К слову: докторскую диссертацию в классическом понимании я не писал. Зачем? Чтобы она пылилась в библиотеке? Защитился по совокупности опубликованных работ.

Я попал в «струю». Мои работы касались либеральной экономики. На тот момент среди большей части экономической элиты бытовало мнение, что плановая экономика при всех её плюсах является крайне неэффективной, неконкурентоспособной и т.д.

И ещё о самообразовании. Иностранный язык я изучал так: журнал «Новое время» тогда выходил на русском, английском, французском и немецком. Один и тот же текст. Разговорный у меня слабый, но я свободно могу пользоваться текстом на немецком языке. К

сожалению, он стал немодным, однако я решил не переквалифицироваться.

Что касается немецкого, то меня позвали в управление кадров Госбанка СССР и предложили поехать в Германию — занять пост управляющего нашим банком во Франкфурте-на-Майне. Выделили средства, чтобы я нанял репетитора и полностью овладел языком. При этом было поставлено одно условие: ехать туда без детей, ибо там нет русской школы. Отказался. Дети у меня были далеко не самыми примерными учениками.

Я отверг очень выгодное в материальном плане предложение. И, как позже выяснилось, не проиграл: стал председателем Национального банка Беларуси.

Заслуживает отдельного рассказа и моё назначение.

Мне предложили заведовать кафедрой банковского дела в нархозе. Дело в том, что мой коллега, профессор Сергей Семёнович Ткачук два срока подряд заведовал этой кафедрой и в третий раз не имел права баллотироваться, так как не стал доктором наук. Избрали меня.

А тут — полный суверенитет. Меня попросили возглавить творческую бригаду по разработке банковских законопроектов. Верховный Совет их утвердил. К сожалению, наше «полусоветское» руководство, возможно, испытывало чувство некой неполноценности. «Искать» руководителя суверенного Национального банка они поехали... в Москву. Там называли несколько фамилий. Первой была моя. В Москве очень удивились: дескать, Богданкевича мы готовы забрать, а вы не знаете у себя людей, которые подготовлены и могут сформировать банковскую систему на рыночных началах.

Меня пригласили к себе Николай Дементей и Роман Внучко. Не демократы, а партократы. Они предложили поработать в рамках созданных под моим руководством законов, то есть возглавить Национальный банк. До меня им несколько месяцев руководил Николай Владимирович Омельянович. Он профессиональный финансист. Я с ним беседовал, спрашивал, что случилось. Он сказал: «Клянусь, что сам ухожу. Это не моё дело».

О сыновьях и внуках

От первого брака у меня два сына. Моя жена, когда ей было около сорока лет, заболела раком и умерла. Это была страшная трагедия.

Мой старший сын Эдуард являлся одним из учредителей печально известной фирмы «Пиаск», которая занималась перевозкой грузов от Парижа до Урала. Когда начались наезды на меня, плотно взялись и за эту фирму. Даже пытались открыть уголовное дело, но никакого криминала найти не удалось, ибо его изначально не было. Сменилось шесть следователей.

В итоге фирму разорили. На мой взгляд, в ущерб интересам государства.

Возможно, именно по этой причине Эдуард так и не нашел себя. В том числе и в плане личной жизни. Честно говоря, последние месяцы я его не видел.

Антон работает в одной коммерческой структуре наёмным руководителем. Сегодня он директор. Подчёркиваю, не владелец. Какое-то время Антон работал в Чехии, знает язык, наладил связи с тамошними бизнесменами. Собственники фирмы предложили ему использовать всё это в Беларуси.

Я считаю, что сегодня у него всё нормально.

У меня много внуков. У Эдуарда две дочери. Обе учатся в гимназии. Младшая Яна — круглая отличница. Она над моим Павлом по-доброму издевается: дескать, вот как нужно. От второй жены у Эдуарда сын Владислав. Он ровно на год старше Павла.

У Антона дочка Надежда. Относительно недавно (полтора года назад) у него родился сын — мой внук Станислав Антонович Богданкевич. Второй.

Далее по поводу Павла.

Считаю, что допустил ошибку, отправив его в школу в таком раннем возрасте. 25 августа ему исполнилось шесть лет, а 1 сентября он уже пошёл в первый класс. Учится нормально. Сейчас перешёл в пятый класс.

О жёнах

С моей первой женой, Татьяной Титовой, у нас была очень хорошая семья. Татьяна окончила Вологодский молочный институт и приехала в Беларусь по распределению. Здесь мы и познакомились. Я к тому времени уже был старым холостяком. У нас с ней были идеальные отношения. К сожалению, она рано ушла...

После смерти Татьяны я не женился около пяти лет.

Нынешняя жена — Ольга Александровна Шибко. Я знал её ещё по нархозу: она работала на моей кафедре ассистентом. По характеру Ольга мне очень подходит. Я бываю эмоциональным, взвинченным, а она покладистая — компенсирует.

Вначале мы думали, что у нас ничего не будет, и тут вдруг она родила Павла. Конечно, он создаёт для меня определенные проблемы, но радостей больше. А «проблемы» вот какие. У меня есть друг, Анатолий Дудкин. Он отдыхает на даче, а мне нужно заниматься Павлом, так как жена работает, встречать его, более-менее контролировать. Но на самом деле это мелочи жизни. Наличие Павла вдохновляет.

Раньше в школе мне лишь говорили, что Павел отличается особой вежливостью и коммуникабельностью, со всеми дружит. Сейчас же он стал «нормальным».

О хобби и «вредных привычках»

Конечно, я занимаюсь не только экономикой.

Сейчас больше времени уделяю радио и телевидению, а вот раньше очень увлекался чтением. Перелопатил всю классику. Польскую читал в оригинале. Сейчас читаю в основном детективы и политическую литературу.

Люблю дачу. Не столько землю (участок запущен), сколько мастерить. Как и Павел. Он там все гвозди перебил. Пальцы — тоже.

Ещё мы копаем ямы. Соседи у меня спрашивают: что это будет? Я отвечаю, что мы хотим докопать до «центра земли».

Специфических хобби у меня нет. Пытались приучить к рыбалке, но безрезультатно.

По натуре я трудоголик. Когда выезжаю в санаторий, мне там скучно, особенно если только пить водку.

Курить я никогда не курил, а вот полным трезвенником себя не считаю. Являюсь «нормально пьющим», то есть тем, кто не злоупотребляет, но выпить может.

Сегодня посидеть в компании могу гораздо реже.

С Дудкиным, после того как его шунтировали, мы перешли на сухое вино, хотя иногда я могу позволить себе и рюмку водки.

О друзьях-товарищах

Мой самый давний друг — Владимир Куль.

Он пытался сделать партийную карьеру, но не сложилось. Работал в Клецке, потом вернулся в Молодечно, где похоронены его родители. Возглавил филиал завода холодильников. Настоящий производственник.

Сейчас ему больше 65, но он до сих пор продолжает работать. Когда-то мы жили в одной квартире, даже спали на одной кровати.

Второй мой друг — уже упомиавшийся Анатолий Дудкин, в прошлом заместитель председателя «Белпромстройбанка». Сейчас на пенсии.

Это самые близкие друзья.

Я много лет проработал в банковской сфере. Был жёстким, даже авторитарным руководителем, поэтому немного удивлен позицией многих моих сослуживцев: никто из них не отвернулся, когда Богданкевич попал в немилость.

Если брат «за пределами республики», то я очень хорошо знаком с Ющенко. Он бывал у меня, я у него. Могу также назвать Виктора Геращенко. Мне всегда было легко взять кредит для Беларуси.

Добрые отношения у меня сложились также с Шохиньм, Чубайсом, Гайдаром. Когда меня сняли с Нацбанка, поступили довольно заманчивые предложения из России.

Хорошо знаком с Лешком Бальцеровичем. По его приглашению читал лекции в Варшавском университете.

Председатель Национального банка Туркмении передал мне презент — огромную дыню. Таких вкусных и сладких я никогда не ел.

Авторское послесловие

Вначале интервью с Богданкевичем не получилось по очень уважительной причине — он болел. Через неделю я позвонил. Он сказал, что готов приехать прямо сейчас.

Мы встретились 16 июня 2005 года. Станислав Антонович пошутил по поводу бронхита и сказал, что уже сам ходит в поликлинику на процедуры.

Васіль БЫКАЎ

Маленькая прафесійная “хітрасць”

Нас пазнаёміла звычайная газетная памылка: я пераблытаў і напісаў, што фільм “На чорных лядах” зняў рэжысёр В.Тураў, а на самай справе гэта работа В.Панамарова. Апошні патэлефанаваў у рэдакцыю, і неўзабаве яны з Васілём Уладзіміравічам, які напісаў “Чорныя ляды”, прыйшлі да нас.

Скажу шчыра, у мяне і раней была задумка зрабіць артыкул з Быкавым, але ніяк не атрымлівалася. Ён у той час імкнуўся менш кантактаваць з журналістамі. Я прасіў вядомага рэжысёра Пташука, які зняў “Знак бяды”, зрабіць пратэкцыю. На жаль, гэта не дапамагло.

Такім чынам, Панамароў нас пазнаёміў, але Быкаў доўгай размовы не жадаў. Я знайшоў яго хатні адрас і на дзень народзін пісьменніка, 19 чэрвеня 1996 года, купіў букет руж і прыйшоў яго павіншаваць. Пазней я даведаўся, што ён вельмі добры і далікатны чалавек, таму проста не мог адмовіць.

У верасні адбылася наша амаль трохгадзінная размова. Потым яе надрукавалі “Свободныя новости”. Рукапіс недзе згубіўся, і я папрасіў знаёмую студэнтку журфака Маргарыту Андрэеву зрабіць у “ленінцы” копію артыкула.

Частку яго вы маеце магчымасць прачытаць.

Вытокі поглядаў

...Жыццё кожнага з нас пачынаецца аднолькава, але залежыць ад пэўнага гістарычнага часу, да якога адносіцца пакаленне канкрэтнага чалавека, канкрэтнай асобы. Я ўжо не аднойчы гаварыў, што час майго пакалення пачынаўся без радасці. Трыццатыя гады адыходзячага стагоддзя, на якія прыпала наша дзяцінства, былі амаль самымі драматычнымі і трагічнымі для лёсу беларускага народа. Эпоха пакут, сацыяльнай ломкі, росквіту камуністычнай тыраніі.

А што тычыцца менавіта Беларусі, краіны сялянскай, то для яе гэта быў перыяд сапраўднай нацыянальнай

трагедыі. У той час шмат разважалі пра нейкі рабочы клас, пралетарыят, але на самай справе ён тады знаходзіўся ў зародкавым стане. Аснову нацыі складала сялянства, сапраўдны генератар нацыянальнай свядомасці, развіцця культуры. Дарэчы, калі сёння гавораць пра крызіс беларускай мовы, то трэба разумець, што ён стаў вынікам менавіта крызісу сялянства. Адно залежыць ад другога: знікае сялянства — адыходзіць у нябыт і мова. Пралетарыят у тым выглядзе, у якім мы назіраем яго на працягу дзесяцігоддзяў, фармацыя іншамоўная, калі больш дакладна — рускамоўная.

Драматургія ўласцівая кожнаму гістарычнаму перыяду народнага жыцця. Але, як мне здаецца, трыццатая гады вызначаюцца драматызмам асаблівага роду. Гутаркі пра калектывізацыю, рэпрэсіі, адмаўленне ад асноўных чалавечых каштоўнасцей. Усё гэта, безумоўна, нейкім чынам паўплывала на мой характар, светапогляд, бо, як вядома, у маладосці закладваюцца асновы асобы чалавека, і потым менавіта яны адыгрываюць галоўную ролю ў грамадскім самавызначэнні кожнага з нас.

Часта пытаюць: калі з'явілася тое маё стаўленне да камунізму, якое пасля рэалізавалася ў творчасці? Заўсёды ў такім выпадку я адказваю: у адрозненне ад тых, да каго прасвятленне прыйшло пасля смерці Сталіна, выкрыцця культу асобы ці ў перыяд перабудовы, я не прымаў камуністычнай ідэалогіі амаль з дзяцінства. Некаторыя сённяшнія дэмакраты, у тым ліку і сумленныя людзі, расказваюць, як яны плакалі, калі памёр Сталін. Я не плакаў. Не плакаў, бо некалі чуў, як плакала мая маці, калі арганізоўваліся першыя калгасы. Здарылася гэта вельмі прыгожай раніцай: учора стварылі калгас, а сёння, на досвітку, забралі з хаты ўсе прыпасы, жывёлу, збожжа. Маці плакала не ад таго, што ў тую ноч дзіўным чынам змянілася яе сацыяльнае становішча, а ад таго, што праз некалькі гадзін існавання так званага калгаса не стала чым карміць дзяцей.

Мне было тады нейкіх дзевяць гадоў, і, зразумела, я не звязваў слёзы маці з палітычнай сістэмай. Зерне дзіцячых пачуццяў прарасло пазней, на новым узроўні маёй свядомасці. Пасля калектывізацыі пачаліся «класавая барацьба» і «раскулачванне». Гады ляцелі хутка, і я не

паспеў азірнуцца, як пачалі высылаць у Сібір маіх школьных сяброў.

Мая родная Ушаччына тады была памежным з Польшчай раёнам, і рэпрэсіі там праводзіліся ў самых агідных, здзічэлых формах. Людзей катавалі не толькі «спецыялісты» з НКУС, але і пагранічнікі. Урэшце, у маёй вёсцы, дзе тады было каля двух дзесяткаў двароў, арыштавалі шэсць сем'яў калгаснікаў, некалькі настаўнікаў, фельчара, аптэкара — карацей кажучы, усіх, каго можна было адправіць у сібірскае пекла. Іх называлі «ворагамі народа», польскімі шпіёнамі, але ніхто гэтаму не верыў. Бралі проста самых разумных, тых, хто мог паставіць пад сумненне вартасці афіцыйнай прапаганды. Дамоў ніхто з іх не вярнуўся, усе па нашым часе рэабілітаваны пасмяротна.

У маёй дзіцячай душы ўсё гэта адкладвалася нейкім не тое каб непаразуменнем альбо пратэстам, а вялікім каменем крыўды, які выкінуць з памяці ў наступным жыцці ўжо было немагчыма. Не раскрышыла гэты камень нават вайна.

Знешне мая крыўда ніяк не праяўлялася. Як і ўсе, я быў піянерам, камсамольцам. Як і ўсе, хадзіў строем. Іншага было не дадзена. У юнацтве яшчэ мог пагутарыць з некаторымі сябрамі на гэтыя тэмы, але з узростам зразумеў, наколькі небяспечныя такія размовы. Празмерная даверлівасць ламала лёсы людзей. Карныя органы не драмалі, паўсюдна вербавалі сваіх сексотаў. Нацыя вымірала. У людскіх сэрцах панавалі страх.

У арміі гэта праяўлялася больш яскрава. У кожным палку існавалі асобныя аддзелы, якія займаліся контрразведкай. Але я хоць і прайшоў усю вайну, ніводнага разу не чуў, каб яны выкрылі хаця б аднаго нямецкага шпіёна. Затое бачыў, як арыштоўвалі сяржантаў і афіцэраў за так званыя антысавецкія размовы. Ішло паляванне не на ворагаў, а на чыстыя людскія душы. Спрабавалі вербаваць усіх, і не толькі сярод вайскоўцаў. Урэшце ў сексотаў ператварылася амаль палова грамадства, таму няма нічога дзіўнага ў тым, што ідэі нацыянальнага адраджэння не сталі для народа яднаючымі. Савецкая ўлада гарачым жалезам выпаліла ў людзей каштоўнасці нацыянальнай свабоды. Сексотам не

патрэбна дзяржаўнасць, яны, як тыя пацукі, могуць існаваць толькі ў цемры. Нацыянальнае — ад Бога. На жаль, у сваім жыцці чалавек кіруецца не боскімі правіламі, а правіламі карысці. У большасці сваёй грамада не падтрымала адраджэнне, і вельмі значная «заслуга» ў гэтым належыць органам бяспекі. Чаму ў іншых дзяржавах былога Саюза атрымалася інакш? Таму што людзі здолелі захаваць нацыянальную свядомасць, нягледзячы на ўсе намаганні спецслужбаў.

Ваенная кар’ера не адбылася

Пасля вайны я не хацеў служыць у войску, усімі фібрамі душы імкнуўся да дэмабілізацыі. Не пускалі. Зразумела, служыў не вельмі ўзорна, таму адносіны з начальствам былі напружанымі: аб’яўлялі вымовы, саджалі на гаўптвахту. Адным словам, мае службовыя справы, мякка кажучы, пакідалі жадаць лепшага.

Потым служба нейкім чынам наладзілася. Напэўна, таму, што з часам я зразумеў: маладым мне войска не пакінуць. Змірыўся, стаў больш паслухмяным, і мяне прынялі кандыдатам у партыю. Заставалася канчатковая інстанцыя — парткамісія дывізіі. Напярэдадні мяне выклікалі ў асобы аддзел, але гутарка толкам не адбылася. Вырашылі вярнуцца да яе пасля парткамісіі. Дапамог Гасподзь Бог.

У красавіку 1947 года з Масквы прыйшоў загад аб расфарміраванні нашай дывізіі. У рэшце рэшт мяне звольнілі ў запас. Пашанцавала. Замест партбілета я атрымаў дэмабілізацыйны ліст і накіраваўся ў Беларусь, у Гродна, дзе працаваў у газеце. Аднак доўга гуляць не атрымалася. У 49-м выклікалі на зборы. Тры месяцы правёў у лагеры каля Гродна. Як звычайна: вучоба, стрэльбы, манеўры. Пасля, бліжэй да восені, вярнуўся ў рэдакцыю, узяў адпачынак. Дагуляць не далі: раптам выклікалі ў ваенкамат, дзе прачыталі загад міністра абароны, згодна з якім праз тры дні мне належала з’явіцца ў Слонім, дзе разгортвалася нейкая дывізія. У Савецкай Арміі ўласнае жаданне чалавека нікога не цікавіла. Пачыналася «халодная вайна», камуністы заўсёды ўмелі

знайсці сабе ворага. У хуткім часе я апынуўся на Далёкім Усходзе. Курылы. Сахалін.

Праз некалькі гадоў зноў было скарачэнне. Хрушчоўскае. І зноў са мной ніхто не гаварыў, не раіўся.

Людзі савецкай сістэмы ніколі не належалі самі сабе. Я не хацеў служыць ніводнага дня, амаль што месяц пісаў рапарты. Аднак далей за камандзіра палка яны не даходзілі.

Толькі аднойчы здолеў-такі прабіцца вышэй. Памятую, зімой былі выбары ў Вярхоўны Савет, і кандыдатам ад Далёкага Усходу вылучылі самога міністра абароны Маршала Савецкага Саюза Маліноўскага. Зразумелая справа — выбралі. А я як выбаршчык дэпутата напісаў яму ліст, дзе ў чарговы раз прасіў аб дэмабілізацыі. Адказ чакаў восем тыдняў. І вось аднойчы мяне выклікаюць у штаб дывізіі. Ад нашага палка да штаба трэба было ісці пяць кіламетраў уздоўж чыгуначнага палатна. Мароз пад трыццаць, завея, вецер у твар, а я ляцеў як на крылах, спадзяваўся...

Але... Начальнік аддзела кадраў стальным голасам астудзіў той запал, які не здолеў астудзіць мароз: міністр абароны даручыў нагадаць, што «служба в арміі — есть священный долг каждого гражданина». Маўляў, ганарыся: табе даверана «крепить обороноспособность нашей Родины». Я адказаў: «Слушаюсь», павярнуўся і пайшоў у «забягалаўку», пасумаваў і пацягнуўся назад праз снег і цемру выконваць «священный долг».

Па замене з Далёкага Усходу мяне накіравалі ў Беларусь, у артполк Лапічаў. А напрыканцы года Мікіта Хрушчоў пачаў першае скарачэнне.

Творчы лёс

Шчыра кажучы, у пісьменнікі я не збіраўся. У гады маёй маладосці літаратура не з'яўлялася той сферай дзейнасці, дзе было б магчымым нейкае сумленнае самавыяўленне. Тады патрабавалася пісаць пэўныя творы, іграць пэўную ролю, высвятляць пэўным чынам пэўныя тэмы. Да ўсяго гэтага я не дастасаваўся ні светапоглядам, ні выхаваннем.

Але пасля ў грамадстве адбыліся значныя змены, звязаныя з XX і XXII партыйнымі з'ездамі. Так, ва ўсякім выпадку, прынята лічыць у нашай навейшай гісторыі. З'явіліся нейкія магчымасці (у тым ліку і на Беларусі) больш праўдзiва адлюстроўваць грамадскае жыццё ў мастацтве, у літаратуры.

Мае першыя апавяданні былі надрукаваны ў «Вожыку» і ўяўлялі сабой, хутчэй, не гумар, а сатыру. Безумоўна, сатыру не на фундаментальныя рэчы жыцця грамадства, а на асобныя прыватнасці, як гэта тады было дазволена. Пазней бібліятэка «Вожыка» выдала тое асобнай кніжачкай.

Тады ж была надрукавана і аповесць «Жураўліны крык». У маю свядомасць вярнулася тэма вайны. Той вайны, што была мной пражыта вельмі востра, бо ў юнацкім узросце, як звычайна, усё перажываецца асабліва востра. А самае галоўнае, што паспрыяла далейшай творчасці, — мая чыста палемічная настроенасць. У пасляваенныя гады я не толькі не пісаў, але і чытаць не хацеў напісанае пра вайну. Канцэпцыя тады панавала прымітыўная: гераізм, барацьба з захопнікамі, кіруючая роля партыі. У літаратурным сэнсе гэта было мала цікава, а галоўнае — ніяк не ўпісвалася ў рамкі майго жыццёвага вопыту і праўды. Я бачыў іншую вайну.

А тут здавалася, што з'явілася магчымасць пісаць рэалістычна. Дарэчы, сацрэалізм заўжды менавіта да гэтага і заклікаў, але на самай справе баяўся рэалістычнасці. У той жа час з'явіліся творы маіх равеснікаў, расійскіх пісьменнікаў-франтавікоў (я маю на ўвазе Бакланова і Бондарава). Крыху раней — Някрасава, якога вельмі хутка прыдушлі. «У акопах Сталінграда» выдалі, а наступныя рэчы былі сустрэты літаральна вар'яцкім супраціўленнем. Калі нешта і друкавалася, то абавязкова з купюрамі і з адпаведнай негатыўнай крытыкай.

З гэтых аўтараў пачалася новая літаратура пра вайну. І на ўзнятай імі хвалі я напісаў «Жураўліны крык», «Трэцюю ракету», «Альпійскую баладу» і... «Мёртвым не баліць». Тут і пачалося. Калі першыя творы мелі вельмі станоўчую крытыку, то з «Мёртвых» усчалася вялікая літаратурная драма. Аповесць выйшла ў «Новом мире» на рускай мове ў

1966 годзе, якраз у той самы момант, калі генсек Брэжнеў пачаў вяртаць у партыйнае і грамадскае жыццё прасталінскія рэцыдывы. Два нумары «Новаго мира» з маёй аповесцю выйшлі ў дні работы чарговага з'езда КПСС, і рэакцыя не прымусіла сябе доўга чакаць. Даволі моцна тады папала і мне, і «Новаму миру». Спачатку ўзнялася на дыбкі расійская прэса, а потым і беларуская. Пасля былі пленумы, народныя сходы, «пратэсты» грамадзян, і аповесць прыкрылі. Аж да часоў перабудовы.

Недарэчнасці жыцця

Так адбылося, што я ледзь не “зрабіўся” мастаком. Нават вучыўся ў Віцебскім мастацкім вучылішчы. Знаёмы дзядзька з суседняй вёскі пасля грамадзянскай вайны прывёз з Сібіры шмат кніг, часопісаў, карцін. У часопісах я прачытаў пра Рэпіна, Каровіна, убачыў рэпрадукцыі іх работ. Спадабалася, паспрабаваў маляваць сам. Не магу сказаць, што мяне лічылі асабліва таленавітым, але ў вучылішча трапіў. У 1940 годзе, якраз калі святкавалі чарговы сталінскі юбілей, студэнтам тэхнікумаў адмянілі стыпендыі, і мне прыйшлося вярнуцца ў родную вёску.

А потым была вайна, якая ўнесла ў палітру майго жыцця зусім іншыя фарбы — крывавыя фарбы сапраўднага пекла. Скончыў другое вучылішча — Саратаўскае пяхотнае. З васьмідзесяці курсантаў, якія вучыліся разам са мной, толькі чацвёра засталіся жывымі.

Мяне, дарэчы, таксама пахавалі — у брацкай магіле ля вёскі Севярынаўка. Па сённяшні дзень там, на Кіраваградчыне, ёсць помнік, на якім сярод іншых выбіта і маё прозвішча. Гэта даволі вядомая гісторыя. У пачатку сорок чацвёртага, дакладней, у студзені, наш батальён вёў бой ля вёскі Севярынаўка. Нямецкія танкі на кукурузным полі «шліфавалі» нашы пазіцыі. Атака іх была нечаканай, адзін мяне ледзь не расплюшчыў. Тракі разарвалі шынель, паранілі мне нагу. Нейкім цудам дабраўся да бліжэйшай вёскі. Размясцілі з дзесяткам параненых у адной хаціне. Ноччу разбудзіў камбат, спытаўся, ці магу хадзіць. Я не мог. Раніцай немцы зноў атакавалі. Пад абстрэам выпаўз з хаты, байцы дапамаглі ўзлезці на апошнюю фурманку, якая вывозіла раненых. Літаральна на маіх вачах нямецкі

танк расстраляў хату, дзе я начаваў. Потым быў шпіталь, я трапіў у іншую часць, а камбат, які не ведаў, што мне пашанцавала выпаўзці са знішчанай хаты, накіраваў родным «пахаванку». Пазней памыліліся і тыя, хто ставіў помнік на брацкай магіле.

Дарэчы, такіх выпадкаў вядома нямала. Баі на Кіраваградчыне падрабязна адлюстраваны ў найбольш аўтабіяграфічнай маёй апавесці «Мёртвым не баліць». Той самай, з якой больш за ўсё здэкавалася партыйная крытыка...

Ад аўтара

Мы развіталіся, і я запытаўся ў Быкава, у чым, на яго погляд, сэнс чалавечага жыцця? Ён адказаў вельмі проста: “У тым, каб жыць”.

Александр ВОЙТОВИЧ

Все помнят, что он возглавлял Национальную академию наук, верхнюю палату белорусского парламента. Многие знают, чем он занимается сейчас.

Нам же Александр Войтович рассказал о своей жизни.

«Вот моя деревня, вот мой дом родной...»

Я родился в обычной белорусской деревне Рачкевичи, что на Копыльщине, 5 января 1938 года. Был пятым ребёнком в семье (с сестрой мы были двойняшками). Деревня Чигиря недалеко от нашей, моя бабушка родом оттуда. Дед её привёз. Как это получилось, не знаю. До того как Михаил Николаевич стал премьер-министром, я его не знал.

Мои первые воспоминания связаны с военным временем. В нашей деревне расквартировывалась какая-то немецкая часть. Солдат распределяли по домам. Мама не хотела, чтобы в доме ночевали чужие люди, и пошла на хитрость: она положила меня с сестрой на кровать и накрыла «коўдрай». Так называлось самодельное одеяло (полотно мама ткала сама): нижняя часть белая, потом идёт уже обработанное волокно, а верхняя часть украшена вышитыми квадратами. Это было зимнее одеяло. Лето. Очень жарко. Я всё время раскрывался. В дом вошёл немецкий солдат. Мама объяснила, что это тиф. Немец подошёл ко мне, положил руку на лоб. Наверное, я был очень горячим, и в нашем доме солдаты ночевать не стали.

Надо сказать, что в начале сороковых в деревне жило в основном поколение моего отца. Это было «доколхозное» поколение — трудяги, непьющие. Ровесники моего отца почти не употребляли спиртное. На праздники, свадьбы или крестины народ, конечно, собирался. В гранёные стограммовые стаканы наливалось спиртное, но большинство мужчин выпивало такую дозу за весь вечер. После «мероприятий» все шли домой совершенно трезвыми.

Это после войны у нас появился один пьяница. Он был в партизанах, часто «грелся» и пристрастился. Когда он

шёл, шатаясь, смеялась вся деревня. Об этом рассказывали потом целую неделю.

В годы моего детства деревенская семья была настоящей трудовой ячейкой. Работали все, не только отец с матерью. Каждый из детей тоже что-то делал по своим силам. Старшие хлопцы помогали отцам косить, возить сено. Я начинал с того, что пас свиней. Тогда так было заведено: свиней выгоняли, за ними нужно было присматривать. Потом я пас коров на летних каникулах. Всё лето. Ох, как не хотелось вставать рано утром!

Женщинам устанавливали нормы жатвы. Естественно, жали вручную, комбайнов не было. Если я не пас коров, то мама брала меня помогать в поле. Не скажу, что стал жнецом, но делать это умею.

Нормы были большими. Чтобы осилить, выходила вся семья: как говорится, и стар, и млад.

Косить мне не пришлось, потому что были старшие братья. Научился потом, во время учёбы в университете. Отец уже был пожилым человеком, а корову держали, и на зиму ей нужно было заготавливать сено.

Маленькие дети делали всё: помогали выбирать картошку, смотреть за огородом, «грасавать» сорняки, выращивать кок-сагыз. В Советском Союзе не было своего натурального каучука (искусственного, кстати, тоже), который требуется для производства резины — страна покупала его за границей. И вот придумали выращивать кок-сагыз: наши в Средней Азии какое-то растение, похожее на одуванчик (цветёт почти так же). Начали его культивировать и в Беларуси. В мои обязанности входило собирать семена: вешал на шею торбочку, ходил между рядами, собирал. Осенью нужно было выкапывать корни (из них добывали каучук), которые сдавались на переработку. Длилось это недолго, несколько лет. Думаю, экономически затея была нерентабельной, но рабочая сила в колхозе практически ничего не стоила, поэтому Сталин мог себе позволить подобное.

Зимой работы почти не было, но всё равно что-то приходилось делать: картошку, свёклу из погреба приносить, топить две печи, помогать сестре мыть полы. Думаю, таким образом детям прививалась привычка

трудиться, чтобы потом чего-то достичь в жизни. И это было очень хорошо.

В колхозе я «обгонял» картошку, возил снопы. Комбайнов, повторюсь, не было. Женщины жали, вязали снопы, а я возил их с поля в гумно. Сначала я только переворачивал сено и подавал его на подводы. Снопы нужно было правильно разложить на возу, чтобы донести до гумна, прижать жердью, которая называлась «рубель». Накладывали снопов много, чтобы часто не ездить, поэтому упаковывали их тщательно. (Когда-то наша деревня входила в панское имение Тимковичи, где жителям выделялись сенокосы. Сено заготавливалось пану и крестьянам. В колхозе это осталось.)

...Детей было много. Начальная школа, то есть первые четыре класса, находилась в Рачкевичах, а с пятого класса нужно было ходить за четыре километра в Тимковичи. Так вот, из нашей деревни со мной в один класс

ходили ещё 17 человек. Нетрудно подсчитать, сколько рачкевичских детей училось в Тимковичах.

К слову, многодетные семьи тогда были нормой. У моего дяди, который жил напротив, было шестеро детей, у тётки — четверо, у другого брата отца — пятеро. Всего двоюродных братьев и сестёр у меня насчитывалось 35. Недавно посчитал, сколько осталось сейчас, — 17. Половина...

Мой дядька Иван погиб на фронте, даже не успев жениться. Он был единственным из моих родственников, кто получил высшее образование — окончил университет и работал директором школы в Западной Беларуси в 1939 году. Когда началась война, он ушёл с армией и погиб под Вязьмой. В серии «Память» есть его фотография.

На Копыльщине довольно мало лесов. Они только на севере района. Дело в том, что со Слуцка на Несвиж и Клец тянется полоса очень урожайной земли, которая частично проходит по Копыльщине, поэтому там давным-давно всё используется под пашни. В нашей деревне лесов никто не помнит.

Реки возле Рачкевичей тоже нет. Единственной нашей «забавой» было болото. Туда стекали таёвые воды.

Мужики приспособились копать на болоте торф: леса близко нет, а топить чем-то нужно. Конечно, в лесу можно

было набрать дров на растопку, но оттуда далеко возить, потому и использовался торф. Его вырезали специальными резаками, сушили и жгли. В этом деле я тоже всегда участвовал, помогал отцу. Чем ниже копаешь, тем мокрее получается торф. Я складывал мокрые «кирпичи» сушиться. Между ямой и болотом всегда делалась «перегородка» из земли, чтобы успеть убежать от хлынувшей воды. Такие «дамбы» рушились часто, но трагедий не случилось. Старые ямы зарастали травой, получалась своеобразная «почва». Под ногами она уходила вниз, но, слава Богу, никто не погиб.

В свежевырытых ямах, залитых водой, мы ловили вьюнов.

До леса, где собирали ягоды, было шесть километров. За грибами шли семь километров в другом направлении — далеко, поэтому часто не получалось ходить.

Это сладкое слово «учёба»

Помню, как пошёл в первый класс. Мы писали карандашами в тетрадях, сделанных из обойной бумаги. Во втором полугодии стали писать перьевыми ручками (были ещё такие чернильницы-«неразливайки»). Наверное, тогда у нас не было учебников. Помню один случай: учительница писала на доске домашнее задание, а нам нужно было переписать его в тетрадь. Я наставил много клякс, намазал страшно. Все пошли домой, я же остался переписывать задание. Сестра меня ждала, чтобы вместе идти домой, т.к. школа находилась на другом конце деревни.

Никаких вопросов с моей учёбой не было. Читать я научился ещё до школы. До 1939 года в Тимковичах стоял пограничный отряд, располагались армейские склады. Когда немцы начали наступать, там ещё кое-что оставалось. Не знаю, кто и какую дал команду, но мужики пошли «разбирать склады», чтобы они не достались неприятелю. Мой самый старший брат побежал туда с коляской и притащил два мешка книг. Таким образом у нас дома появилась довольно солидная «библиотека».

Правда, мама частично сожгла книги, руководствуясь чисто «идеологическими» соображениями, поскольку

понимала, что может вызвать соответствующую реакцию у немцев. Но много книг осталось. Например, Майн Рид.

Ещё брат принёс тогда географическую карту Европы, которую мы повесили на стену. Я выучил эту карту досконально. По ней научился читать, поэтому к школе был абсолютно готов.

Учились мы в обычной деревенской хате, переделанной под школу. Огромное помещение. Вместе сидят первый и третий классы. Два учителя вели уроки сразу у всех: подойдёт учитель, что-то объяснит, даст задание одним, потом переходит к другим.

Перегородки сделали позже. Со второго класса мы уже занимались отдельно.

Помню один случай. Была весна, таял снег. В классе неожиданно потемнело, стало жарко. Кто-то стал стучать в окно и кричать, что школа горит. Мы похватали всё, что было под рукой, и выбежали на улицу. Потолок был только в помещениях, в сенях он отсутствовал. На головы падала горящая солома. Я успел схватить своё пальто с вешалки возле входа, а сестра нет. Тогда я вернулся в горящее здание и вынес её пальто.

После того как школа сгорела, мы учились в деревенской хате, которую кто-то сдавал на сезон. Помню, проходишь утром через кухню в комнату. В кухне хозяйка достаёт из печи чугуны с едой для своей семьи. Перепрыгиваешь.

Потом мы учились в Тимковичах. Математика у меня вообще «шла» очень хорошо. Не было проблем и с географией. Если учителю нужно было отлучиться с урока, он сажал меня на своё место и говорил, что читать и показывать на карте. В случае нарушения дисциплины рекомендовал «стукаць указкай па галаве», но делать этого не приходилось.

Физику выбрал, наверное, под влиянием брата, который когда-то принёс карту и книги. Поехал поступать в Минск, в университет. Тогда с золотой медалью экзаменов не сдавали, было только собеседование. Русского языка я почти не знал, говорил только на белорусском. Минские девчата, с которыми вместе учились, очень долго меня поправляли.

Запомнились поездки на целину. Тогда ещё никто не говорил про строительные отряды, мы просто ехали на уборку урожая. Один сезон там я проработал помощником комбайнера: чистил, смазывал всё в машине, заливал горючее, заводил. Стоять за рулём во время уборки комбайнер мне не разрешал. Комбайн таскал трактор, сам он только жал.

Университет я закончил с отличием. Меня распределили в Институт физики Академии наук.

В 1968 году защитил кандидатскую, в 1978-м — докторскую.

Метаморфозы карьеры

В 2000 году я возглавлял Академию наук. Меня избрали президентом на альтернативной основе. Я победил в первом туре и не думал заниматься чем-либо ещё, кроме научной и научно-организационной деятельности. Однако после того, как осознал все свои обязанности, понял, что невозможно эффективно влиять на научную политику в стране, строить инновационную систему экономики.

Приглашение к президенту стало приятной неожиданностью.

Кстати, в тот момент я находился в США. Когда в пять часов утра по местному времени в моём номере в Чикаго зазвонил телефон, мне очень не хотелось снимать трубку. Думал, кто-то ошибся, однако звонки продолжались. Я снял трубку и услышал голос помощника Лукашенко Макея. Он сказал, что нужно срочно приехать, так как президент хочет со мной встретиться. Я заинтересовался, насколько срочно, поскольку я и так бы скоро приехал — билеты уже были на руках. Он сказал, что вылетать нужно сегодня.

Я махнул рукой на всю мою оставшуюся программу, оставил записку для своих американских коллег, выпил кофе и поехал в аэропорт. Ровно через сутки был в Минске. Сразу же позвонил Макею: дескать, нужно побриться, умыться, так как я 24 часа в дороге. Он настоял на том, что следует приехать сразу же.

Александр Григорьевич предложил возглавить Совет Республики. Я ответил, что избран президентом Академии

наук, нужно посоветоваться с президиумом, ибо не хочу единолично принимать такое решение. Договорились, что на принятие решения у меня есть сутки.

Всё было, повторюсь, очень неожиданно. Собрал всех членов президиума, кого удалось найти в тот момент. Никто не выступил против. Наоборот, многие горячо убеждали меня согласиться. Они исходили из того, что, занимая такую высокую должность, я смогу более эффективно поддерживать науку. Кстати, в беседе со мной фактически то же самое сказал и президент.

Так я оказался в «политике». Поработав некоторое время, присмотревшись, понял, что у нас в стране практически никто ни на что не может повлиять — всё решает один человек.

Лукашенко несколько раз говорил, что будет со мной советоваться по поводу Академии наук, но этого не произошло. Декрет о реорганизации, закрепляющий решение о назначении президента академии, а не об избрании, как было раньше, готовился в огромной тайне. Ни один человек, у кого бы я ни спрашивал, не сказал, что видел этот документ в процессе подготовки. Я тоже его не видел.

Это был момент, когда мы окончательно разошлись с президентом.

Об уже принятом решении мне сказал тогдашний глава президентской администрации Латыпов. Он же озвучил фразу: «Если вы хотите остаться членом Совета Республики, то должны поддержать это президентское решение». Я понял, кто ранее произнес такие слова, ибо Урал Рамдракович подобного себе позволить не мог. Он лишь «ретранслировал».

Я сразу же сказал, что решение не поддержу и считаю его неправильным. Единственное, что могу обещать, — не прийти на представление назначенного президента Академии наук.

Вернувшись от Латыпова, я начал звонить президенту, чтобы с ним переговорить. Это был полдень. Прямая связь не работала, поэтому я позвонил в приёмную. Там сказали, что Лукашенко уже уехал в резиденцию, в Дрозды. В резиденции трубку взял дежурный офицер, представился. Я сказал, что хочу

поговорить с президентом. Он сообщил, что президент уехал играть в хоккей. Я попросил передать, что буду на рабочем месте до восьми часов вечера. Звонка не последовало, а утром уже был напечатан декрет.

В настоящий момент работаю в двух областях: первая — нелинейная динамика лазерных систем, вторая — физика наноразмерных структур.

Совсем немного о семье

С женой познакомился в институте. Она там работала после школы и училась на вечернем отделении. Зовут её Софья Ивановна. Она из простой семьи, родом из Слуцкого района. Отец Софьи нашёл работу в столице и переехал туда с семьёй.

По специальности Софья Ивановна тоже физик. Когда появились ЭВМ,

работала программистом. Сын Дмитрий у нас один (зато внуков трое: два мальчика и девочка), он окончил физфак, защитил кандидатскую диссертацию. Старший внук в прошлом году поступил в БНТУ, внучка после девяти классов поступила в колледж Минского лингвистического университета. Младшему внуку 12 лет, он учится в школе. Конечно, бабушка их очень любит.

Авторское послесловие

Александр Павлович Войтович пришёл ко мне в воскресенье, 31 июля 2005 года. В будние дни он занят работой, «двигает науку». К слову: по натуре Войтович трудоголик, что легко понять из его монолога. Этому можно только порадоваться, так как есть уверенность в том, что в рабочее время он не станет играть в хоккей.

ВЛАДИМИР ГОНЧАРИК

О поворотах служебной карьеры этого человека кое-что известно, поскольку все помнят, кем он был в 2001 году. И тем не менее мы решили ещё раз обратиться к этой теме с помощью самого Владимира Ивановича.

Обычное советское детство

О себе вообще-то трудно рассказывать. Родился в деревне Августово близ Логойска в конце апреля 1940 года. Записали 29-го, но это делалось уже после войны, поэтому по поводу точной даты моего рождения у родителей были сомнения. Мне почему-то не нравилось «1 мая» (был и такой вариант), и я стал апрельским. Отец по натуре был мягким человеком, работал сельским учителем. У матери образование восемь классов. Она отличалась боевым характером, трудилась в колхозе. В своё время возглавляла свиноводческую ферму. За тяжёлый труд была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Я вобрал в себя качества обоих родителей. Мне всегда было трудно наказывать людей, хоть подобного и требовали высокие должности. Решимость, активность передалась от матери: она умела справляться с пьяницами и тунеядцами.

Первые детские воспоминания связаны, конечно же, с войной. Отец в 1943-м ушёл в армию, до этого он был связан с партизанами. Мы жили на его родине, в Пуховичском районе. Нашим жилищем стала землянка. Как-то раз мать достала очень большой дефицит — иголку, и мне почему-то сильно захотелось втянуть в неё нитку. Иголка выскользнула из рук. Её долго искали, но так и не нашли. Мне попало.

Запомнилось, как гнали первых пленных немцев. Они сидели на брёвнах возле колодца, пили воду. Мы, пацаны, хотели посмотреть на эту диковинку, а охрана нас отгоняла.

По-настоящему впервые испугался уже после войны. Все страшилки тогда были связаны с немцами. Жали рожь. Мать за чем-то меня послала. Тогда везде валялось много амуниции, побитой техники. На окраине леса, возле

ржаного поля, я увидел немецкую каску. Ужас! Мать долго меня успокаивала.

И, конечно, самым главным воспоминанием стало возвращение с фронта отца. Мы с пацанами тогда сидели у костра. Мне сказали, что вернулся отец, но я не мог сообразить, что речь идёт о моём отце.

В детстве первый раз закурил. Были такие папиросы «Ракета», я прятал их в колыбели младшего брата. Мать нашла открытую пачку, серьёзно отругала. С тех пор не курю, а выпить могу — в хорошей компании с хорошими людьми. Раньше больше, сейчас меньше.

И ещё очень крепко запомнились два случая: когда «за колоски» арестовали женщину, мать троих детей (это были мои товарищи, их отправили в приют; только сейчас осознаю, какая это была трагедия) и когда подорвались мои друзья. Плакал навзрыд. Это произошло в 1961 году, я был тогда у матери. Они нашли снаряд и бросили его в костёр. Двоих парней из одной семьи убило сразу же, остальных ранило. Сам я в этом не участвовал, только слышал взрыв, но мать всё восприняла очень близко к сердцу, так как у нас была одна компания.

Всякой всячины тогда хватало. Помню, в пятидесятые годы в трёх километрах от нашей деревни на шоссе стояли подбитые немецкие танки. Мальчишки лазали по ним, добывали боеприпасы. Слава Богу, ничего не взрывалось.

Повороты учёбы и карьеры

Первые четыре года я учился в нашей начальной школе, а потом каждый день топал пять километров в Логойск, где было две средние школы — «русская» и «белорусская». Деревенские преимущественно ходили в «белорусскую». Закончил её и я с серебряной медалью. Сочинение писал о коммунистической партии. Чёрт меня дёрнул написать (наверное, из чувства большого уважения) слово «коммунистическая» с большой буквы. В облоно поставили четыре — ошибка есть ошибка.

Поступил в нархоз на отделение экономики сельского хозяйства. Окончил институт с отличием. На последнем курсе женился.

Направили на работу в Могилёвскую область, но у нас уже появился ребёнок, а мать жены была из Старобинского (ныне Солигорский) района, и я попросил переписать направление в те края. Так я попал в соседнюю Любанщину, в колхоз «10 лет БССР». Это легендарное хозяйство описано Янкой Купалой в поэме «Над ракой Арэсай». Очень интересные в историческом плане места. Там я проработал почти четыре года.

Молодёжи было много, меня избрали секретарём комсомольской организации. По списку в ней было более ста человек, но половина из них — «мёртвые души», в чём я скоро убедился.

Участвовал в художественной самодеятельности, играл в футбол, волейбол. У меня был второй разряд по лёгкой атлетике.

Первоначально меня хотели забрать в Минский обком комсомола, но мой начальник Иван Матвеевич Крицкий, очень волевой человек, поехал со мной в обком партии и «отбил». Александр Иванович Слобода, тогдашний первый секретарь местного райкома партии, все-таки сагитировал меня стать первым секретарём Любанского райкома комсомола.

В 1971 году мне сделали весьма лестное предложение — стать инструктором обкома партии отдела организационно-партийной работы. Тогда было принято «двигать молодых», но подобной чести удостаивались единицы.

Вскоре я стал вторым секретарём Дзержинского райкома партии, а через полтора года — первым секретарём Червенского райкома.

Наверное, этому помог случай. По характеру я склонен к аналитической работе (всё-таки экономист по образованию), во всём люблю порядок и обязательность. Как-то приехал по делам в обком, и заведовавшая кадрами Ирина Рысакова при встрече сказала мне, что там знают о моём желании продолжить учёбу. Она предложила поступать в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Я решил взять отпуск и поехать в Москву за месяц до вступительных экзаменов, чтобы получше к ним подготовиться.

Созвонился с бывшими «комсомольцами», чтобы всё разузнать насчёт поступления. Тогда была модной тема межхозяйственной кооперации. Стали создаваться первые сельскохозяйственные объединения. Я собрал литературу на эту тему, посидел в библиотеке, написал реферат, его с горем пополам напечатали. То, что получилось, отослал в академию. Оценили мою работу довольно высоко.

Вскоре меня вызвали из отпуска в обком и рассказали, что Рысаковой влетело. Дело в том, что тогдашний первый секретарь Иван Алексеевич Поляков имел на меня какие-то свои виды и ничего не знал про моё поступление, так как был в это время в отпуске. Инициативу проявили без него. Поляков задал крепкую взбучку, но принятое решение отменять не стал.

Кроме всего прочего нужно было сдавать английский язык, а у меня в этом плане знания были «как у всех». Готовился усердно, без преувеличения. Вступительные экзамены сдал на отлично. Не буду хвастать, но после окончания академии говорил на английском довольно неплохо.

Первоначально предполагалось, что я пойду на кафедру управления народным хозяйством, но Иван Федорович Суслов (мой будущий научный руководитель), известный аграрник, предложил идти к нему.

В то время гремело имя Первого секретаря ЦК Компартии Молдавской ССР Бодюла, который считался авторитетом в вопросах хозяйственной кооперации. А Суслову были характерны дотошность и скрупулёзность, такой скептицизм с тонкой иронией. Как настоящий учёный он всё подвергал сомнению. И выступая на научно-практической конференции, посвящённой 10-летию межхозяйственной кооперации, Суслов сказал, что в некотором смысле актуальная проблема является липой, а молдавская экономическая эффективность — всего лишь «игра цифр». По сути он был прав, однако это подрывало саму идею «поднятия» сельского хозяйства за счёт кооперации, и ему, конечно, досталось. Накануне моей защиты ему дали «строгача» по партийной линии и выгнали из академии. Я остался без научного руководителя. И вообще, в то время ученик мог пострадать за учителя.

Вскоре научным руководителем мне определили молодого парня, я был у него первым подопечным.

Во время распределения в ЦК КПСС у меня спросили насчёт оперативной работы. Я грешным делом уже подумал про соответствующие органы. Оказалось, речь шла о практической партийной деятельности.

В то время на первого секретаря Червенского райкома партии написали много кляуз, и мне предложили его заменить. Так в 1976 году я и попал в Червень.

Через год накатали «телегу» и на меня. Тому были причины. Я существенно омолодил кадры руководителей — председателем одного колхоза рекомендовал двадцатилетнего парня. (Кстати, время показало, что не ошибся.) Приехали проверяющие из Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Проверили и... предложили работать у них. Я отказался. Мне сказали открытым текстом, что таким образом я ставлю крест на своей карьере. Было также подано предложение доверить мне идеологическую работу в Минском обкоме партии. Пронесло.

«Первым» в Червенском районе я проработал более шести лет — это рекорд. Поступило предложение стать инструктором ЦК Компартии республики. Потом были другие должности. Меня рекомендовали вторым секретарём Могилёвского обкома, где я познакомился с Василием Севастьяновичем Леоновым. Мы жили в одном доме, поддерживали хорошие деловые отношения, часто вечерами вместе гуляли, советовались.

Профсоюзы — не ссылка

Слюньков вызвал меня на приём и предложил укрепить профсоюзы. Когда мне говорят, что это «почётная ссылка», никоим образом не могу согласиться с подобным утверждением. Ко мне не было никаких претензий по работе, что Леонов всегда может подтвердить. Да и было мне тогда всего 44 года, так что под общепринятый шаблон я не подходил по возрасту. Слюньков был грамотным, толковым руководителем, он пытался внести нечто новое, неординарное. Пример Леонова — наглядное тому подтверждение. Он ведь курировал сельское

хозяйство, а стал первым секретарём обкома партии. Обычно так не делалось.

Конечно, по моему лицу можно было много о чём догадаться. Слюньков посмотрел и всё понял. Позднее я узнал, что в его планах было сделать меня «первым» в Витебске, но этого не произошло.

Потом были известные девяностые годы. Сожалею, что мы не возглавили митинги рабочих на площади Независимости, ведь изначально было ясно, что «павловские» реформы добром не кончатся. Существовало мнение, что мы таким образом развалим компартию, но ей, как известно, ничего не помогло.

Тогда нам пришлось очень серьёзно подумать над ситуацией. Рейтинг профсоюзов в общественном сознании и так был невысок. В нас видели некий «собою», где можно получить путёвку, материальную помощь. Подобные вопросы мы действительно решали, кроме главного — защиты труда и повышения заработной платы, ради чего и существуют профсоюзы. Было мнение самораспуститься, но я исходил из того, что это не спасёт. Высказывалось предложение нас запретить, особенно рьяно за это выступал БНФ. У Позняка была идея создать «свободные профсоюзы», но я видел, что они не смогут раскрутиться по двум причинам. Во-первых, невысоко доверие к профсоюзам вообще; во-вторых — посредственные способности лидеров. В конечном итоге так и произошло. Кроме Геннадия Быкова назвать кого-то сложно. На волне демократизации много выносило на поверхность людей, которые оказались однодневками.

Семья профсоюзного босса

Женился рано, в двадцать с половиной лет. Жена Лиля стала настоящей «боевой подругой». Только переезжать нам пришлось девять раз. Дочь (у нас двое детей, она старшая) всегда по этому поводу плакала: дескать, что это за работа, если школы приходится менять так часто? Лиля никогда не была большим начальником. Самая высокая должность, которую ей пришлось занимать, — заместитель начальника районного управления сельского хозяйства. Лиля очень скромный человек. Сейчас

она на пенсии, «фермер», как и я. Кормим три семьи. Картошку, огурцы, яблоки, смородину, малину, клубнику никто не покупает.

Наш сын окончил политехнический. Работал на «Гранате». Сейчас занимается строительным бизнесом, он в доле с компаньонами.

Дочь окончила нархоз по специальности «товаровед промышленных товаров». Зять служил в милиции. Уволился по выслуге лет. Невестка преподаёт в колледже черчение. У нас трое внуков. Старший, Максим, в этом году окончил университет и пошёл работать.

Авторское послесловие

Бывший руководитель Федерации профсоюзов Беларуси, в 2001 году соперник А.Лукашенко на президентских выборах, а ныне просто пенсионер Владимир Иванович Гончарик пришел ко мне в день двадцатилетия свадьбы моего давнего друга, его однофамильца Андрея Гончарика — 10 августа 2005 года. Совпадение.

В.Гончарик не критиковал власть, как это всегда принято в оппозиции, хотя он прекрасно понимает, что происходит. Впрочем, как и многие.

МЕЧИСЛАВ ГРИБ

Так получилось, что с Мечиславом Ивановичем мы разговаривали за несколько дней до взрыва в Витебске, где он когда-то возглавлял милицию. Случайное совпадение, однако его рассказ будет полезен прежде всего тем, кто сегодня ищет злоумышленников.

Детство генерала

Родился 25 сентября 1938 года в деревне Савичи Дятловского района Гродненской области. Тогда эта территория находилась «под Польшей», так что если бы сейчас решался вопрос моего польского гражданства, я бы имел определённые преимущества: ровно год я был гражданином Польши.

Мои родители были крестьянами. Наша деревня была пригородной. Сейчас она слилась с Дятлово, но жители не хотят терять статус деревенских хотя бы потому, что имеют право владеть гектаром земли, а горожане — не больше чем десятью сотками. У нас в деревне не было помещиков. Отсутствовала школа, постоянный магазин, даже не было своей бани. Все вопросы мы решали в городе Дятлово.

В семье мамы было трое детей, но она очень скоро осталась одна: её сёстры умерли. В семье отца было шестеро детей. В таких крестьянских семьях всегда остро стоял вопрос, кому и сколько отдать. Обычно главным наследником считался старший ребёнок, который оставался «на хозяйстве», остальные дети разъезжались либо им «сплачивалась» их доля. В итоге все оставались бедными.

Отец считался грамотным человеком. Он окончил семь классов школы и поступил в училище в Вильно, где освоил профессию столяра-краснодеревщика. По вероисповеданию отец был православным, мама — из католической семьи. Тогда нельзя было вступать в брак, если молодые принадлежали к разным конфессиям. Обычно другую веру принимал тот, кто приходил в чужой дом. Так мой отец стал католиком, поскольку он пришёл к

матери в примы По словам матери, ему понравилась новая вера. Он был истинно верующим человеком, исправно молился, посещал все воскресные службы. А ещё отец хорошо играл на скрипке и руководил городским духовым оркестром в Дятлово.

Мама умерла в 2003-м, на девяносто первом году жизни. Она жила с сестрой в Новогрудке. Я любил её расспрашивать обо всём и слушать её рассказы, так как то, что писалось в наших книжках, часто не соответствовало действительности.

В 1939-м, если верить официальной пропаганде, нас освободили. Колхозов в нашей местности массово создавать не стали. Люди работали на своих участках и платили очень большие налоги.

Мама говорила, что «при Польше» тоже было трудно и приходилось много работать, но при «первых советах» стало ещё труднее, ибо налогами облагалось буквально всё. «Вторые советы» пришли после войны.

Мой отец не любил коммунистов и не верил им. Сложно сказать, чем бы всё это закончилось, но началась война. Из нашей деревни никого не успели призвать. Воевали только те, кто на тот момент был в армии. Мужчины днём работали, а по ночам прятались от партизан. Так и жили: днём немцы, ночью партизаны. Приходилось содержать и тех, и других, так как за малейшее сопротивление убивали.

В нашей деревне не было немецкого гарнизона. Он стоял в Дятлово. В деревне был только один полицейский. Его семья жила в городе, а к нам он приезжал наводить порядок. Однажды устроил засаду и убил несколько партизан, а также тяжело ранил крестьянина из соседней деревни, на чьей телеге он и приехал. Человек пострадал абсолютно безвинно. Его ранило в живот, он кричал, но никто не помог, так как люди боялись выходить из дома. К утру он умер. Полицейский погрузил тела на телегу и повёз в комендатуру в Дятлово. Через несколько дней партизаны выследили его и расстреляли.

С этим полицейским связана одна история, имеющая отношение к нашей семье. Братья и сёстры моей бабушки были очень красивыми. Один из братьев вернулся из Одессы, куда ездил на заработки, и начал свататься к

девушке. Оказалось, перешёл дорогу какому-то местному, и тот подговорил своего знакомого (будущего полицейского), чтобы тот разобрался. Он ударил брата моей бабушки ножом в живот, и тот умер. За убийство дали несколько лет. Он отсидел и вернулся в деревню. Младший брат убитого решил отомстить, купил пистолет и выстрелил. Попал в грудь. Раненого отвезли в больницу, он выжил, а «мстителя» отправили в тюрьму.

Во время войны бывало разное. Вначале к нам приходили местные евреи, которые прятались в лесах, чтобы не попасть в гетто и концентрационные лагеря. Они хотели есть и не нахальничали, люди сами давали им еду — картошку, сало. Вскоре начали приходиться партизаны. А потом появились партизаны с детьми. Они забирали всё подчистую. Был случай, когда такой «партизан» пришёл с ребёнком, вытряс всё, а мальчик и говорит ему: «Папа, мама говорила, чтобы ты нитки посмотрел». Поэтому моё отношение к подобным «борцам», мягко говоря, неположительное.

В какое-то время в деревне стало невозможно держать скотину — всё забирали. Однако крестьянам нужно было как-то кормить свои семьи, поэтому они покупали поросят и держали у своих знакомых в Дятлово. Так поступили и мы. Про нас кто-то «стукнул» партизанам, и ночью они к нам нагрянули. Всю семью поставили к стенке и начали выяснять, где кабан. Дед отпирался, но когда они дали очередь по верху голов и пообещали сжечь деревню, бабушка созналась. Деду приказали привезти кабана в пушу.

Выполнить приказ было сложно: поймают немцы — расстреляют за помощь партизанам, поймают «другие» партизаны — расстреляют за помощь не им. Таковы были реалии. Поэтому наклеивание нам позднее ярлыка «находился в оккупации» вряд ли можно назвать справедливостью. Тех, кто трудился в тылу, приравнивали к участникам войны, а мы несколько десятилетий отмывались.

Дед отъез того поросенка. По дороге нарвался на чью-то засаду, ушёл, его ранили в ногу, пуля пробила голень. Партизаны выдали ему справку, которой никто так и не

воспользовался. Рана начала гноиться. Через несколько лет дед умер.

Послевоенная жизнь

В 1944-м нас освободили от немцев, и мужчин начали призывать в Советскую Армию или Войско польское. Был еще один вариант: «по состоянию здоровья» отправляли на работы в шахты. Люди предпочитали идти на фронт. Из нашей деревни ушло 22 человека, возвратились трое, один из них вскоре умер от ранений.

Начались «вторые Советы», однако в лесах еще «партизанили» десять лет. Кто-то по идейным соображениям, кто-то просто грабил. Последнего партизанского командира по фамилии Гоман убили в 1954 году и привезли в милицию в Дятлово. Людей приглашали посмотреть.

В начале пятидесятых стали создаваться колхозы, как в «Поднятой целине», только в меньших масштабах. Приезжали из райкомов партии, собирали собрания, заседали по нескольку дней, так как люди не хотели идти в колхоз. Уговаривали, заставляли.

В нашей деревне организовали колхоз, пахотную землю у всех отобрали. Тех, кого не удалось «сломать», назвали единоличниками и нарезали им участки на окраинах колхозных владений. Через год снова попытались сломать. Не получилось, тогда землю у них и вовсе отобрали, то есть обрекли на голодную смерть.

Первый год был относительно нормальным. Колхоз кое-что выделял маме за труд. Потом его объединили с более крупным хозяйством (раз в десять крупнее) и стали «платить» только трудоднями (не меньше 330 в год). В конце года был окончательный расчёт, и мама принесла 15 килограммов зерна. Это за год работы!

Тех, кто не выполнял план по трудодням, жестоко наказывали. Обрезали приусадебные участки, чем обрекали на вымирание.

После войны семья расстрелянного полицейского вернулась в деревню (четверо малых детей). В колхоз их, естественно, не приняли, что означало голодную смерть. Возле их дома было колхозное гумно. Бригадир заметил,

что картофель там стал убывать. Сделали засаду и поймали мать этих детей. Ей дали десять лет «по указу от 1947», а детишек разбросали по разным детдомам.

За трудодни заставляли работать десять лет, паспортов у колхозников не было. Документы выдавались только в том случае, если человек уезжал на работу или учёбу. На их получение требовалось разрешение председателя колхоза, которого тоже наказывали за разбазаривание фактически бесплатной рабочей силы. Ни о каких пенсиях для колхозников речи не шло.

Часть людей жила в землянках, так как их дома сгорели во время войны. Да и в других полях были земляными. Но потиху строились...

Витебские дела

В школу пошёл в Дятлово. Каждый день приходилось ходить по три километра туда и обратно. Когда шёл в первую смену, было темно, возвращался после второй — тоже темно. Страшно. Дорога проходила мимо еврейского кладбища.

Где-то с седьмого класса пошёл работать. Сначала торф копал, потом работал подсобным рабочим на стройке, почталёном. Платили очень мало, но когда ничего нет, хороши и такие варианты.

Затем поступил во Львовское пожарно-техническое училище. (Через сорок лет там учился Андрей Климов.)

После трёх лет учёбы меня направили в распоряжение управления внутренних дел Молодеченского облисполкома, отсюда — пожарным инспектором в Плисский район в посёлок Посвилье (теперь эта территория разделена между Полоцким, Миорским и Глубокским районами). Позже мне выделили мотоцикл КА-750. Я отработал там три года и был направлен в Витебск. Увлёкся дознанием по расследованию пожаров и поджогов. Поступил заочно на юрфак БГУ. Раскрыл много интересных дел.

Вскоре предложили идти работать в милицию заместителем начальника Железнодорожного райотдела УВД Витебска. Через несколько лет повысили — стал заместителем начальника областного управления, затем назначили начальником Октябрьского отдела милиции

города Витебска (в то время, наверное, самого крупного в области отдела).

Поскольку милиция имела систему двойного подчинения, в начале семидесятых я стал депутатом райсовета, а потом и горсовета. В 1981 году меня «позвали» в Афганистан, но я не прошёл комиссию в Москве по причине мочекаменной болезни (тогда ещё с этим считались), и меня послали в Минск начальником управления охраны общественного порядка. Через четыре года тогдашний министр внутренних дел Виктор Алексеевич Пескарёв предложил мне возглавить УВД Минской области. На тот момент в Витебске произошли серьёзные кадровые перемены, «первым» стал Кобяк, который решил заменить руководителя областной милиции. В итоге мне пришлось вернуться в Витебск, хотя в Минске мне уже дали квартиру на Немиге.

В январе 1985 года я стал «самым главным» милиционером Витебской области. Сразу же начал заниматься «Витебским делом». Официально считались нераскрытыми 22 убийства. Вначале изучил материалы, а потом лично объехал все места преступлений.

Каждый день первый секретарь обкома партии, председатель облисполкома и министр внутренних дел докладывали по убийствам: в Москве это было «на контроле». Все стояли на ушах. Толком никто ничего не знал: действует маньяк-одиночка, люди боятся, паника. В Витебске многие женщины, которые работали в третью смену, боялись возвращаться домой в темноте.

Подключили буквально всех. Выянили, что одна из женщин садилась в «запорожец» красного цвета (через месяц её нашли убитой). Проверили все «запорожцы» области. В числе прочих вышли и на заведующего гаражом из совхоза «Полота» Полоцкого района Геннадия Модестовича Михасевича. С ним беседовал инспектор по делам несовершеннолетних. Отчёт он направил в мой штаб. В моём кабинете стулья были мягкие, с красной обивкой. Со временем её пришлось менять, так она «почернела». С такой интенсивностью работали.

Милиционер ничего не понял, а Михасевич понял всё и здорово испугался. Он написал анонимное письмо в редакцию газеты «Витебский рабочий» о том, что некие

патриоты Витебска выступают против коммунистов и «легалов» и скоро придут к власти. А если кто не станет помогать, то будет то, что произошло 30 августа (именно в тот день на участке дороги Витебск — Бешенковичи нашли трупы двух девочек). Это письмо передали в КГБ. Майор Швачко, видимо, не нашёл помощи у своего начальства и пришел ко мне. Вообще-то ничего экстраординарного в письме не было, поскольку о происшествии 30 августа население оповещалось. Смущало только указание точного места преступления. Решили проверить. Если первый раз просто опрашивали владельцев машин, то теперь я попросил представить их собственноручные объяснения. К Михасевичу тоже пришли. Он написал. В принципе, на него никто не думал: коммунист, секретарь местной партийной организации, дружинник, трезвенник, жена работает в магазине, двое несовершеннолетних детей — таких не подозревают.

Хочу сказать, что мы проделали довольно большую работу, провели графологическую экспертизу 600 тысяч образцов (у меня работало 22 графолога). Много было разных курьёзных случаев. Так, сразу подозрение пало на дежурного Первомайского отдела милиции. Дело в том, что именно 30 августа 1984 года он приехал в отделение связи, пошёл в туалет и повесился. Его откачали и по причине психической неуравновешенности уволили из милиции. К тому же у него был красный «запорожец». Почерк тоже был похож — так посчитал один из кэргэбэшников. На меня и прокурора очень сильно давили, в том числе и из Москвы, но арестовывать мы не стали. Женщин, которые работали в милиции, уговаривали быть «живцами». Риск был колоссальным, и я радовался тому, насколько смелые у нас сотрудницы.

Графологи сказали мне, что по некоторым признакам почерк Михасевича подходит. Я попросил их молчать и привезти ещё образцы из совхозной конторы и из Городка, где Михасевич учился в техникуме. Они вернулись и сказали, что никаких сомнений быть не может. На следующий день в воскресенье мы поехали его арестовывать. На месте Михасевича не оказалось. Решили дожидаться понедельника, когда он пойдёт на работу. Выяснилось, что он взял отпуск и собирался куда-то

уехать. Мой давний друг узнал, что Михасевич может быть у брата жены в деревне Горяни. Там мы его и взяли. Сопротивления он не оказал. Единственный нюанс: пока мы шли несколько сотен метров к машинам, он раз пятнадцать останавливался помочиться. Вскоре он во всём сознался: вместо 22 убийств рассказал о 43. В том числе назвал 13, которые считались раскрытыми и по ним уже были осуждены люди, а один (Гереня) расстрелян.

Кое-кто намекал, что лучше будет Михасевича убрать: дескать, все концы в воду. Но мы решили отдать его правосудию. Охраняли как зеницу ока. Прежде всего от родственников и знакомых убитых.

Невинно осуждённых освободили. Слепых, больных. Кому-то из них купили телевизоры, холодильники, кому-то дали квартиры.

К наградам нас не представили, хотя и обещали. «Витебское дело» постарались быстрее забыть. В некотором роде мы даже стали виноватыми. Мне задерживали генеральское звание. Министр так и сказал, что в Совмине и ЦК колет глаза моё «Витебское дело».

Через три года из бюллетеня КГБ я узнал, что за него кого-то наградили, но выяснить, кого конкретно, не удалось.

Авторское послесловие

Стать спикером Верховного Совета 12-го созыва Мечислав Гриб поначалу отказался. Уломали.

Мы разговаривали с ним 19 сентября 2005 года. Честно говоря, мне было неудобно напрягать столь почтенного по возрасту и положению человека. Он приехал ко мне буквально через несколько часов после телефонного звонка. Очень оперативно, что не удивительно, ведь он долго носил на плечах погоны.

ОЛЬГА ЗАВАДСКАЯ

Как и любая мать, она ожидает какой-либо весточки о сыне, хотя всё прекрасно понимает. Предлагаемый вашему вниманию монолог в некотором смысле может кому-то показаться спорным, но суть именно в этом.

Ольга Григорьевна стала «политиком поневоле», и потому её рассказ особенно ценен, так как говорит именно мать, а не те, кого мы видим на телеэкранах и митингах.

Почти счастливое детство

Ребёнок я послевоенный, родилась в апреле 1947 года в Киргизии, где служил мой отец. Он был юристом. Мне было восемь месяцев, когда мы приехали в Минск. С тех пор я живу здесь.

Послевоенные годы были трудными, но мы особой нужды не испытывали. Папа работал в Министерстве юстиции. Мама, как могла, помогала всем родственникам.

Закончила я сорок вторую школу в 1965 году. Мой брат старше меня на шесть лет. Он был режиссёром белорусского телевидения, так сказать, одним из первых поднимал БТ. Жаль, что так рано ушёл из жизни. Я его очень уважала. Он был для меня настоящим примером, чьё мнение всегда было довольно весомым. Порой даже авторитет родителей был меньшим.

Я сизмальства мечтала стать медработником. Моя мама в то время работала медицинской сестрой в процедурном кабинете во второй клинической больнице. Естественно, у нас в доме были шприцы для разных инъекций. Моего плюшевого медведя мама каждый вечер подвешивала за ушки, чтобы с него стекла вода — я училась делать уколы.

После школы поступала в медицинский институт. Неудачно. Провалила химию, так как знала её не очень хорошо. Год проработала в той же второй больнице на кафедре хирургии в лаборатории, где готовились материалы для кандидатских работ врачей, занимавшихся научной работой.

Со второго раза поступила в мединститут и в то же время успела выйти замуж.

Вскоре муж ушёл служить в армию. Служил три года. Я продолжала учёбу.

На последнем курсе, в 1971 году, у меня родилась дочь Лена — долгожданный ребёнок. Тогда не было никаких декретов, поэтому через несколько месяцев после окончания вуза я пошла работать.

Свою трудовую деятельность, как принято писать в анкетах, начинала в детской стоматологической поликлинике № 1, которая находилась напротив оперного театра. Спустя полтора года родился сын Дима.

По-прежнему не было никаких декретных отпусков. Поднимать детей помогали родители. Папа уже вышел на пенсию, и за Леной присматривал преимущественно он. Благо, она была спокойным ребёнком.

Я работала очень напряжённо: всё-таки своя семья, двое детей. Хотелось в материальном плане себя не сковывать.

Жили мы вместе с моими родителями, совсем недалеко от места моей работы.

Что касается жилья, то в жизни было всякое, в том числе и съёмные квартиры. Брат был женат на женщине, которая имела однокомнатную на Орловской. Периодически мы менялись жильём. В 1977 году, когда дети уже подросли, отец согласился на обмен квартиры. Мы разъехались.

С тех пор я живу во Фрунзенском районе Минска. Перевелась работать в седьмую стоматологию заведующей отделением.

Недетские проблемы

Через несколько лет мне предложили вернуться на прежнее место работы с повышением. Я согласилась, но длилось это недолго: при всей моей коммуникабельности мне не удалось найти общий язык с главврачом, да и с Леной возникли проблемы. Она, как говорят педагоги, «начала нарушать общепринятые в школе нормы поведения».

Я вернулась в седьмую стоматологию и попросила работу, связанную со школами, чтобы быть поближе к дочери. Это, конечно, помогло.

Так получилось, что Лена не стала дальше учиться. Она хотела быть парикмахером. В то время при технологическом техникуме были соответствующие курсы. Год мы готовились, занимались с художниками, но когда пришло время поступать, на курс парикмахерского искусства, к сожалению, перестали набирать учащихся.

Что же касается Димы, то из 32-й школы с углублённым изучением английского языка я его перевела, так как язык ему давался трудно. Два последних года сын учился в другом месте.

Помню, поначалу его не хотели брать, так как считалось, что из 32-й школы уходят только лоботрясы. Но поскольку меня знали, проблему удалось решить довольно быстро.

Впоследствии у Димы сложились хорошие отношения с директором школы.

Дима очень любил всякие концерты, дискотеки, директор школы доверяла ему радиоузел, все инструменты, и даже большие суммы денег для закупок каких-то вещей.

Очень любопытный момент: сын не был комсомольцем, но когда он выпускался, то получил грамоту от райкома комсомола. Диму уважали. До сих пор меня навевают его одноклассники...

Мне снова предложили повышение. С 1986 года я работала во второй стоматологической поликлинике заведующей отделением.

Что касается моей личной жизни, то она была счастливой на протяжении 24 лет. Потом появился третий человек. В нашей семье произошёл разлад. С мужем пришлось расстаться.

Мы остались друзьями. К сожалению, в дальнейшем жизнь у него не сложилась. Они с женой хоть и не расстались, но у них не всё гладко.

Он приезжает. Мы встречаемся. Растут внуки. Дед с ними видится. Внуков трое. Старший Юра, Димин сын. Ему уже 14 лет. Взрослый парень. Как сложится его жизнь, трудно сказать. Я надеюсь на лучшее и желаю ему успехов...

Поскольку мой брат работал на БТ, то Дима после школы пошёл на телевидение. По совету дяди он устроился помощником оператора. Работа у сына шла хорошо и, отслужив в армии, он снова вернулся на своё место.

Тогда же заочно поступил в институт культуры. Проучился семестр и бросил, хотя с учёбой всё было нормально.

В операторстве Дима продолжал совершенствоваться, получил свидетельство о повышении квалификации. Пять или шесть лет он проработал на БТ. Ему доверили снимать поездки президента. Он сопровождал его во время официальных визитов, даже во время отдыха.

Однажды сын сказал мне, что ушёл с белорусского телевидения и буквально с завтрашнего дня работает в корпункте ОРТ. Для меня это было чем-то экстраординарным. Я расстроилась и, всплеснув руками, произнесла: «Что же ты наделал, сынок? Разве можно просто взять и уйти с работы, где у тебя есть перспективы роста?»

Работу он очень любил, круг общения расширился, изменилось видение многих событий.

По характеру Дима молчун, лишнего не скажет. Всем известна история, когда его с Шереметом посадили. Полтора месяца тюремного заключения — тоже школа мужества своего рода.

Я уверена: там его ломали. После выхода ему требовалось какое-то время, чтобы адаптироваться. Наверное, неделю его буквально носило из угла в угол. Он был сильно возбуждён. Перед тем его освобождением в прессу дали информацию, когда он точно будет дома. В объявленное время Дима не появился. Мы его искали ещё сутки. Оказалось, после освобождения его поместили в гостиницу, в буквальном смысле слова под домашний арест. Приглашали туда корреспондентов, предлагали подписать какие-то бумаги. Он ничего такого не сделал. А по телевидению говорили, что Завадский якобы признал свою вину и покаялся. В действительности ничего подобного не было.

Когда он вернулся, то говорил мне, что готов лезть назад через тюремную стену.

«Чеченский след»

После этого его лишили аккредитации в Беларуси, а без работы Дима не мог, и поехал в Чечню. Там он был два раза и подолгу: снимал боевые действия.

Увиденное наложило свой отпечаток. Он не любил говорить на эту тему. Когда приезжал из командировок, на вопросы отвечал немногословно.

Подтверждал, что было страшно, что свистели пули. И не более.

А что касается рокового интервью «Белорусской деловой газете», то я думаю, что озвучивать в прессе подобное по своей воле он не стал бы. Увиденным и услышанным он поделился с Шереметом, а тот сразу понял, что можно сделать очень хороший материал.

Известие про его командировку в Чечню для меня было полной неожиданностью. Сын просто сказал, куда едет, у меня даже не было времени обдумать всю эту ситуацию. В любом случае я бы не противилась, так как это была работа сына.

Он с детства всегда принимал решения сам. Я старалась его не ломать. Во время учёбы в школе был такой случай: Дима решил идти с ребятами разгружать вагоны, чтобы заработать. Я не возражала, сказала только, что буду против, если он будет спать на уроках. На что сын ответил: «Всё будет нормально». И не соврал.

Из Ханкалы он звонил очень редко. Разговоры были короткими: дескать, жив, здоров, всё хорошо. Уже потом, просматривая кадры документальных фильмов, мы осознали, что он пережил и какие опасности ему грозили. Всё это снял он.

Конечно, моя душа разрывалась, но я понимала, что изменить что-либо невозможно...

Без работы Дима мучился, молчал, слонялся из угла в угол.

Я не согласна, что это была личная месть Игнатовича, по одной простой причине — слишком хорошо всё было организовано.

Дима любил рыбалку. Если после съёмок у него выпадало свободное время, он даже в пять часов дня мог пойти на ближайшее водохранилище с удочкой. Один.

Если бы кто-то хотел ему отомстить, таких возможностей было множество.

За всё время существования аэропорта Минск-2 не было ни одного случая угона машин. А тут вдруг исчезло старое авто (свой иск его владелец потом отозвал). Выяснилось, что на нём по доверенности ездили какие-то кавказцы. Сам хозяин вдруг оказался в аэропорту. Словом, клубок раскручивали без особого рвения...

Политик поневоле

Арест Димы для всей семьи стал стрессом. Как раз приехала в гости дочь, все сидели за столом, обедали, и вдруг звонок в дверь. Открываем, стоят молодые люди в штатском, у одного из них наручники, дверь подпёрли ногой. Они показывают повестку, причём в ней указан номер другой квартиры. Они там побывали и поняли свою ошибку.

Нам объяснили, что теперь уже никакой ошибки нет. Это было так неожиданно, что мы растерялись, и Дима спросил меня, что следует делать, хоть и понимал, что это предложение, от которого невозможно отказаться.

Может, это совпадение, но с утра у нас перестал работать телефон, а у меня были ключи от квартиры соседей. Хозяйка уехала на дачу и попросила меня поливать цветы. Это позволило мне позвонить на ОРТ (ребята в штатском подпёрли и ту дверь) и объяснить ситуацию.

Диму увезли, и мы трое суток не знали, где он. Обошли все адреса: пограничные войска, КГБ, МВД. Нас повсюду отфутболивали.

Только потом мы узнали, что сын находится в гродненской тюрьме.

Известие о суде в Опшьянах обрушилось, словно снег на голову.

Я понимаю, что исчезновение Димы используют в политических целях. И власть, и оппозиция.

Могу с полной уверенностью сказать, что Дима никогда осознанно не вникал в «большую» политику. Думаю, он хорошо понимал, что это достаточно грязное дело, ибо многое видел своими глазами. Скорее всего, он

где-то что-то случайно увидел или услышал, но мне очень трудно представить Диму, который публично высказывает свои политические симпатии. А то, что он очень «грамотно» исчез, говорит о том, что кому-то из политиков это было нужно.

Простит меня Бог, но я считаю, что никаких спекуляций не было бы, если бы власть не давала поводов для двусмысленности. Если бы не молчали те, кого многие годы подозревают в причастности к случившемуся, тема давным-давно была бы закрыта.

Я далека от политики, заняться ею заставили обстоятельства. Единственное, что я уже поняла: — это не самое благородное занятие. Любой политик использует имеющуюся у него информацию так, как ему выгодней.

Авторское послесловие

Мы разговаривали 28 апреля 2005 года. Ольга Григорьевна пришла в гости по моей просьбе с букетом жёлтых роз. Они очень долго не вяли.

Наверное, в этом есть что-то свыше, ведь я был хорошо знаком с Димой. Вместе мы ездили на рыбалку. Это было за месяц до исчезновения.

АНДРЕЙ КЛИМОВ

Ещё раз хочу подчеркнуть, что в отличие от некоторых не считаю Климова сумасшедшим. Как верно подметил один мой хороший знакомый, если бы Андрей предложил провести на Октябрьской площади концерт симфонического оркестра, можно было бы сказать, что у него «крыша поехала». Климов предложил «революцию». Это в его стиле. Впрочем, наш разговор совсем не об этом.

Андрею дали полтора года «химии». Он подал кассационную жалобу в Минский городской суд. Я решил воспользоваться тем, что его ещё не отправили.

Кризис номер один

Мне скоро сорок лет. Есть такое понятие — кризис среднего возраста. И сам по себе он воспринимается мужчинами весьма болезненно. А тут ещё и «революция». Плюс исчезновение Гончара, которого я хорошо знал, и смерть Карпенко. Отсюда и соответствующее настроение.

Итоги подводить ещё рановато, поэтому подчеркну: речь только о половине жизни.

Честно говоря, я жалею, что родился в СССР, в неполной семье, учился в «плохой» школе. Сожалею, что у меня не было настоящих друзей.

Даже годом рождения я не совсем доволен. Мне нужно было родиться в «средние века», во времена ВКЛ или в конце семидесятых — начале восьмидесятых прошлого века — тогда становление личности пришлось бы на жизнь в свободной стране.

Будем откровенны: это уже был не тот СССР, где за прослушивание «Голоса Америки» можно было серьёзно пострадать. Сейчас мало кто знает, что две башни около столичного кинотеатра «Мир», где сейчас установлены ретрансляторы сотовой связи, раньше были «глушилками».

Когда-то Пушкин тоже сожалел о месте своего рождения. Только сейчас, после второй «отсидки», я начинаю его понимать. Неординарному человеку сложно себя проявить в «не свое время».

Первые три класса школы я учился хорошо, потом пошёл в спортивную (занимался плаванием), куда меня определила мама. Два раза в день тренировки, хлорка разъедает глаза... Честно говоря, мне было не до учёбы. К тому же после тренировок я любил взять клюшку или футбольный мяч — и во двор. Это было с четвёртого по шестой классы. Учился я очень условно.

Потом, наверное, гены взяли свое — стал читать запоем. Мои предки по линии матери были интеллектуалами и созидателями — дворянами, которые затем превратились в буржуазию. Фамилия Пизоваровы. Весьма состоятельные люди, в своё время известные всей Украине.

Я рос без отца. Были три вещи, на которые мама никогда не жалела денег: фрукты, книги и отдых. К слову, о книгах. Я собирал макулатуру, сдавал, получал талончики на их покупку. Собрал около 2500 книг.

Во времена моего детства было модно слушать «Голос Америки». Мне нравилась группа «Пинк фloyd», особенно альбомы «Стена» и «Обратная сторона луны». Я застал бум «Машины времени». Мне также повезло, что в библиотеке подсунули солженищинский «Один день из жизни Ивана Денисовича».

В школе были довольно суровые законы. Они меня закалили. Практически на каждой перемене случались драки, доходило до крови.

Я благодарен пионерским лагерям, через которые прошёл. Там я научился играть на гитаре, написал своё первое стихотворение, первый раз поцеловался, научился стрелять из автомата Калашникова на «Зарницах», разжигать костры и любить природу. До сих пор слово «Родина» ассоциируется у меня с сосновым лесом, запахом смолы.

Наступил момент, когда мне нужно было определиться с поступлением. Я не был отличником, зато окончил курсы английского языка в ДОФе. Сносно знал иностранный. Выбрал МГИМО. Почему? Хотелось посмотреть мир.

В справочнике прочёл, что для поступления в МГИМО необходимо направление комитета комсомола. Я тогда ещё не знал, что это нарушение норм законодательства,

своеобразная уловка, чтобы отсеять всех, кто не относится к партийной элите.

В райкоме комсомола столкнулся с наглым самоуверенным хамством. Какой-то мальчишка сказал, что я никто, он меня первый раз видит, и «послал».

После этого я два месяца не выходил из дома, пребывал в глубокой депрессии. Успокаивал нервы тем, что читал «Проклятых королей» Мориса Дрюона. Откровенно говоря, ждал повестку из военкомата. Я очень хотел в Афганистан, умереть.

Наверное, мама почувствовала это. Рассказала про Львовское пожарно-техническое училище, поступление в которое хорошо тем, что не нужно служить срочную: лейтенантские погоны, профессия, а потом можно поступать куда угодно. Я согласился.

С училищем мне повезло. Львов в начале прошлого века был одной из столиц Австро-Венгрии. Я вдохнул воздух европейской цивилизации. В здании нашего училища когда-то находилась резиденция австрийских королей.

Жизнь ещё раз надо мной посмеялась. Училище я закончил с красным дипломом и получил направление в Минск. Отработал положенный год, пришёл в отдел кадров УВД Мингорисполкома за направлением для поступления. Своим ответом на вопрос о том, куда собираюсь поступать, вызвал, мягко говоря, недоумение. Мне так и сказали: «Ты что, парень, с ума сошёл?».

После небольшой заминки остановил свой выбор на истфаке БГУ. Это тоже было неординарно. Мне так и сказали: нам не нужны историки. Предложили поступать в Высшую пожарную школу. Я упёрся. В итоге пошёл на юридический факультет.

В пожарной части, где я служил начальником караула (изначально хотелось быть инспектором, чтобы ни от кого не зависеть), многое вызывало возмущение. Водитель пожарной машины приходит на работу пьяным! Я начал всех строить. Поначалу начальник пожарной части Макович ко мне присматривался с подозрением: дескать, что это за Шварценегер нашёлся? Как раз тогда набирала обороты борьба с пьянством, и он опасался, что я начну жаловаться. С ним мы скоро нашли общий язык, я стал для

него «страшилкой». Провинившимся он говорил: отправлю в караул к Климову...

Кризис номер два

Позже, когда я уже работал в пожарном управлении, мне довелось первый раз побывать за границей — в Польше. Судя по количеству бомжей и алкоголиков, которые ошивались вокруг нас на рынке, жили поляки немногим лучше нашего, но там я глотнул свободы. Вернулся и сразу же написал рапорт об увольнении.

Ушёл в бизнес. Не для того, чтобы стать богатым, а для того, чтобы быть свободным. И опять пожалел, что родился в такой маленькой стране. Для бизнеса нужен размах. Российский, а лучше всего — американский.

Когда понял, что вокруг происходит «не то», стал политиком. Мне открытым текстом сказали, кому следует платить, иначе буду сидеть. Я отказался. Сел.

В дни освобождения был по-настоящему счастлив. Казалось, начинается новая жизнь, но я ошибся. В ОГП выполнял роль статиста. Моё имя нужно, мои мозги — нет. Меня недолюбливали коллеги по партии: дескать, я нувориш, а они — нет.

Как слепой котёнок, тыкался по различным государственным инстанциям. В милиции обложили матом. Всюду давали понять: бывший зэк — бесправный человек. Я почувствовал, что снова хочу в тюрьму. Там я был более свободен, мог что-то требовать.

Очень горжусь, что смог добиться неположенные стол и стул, стал работать. На зоне строгого режима мог ежедневно ходить в библиотеку. Со мной здоровались воровские авторитеты. У них своя психология, в их понимании я «ломал власть».

«Нашёлся» Женя Огурцов, с которым мы написали несколько книг. Мне казалось, что они должны были объяснить моё мировоззрение. Вместо этого в журналистской и писательской среде поползли слухи о том, что «Климов покупает журналистов, он ничего не пишет». Одному из таких людей я предложил в редакции «Народной Воли»: «Запираемся здесь в кабинете, и я пишу главу о вас и при вас. Не стесняясь в выражениях. Если

это получится в том стиле, в котором написаны книги, я имею право, не опасаясь судебного преследования, публично плюнуть вам в лицо, и вы назовёте себя сволочью». Он ретировался.

Потом была история с эпизодом об «исчезновениях». Мне казалось, все знают, кто был организатором. Следователь прокуратуры говорит: «Вы ненормальный человек. Все нормальные люди считают, что так не может быть». Он предложил сделать психиатрическую экспертизу. После этого я перестал к нему ходить. Заявил, что экспертизу делать добровольно отказываюсь.

Любопытно, что в это же время меня начали травить коллеги-оппозиционеры. Вопрос: кто из нас помогает власти?

Я не жалею, что опять оказался в тюрьме. Мне Господь предоставил возможность подумать над своей жизнью. Только во второй раз оказавшись на Володарке, я понял, зачем живу и что вокруг происходит.

Толчком послужил приём, который оказали мне рядовые (не начальники) сотрудники. Они спросили: «Климов, что ты здесь делаешь?». Я назвал свою 342-ю статью. Они ответили, что по этой статье никто не сидел, и интересовались, что это такое. Я объяснил. И тут они произнесли слова, от которых мне стало стыдно: «Что же ты так плохо революцию подготовил? Никто ничего не знал. Мы бы сейчас жили в другом государстве...».

Чтобы не было кризисов

Предприятие Андрея Климова. Банк Андрея Климова. Газета Андрея Климова — это не мания величия. Дело в том, что на первом этапе «бизнеса» это было чисто коммерческим ходом, по аналогии с европейскими предприятиями на заре капитализма. У партнёров подобное должно вызывать доверие. Затем это был уже имиджевый ход. Кроме того, я думал о будущих наследниках.

Честно говоря, не ожидал, что в сознании многих произойдет своеобразный сдвиг. Советские люди в некотором роде закомплексованы. И то, что я не боялся называть своим именем бизнес-структуры, позволило

раскрепостить массу людей. Каждый человек — уникальность, индивидуум. Мы все понимаем: жизнь заканчивается смертью. Изначально человек, родившись, ведёт обратный отсчёт от того, что нам дано, к тому, что будет забрано. Смысл нашего существования — как можно быстрее проявить себя. Если бы этого не было, мы бы превратились в амёб.

Моё самое главное достижение в том, что я научился воспринимать людей такими, какие они есть. Благодаря этому жизнь моя уже состоялась.

О своей семье рассказывать не хочу по той простой причине, что являюсь политиком экстремального толка. Я против того, чтобы семьи были втянуты в политические разборки. Так получилось, что все мои родственники оказались сопричастными происходящему, а это небезопасно.

Авторское послесловие

Монолог Климова был записан 8 июля 2005 года. Когда он ушёл, я подумал, что это, пожалуй, самый молодой мой герой. Имеется в виду возраст, ибо сделать он успел много.

ПЁТР КРАВЧЕНКО

О приключениях нашего бывшего Чрезвычайного и Полномочного Посла в Японии хорошо известно, поэтому мы решили не касаться этой темы, а просто побеседовать с Петром Кравченко «за жизнь».

Что из этого получилось, судить вам.

Детство дипломата. Будущего

Я родился 13 августа 1950 года в городе Смолевичи, хотя реальным местом рождения является деревня Слобода этого же района. Мой отец в нелёгкие послевоенные годы был направлен туда по партийному призыву поднимать развалившийся колхоз. Времена были неспокойные. Мама рассказывала, что по лесам ещё бродили бандиты. Председателю выделили старый деревянный дом.

В семье было три сына. Старший, Михаил, умер. Я был самым младшим. Отца часто «забирали» на различные партийные мероприятия. Мать рассказывала, что ей нередко приходилось засыпать с топором в руках, так как запор на дверях был хлипким, а семья председателя всегда вызывала определённый интерес.

В целом же мои земляки были людьми добрыми. Кстати, Смолевичский район я не считаю своей родиной. Мы там жили всего несколько лет. Моя настоящая родина — Виленщина-Мядельщина: маленькая деревня Язвинки (по линии дедушки), что в пятистах метрах от местечка Куренец Мядельского района, некогда принадлежавшего Сапегам. Бабушка родом из деревни Русаки, что близ Княгинина. Это уже Мядельский район.

Отец родился в Лоевском районе Гомельской области, хотя род Кравченко во времена столыпинской реформы был вывезен в Сибирь. Во время войны отец служил в спецкоманде, задачей которой был захват немецких документов, прежде всего гестаповских. Он вспоминал, как в Витебске им удалось спасти очень много ценных гестаповских бумаг, впопыхах брошенных бегущими фашистами в топку печей.

Фамилия мамы — Милькото. Такая фамилия была практически у всех жителей её деревни. Кстати, бывший

министр жилищно-коммунального хозяйства — мой дальний родственник. Он удивительно похож на деда, только ростом дед был метр девяносто пять.

Благодаря историку профессору Рассадину мне удалось проследить генеалогическое древо своего рода до шестого — седьмого колена. Если мужские имена ещё знакомы, то женские абсолютно не похожи на современные, самое известное из них — Мальжбета.

Дед Сергей Васильевич Милькото (ему тогда было всего шестнадцать лет) женился на бабушке (ей тоже было шестнадцать) Александре Александровне Шиковец. Очень любопытным было сватовство. Русаки — глухое место. Тамошняя пуща не такая, как Налибокская или Беловежская, но всё равно довольно большая. Даже сейчас она тянется на сорок километров.

Дед долго думал над «аргументацией», так как бабушка была из состоятельной семьи. За ней давали солидное приданое. Дед был чернобровым красавцем, и сердце бабушки, когда она его впервые увидела, ёкнуло. Убедил её он очень просто: «Сашенька, поехали к нам. У нас весело. Чугунка проходит. Из окна будешь каждый день видеть паровоз».

В семье бабушки (четырнацать детей) все были очень музыкальными, она играла на лютне. Её любимый брат Пётр (в честь которого меня и назвали) в 1911 году уехал в Санкт-Петербург, стал офицером, был одним из первых русских лётчиков. Во время первой мировой войны его ни разу не сбили. Затем он стал заместителем коменданта Кремля. В 1937 году был репрессирован, его арестовали... из-за жены. Во время гражданской войны он женился на бывшей актрисе Императорского Мариинского театра. Её все называли «тётя Лёля». В 1920 году Пётр перевёз жену в Русаки. Среди её вещей был и очень редкий по тем временам граммофон, а также уникальная книга издательства Брокгауза и Ефрона — не знаменитые словари, а художественные произведения разных авторов, например, того же А.С.Пушкина.

Затем был заключён Рижский мир, и Русаки отошли к Польше. Границы как таковой ещё не существовало. Тёмной апрельской ночью в районе Долгиново Пётр на подводе перевёз жену на территорию Советской России. В

1936 году об этом вспомнили, кто-то «капнул». Через год его расстреляли...

В деревне я привык к труду и благодаря этому смог чего-то достичь в жизни. В четыре года уже пас гусей, потом свиней, коров, коней. В пять лет полон огород, в шесть — собирал лекарственные растения. Когда начал учиться, ни разу не ездил в пионерские лагеря, все каникулы проводил в деревне. Умею делать всю деревенскую работу.

Хорошо знаю, что такое «свирепянка». Так называют сорняк, который добавляют в корм скоту. Колючее растение, свирепое. Бабушка собирала его в «постилку». Мы всегда ей помогали, брали «постилки» поменьше. А ещё она очень хорошо пела и была знахаркой. Это передалось ей от её мамы. Помню, к ней довольно часто приходили разные люди и просили сделать «выписку». Что это такое? Берётся кусочек сахара или чёрного хлеба, бабушка что-то пишет на нём иголкой, молится и произносит слова, которые могут показаться абракадаброй. Знахарство — симбиоз христианства и язычества. Самое главное — помогало: дети переставали «писаться», кричать по ночам. «Выписка» выводила «рожу», чему я был свидетелем.

«Родился в рубашке»

О детстве можно рассказывать очень долго. Запомнились случаи, когда я чуть не погиб.

Мне было полтора года. Я выбежал на деревенскую дорогу, сел и начал играть в песке. Мама и бабушка сидели в ста метрах на скамейке под тополями. Красивое солнечное утро, и вдруг с горки срывается конь с возом и мчится ко мне на огромной скорости. Маму и бабушку «парализовало», добежать они не успевают, я опасности не понимаю. Удивительно, насколько лошадь умное животное: она расставила ноги, я оказался между колёсами и не понял, что произошло.

Спустя три недели после этого случая на меня упали ворота. Огромное белорусское гумно, массивные деревянные ворота весом в несколько пудов. Под ними я ползал. Никто не знает, что произошло. Безветренный день. Как незаряженное ружьё однажды стреляет, так и

ворота порой срываются с петель без чьей-то помощи. Вытащили меня из-под них без сознания. Страшные ушибы головы и тела, но есть Бог. Завезли в больницу, обследовали — ничего серьёзного. Через три дня меня уже выписали.

Ещё прошло время. Мама нарядила меня в красное. Я вышел играть на лужок. Никто не подумал, что там пасётся стадо индюков, и они меня рано или поздно заметят. Индюки истребляли мне всё лицо. Глаза, слава Богу, уцелели.

Я твёрдо уверен, что у каждого из нас своя судьба.

Расскажу ещё одну историю, которую я часто вижу во сне.

Мы очень любили играть в футбол, хоть мячи тогда были большим дефицитом. Наша деревня располагается недалеко от речушки с поэтическим названием Севач. Это балтское название, что ещё раз доказывает, откуда произошли литвины. Я придерживаюсь мнения, что литвины являются своеобразной смесью славян и балтов, что и составляет основу белорусского этноса.

Зимой позёмка сдувает снег с берегов реки и обнажается ровная, словно укатанное футбольное поле, земля. Для детей после долгих часов учёбы это просто чудо. Когда Севач полностью замерзала, мы играли самодельными клюшками в хоккей, естественно, без коньков. Когда появлялись полыньи, предпочитали футбол.

Помню, мне было лет восемь, плавать я не умел (научился только через два года после этого случая). Мы играли настоящим футбольным мячом, его мне подарил друг деда по партизанскому отряду, москвич по прозвищу Светофор. (Он был подрывником, отсюда и прозвище.) Мяч был тёмно-красный, кожаный. Зависти по этому поводу было много.

Естественно, после сильных ударов мяч летел в сторону реки и оказывался в полынье. Я его часто вытаскивал, старался быть первым, поскольку было заведено, что игру продолжает команда того игрока, который спасает мяч. По льду я обегал полынью, потом ложился на живот и шестом вынимал мяч из воды. Так было и в тот раз. Лежу, слышу, как подо мной трещит лёд, брат что-то кричит, но мне хотелось «рисануться». Мяч

оказался в моих руках. Я повернулся к своим, начал вставать и в этот момент провалился. Но не ушёл под лёд, а стал карабкаться. Выполз. Настоящий страх по этому поводу испытал много лет спустя, когда понял, чем всё могло закончиться.

Знания — сила

Мой папа строил дороги, поэтому мы часто меняли место жительства.

В первый класс я пошёл в Свири. Потом был Кривичский район, который упразднили, как и организацию отца. Мы переехали в пригород Молодечно, затем и в сам город. Таким образом, у меня было в разное время шесть классных руководителей и очень много одноклассников.

В Кривичах я играл в футбол и твёрдо решил стать профессиональным футболистом. Минское «Динамо» для меня тогда было чем-то святым. Появились первые телевизоры, и мы могли смотреть репортажи.

В 1963 году мама, которая тогда заканчивала кооперативный техникум, взяла меня на стадион. Я видел, как играл Хасин, и был счастлив. Потом произошла маленькая жизненная трагедия: я понял, что не стану профессионалом. Мне было 16 лет. Я рыдал.

К слову, это был очень урожайный на грибы год. Мы с братом дважды в день ходили в лес. Каждый приносил по пудовому (!!!) кошу белых. Свои первые часы я заработал именно тогда. Дед сдал сушеные грибы и получил за них больше 150 рублей. Тогда килограмм сушеных грибов принимали по девять восемьдесят, следовательно, мы насушили свыше 15 килограммов. Нетрудно представить, сколько их было сырых.

За «грибы» мы купили всё — школьную форму, учебники, велосипеды и т.д.

В это трудно поверить, но за день я двумя руками собирал пуд черники — это показатель деревенской женщины в самом расцвете сил.

Мне хотелось быть первым, и было приятно, когда той же бабушке меня хвалили. Кстати, она довольно хорошо готовила. Помню, пекла чёрный хлеб на лопухах. Свежий

хлеб, молоко или сливки, тёртая черника — вкуснотища! Вы пробовали такое блюдо: кислая брусника, залитая кипячёной водой, с горячей картошкой? Нет? А я пробовал. Очень вкусно. Это рецепт XIX века, к сожалению, теперь забытый.

Небольшой городок Кривичи включили в состав Молодеченского района. Само собой, Кривичский район упразднили. Это произошло, если верить полуполюгенде, по инициативе двух человек — Евгения Ивановича Скурко (Максим Танк) и Сергея Васильевича Притыцкого. Согласно народной байке, они собрались, и Евгений Иванович сказал: «Зачем так много районных центров и почему Мядельский район такой маленький?» Решили укрупнить. Сразу же появилась песенка с такими словами «Максім Танк і Прытыцкі прапілі раён Крывіцкі».

Позднее, когда мы уже подружились с Евгением Ивановичем, я поинтересовался у него, правда ли то, о чём говорят. Он очень долго смеялся и говорил, что всё неправда.

Мысленно возвращаясь в те годы, я вспоминаю неофициальные олимпиады-викторины. Суть их состояла в следующем. Я и мои друзья перечитали все романы Дюма, которые имелись в школьной библиотеке. Идя домой из школы, мы задавали друг другу вопросы, то есть просили назвать те или иные незначительные детали: например, названия населённых пунктов, виды оружия и военной формы. Это развивало память, внимательность. Подобные вещи я затем «перенёс» на истфак БГУ. Темой была история живописи. Бывало так, что знатоки по памяти могли назвать до пятисот картин. Таким образом, мы как бы окончили ещё один вуз.

Будучи министром иностранных дел, я включал в программы визитов обязательное посещение знаменитых местных музеев и галерей. Происходило это потому, что когда-то я прочитал книгу, которую рекомендую всем: мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Я увидел своими глазами то, о чём читал.

Впервые в антикварный магазин я попал в Вильнюсе, куда мы с мамой приехали покупать секцию. В антикварном я «заболел». Первую книгу купил за 15 рублей (не знаю, как мама дала такие деньги!).

Я довольно часто бывал в Вильносе: в Молодечно садишься на «Чайку», и через несколько часов ты уже в столице Литвы. Бродишь по старому городу, заходишь в букинистические магазины, покупаешь вкусный литовский хлеб, сыр и вечером возвращаешься обратно.

К слову, уже студентом я съездил во Львов, Ригу, Таллинн. Срываться куда-нибудь было моим хобби. На четвёртом курсе, получая стипендию Карла Маркса (100 рублей. Кравченко тогда был единственным подобным стипендиатом в республике. — **Прим. авт.**), я мог себе позволить поехать на выставку экспрессионистов и двенадцать часов простоять в очереди, с перерывом на вокзальную ночёвку.

Вопроса, куда поступать, по большому счёту, не было. Все вокруг, и я в том числе, понимали, что это будет только исторический факультет. История моего поступления интересная и поучительная. Кто-то мне подсказал, что есть заочная форма подготовки к поступлению. В начале десятого класса я написал в БГУ, мне пришло контрольное задание. Эта форма обучения была платной: нужно было перечислить 12 рублей 50 копеек, за семь месяцев написать четыре контрольные и прибыть в Минск на месячную подготовку.

Я посчитал такой вариант подходящим, так как сразу поступить на истфак было практически невозможно (десять человек на место). Реальный же конкурс был сорок человек на место. Набирали-то немало — 125 человек (пять групп): 60—70 «медалистов», остальным оставалось 40—50 мест, а желающих было несколько тысяч.

По первой контрольной я получил четыре с плюсом, что меня сильно заело. Я пошёл в библиотеку, взял все учебники за первый курс истфака и проштудировал их. Остальные три контрольные работы были оценены очень высоко.

На вступительных экзаменах нужно было сдавать четыре предмета. Я понимал, что меня спасут только двадцать баллов. Первые три я сдал на пятёрки и узнал, что последний, историю, будет принимать сам декан факультета Пётр Захарович Савочкин. Он смотрел, чтобы не было блатных и взяточдателей (поступление стоило дорого). Савочкин увидел мои оценки и подумал, наверное,

так: парень из Молодечно, следовательно, здесь может быть что-то нечисто.

Я отвечал ему то, что было написано в вузовском учебнике, то есть то, чего не проходили в школе. Он «пытал» меня минут сорок, потом, не говоря оценку, попросил позвать того, кто за меня болеет. Я привёл маму (она ждала на улице). Меня попросили погулять, а маму поздравили и сказали, что по уровню знаний меня можно зачислять сразу на второй курс. Она, естественно, расплакалась от счастья.

Мы сели в электричку, и я стал жевать (перед экзаменом абсолютно ничего не ел) дефицитную докторскую колбасу с помидором. Но проглотить эту вкуснятину не смог — на нервной почве у меня случился приступ почечных колик.

Потом в моей жизни было много учёбы. По большому счёту, я и сейчас учусь, когда читаю книги.

Авторское послесловие

Поговорить с П.Кравченко мне посоветовал Саша Федута, который рассказал такую историю. Он писал свою очередную книгу и часто бывал в Ленинке. Сотрудники поведали, что тайком наблюдали за ним и ещё одним человеком, который всегда брал много книг. Этим «вторым» был именно Пётр Кузьмич Кравченко, который навестил меня 5 сентября 2005 года.

ВАСИЛИЙ ЛЕОНОВ

Все помнят, как министра продовольствия и сельского хозяйства арестовывали прямо на его рабочем месте, превратив всё это с помощью телекамер в своеобразное шоу. Однако наш сегодняшний разговор не о политике, а просто о жизни Василия Леонова.

Ничто не чуждо...

Выражение «скурил первый букварь» ко мне неприменимо по одной простой причине: впервые я закурил ещё до школы. Были такие папиросы — «Шахтёрские».

Нас освободили в октябре 1943 года, а родился я в апреле 1938-го. Естественно, рядом со мной были те, кто выше и на голову, и на две. Курили с малолетства, прячась в кустах. Благо, их вокруг нашей деревни было много. (Деревни Дубеец не стало после трагедии в Чернобыле.)

Курильщики старшие заставляли, в противном случае били по зубам. После первой-второй папиросы вытягивало душу, после третьей ты уже привыкал. Очень простая метода.

В школе курили все пацаны, с первого по десятый класс. Курили в «скворечнике» — так называли туалет, который располагался отдельно от здания школы. Учителя туда не ходили. Во время перерыва из туалета валил дым, но они этого не видели.

В школу носили махорку, табак. Курящих девочек не было.

С алкоголем связана отдельная история. Праздники, отмечавшиеся тогда людьми, почти все были религиозными: Пасха, Радуница и т.д. Наливали самогон и пили и дети, и взрослые. А отдельно мне мать налила, когда мне уже было лет десять. Тогда я справился с чисто «мужской» работой — зарезал овцу и разделал её.

Праздников ждали, и я в том числе, потому что можно было хорошо и вкусно поесть, особенно весной, когда съестные запасы заканчивались. Вкусно — это яичница, сало, колбаса. В остальное время такого изобилия

не было. На Пасху я обходил одну тётку, вторую, крёстную мать (крёстный отец жил в восьми километрах), собирал красные яйца. Два яйца — это уже было «круто», а если ещё и колбаса, которую мать всегда приберегала к Радунце (она тушила колбасу и заливала её горячим свиным жиром), то получалось настоящее пиршество.

В магазин за колбасой мы не ходили. Она была своя. И вообще, стандартный заводской белый хлеб я попробовал, когда окончил семь классов. Летом 1953 года я получил травму ноги (работал плотником, устал, ошибся и ударил по ноге топором) и попал в больницу. Мне налили сладкого чая из большого алюминиевого чайника и дали кусок белого хлеба. Было очень вкусно.

В тринадцать лет я уже был главой семьи. Косил, рубил, пилил и обеспечивал мать сухими дровами, как это было заведено отцом. Она мной очень гордилась.

Семья у нас была большая — пятеро братьев и сестра. Братья ушли на фронт и не вернулись. В живых остался самый старший брат, но после войны он сразу женился, и ему было не до проблем матери.

Эта оригинальная память

Хорошо помню обряд своего крещения. В 1941-м, когда пришли немцы, мне было всего три года, но это особое событие. Оно связано со страхом, переживаниями.

Все из деревни перебрались в лес. Деревня осталась пустой. Она стояла в километре от большака Краснополье — Костюковичи, а лес был в двух километрах.

В нашем регионе войны, в смысле боевых действий, не было. Пацаны смотрели с опушки леса на проезжавших на грузовиках немцев. А за день до этого в нашем доме останавливались на ночёвку офицер и двое солдат Красной Армии — последние наши отступающие. Утром мать кормила их картошкой.

Помню, как офицер стрелял из пистолета по воронам. Теперь понимаю, что это был хороший стрелок.

Не забыл, как приносили первые похоронки. Женщины голосили. Это страшно. Такие эпизоды врезаются в память.

После освобождения я пошёл в первый класс. Начальная школа находилась в двадцати метрах от нашего дома. Запомнилась первая учительница, но впечатление оставила также и учительница русского языка. Это были две женщины, которые за меня особенно переживали.

У меня было плохо с чистописанием. Я писал грамотно, но грязно. Это и расстраивало их: написано без ошибок, но небрежно, хорошую оценку не поставишь. Все повторяли: при написании сочинения мне нужно прежде всего не торопиться.

До средней школы от моего дома было полтора километра.

Запомнился директор школы, который преподавал у нас историю. Я не знал, когда он ставит оценки, поскольку мне задавалось много дополнительных вопросов. Авторитет я завоевал, когда сделал ему косу.

За деревнями, у которых не было хороших сенокосов, закрепляли пойменные луга. Они находились в пяти — семи километрах от деревень, пойму делили. Крестьяне выезжали с ночёвкой на два-три дня косить, грести, сушить.

В такой пойме собирались все четыре деревни колхоза и проводили воскресник. На одном из таких воскресников я и увидел, что у директора школы коса плохо отклёпана (коса-«лопотуха», как говорили).

Директор этот эпизод часто вспоминал и всегда ставил мне пятёрки.

Учёба мне давалась легко. Я не был отличником, поскольку к урокам практически не готовился, но зато прочёл всё, что было в школьной библиотеке для моего возраста. Потом с разрешения сестры, которая работала учительницей, после седьмого класса мне выдали «Анну Каренину» и «Воскресение». Почти всё время я учился во вторую смену, поэтому книги читал поздними вечерами, а уроки делал на перерывах или сразу после школы. Троек в моём аттестате не было.

Очень долгая любовь

Я встретил свою любовь после окончания седьмого класса. Произошло это июньским вечером. Я услышал, как

поют девчата, и мне очень понравился один голос. Он принадлежал моей будущей жене Тоне. Сначала я влюбился в голос, а потом и в его обладательницу.

Мне пришлось несколько раз объясняться Тоне в любви. Первый раз слово "люблю" я сказал ей уже будучи студентом второго курса Института механизации сельского хозяйства. Произошло это 9 ноября 1962 года. Тогда же и поцеловал её впервые. Я не спрашивал, как она относится ко мне, был почему-то уверен, что я ей безразличен. Я просто был готов Тоне или за Тоню отдать всё.

Мне сложно описать свои чувства к жене. Например, я мог всю ночь ехать к любимой в товарняке. Когда оканчивал институт, жена с дочерью жили в Краснопольском районе у родителей. И если я решал ехать к ним, то не дожидаясь пассажирского поезда в сторону Могилёва (Кричева), а садился в любой товарный состав, который шёл до Осиповичей, потом пересаживался в товарняк на Могилёв, и затем добирался уже на чём придётся. Ночью поезд идёт медленно. Холодный воздух из дверей полувагона пронизывает насквозь, но холод не берёт. Наоборот, тепло разливается по всему телу — весь находишься в ожидании встречи. Я очень хорошо помню эти поездки...

Говорят, что у большинства семейных пар после брака чувства ослабевают. Муж начинает искать счастья на стороне, его уже не тянет домой. Про себя могу сказать, что меня, как магнитом, тянуло к Антонине и после брака. Тянуло к любимой женщине. Тянуло и тянет в семью.

Жена — самый верный и преданный мне человек, которому я могу доверить любые секреты. Она меня никогда не предаст. Антонина прошла проверку трёхлетней разлукой. Это человек, в котором я уверен и сегодня: если надо будет, Тоня отдаст за меня свою жизнь, как и я за неё.

Мы расставались с ней лишь один раз (не считая командировок) на три года, но и то не по своей воле. Именно она заставила меня по-иному посмотреть на природу отношений мужчины и женщины.

К огромному сожалению, в теперешнее смутное время мы мало говорим, пишем и читаем о духовном, о любви,

которая, несомненно, возвышает человека. И это первый признак глубокого морального кризиса нашего народа.

...Пожились мы 12 марта 1963 года. Как сейчас помню, шёл сильный снег. До этого момента были знакомы десять лет. Более того, бракосочетание произошло раньше, чем я предполагал.

Жена заканчивала свой вуз на год раньше, чем я. Распределили её в Красноярск, в какой-то «почтовый ящик». В деканате ей так и посоветовали — выйди замуж. Получилась, надо сказать, интересная свадьба. На двух такси поехали в загс. Потом переместились в комнату в общежитии Института механизации сельского хозяйства, где я тогда проживал. Там уже был накрыт «свадебный» столик на четыре пары. Пили пунш, заедали тортом. Честно говоря, я не привык пить сладкие вина. Но тут ради такого дела пришлось выпить и позже даже переболеть. С тех пор пунш я не пью вообще.

Семейную жизнь начали мы, мягко говоря, скромно. Сначала жили в общежитии. Родилась дочь. Жена окончила университет по специальности «математик-программист». У меня были все возможности пойти учиться дальше в аспирантуру, но я отверг это предложение. Не хотел жить в столице на сто рублей в месяц, считая копейки. Я просто принципиально не приемлю такой жизни, хочу быть свободным в средствах, чтобы моя семья никогда не испытывала какого-то материального дискомфорта, и чтобы жена не думала, как дотянуть до очередной полочки. Правда, все хлопоты по домашнему хозяйству пришлось взвалить на свои хрупкие плечи моей любимой — мой рабочий график был слишком уж загружен. Иногда Тоня даже брала в руки косу, чтобы заготовить на текущий период корма. И дров при необходимости могла наколоть. У нас тогда был приличный дом с русской печью, большое хозяйство — корова, пара свиней, куры, собака.

Когда двое вооружённых милиционеров ввели меня в зал для судебных заседаний на третьем этаже здания Верховного Суда Республики Беларусь, там уже среди прочих сидела и моя Антонина. Я в железной клетке, как матёрый уголовник-рецидивист. Родной и близкий мне человек в нескольких метрах от меня. Никогда ещё с

момента моего ареста я не был так близок и так далёк от своей супруги. Может, поэтому обратился к ней: «Тоня, не унижайся, не ходи сюда!»

Она же не пропустила ни одного судебного заседания. Все дни моего заключения она, забыв о своих болячках, занималась только мной.

Его «университет»

После школы я вначале поехал поступать в Горьковскую сельхозакадемию на инженера-механика. Тогда как раз вступили в силу новые правила приёма, когда участники войны шли вне конкурса, а «производственники» имели льготы. Среди абитуриентов только участников войны было три человека на место. У выпускников школ шансы практически отсутствовали.

Я пошёл сдавать химию, ответил на все вопросы, в том числе правильно написал формулу сахара. Не знаю почему, но мне поставили четвёрку.

Шансов у меня не осталось. Это первое.

Второе. Я приехал поступать в парусиновых туфлях, вельветке, штанах. Прожил там неделю и пришёл к выводу, что мой «прикид» весьма скромный. Подумал и пошёл к секретарю приёмной комиссии с просьбой отдать документы. Там меня обрабатывали, говорили, что можно перейти на другой факультет, если при поступлении не будет троек.

Я отказался и забрал документы. Поработал в колхозе, съездил в Шадринское военное училище. Там нас перед сдачей первого экзамена в течение месяца «держали» в лагерях. Столь длительная бездеятельность привела к тому, что мне опостылела форма. Я отказался сдавать экзамен, вновь забрал документы и уехал домой.

Так я не стал военным, хотя хотел им быть. Если бы не месяц «выдержки»... Кроме того, подрался там с одним грузином. Всё происходит от безделья и монотонной жизни. В городе нам приходилось идти через длинный подвесной деревянный мост, обязательно встречались прохожие женского пола. В толпе будущих курсантов каждый раз находился кто-то, кто выкрикивал

оскорбления или пошлости. Выкрикивают где-то впереди, а ты идёшь и краснеешь. На этой почве и возникла драка.

Вернувшись, я привёл в порядок домашнее хозяйство: отремонтировал дом, забор, сарай, перекрыл крышу и поехал в Шахты зарабатывать деньги. Так стал шахтёром.

Через год приехал в Минск и поступил в БИМСХ.

Студент я уже был состоятельный. Если приглашал будущую жену в театр, то обязательно в партер, в первый ряд — мог себе это позволить. Помимо стипендии у меня были ещё и заработанные в Донецкой области деньги. Кроме этого, если в комнату нужно было купить радиолу, то мы собирались все вместе, шли работать и делали покупку. Будучи студентом, я даже купил матери корову.

Моя рабочая жизнь складывалась, как и у всех молодых людей того времени.

Авторское послесловие

С Василием Севастьяновичем мы беседовали 10 мая 2005 года, на Радуницу. Встречу организовал А.Коктыш, пресс-секретарь фонда «За новую Беларусь», за что ему персональное спасибо. Приятно, когда человек занимается тем, что умеет.

А комментировать монолог не имеет смысла — ведь это ЛЕОНОВ! Тот самый.

ИГОРЬ ЛУЧЕНОК

В настоящий момент народный артист СССР, человек, который в порядке исключения в четвёртый раз (по уставу положено не более трёх) возглавляет Союз композиторов страны. Игорь Лученок пишет песни, то есть занимается тем, что умеет делать лучше всего. Кстати, именно об этом наш разговор.

Недавние победы

Начну с октября прошлого года.

Мне позвонил Владимир Панченко, директор Госконцерта России, в прошлом комсомольский и профсоюзный работник, и предложил написать несколько песен по случаю 75-летия Евгения Максимовича Примакова. Я ответил, что не «штамповщик». Написал только одну, которую называю «Доктор», её официальное название — «Как хорошо, что ты моя». Слова в песне принадлежат Примакову, он посвятил их своей второй жене, которая работает врачом.

(К слову: во время моего депутатства в Верховном Совете СССР Примаков наряду с Лукьяновым и Горбачёвым был одним из моих непосредственных «начальников».)

Я приехал в Москву 29 октября, пришёл к Панченко. Его кабинет находится в здании напротив Национального банка России, в нём стоит рояль. Немного поиграли. Вместе перекусили: поели блинов. Панченко ел быстро, и я пошутил: наверное, поэтому живот у тебя большой...

(Я так подробно рассказываю, потому что через два дня Панченко умер.)

29-го пошёл на День рождения комсомола. Руководил мероприятием Евгений Михайлович Тяжеленков. Там было много людей, в том числе и сын Щёлокова. Видел среди приглашённых Янаева. Я выступил, спел несколько комсомольских песен и поехал ночевать к своему другу, хотя подобных предложений было множество. Бывшие комсомольцы звали меня к себе.

30 октября погулял по Москве, посетил Красную площадь, Ваганьковское кладбище, а вечером пошёл на приём к Примакову. У него собрались преимущественно те, с кем он работал в СВР. Были Пахмутова, Добронравов, космонавты Леонов, Терешкова. Недалеко от меня сидел Горбачёв. Приехал и Путин. (Он прилетел от Кучмы. 29-го был у него, а весь вечер 30 октября пробыл с нами.)

Уже 1 ноября я был в Минске, позвонил домой Панченко и узнал, что он умер...

14 января меня снова пригласили в Москву — на встречу старого Нового года. Опять Примаков. Там мне довелось пообщаться с Николаем Ивановичем Рыжковым. Полчаса Примаков читал нам «политическую лекцию», рассказывал, что, на его взгляд, будет происходить в мире. Потом был ужин, без тостов.

Песни звучали хорошие, без попсы. Не знаю, каким образом там оказались «Белорусские песняры», но мне было приятно ещё раз услышать «Алесю» и «Зачарованную». Прозвучала и песня «Доктор». В Беларуси её исполняет Леонид Борткевич, а тогда её пел генерал Виктор Елисеев, руководитель ансамбля внутренних войск.

В прошлом году я с Пахмутовой ездил в Донецк, а в этом председательствовал там в жюри фестиваля. Кстати, родом из тех мест Евгений Мартынов, с которым я дружил, Иосиф Кобзон (ему возведён памятник в полный рост). А в маленькой деревушке в 60—80 километрах от Донецка родился Сергей Прокофьев. Он жил там 18 лет. Я был в церкви, где его крестили, в музее.

На фестиваль я свозил семилетнюю девочку Полину Ласкину из Минска. Она стала лауреатом, ей подарили мобильный телефон. У неё очень интересная судьба.

Моим заместителем в жюри была Валентина Толкунова.

В Москве я бываю часто, последний раз — два месяца назад на съезде КПРФ. Таким образом, «российский вектор» мне привычен, а вот по поводу ближнего зарубежья много вопросов. Поэтому я был очень рад, когда недавно в Риге тамшние белорусы (их около ста тысяч) и латышский национальный бомонд во главе с Раймондом Паулсом организовали мой творческий вечер.

Честно говоря, такого ещё не было. Как говорится, без меня женили: вся программа была подготовлена без меня, и провели её в бывшем Доме офицеров, который сейчас называется «Вялікая зала Рыжскага латышскага таварыства». Спели 30 песен. Справа сидел Раймонд Паулс, потом его жена Лана, Лайма Вайкуле. Пели и дети, и взрослые, и солисты оперного театра. «Майский вальс» исполнил Сергей Пиманов из Даугавпилса. Детский хор спел «Аве Мария» на стихи Зенона Позняка и «Письмо из 45-го».

Кстати, другая моя песня («Гутчик»), прозвучавшая в Риге, написана на стихи Карла Маркса, на белорусский язык её перевёл Василь Сёмуха.

Есть ещё одно замечательное мероприятие — фестиваль песни имени Георгия Свиридова, который проводится в подмосковной Балашихе (35—40 км от Кремля). В прошлом году я входил в состав его жюри. Кстати, заместитель мэра этого города родом со Шкловского района.

Недавно там выступала с концертами столичная десятая музыкальная школа. Всем очень понравилось.

Первые «ноты» будущего композитора

Я родился 6 августа 1938 года в Минске. Прожил в столице три месяца. Местом моего рождения ошибочно считают Марьину Горку, хотя впервые туда я попал в восемь лет: отец перевез в Марьину Горку свой дом из деревни Язовка.

Недавно мне показали место, где стоял наш минский дом. Он находился на улице Маяковского, напротив здания, где сейчас размещается бригада спецназа. Самое интересное, что теперь там рядом живёт мой сын. Такое вот совпадение.

Дом был деревянным. Мои папа и мама снимали в нём комнату, а хозяйкой была Ядвига Казимировна. Она одна поднимала двух дочерей, её мужа навсегда забрали в ведомство Ежова.

Моя мама, Александра Герасимовна, происходила из древнего дворянского рода. Она была немного старше папы. Отец, Михаил Лукич, хорошо играл на цымбалах,

скрипке, баяне и на всём, что попадалось под руку, — на бутылке, травинке, пиле и т.п. Он работал (числился рабочим сцены) в знаменитом ансамбле Владислава Голубка, по настоянию которого впоследствии получил специальность врача. (Прожил отец 82 года. Перед смертью он попросил остановить свою похоронную процессию на том самом месте, где когда-то он сел в повозку передвижного театра Голубка. Теперь там установлен крест жертвам репрессий.)

До знакомства с отцом мама успела закончить природоведческое отделение Белгосуниверситета и работала учителем в Крупках, когда туда приехал на гастроли театр Голубка.

Пожились родители в 1931 году. Потом они переехали в Могилёв. Оттуда отец ушёл на фронт (к тому времени он уже был военврачом 3 ранга), а мы — мама, сестра и я — попали на хутор Бакланово около станицы Морозовская.

Мама искала отца, но безрезультатно. Однажды ей приснился сон, в котором прозвучало, что он рядом. Так и было на самом деле. Папа нашёл нас. Несколько дней мы жили на железнодорожном вокзале в Сталинграде, потом был Сальск, где я пошёл в школу. Стены были разрушены бомбой. Чернила замерзали. Тетради у нас были из газет. Позднее я разыскал свою первую учительницу, к тому времени ей уже исполнилось 90 лет.

Я являюсь почётным гражданином Сальска. Наш бывший дом находится на улице Прохладной, которую предлагали назвать моим именем, но я возражал. «Прохладная» звучит лучше.

В 1946 году мы оттуда уехали. С тех пор род Лученков живёт в Марьиной Горке. Там похоронены мои родители.

Больших городов я не люблю.

Здание Союза композиторов, который я возглавляю, находится почти напротив восстановленной городской ратуши, где каждый час звучит мелодия моей песни на стихи Пимена Панченко. «Цвети мой Минск под небом журавлиным в лучах звезды...».

В метро звучит «Мой родны кут». Эту же песню в качестве позывных использует радиостанция «Столица».

Любопытно, что гимном города является песня Оловникова, а у моей «ратушной» мелодии весьма своеобразная судьба. Это не шлягер, а просто хорошая песня.

В нашем доме жил Иван Мележ. В год его смерти на радио готовили постановку «Мінскі напрамак». Режиссёр Гурич попросила меня написать музыку. Стихи к постановке написал Пимен Панченко. Тогда мы с ним и создали песню о Минске. Её исполняли Владимир Мулявин («Песняры» её тоже записали), Виктор Вуячич, Тамара Раевская, Иван Краснодубский и многие другие. Пел её и Вадим Мулерман, который эмигрировал в Америку и работал там таксистом.

Короткая «увертюра» про семью

Жену зовут Александра Григорьевна, почти как президента. Она не любит, когда о ней рассказывают, поэтому буду краток.

Саша родилась в годы войны, на Волге (Хвольшинский район, родина Суслова). Нищета страшная. После войны её семья переехала в Пинск, где жил дядя Саши. Он потерял ногу на Ленинградском фронте, работал в профсоюзах. У Саши ещё две сестры. Одна умерла. Семья простая, а чистота везде была удивительная.

Пинск. Улица Янки Купалы, 5. Там и сейчас есть барак. Польский, хороший.

Я люблю там отдыхать летом. Спаленка, кухонька и прихожая. Это жильё мы не продаём. Хочу туда приехать пожить. Там три речки, рядом вокзал, где моя тёща работала сторожем. Приезжала к нам в Минск и путала балкон с перроном.

Саша окончила Брестское музыкальное училище по классу вокала. Ей предсказывали большое певческое будущее.

Мы встретились с ней в Доме отдыха в Пуховичах. Я сказал ей: «Прекращай петь» и сделал её теоретиком. Она и сейчас работает в музыкальной школе возле Дворца Республики.

Сын Андрей — юрист, окончил Академию управления. Солидный парень, серьезней меня. Занимается защитой авторских и патентных прав.

Дочь Светлана после окончания консерватории работает пианисткой в университете культуры. Её сын, мой внук, учится в школе.

Авторское послесловие

С Игорем Михайловичем мы беседовали в последний день первого летнего месяца — 30 июня 2005 года. Я пришёл к нему. Его дом седьмой, квартира семьдесят. Семёрка считается счастливой цифрой. Хотя в этом плане талантам везёт.

А ещё меня не очень интересует, что отношение к И.Лученку у многих людей неоднозначное. Этот человек написал «Мой родны кут» и «Спадчыну». И, на мой взгляд, мог вообще больше ничего не писать.

ОЛЕГ МАНАЕВ

Результаты социологических исследований Независимого института социально-экономических и политических исследований, созданного профессором Манаевым в 1992 г. и ликвидированного властями в 2005 г., нередко вызывали неприятие как у властных структур, так и у оппозиции. Это красноречиво свидетельствует об их объективности.

Этот дальний Дальний Восток

Я родился ещё при Сталине, 3 февраля 1952 года, во Владивостоке. Прожил там четыре года, потом родители переехали в Хабаровск, а в 1964-м — в Минск: отец, который был военным журналистом, получил назначение в окружную газету «Во славу Родины». Во Владивостоке мы жили почти в самом центре города, рядом с заливом Золотой Рог, однако почти все мои детские воспоминания связаны с Хабаровском.

Сейчас много говорят о растущем азиатском влиянии во всём мире. Люди в разных странах относятся к этому настороженно. Как говорится, "Восток — дело тонкое". Но я воспринимаю это совершенно нормально, поскольку среди моих друзей и сверстников было немало китайцев и корейцев. Хабаровск расположен на слиянии двух рек — широкого, почти в три километра Амура и Усури, по которой проходит граница России с Китаем. Мы часто бегали туда купаться. Помню китайские фанзы — круглые дома с одной комнатой и конусовидной крышей.

Я согласен со многими экспертами, которые считают, что XXI век станет веком Азии — Китая, Японии, Кореи, Индии и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. За последние пятнадцать лет я побывал в трёх десятках стран и имел массу возможностей наблюдать, как люди работают, отдыхают, как складываются их отношения в семье и на работе. На мой взгляд, азиаты отличаются особой внутренней энергетикой и целеустремлённостью, невероятной работоспособностью и самодисциплиной. Именно эти человеческие качества, а не просто природные

ресурсы обеспечивают им перспективы развития. Современному западному миру, не говоря уже о славянских, арабских или африканских странах, этих качеств явно не хватает.

На Дальнем Востоке прожил почти тринадцать лет, и в определённом смысле это легло в социально-психологическую основу моего характера. Например, я часто ощущаю, что моё восприятие окружающего мира заметно отличается от восприятия многих людей, с которыми я здесь общаюсь — белорусами, русскими или поляками.

Например, одним из самых первых бессознательных впечатлений, которое я, по словам матери, получил ещё у окна роддома на Тигровой улице, было впечатление от Тихого океана — огромного, бесконечного, движущегося пространства. С другой стороны — такая же бескрайняя и вечно шумящая тайга. Когда в конце 80-х рухнул «железный занавес», и я стал выезжать за рубеж, от увиденного там я не испытал шок. Сознание миллионов советских людей было потрясено тем, что их привычный мир является лишь частью огромного, динамичного, потрясающе разнообразного мира. Известно, например, что в США люди довольно часто меняют работу и в поисках её переезжают из штата в штат, нередко с восточного на западное побережье, за пять тысяч километров. В среднем за свою жизнь американцы меняют место жительства пять-шесть раз. Если для большинства наших людей такой образ жизни был в диковинку, то для меня — нет, хотя за пределы СССР и я раньше не выезжал. Наверное, то самое ощущение бесконечности и постоянной динамики окружающего мира, возникшее в раннем детстве, проникло глубоко в подсознание и сформировало своего рода внутреннее "пространство свободы". Поэтому стремление к переменам и свободе для меня стало важнее, чем стремление к стабильности и порядку.

У многих белорусов, как и у других народов, веками живущих в пределах ограниченных пространств, заметна настороженность к переменам, нередко стабильность выступает как альтернатива динамике. Поэтому современная глобализация, расширение пространства (географического и социально-культурного)

воспринимается ими как угроза традиции, как нечто, разрушающее «мой родны кут». Безотносительно к тому, какая в данный момент политика, кто генсек или президент, многие испытывают психологический дискомфорт, когда внешнее пространство свободы опережает внутреннее.

Другое заметное психологическое отличие, которое я часто ощущаю, — это разница в активности. Мне кажется, исторически на Дальнем Востоке люди были активнее, чем здесь, что, возможно, также связано с географией. Я помню, в моём детстве школы закрывались при морозе ниже 30 градусов. Это значит, что при температуре минус 29 градусов мы продолжали учиться, причём не день-два, а неделями. Летом тайфуны нередко сносили крыши домов и ломали вековые деревья. В Беларуси такое трудно себе представить. Вероятно, постоянные вызовы окружающей среды в сочетании с бескрайними пространствами формируют способность их преодолевать, развивают чувство инициативы.

Но, с другой стороны, Дальний Восток не зря называют дальним, от Москвы — девять тысяч километров. С точки зрения экономического и культурного развития по сравнению с Беларусью, с её тысячелетней христианской культурой и европейскими традициями это, конечно, периферия.

Впрочем, с культурной средой, особенно театральной, я был тесно связан с раннего детства. Моя мама — также журналист, работала в отделах культуры разных СМИ и писала о театре, а бабушка — бывшая актриса и режиссёр народного театра, поэтому я часто бывал за кулисами и за годы детства и юности пересмотрел почти весь мировой классический репертуар. Кстати, именно с театром связана одна давняя детская история. Мне было пять лет, когда бабушка повела меня в местный ТЮЗ на спектакль «Два клёна», который сегодня часто вспоминают, потому что в похожем спектакле когда-то играли братья Качинские, оказавшиеся ныне на вершине польской политики. По сюжету двух мальчишек похищает и мучает Баба Яга, но в конце концов она тонет в реке, и добро побеждает зло. После спектакля, как обычно, мы пошли за кулисы. Вдруг я вижу, что нам навстречу идёт та самая

Баба Яга, которая только что «утонула в реке». Улыбается, говорит бабушке: «Ой, Лёлочка, какой у тебя хороший внучек! Дай-ка я его поцелую!» — и пытается меня обнять. Я в ужасе кинулся бежать, куда-то свалился. В общем, случился шок, и у меня пропал дар речи. Несколько дней я вообще не мог говорить, а потом началось сильнейшее заикание. Больше года по несколько раз в неделю меня водили к логопеду, который восстанавливал мне нормальную речь. До сих пор, когда волнуюсь, заикание проскакивает. Вот такую своеобразную цену мне пришлось заплатить за «приобщение к высокому искусству».

Росли мы вдвоём с братом, который младше меня на восемь с половиной лет. Сегодня имя политолога и журналиста Юрия Дракохруста хорошо известно в Беларуси. Фамилии у нас разные, потому что мама развелась с моим отцом, когда мне не было и четырёх лет, и вышла замуж за Александра Дракохруста, поэзию которого у нас также многие знают и ценят.

На Дальнем Востоке я побывал ещё дважды. Первый раз в начале 70-х, когда учился на журфаке БГУ и захотел навестить места, где родился. У меня был вызов на летнюю практику в ведущую хабаровскую газету. Но в деканате мне сказали, что студенты журфака после этого курса должны практиковаться только в белорусских газетах, и я получил отказ. Мне стало обидно, и, как говорится, нашла коса на камень. Я сдал сессию досрочно и прошёл практику в газете Минского района "Ленінскі шлях", где за месяц выполнил план, рассчитанный на два. К концу июня представил в деканат все необходимые документы и уехал на два месяца в Хабаровский край, где большую часть времени провёл в командировках как корреспондент «Тихоокеанской звезды» в самых экзотических местах. Кстати, фото с лососем сделано именно там, на Охотском море.

Второй раз я побывал на Дальнем Востоке уже в отпуске, когда после окончания БГУ пришлось служить в армии командиром танкового взвода. Грех было не воспользоваться такой ситуацией. И с тех пор, уже свыше тридцати лет, на своей малой родине не бывал. Конечно, Дальний Восток с его бескрайним океаном и тайгой всегда будет жить во мне, но вот уже больше сорока лет я живу в

Беларуси и как гражданин и человек отождествляю себя с этой замечательной страной, её историей и культурой.

«Кирпичики» знаний

Здание нашей начальной школы в Хабаровске было необычным, в девятнадцатом веке там располагалась гимназия. Три этажа, толстые стены из тёмного красного кирпича. В первый класс пошёл первого сентября 1959 года. После первого урока мы все выбежали во двор. Там, как и во многих школах того времени, стояли клетки с различными животными. Мы должны были за ними ухаживать, что мне очень понравилось. Среди этих клеток, особенно с кроликами, я буквально дневал и ночевал.

Цвет школьных стен запомнил по следующей причине. Среди младших классов проводился городской конкурс поделок. Я сделал из пластилина макет школы, и получил первое место. И не потому, что я показал некий особый художественный талант, а потому, что решил сделать модель со строгим воспроизведением всех деталей: не просто разложил пластилиновые стены, а вылепил каждый «кирпичик» отдельно. Представьте, что значит слепить таким образом трёхэтажное кирпичное здание. На работу ушёл почти месяц. Помню также, что когда мне присудили первое место, я застеснялся и не вышел на сцену. Отличником я никогда не был, но учился хорошо.

В Минске я попал в школу номер четыре (что рядом с «Ленинкой»), поскольку она была ближайшей к гостинице при Доме офицеров, где мы жили несколько месяцев по приезду в Беларусь. Оказалось, что это была одна из самых элитных школ города, так как рядом находился ЦК КПБ. Прямо за школой был дом, где жили Т.Мазуров и П.Машеров. Района "пыжиковых шапок" на улице Пулихова тогда ещё не было, и вся партийная верхушка проживала здесь.

Безусловно, это тоже сказалось, ведь вокруг меня была «золотая» молодёжь. Многие из детей высокопоставленной номенклатуры были весьма «продвинутыми». Они больше знали: например, читали журналы «Америка» или «Англия», которые невозможно было купить в киосках, бывали на различных закрытых

просмотрах и пр. Когда во второй половине шестидесятых в советскую культуру стал проникать рок (тогда его называли "биг-бит"), то одна из первых минских групп "Funny Foxes" появилась именно в нашей школе. Вместе с рок-культурой стал проникать и сам "дух" западного мира. Это было время молодёжной революции на Западе, и мы это чувствовали.

В 1968 году случилась «пражская весна». Я помню, как сформировался кружок из учеников нескольких столичных школ, где активно обсуждалось всё, что происходило в Чехословакии. К слову: одними разговорами всё не заканчивалось. Мне тогда было только шестнадцать лет, а ребята постарше имели определённые контакты за границей. Всё это не могло остаться вне поля зрения КГБ. И вот в начале мая отец, который тогда был ответственным секретарём газеты «Во славу Родины», пришёл домой и спросил, как у меня дела. Я стал что-то рассказывать про кафе, встречи, дискуссии, а он мне сказал, что к нему в редакцию пришли двое чекистов и сообщили, что я замечен в сомнительных собраниях и контактах с иностранцами. Поскольку никаких «преступных действий» я «ещё не совершил», то отца просто предупредили: дескать, у меня могут быть серьёзные неприятности. Таким образом, впервые в поле зрения КГБ я попал ещё весной 1968 года, и с тех пор мне не раз приходилось сталкиваться с этой организацией.

Жизненный жребий

Школу закончил в 1969 году. В старших классах я всё время колебался между выбором в пользу естественных и общественно-гуманитарных наук. В девятом и десятом классах занимался в заочной школе факультета журналистики МГУ, куда каждый месяц посылал письменные работы. Но параллельно увлекался биологией и химией. Моим школьным приятелем был известный сегодня политолог Сергей Николук, который в минских школах считался «химиком номер один». Мы с ним часто соревновались на городских олимпиадах по химии. Он занимал первые места, я — вторые, чем горжусь и по сей день. После долгих колебаний я всё-таки решил стать

журналистом. Чёрт меня дёрнул, потому что часто об этом жалею.

Кстати, от журналистики меня отговаривали, прежде всего родители, которые сами были журналистами и знали, в чём суть этой профессии. Ведь на самом деле советская журналистика являлась частью идеологического аппарата, обслуживавшего коммунистическую власть. Но это в юношеской психологии — идти наперекор всему, набивая собственные шишки.

Я решил поступать в МГИМО, где незадолго до того открыли факультет международной журналистики. Попастъ туда было очень трудно, нужно было иметь характеристику из ЦК комсомола, утверждённую в ЦК компартии. В 1969 году из Беларуси в МГИМО поступало четверо человек. Первый секретарь ЦК ЛКСМБ утвердил наши характеристики, а секретарь ЦК компартии по идеологии — сопроводительное письмо. Вначале был очень жёсткий конкурс документов, и те, кто его прошёл, приехали в Москву. Поступление в МГИМО происходило на месяц раньше, чем в других вузах. Я уже сдал два экзамена, когда меня вызвали в приёмную комиссию и сказали, что произошло досадное недоразумение и меня не могут принять ни с какими оценками, поскольку у меня не хватает минимального комсомольского стажа. А в комсомол меня приняли в школе гораздо позже других, да и то со скандалом.

В итоге я отнёс документы на журфак МГУ, где меня знали по успешной учёбе в заочной школе. Там сдал три экзамена на пятерки и один на четвёрку, и всё равно не поступил, так как в тот год среди школьников проходной балл был двадцать из двадцати.

В конце лета я вернулся в Минск и с зачётной ведомостью МГУ пытался поступить в БГУ, инъяз или пединститут. Но мне везде отказывали, давая понять: хотел «идти на самый верх», так теперь получи «низовку».

Через пару месяцев нужно было идти в армию, и я временно устроился в газету «Железнодорожник Белоруссии». Но через месяц мне повезло — по зачётной ведомости МГУ меня согласились взять на филфак Гродненского пединститута, о чём до сих пор вспоминаю с благодарностью. Там и были заложены основы моего

гуманитарного образования. Во-первых, в Гродно находилась богатейшая библиотека, которую немцы не успели вывезти в Германию, и там было много старых книг. Помню, как запоем читал дореволюционный трёхтомник «История испанской инквизиции» со старинными гравюрами под папиросной бумагой, многотомные собрания сочинений Шекспира, Лопе де Веги, Мольера, Бомарше, Гюго. Во-вторых, там ещё были преподаватели из «старой гвардии», которые прошли через «большую чистку» и ГУЛАГ.

Один случай вообще уникальный. Мама приезжала меня навещать, я рассказывал ей про учёбу. И оказалось, что преподаватель, который вёл у нас античную литературу и часто читал на память длинные отрывки из Пиндара или Овидия на древнегреческом или латыни, когда-то учил и её! Во время войны мама жила в Алма-Ате и поступила на филфак эвакуированного туда Ленинградского университета, а он был ссыльным профессором и читал там лекции. В Гродно вернулся после 1956 года, когда истёк срок «поражения в правах».

Летом 1970-го я перевёлся на второй курс журфака БГУ (спасибо декану Г.В.Булацкому) и на протяжении полугода досдавал почти два десятка зачётов и экзаменов. А на пятом курсе мы устроили нечто вроде «локальной революции». Тогда программы большинства курсов были насквозь пропитаны марксистско-ленинской идеологией, всё находилось под контролем деканата, среди студентов было немало стукачей. Мы захотели это изменить. Вначале обращались в ректорат, но, естественно, там нас не поддержали. Тогда мы написали письмо П.Машерову, а потом и секретарю ЦК КПСС, главному редактору «Правды» М.Зимянину, причём добились того, чтобы письма дошли до адресатов. В итоге наших лидеров пригласили «на переговоры» к заведующему отделом науки и образования ЦК КПБ. После нескольких месяцев этих "поисков правды" были приняты решения, частично удовлетворившие наши требования, но в целом, конечно, всё осталось по-прежнему.

Однако зачинщикам "студенческого бунта" решили отомстить. Меня, например, планировали взять на работу в «Знамя юности» — лучшую белорусскую газету того

времени, но вместо этого "забрили" в армию. Выбор был простой: или до шести лет тюрьмы "за уклонение от исполнения конституционного долга", или два года офицерской службы. Пришлось прослужить командиром танкового взвода в лесу под Любанью. Это был самый тяжёлый период в моей жизни. Дело было не только в том, что в армии пространство свободы сведено к минимуму. Представьте моё состояние в то время: ведь в юности я мечтал стать рейнджером и бороться с коммунизмом с оружием в руках по всему миру, а вместо этого вынужден был учить солдат «давать отпор врагам коммунизма», к тому же меня постоянно «пас» майор из особого отдела.

За это время в «Знаменке» сменилось руководство, и мой поезд ушёл. После нескольких безуспешных попыток устроиться куда-нибудь в СМИ я пришёл к главному социологу Беларуси профессору Г.П.Давидюку, который возглавлял в БГУ кафедру философии и социологическую лабораторию. Дело в том, что на старших курсах журфака я часто сбегал слушать лекции на отделение философии, а дипломную работу написал по социопсихологии. Георгий Петрович её рецензировал, оценил на «отлично», и потому моё появление в форме старшего лейтенанта два года спустя воспринял довольно спокойно. Так, в июле 1976 года я стал младшим научным сотрудником Проблемной лаборатории социологических исследований БГУ и с тех пор работаю в белорусской социологии уже тридцать лет. Кстати, буквально через пару месяцев к Г.П.Давидюку пришли люди из КГБ и пытались убедить его, что в социологии, «на переднем крае идеологической борьбы», мне не место. Однако Давидюк был не только крупным учёным, но и сильным, влиятельным человеком, и, как тогда говорили, взял ответственность на себя.

В 1982 году я защитил кандидатскую, а в 1991-м — докторскую диссертацию, обе по проблемам СМИ и массовой коммуникации. Так что определённой связи с журналистикой я никогда не терял.

Независимая социология и семья

В конце восьмидесятых всё вокруг "сдвинулось". В то время у меня были тесные научные связи с Тартуским

университетом. А многие "сдвиги" пошли именно из Прибалтики, и так получилось, что мои эстонские коллеги оказались в эпицентре этих событий. Весной 1988 года я приехал в Тарту по научным делам и попал на учредительный съезд Эстонского народного фронта. Можете представить мои впечатления. Лидеры ЭНФ сказали мне, что в их журнале "Родник" на русском языке опубликована интересная статья историка Зенона Позняка, которую он не смог опубликовать в Беларуси. Мне дали её прочесть и порекомендовали встретиться с автором. Вернувшись в Минск с кипой материалов от ЭНФ, я позвонил Позняку. Помню, наша первая встреча состоялась на набережной Свислочи, неподалёку от мастерских, где тогда работал Позняк. Мы проговорили несколько часов. Это было за две недели до публикации его знаменитой статьи «Куропаты — дорога смерти».

Многие из нас в то время принимали участие в формировании демократических структур, важнейшей из которых тогда был, безусловно, БНФ. Однако со временем всё больше стали проявляться противоречия между идеологией национального возрождения и тем, что я называю "пространством свободы". Поэтому осенью 1990 года вместе с группой единомышленников мы создали Объединённую демократическую партию Беларуси (предшественницу нынешней ОДП). На её организационном съезде я выступал с докладом по уставу, а брат Юра — по программе, хотя ни он, ни я так и не стали членами партии.

Вскоре возникла идея создать структуру, которая стала бы заниматься независимыми социальными исследованиями и методами науки для содействия развитию демократии и гражданского общества в новой Беларуси. Так в начале февраля 1992 года возник Независимый институт социально-экономических и политических исследований, с которым с тех пор тесно связана моя жизнь. В апреле 2005 года НИСЭПИ был ликвидирован Верховным судом РБ, но мы перерегистрировали его в Вильнюсе, а в Беларуси продолжаем работать как группа учёных — частных лиц.

За эти годы мне трижды представлялась возможность работать в структурах власти. Первый раз, осенью 1988

года, мне передали приглашение секретаря ЦК КПБ по идеологии В.Печенникова работать в его аппарате — курировать социологию. Второй раз, в 1992 году, предложили работать в создаваемом управлении информации в аппарате В.Кебича. В третий раз, в сентябре 1997 года, после моего выступления на президентском саммите в Вильнюсе открывалась возможность работать в администрации А.Лукашенко. Но я отказался от всех этих возможностей, поскольку мне было ясно, что в наших условиях «расширять» пространство свободы изнутри власти невозможно. С какими бы намерениями и перспективами ты туда ни пришёл, объективно ты будешь его только «сужать».

Что касается моей семейной жизни, то тут всё по-другому. С женой Ларисой мы познакомились ещё студентами в общежитии БГУ. Перед самой защитой диплома состоялась свадьба. Сегодня нашему сыну Кириллу уже больше тридцати, он эколог по образованию, но вынужден работать в бизнесе, имеет свою семью. Дочери Наташе восемнадцать, она учится на отделении информации и коммуникации факультета философии и социальных наук БГУ, где я читаю курсы по теории и социологии коммуникации. До сих пор я часто сомневаюсь, правильный ли выбор сделал тогда, в семнадцать лет, когда стал изучать людей и общество, а не морских обитателей и природу. Но в своём семейном выборе не сомневался никогда, он оказался самым верным. Если в нашей стране пространство свободы постоянно "сжимается", то в семье оно остается неизменным. Поэтому именно семья, так же как и вера в Бога, является для меня главным источником радости и силы.

Авторское послесловие

Олег Тимофеевич немного опоздал к тому времени, которое мы оговаривали по телефону. Извинившись, он рассказал, что был в прокуратуре, где получил официальное предупреждение. Этот нюанс ещё раз свидетельствует о том, что кто-то очень опасается независимых социологических исследований.

А записан наш разговор был 30 декабря 2005 года.

ВЛАДИМИР ПАРФЕНОВИЧ

Признаюсь, разговаривать с трёхкратным олимпийским чемпионом, который стал политиком относительно недавно, одновременно и сложно, и просто. Он ещё не освоил всех тонкостей политеса и не забыл «голы, очки, секунды»...

Обычное детство

Я минчанин. Родился 2 декабря 1958 года. До школы воспитывался у бабушки в деревне под Радошковичами. В Минске, на Комсомольском озере, начал заниматься спортом. В 1981 году окончил институт физкультуры. В принципе, это вся биография.

Самые первые детские воспоминания, конечно, связаны с деревней. Жил у бабушки. Мама работала в Минске на стройке, потом на заводе. Средств не хватало. По весне бабушка посылала меня собирать мёрзлую картошку. Вкус этой картошки, которую пекли в печи «на лопате», помню до сих пор.

Второй момент. В деревнях всегда ездили и собирали молоко у людей (сейчас, кстати тоже). У нас по какой-то причине не было своего молока, и однажды я пропустил человека, который его собирал. Метров триста бежал босиком по снегу, догонял, потому что он всегда наливал мне целую кружку.

Это, пожалуй, самые яркие воспоминания детства, когда были настоящие друзья, всё делалось честно и открыто, никто никого не обманывал.

Считаю, что мое дѣтство прежде всего было здоровым, а вот сейчас не каждый ребенок может всё время находиться на природе. Нынешние дети, если выезжают раз в год в лагерь, то только прикасаются к природе. А в остальное время их окружают бетонные дома и заасфальтированные (потому часто пустые) дворы.

Как все дети, мечтал стать лѣтчиком или космонавтом.

В 1972 году начал заниматься греблей на байдарке. Этот выбор во многом случаен. Весь класс записывался на футбол, лёгкую атлетику, а мне пришлось выбрать в

некотором смысле «экзотику». Мы жили в бараке рядом с Комсомольским озером. Мой друг пригласил меня записаться в секцию, и я выбрал байдарку.

Раньше таких возможностей было больше. Это сейчас всё превратилось в голую коммерцию: государство хочет, чтобы за всё платили родители. Виды спорта разделили на элитные (например, футбол, хоккей, теннис, художественная гимнастика для девочек) и неэлитные. В итоге многое для детей стало менее доступно. Раньше было больше спортивных клубов, и записаться в них было гораздо проще.

Через два года попал в юношескую сборную СССР, а через четыре года — и во взрослую. О результатах повторяться не буду, они общеизвестны.

Нюансы большого спорта

Если спортсмен хочет завоевать медаль, ему приходится затратить немалое количество усилий, особенно в таких видах спорта, как гребля, велоспорт, лыжные гонки, которые требуют больших нагрузок и ежедневных усилий. Здесь нельзя расслабляться, нужно постоянно быть в форме.

Школьником я тренировался два раза в день, потом — три.

Нарушения режима, конечно, были — мы же все люди. Хотелось и на танцы (сейчас это называют дискотекой) сходить, а потому и на отбой опаздывали. Нарушений дисциплины было больше, чем сейчас. Сейчас каждый спортсмен работает только на результат, он в большей степени профессионал, нежели прежде. Победы сегодня — это солидные деньги.

В наше время в большей степени ориентировались на честь страны, имидж. Чувства, которые испытываешь на пьедестале, тогда, возможно, проявлялись более ярко. В настоящий момент — пятьдесят на пятьдесят: 50% честь и слава, 50% деньги. На мой взгляд, это очень плохая тенденция. Полагаю, что коммерциализация спорта приведёт к тому, что останутся только небольшие группы энтузиастов.

Я никогда не курил, а вот хорошее вино пить приходилось. Особенно на сборах в Грузии. Восемь месяцев мы жили на базе в Абхазии (это самое тёплое место в СССР), с сентября по апрель. А винограда в Грузии всегда было много, да и цены на вино были удивительные — рубль за литр. Вино натуральное, без всяких примесей, не то что сейчас. Вино, которое у нас в магазинах продают по сумасшедшим ценам, ещё можно пить, остальное — вредительство.

Я не злоупотребляю, но после бани как не выпить стакан вина? В моём окружении любителей пива не было. Да и зачем, если кругом столько вина? Кстати, в те времена в Грузии и не было хорошего пива.

Пили только в подготовительный период, в соревновательный — ни грамма. Тренеры всё знали, но не обращали на это пристального внимания, ибо понимали, что все взрослые люди, у многих семьи, дети.

Спорт не стал моей профессией. Определённое время я был спортивным функционером. Два года работал тренером. Затем стал начальником учебно-спортивного отдела в «Динамо». Мне повезло работать со многими известными спортсменами и тренерами.

Бывшему спортсмену очень трудно найти работу. Это, пожалуй, главная проблема. В основном функционеры «прижились» на своих местах и не хотят видеть тех, кто приходит из спорта.

Несколько лет после окончания выступлений я вообще не имел работы, мы жили буквально на одних макаронах. Период, когда открывались все двери, очень быстро закончился.

Немного о семье

С женой Татьяной меня свела судьба. Мы ехали в одном поезде в 1976 году со спартакиады. Встретились в коридоре. Познакомились. Тогда билеты брали для всей команды Беларуси, независимо от видов спорта. Она мастер спорта международного класса по художественной гимнастике, чемпионка Советского Союза, победительница Спартакиады народов СССР.

Через год мы вновь случайно встретились во врачебно-физкультурном диспансере. Пообщались.

Третья встреча произошла уже во время учёбы в институте. Полтора часа проговорили на лестнице.

В 1979 году поженились и до сих пор вместе.

Трое детей, два сына и дочь. Старшему сыну сейчас 23. Он болен с рождения детским церебральным параличом, живёт в интернате.

Допинг? Не думаю. Я не употреблял его за исключением двух уколов в 1984 году, то есть уже после рождения сына. Во время спортивной жизни никаких анаболиков я практически не употреблял. Только одни витамины и препараты для поддержания сердца, поскольку пройти 5—6 тысяч километров на байдарке, пробежать 2—3 тысячи кросса, 800 километров на лыжах плюс игры и общефизическая подготовка просто невозможно.

К слову: подобных случаев много. Наверное, потому, что у спортсменов большие нагрузки, и это сказывается на организме.

Средний сын, ему сейчас 19-й год, учится в школе тренеров в теннисном центре во Франции.

Дочь учится в гимназии. Тоже занимается теннисом.

Это не дань моде. Если бы был гольф, то им бы тоже занималась. Ребёнку нравится. Мне тоже.

Старшего сына зовут Владимир, среднего — Здислав, дочь — Ксения.

В СССР был такой знаменитый каноист Здислав Сорока, по национальности поляк, мой хороший друг. Както на сборах я сказал ему, что в честь его назову сына. Не поверил: дескать, Таня не разрешит. Он ошибся.

Дедушкой пока не стал, но здесь как Бог даст, так и будет.

Мои родители (сейчас пенсионеры) пока, слава Богу, живы.

Родителей жены уже нет в живых.

В моём понимании случай — это когда на всю жизнь. Когда люди по нескольку раз женятся и выходят замуж — это неправильно. Бог нам даёт один случай, а кто и как им воспользуется — другое дело.

О бизнесе

Штаты спортивных структур во время перестройки начали приводить в порядок. Гарантий моей дальнейшей работы в «Динамо» никто не давал, и я ушёл в коммерцию.

Как и любая фирма, которая только-только начинает свою деятельность, мы занимались всем. Узкой специализации не было. Помню, взяли первый кредит и купили МАЗ. Думал, что не хватит квартиры, чтобы в случае чего продать и рассчитаться, но до этого не дошло. Машину продали за очень скромную сумму, только чтобы не закрывать расчётный счёт. Это была наша первая сделка.

Позднее мы нашли себя в фармацевтике. Это очень серьёзный бизнес, я считаю его самым «продвинутым». Это не нефтью или газом заниматься. Рад, что этот вид бизнеса в Беларуси развился даже лучше, чем в России.

Вначале мы лишь покупали и продавали, затем из нашего сырья белорусские заводы стали производить медикаменты, потом мы занялись производством медицинской техники, например, операционных столов.

Мы — это я три моих компаньона. Один из них погиб, второй ушёл в другую сферу. Сейчас нас двое. Я всегда говорю, что бизнесом в Беларуси не занимаюсь, ибо с моей фамилией делать это здесь невозможно.

Да и вообще, найти нормальную, достойную работу трудно, что очень грустно. Я не оппозиционер, а просто человек со своей позицией, и не хочу, как некоторые, «перекрашиваться».

Об амбициях

Говорят, что политика — грязное дело. Не согласен. Просто ею занимаются «грязные» политики. Происходит это, по большому счёту, из-за того, что политики или не могут договориться, или не могут уйти. Здесь, как и в спорте, нужно знать время и меру.

Далее по поводу моих президентских амбиций. Считаю, что люди их уже наелись с лихвой. На мой взгляд, одного желания быть главой государства недостаточно. Прежде всего нужно быть готовым осуществить

деконцентрацию власти. И ещё: необходимо создать по-настоящему независимый суд. Как только это произойдет, сразу всё наладится.

Авторское послесловие

С Владимиром Парфеновичем мы вновь встретились 1 июля 2005 года. Первый раз разговаривали на год раньше. Владимир Владимирович тогда высказал опасения насчёт погоды в Афинском гребном канале. Не «накаркал», просто знал, что опасается не напрасно — профессионал все-таки.

www.kamunikat.com

МИХАИЛ ПАСТУХОВ

Наверное, более правильных людей мне встречать не приходилось. Михаила Ивановича Пастухова не без оснований считают одним из самых солидных людей страны. Мне же просто хотелось поговорить с ним о хлебе насущном. В некоторой степени это получилось. Впрочем, обо всём судить вам.

Жизнь цвета «хаки»...

Я появился на свет в районном городке Сураж Брянской области 7 апреля 1958 года.

Школу окончил с золотой медалью и не мог решить, куда ехать поступать. Хотел быть юристом и ориентировался на МГУ. Скорее всего, так бы и произошло, но приехал мой старший брат, который учился в Минске в РТИ, и сказал, што в МГУ я могу провалиться. Позвал в Минск, на юрфак Белорусского государственного университета. Я поинтересовался насчёт белорусского языка. Брат ответил, что это не проблема.

Я поверил, что там у меня больше шансов. Сдал один экзамен по истории на «отлично» и стал студентом БГУ.

В университете занимался комсомольской работой — был членом комитета комсомола факультета.

Закончил БГУ тоже с отличием.

Меня рекомендовали в аспирантуру при юрфаке, куда я и поступил по специальности «Уголовный процесс». Диссертацию защитил досрочно.

После этого меня пригласили работать в Институт философии и права Академии наук. Хотя тогдашний декан, Валерий Гурьевич Тихиня, уговаривал меня остаться на факультете, даже предлагал должность старшего преподавателя, я ушёл, так как в Академии наук обещали года через три дать квартиру. У меня в тот момент уже была семья, родилась дочь.

В институте философии и права я работал вместе с Виктором Гончаром, Антоном Матусевичем, Сергеем Левшуновым, Владимиром Зотко (сейчас является директором института) и многими другими.

Проработал на должности младшего научного сотрудника полтора года. Оклад у меня был 150 рублей (по тем временам, мягко говоря, скромные деньги). Все уходило, волновал этот вопрос и меня.

Была мысль стать военным, точнее, преподавателем Высшей школы милиции, но без большого блата пробиться туда было невозможно. Вроде бы меня и брали, но всё время предлагали подождать.

Одна знакомая посоветовала устроиться на Высшие курсы КГБ. Я не стал возражать, хотя в эту затею не верил и не очень-то хотел стать «гэбистом». Через какое-то время она позвонила и сказала, что со мной свяжутся. Так и произошло. На меня вышел начальник кафедры. Потом со мной переговорил его заместитель, спросил об интересах, взглядах на жизнь и сказал, что им очень нужны молодые кандидаты наук, и, если я пройду медицинскую комиссию, меня возьмут на работу. Он объяснил, сколько я буду получать — оказалось, в два с половиной раза больше: выслуга, звание и т.д.

Вскоре меня зачислили на курсы преподавателем. Там я проработал до апреля 1994-го, дослужился до подполковника.

Служба как служба, хотя быть преподавателем гораздо легче, нежели оперативником. Мы ходили в форме, посещали занятия по физподготовке, сдавали различные нормативы, бегали кроссы, осуществляли лыжные марш-броски.

В начале 90-х пришлось решать ещё одну жизненную дилемму: присягать суверенной Беларуси или куда-нибудь уезжать. Честно говоря, я колебался. Можно было уехать в Москву, но я остался. Прежде всего потому, что у меня уже была готова докторская диссертация.

Защитился в декабре 1993-го. Меня включили в состав конституционной комиссии, которой руководил Виктор Гончар.

Мы подготовили свой вариант Основного закона. Комиссий было две. Два законопроекта предложили объединить и создали единую группу разработчиков. (Учитывая, что я был на службе, меня в комиссию не взяли.) Они должны были поехать за город, в какую-то

правительственную резиденцию, и там работать только над Конституцией.

Я участвовал в работе над концепцией судебно-правовой реформы, у меня были тесные рабочие отношения с председателем парламентской комиссии по законодательству Дмитрием Булаховым, который руководил нашей группой.

За это меня как одного из четырёх разработчиков представили к званию «Заслуженный юрист Республики Беларусь». В то время я ещё служил. Потом Высшие курсы КГБ преобразовали в Институт национальной безопасности, я был в звании майора, являлся заместителем начальника научно-исследовательского отдела (кстати, начальником тогда был У.Латыпов). Естественно, представление к званию было очень неожиданным. По этому вопросу собиралось офицерское собрание, и голосованием решали, можно ли меня рекомендовать. Помню, много споров было по поводу моего небольшого юридического стажа и не самой высокой руководящей должности, но большинством голосов приняли решение рекомендовать.

Звание мне присвоили (одному из первых) 13 апреля 1994 года.

Дмитрий Булахов первым включил меня в список кандидатов в судьи Конституционного суда. Все кандидатуры обсуждались в комиссии по законодательству, их было больше сорока. На службе мне не хотели давать рекомендацию. Начальник института отказался её подписать: дескать, такой ответственности на себя он взять не может. Поручил это своему заместителю — Уралу Рамдраковичу Латыпову. Тот подпись поставил.

Белись серьёзные обсуждения на Президиуме Верховного Совета, на сессии. Из одиннадцати отобранных кандидатур судьями Конституционного суда стали девять человек. В том числе и я.

Зарплата у меня вновь уменьшилась в несколько раз.

...и, конечно, правильное чувство

Если говорить о чувствах, то следует учесть, что всё своё время я отдавал учёбе и считал, что должен освоить

профессию юриста как можно основательней. Я очень увлёкся научной работой: начиная с первого курса ездил на международные конференции, все пять лет был старостой научного кружка, занимался спортом в секции вольной борьбой, поэтому на личную жизнь, честно говоря, времени не хватало.

На старших курсах мы стали заглядываться на девушек. Жили в общежитии на Парковой магистрали. Соседями были студентки филологического факультета и будущие журналисты. Мы — это студенты юрфака, где подавляющее большинство составляли парни.

Ещё я любил кататься на коньках, хорошо играл в хоккей, а по вечерам ходил на каток рядом с нашим общежитием. Однажды увидел там двух девушек. Они катались очень неумело. Одна из них обратилась ко мне с просьбой научить кататься, объяснила, что они пришли на каток впервые. Я согласился.

Начался «урок». Одна из девушек (моя будущая жена) упала и очень сильно ударилась рукой. (Позднее выяснилось, что это был не ушиб, а перелом.) На этом наше катание закончилось. Девушки пошли в общежитие, я проводил их и спросил, в какой комнате живёт пострадавшая. (К слову: утром у неё был экзамен.)

На следующий день после обеда пришёл навестить её и увидел гипс.

С того времени у нас с Валентиной завязалась дружба.

Через год, в феврале, я уже поступил в аспирантуру, а ей ещё нужно было учиться. Мы поженились.

Получилось так: я учился в аспирантуре, а жена, уже будучи беременной, поехала по распределению работать в Гродно. Я предлагал не ехать, но родители Вали настояли. Полгода она отработала учительницей. Потом поехала к родителям, где и родила дочь, а я в это время жил в общежитии и навещал их. Вот так я «совмещал» Минск и дом жены в деревне под Слонимом. Её родители живут там и сейчас.

Когда я начал работать, то сразу же забрал свою семью. У нас родилась вторая дочь. Старшая, Катя, окончила юридический институт и учится в аспирантуре. Так что у нас уже есть своя династия.

Жена работала в школе, потом в НИИ педагогики, сейчас заочно заканчивает институт, где я преподаю, и хочет переквалифицироваться в юриста. Не знаю, как это получится, поскольку юристов у нас — «перепроизводство».

Ни в школе, ни в университете я не испытывал никаких чувств вообще и что такое любовь впервые понял на катке. Наша встреча случилась 13 января. По рассказам жены, перед походом на каток девчонки гадали. Вале нагадали, что она познакомится с русым парнем из небольшого городка. И даже сказали, что потом он будет «при погонах».

Когда я увидел на катке двух девушек, то какое-то неведомое чувство подсказало, что нужно выбрать не ту, которая попросила научить кататься, а её подругу. Как ни странно, первой во время «учёбы» я протянул руку своей будущей жене.

Что самое интересное: её подруга была более представительной и смелой. Валентина даже не думала, что я остановлю свой выбор на ней. Судьба. Сломанная рука нас соединила.

Человек без вредных привычек

Курить в детстве я пытался. В нашей компании, которой мы играли в футбол, курение было распространённым явлением. Несколько раз попробовал и я. Однажды мать учуяла запах табака и очень сильно меня отругала. С тех пор я ни разу не курил.

Отец у меня был курящим, но тоже бросил это дело.

К спиртному меня не тянуло. Я и тогда был убеждён, и сейчас, что это абсолютно не нужно человеку для нормальной жизни и только отвлекает его. Немножко хорошего вина я могу выпить, но это не является для меня обязательной нормой.

Весьма «правильные» увлечения

Мне очень нравится философская, историческая литература. Очень люблю афоризмы, люблю подумать над смыслом жизни.

Всегда предпочитал серьёзные книги: произведения Теодора Драйзера, Ивана Бунина и др.

Сейчас свободного времени очень мало. Если оно появляется, то я предпочитаю солидное чтение. Но это очень редко бывает, так как приходится совмещать и общественную работу, и занятия в институте. И это длится с января 1997 года, когда меня «ушли» из Конституционного суда.

Расслабляться мне практически не удаётся. Все эти семь с половиной лет каждый день — работа. Если и остаётся какое-то время, то хожу в баню, что на Козлова, попариться.

У моих родителей есть своя баня. Когда приезжаю, всегда её топим. Позволяю себе дней десять-четырнадцать из отпуска провести у родных.

Немногим больше года назад умерла мать. Стараюсь как можно чаще навещать отца. Приезжают и брат, и сестра, хотя она живет в Екатеринбурге.

Люблю музыку, в тёплое время устраиваю пробежки и прогулки. Люблю послушать радио «Свобода».

После ухода из КС меня приглашала к себе Татьяна Протько, но я отказался, а Жанна Литвина уговорила.

Я возглавляю Центр правовой помощи СМИ при Белорусской ассоциации журналистов. Это моя общественная работа. Пишу статьи на эту тему.

Очень дорожу дружбой. Правда, встречаться с друзьями некогда. Имею в виду старых друзей, так как новых завести не получается.

Дорожу нашим журналистским братством.

Хотелось бы, чтобы и друзей, и времени было больше. Как верно подметила в одном интервью Жанна Литвина: «Общение для меня — большая роскошь».

Авторское послесловие

О встрече с Михаилом Ивановичем мы договорились ещё в начале апреля, но интервью записали только 28 апреля 2005 года. С 6 по 27 апреля я был в Крыму, в санатории. И хотя мы предварительно обговорили, что разговор будет неофициальным, он состоялся, как говорят, «при галстуке». Впрочем, как всегда.

Очень точно по этому поводу сказал водитель БАЗ Д.Парфенович: «Даже на дружеские «пьянки», приуроченные к каким-то событиям, Пастухов ходит как на очередное мероприятие».

www.kamunikat.org

МИХАИЛ ПТАШУК

Вместо предисловия

Сразу же оговорюсь, что в предлагаемом вашему вниманию материале не будет ни одного слова о текущей политике. И вот почему: Михаил Николаевич Пташук — личность далеко не однозначная, поэтому попытки любой стороны наклеить ему ярлык «наш» выглядят по меньшей мере странно.

Мне вспомнился случай, когда один известный оппозиционер, зная, что я слышу его слова, негативно высказался о Пташуке. Я предложил ему посмотреть фильм «В августе 44-го». Через некоторое время он позвонил и сказал, что «Пташук умеет снимать».

К слову: несбывшейся мечтой Пташука был фильм о князе Витовте, сценарий к которому написал Алексей Дударев. Он ходил с этой идеей к тогдашнему главе президентской администрации Л.Синицыну, заручился поддержкой министерства культуры Польши, но сделать картину так и не удалось.

Первый блин не комом

Эти заметки не носят характер биографических. Просто о некоторых моментах хочется рассказать подробно — возможно, станет понятней, кем был Михаил Пташук.

Хорошо известно, что его первым фильмом была картина «Про Витю, про Машу и морскую пехоту», и сразу же оглушительный успех — Гран-при на фестивале детских и юношеских фильмов в Югославии. Кстати, с престижных кинофестивалей Пташук привёз практически столько же призов, сколько все режиссёры «Беларусьфильма» вместе взятые.

Любопытно, что он был уже состоявшимся театральным режиссёром, и его желание снимать кино можно сравнить с чем-то вроде «выстрела в голову». Представьте: зрелый женатый мужчина бросает всё и едет поступать в Москву на двухгодичные Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР, куда конкурс был около 60 человек на место.

Фильм «Про Витю, про Машу и морскую пехоту» был дипломной работой. Когда съёмкам исполнилось 25 лет, я записал разговор с Михаилом Николаевичем на кассету и потерял её. Нашлась она через год после трагической гибели мэтра, так что многие факты, изложенные здесь, рассказаны самим Пташуком.

Картина была полнометражной, что очень важно, так как практически не было случаев, чтобы студентам в качестве дипломной работы разрешали снимать настоящее кино. Художественным руководителем Пташук (простой деревенский парень) пригласил знаменитого Георгия Данелия. Фильм снимался на Одесской киностудии, которая уже тогда считалась одной из самых лучших — была таким очагом вольнодумства. К слову: тогда в Одессе работал и Станислав Говорухин, Пташук гулял на его свадьбе. Картина стала не только дебютом режиссёра. Одну из главных ролей должен был играть Владимир Высоцкий, но он не смог, т.к. Театр на Таганке уезжал на гастроли, и пришлось срочно искать замену. Роль исполнил студент ГИТИСа Александр Абдулов. Кроме Высоцкого должен был сниматься и другой знаменитый актёр названного театра — Валерий Золотухин. Но пришлось заменить и главного героя. Так в картине появился Сергей Светлицкий.

То, что снял Пташук, Данелия не совсем понравилось. Потрачены государственные деньги, что делать? Пташук снимает заново. Когда мэтры посмотрели отснятый и смонтированный студентом режиссёрских курсов материал, они вынесли вердикт «хорошо», но Пташук считал, что нужно ещё что-то доделать.

Директор студии приказом запретил Пташуку появляться в монтажной, однако это не помогло. В выходные молодой режиссёр проник в монтажную и всё сделал по-своему.

Дружескую критику Данелия решили обмыть. Для подобных сборов обычно использовалась квартира Говорухина. Ночью кто-то предложил съездить к морю, искупаться. В одну легковую машину, и даже в две, толпа не помещалась, и тогда остановили какой-то автобус. Заплатить нужно было всего несколько рублей, но Данелия отдал 100 (по тем временам большие деньги) и попросил

совершенно незнакомого водителя привезти днём сдачу. Естественно, такая неосмотрительность вызвала массу вопросов, и тогда Данелия сказал, что людям нужно доверять, иначе никто не будет доверять «киношникам». Спустя несколько часов водитель привёз сдачу.

Момент истины

«Киношники» всегда называли белорусскую киностудию «Партизанфильмом». В этом есть большая доля правды, так как очень много фильмов про Великую Отечественную войну и партизанское движение было снято именно ею, что весьма просто объясняется, если вспомнить историю. К тому же многие картины персонально курировал бывший партизан, первый секретарь ЦК компартии республики Пётр Миронович Машеров. Для некоторых фильмов он лично вместе с режиссёрами облетал на вертолёте территорию республики и искал натуру.

Фильмы про войну снимал и пришедший на студию Пташук. И если «Время выбрало нас» можно отнести к разряду проходных картин в смысле идеологических ориентиров того времени, то многие другие работы явно шли вразрез с общепринятыми взглядами на войну. Достаточно вспомнить «Знак беды» по Быкову или «Возьму твою боль» по Шамякину.

Коллеги подтрунивали над Михаилом Николаевичем: дескать, скоро в белорусских деревнях не останется домов, так как все спалит Пташук. Это, конечно же, было шуткой, но имело под собой основания. Действительно, в двух картинах Пташука горели дома. Делалось это обычно так: директор картины за небольшие деньги покупал заброшенный дом в деревне, а режиссёр поджигал его во время съёмки.

Последние фильмы Пташука «В августе 44-го» и «Песня Розы» тоже о войне. Кстати, «Нику» «дальнобойщик» Владислав Галкин получил именно за хорошее исполнение роли офицера «Смерша» в картине «В августе 44-го». Хотя многим казалось, что самые лучшие роли участников войны уже сыграны...

«Нетипичный» режиссёр

«Нетипичным» называл себя сам Пташук — в смысле количества браков. В отличие от многих коллег Михаил Николаевич был женат только один раз. Его музой стала астраханская (там он был на практике в театре) красавица Лиля. Любопытно, но ведущий белорусский режиссёр нашёл свою избранницу именно в России.

Интересный случай поведала сама Лилия Михайловна. Пташук не очень часто рассказывал про свою малую родину, поэтому у неё сложилось впечатление, что речь идет о крупном населённом пункте. Пришло время показать жене, где Пташук «скурил свой первый букварь». Доехали до Барановичей. Лилия Михайловна начала спрашивать, где можно поймать такси. Выяснилось, что сделать это весьма проблематично, а до родной Мишиной деревни Федюки больше десятка километров.

О любви людей творческих к алкоголю сказано очень много, и добавить тут что-либо трудно. Хочу только отметить, что Пташук не был пьяницей, но не был и трезвенником. Есть такая категория людей, которые часто бывают «под мухой», но никогда никто их не видел пьяными. Вот он был из таких.

Нужно сказать, что Пташук не снимал, будучи в подпитии. Работал только абсолютно трезвым. Было у него и ещё одно правило — не пить с артистами, которые снимаются в его картинах. Исключение делалось лишь для немногих — для тех, кто был близок по возрасту и по духу (например, известный российский актёр Александр Филиппенко).

И самое важное: Пташук часто сам искал деньги для своих картин и находил их. То есть не ждал манны небесной, а сам крутился как мог, что и вызывало разного рода сплетни. Он не был бедным человеком, но и олигархом Михаила Николаевича не назовёшь. Он искал деньги для фильмов, а не для себя. И то, что одной из причин его гибели называют приглашение в Голливуд, представляется мне неумной шуткой.

Именно поискам финансовой поддержки были посвящены почти все его поездки в Россию. Таким образом в «В августе 44-го» появился Владимир Семаго. Кстати, и

фильм «Авианосец», который он так и не успел снять, тоже должен был сниматься при непосредственной финансовой поддержке со стороны России. Причём государственной. Съёмки должны были начаться в Североморске, куда Пташук собирался съездить.

Все мы под Богом ходим

Нельзя сказать, что Михаил Николаевич был религиозным фанатом. Он просто искренне верил в Бога, возможно, даже стал бы священником, как его дед, но судьба распорядилась иначе.

Очень любопытный в этом плане момент: когда венчались Мишины родители, в руках невесты погасла свеча. Через несколько лет трагически погиб отец Пташука.

Дочь Михаила Николаевича Лика тайком от отца поступила «на артистку», снялась во многих фильмах, но от дальнейшей карьеры актрисы добровольно отказалась. Её муж — православный священник (негоже матушке быть актрисой).

С дочкой связана ещё одна история, рассказанная самим Пташуком. Лика тогда училась в школе. Однажды Михаил Николаевич незаметно вытащил из портфеля все учебники и положил туда котёнка. Подмена обнаружилась лишь в классе. Я спросил: «Зачем?». Он ответил: «Ради прикола».

Когда Михаил Николаевич устанавливал памятник на могиле матери, мне довелось побывать в доме священника местной православной церкви. Поразило не только то, что священник был назначен ещё во время войны, но и иконы на стенах: лики святых «состояли» из слов Священного писания.

А по поводу матери режиссёра отдельная история. Когда-то она была лучшей звеньевой в районе, депутатом Верховного Совета БССР. Она уже была на пенсии, когда тяжело заболела. Врачи поставили страшный диагноз — рак желудка, сделали операцию. Почти 20 лет сын буквально кормил мать с ложечки.

Кстати, тяжело болел и сам Пташук. Во время съёмок фильма «Возьму твою боль», так много значащего в

творческой судьбе Владимира Гостюхина, он побывал в холодной воде, простудился. У Пташука обнаружили очень серьёзное заболевание почек. Вылечился он с помощью настоев трав и соков.

О звёздности и не только

Михаила Николаевича часто упрекали в «звёздности». Говорили, что в его картинах снимаются звёзды типа Михаила Ульянова, Алексея Петренко, Виктора Павлова и т.д. Дескать, Пташук мало снимает доморощенных звёзд. Это является правдой лишь отчасти. Популярный белорусский актёр Геннадий Гарбук на сей счёт может высказаться более предметно. Кстати, он стал обладателем «Оскара Би-Би-Си» за лучшую мужскую роль в фильме «Знак беды».

Поспорить по поводу «звёздности» может и Юлия Высоцкая, жена режиссёра Кончаловского. Когда-то именно она снималась (вместе с Игорем Костолевым, Любовью Полищук, Александром Филиппенко) в картине «Игра воображения». В этом фильме главную роль исполнила израильская звезда Ирина Селезнёва, а ее тогдашний муж Максим Леонидов (экс-солист группы «Секрет») написал песню к картине. Я спросил Леонидова о Пташуке, и он ответил максимально точно: «Большой, рыжий и очень талантливый». А когда я спросил у популярной российской актрисы Любви Полищук, почему для съёмок она выбрала именно Беларусь, то она лишь удивлённо ответила: «Это же Пташук!».

Может, в фильмах Пташука было так много звёзд потому, что сам он был звездой? Дело не только в громких именах. Пташука всегда поражало, как к происходящему относятся обычные люди.

С жаром он рассказывал автору этих строк один случай. В Гродно снимали эпизод фильма «Кооператив «Политбюро»». На сцену местного театра выходил И.В.Сталин, точнее, актёр Алексей Петренко. По сценарию зал приветствовал его аплодисментами. Статистами в этом эпизоде Пташук предложил быть гродненским ветеранам. Они аплодировали 20 минут, хотя знали, что Сталин «ненастоящий». Настоящими были лишь погоны Иосифа

Виссарионовича: два комплекта из 120 директор картины купила в одном московском музее.

Михаила Николаевича всегда интересовали стереотипы человеческого мышления. Именно в его картине звезда первой величины российского кинематографа Михаил Ульянов (всем известный маршал Жуков) неожиданно для многих сыграл роль начальника сталинского лагеря. Кстати, консультировал его подлинный начальник лагеря в прошлом.

Последние кадры

После первого успеха многое представлялось очень простым. К сожалению, жизнь оказалась сложнее. Режиссёр это понял после возвращения в Минск.

Второй его фильм, «Лесные качели» тоже был детским, но большой славы не принёс. Третьей вышла картина «Время выбрало нас».

Он снимал для души. Неприятностей хватало. Даже на ковёр к Лигачёву вызывали в Москву — за искажение в фильме «Знак беды» колхозной действительности и «поклёп» на колхозный строй. Картину спас М.С.Горбачёв, который посмотрел её на даче в Форосе и сказал, что это образец нового мышления.

В Москве Пташук всегда останавливался у Алексея Петренко и рассказывал много интересного о нём. По словам Михаила Николаевича, Петренко всегда носил с собой томик Т.Шевченко. По всей квартире у него — выкованные украшения (Петренко — потомок украинского кузнеца). Украшает свою квартиру, но на Украину не ездит. Боится, что не вернётся.

...За несколько дней до роковой поездки на «Нику» Пташук позвонил мне домой. Меня не было. Он рассказал жене о предстоящей поездке в Мексику, был полон творческих планов.

26 апреля 2002 года его не стало.

Короткое послесловие

Хочется подчеркнуть, что я не являюсь кинокритиком и не посягаю на их хлеб. Я не ставлю задачи сделать Пташука «белым и пушистым». Мои заметки — лишь

скромная попытка рассказать о человеке, которого я хорошо знал.

www.kamunikat.org

ВЕРА РОЗУМ

Мы умышленно не стали говорить с Верой Михайловной о её сыне. И вообще, я ни о чём её не спрашивал. Вера Михайловна сама рассказывала обо всём, часто плакала. Получился монолог, очень похожий на одну большую слезу-судьбу.

Дочь «врага народа»

Считайте, с четырнадцати лет я осталась без отца. Иду со школы, вижу, папу ведёт милиция. Спросила, в чём причина ареста. Отец махнул рукой. Некоторое время я бежала рядом, потом милиционеры велели идти домой.

Прихожу, а в доме всё разбросано, мама плачет, младший брат тоже. Я поинтересовалась, что произошло. Мать сказала, что делали обыск.

Мы жили в Смолевичах на зарплату отца — он работал строителем. После его ареста жить стало не на что. Мама «взяла» квартирантов. Рядом с нашим домом находилась машинно-тракторная станция, зимой туда приезжали механики ремонтировать технику.

Мамины сёстры жили в деревне. Их мужья работали трактористами, зоотехниками. Они нам всегда помогали. Тётя из Москвы присылала старую обувь, одежду.

Время шло. Летом на каникулах я работала в близлежащем колхозе, собирала клубнику. Женщины пололи, а мы, дети, собирали за ними траву. Денег в колхозе не платили, только записывали трудодни. Для нас и это было весомой поддержкой.

После окончания семи классов я поехала в Минск поступать в зубоврачебную школу. Поступила. Приехала учиться, а мест в общежитии нет, денег тоже нет. Мой дядя, который был хирургом, сказал, что в учёбе нет особого смысла, поскольку после зубоврачебной школы меня пошлют в район. Учитывая, что я хорошо училась в школе, было бы резонней вначале окончить её и поступить в мединститут.

Проучилась я тогда неделю, а потом бросила и приехала домой. Из Минска приходили открытки с

предложением вернуться, но я этого не сделала. Пошла в восьмой класс. Мне уже исполнилось шестнадцать лет.

За учёбу тоже нужно было платить, но, правда, небольшие деньги. Первый год помогали родственники. Потом мама сказала, что им тоже тяжело. Рядом жил сотрудник Осоавиахима, и он устроил меня туда секретарём. Одновременно я вела бухгалтерию, чему меня научила старшая сестра, которая работала бухгалтером на МТС. Таким образом, я и работала, и училась в школе.

Потом началась война.

Приказано выжить

Немцы приближались. Колодищи уже горели. Нашу семью милиция эвакуировала в деревню. Жара. Множество беженцев. В колодцах нет ведёр. Хорошо хоть, что у нас были кружки. Самолёты летают, бомбят. Мы оделись во всё лучшее: дескать, если убьют, будем выглядеть хорошо.

Во время эвакуации взять что-то с собой было очень трудно. Наспех обранные чемоданы и те побросали. Постоянно хотелось есть.

В деревне мы пробыли недолго, услышали, что немцы уже в Смоленвечах. Возвращаться было страшно, однако мама настояла. Наш дом не был закрыт, а тогда уже действовали мародёры. Мама пошла первой, мы остались в деревне. Прожили там ещё несколько дней, потом тоже вернулись в Смоленвечи.

Сразу же после начала войны объявили мобилизацию. Призвали мужа старшей сестры, но он попал в окружение под Борисовом и вернулся назад.

Первое время можно было как-то жить: колхозы, магазины, склады разграбили; люди разобрали рис, крупы, макароны, муку. Продержались месяцев пять, потом начался голод.

В нашем доме всегда бронировались комнаты для офицеров — это было учтено в местном совете. До войны у нас останавливались командиры Красной Армии, приезжавшие на учения, нас же выселяли.

Пришли немцы, и получилось практически то же самое — нам приказали освободить две комнаты.

Благодаря этому мы не умерли с голоду. Во дворе находилась полевая кухня, и офицеры приказывали денщикам приносить нам суп.

Затем уже стала организовываться немецкая власть, и одновременно возникли партизанские отряды.

Я как дочь «врага народа» считалась благонадёжной, и подпольщики решили устроить меня в районную управу. По рекомендации школьного учителя географии меня вызвали на «собеседование» в лес к партизанам. Кстати, я не знала, зачем меня вызывают, потому, когда из кустов мне навстречу вышли люди с автоматами, даже немного испугалась. Мне предложили сотрудничать с партизанами (для этого нужно было устроиться на работу к немцам) или уйти в лес. Я тогда была молодая и наглая, поэтому попросила дать сутки на размышления. Они согласились.

Дядя посоветовал мне идти работать к немцам. Он сказал, что они никогда не победят, а сразу становится партизанкой — значит, быть чьей-то «подстилкой».

Таковым и был мой ответ. Партизаны объяснили, как со мной будет поддерживаться связь.

Своя среди чужих

Я устроилась в белорусскую народную самопомощь (БНС) секретарём. (Беженцев было много, им требовалась помощь.) Составлялись списки, и на каждого человека в месяц выделялось десять килограммов муки и литр молочного отгона. На мельнице работал связанный с партизанами человек по фамилии Мельников. По его указанию я добавляла в списки «мёртвые души». Списки подписывал бургомистр, который во всём доверял Мельникову. О связях последнего с партизанами я тогда ничего не знала.

Директором молочного завода был немец лет тридцати пяти. Я просила наливать больше отгона, так как беженцам не хватает. Он шёл мне навстречу.

Я ездила в Минск за газетами оккупационных властей для беженцев. Одновременно мы распространяли среди них листовки, подпольную газету «Советская Белоруссия», поскольку информация всегда считалась действенным оружием.

Однажды мне поручили вручить листовку самому начальнику БНС. Но как это сделать? Дождалась, когда все уйдут с работы домой, и положила прокламацию себе на стол. Утром пришла первой всех. Со мной в кабинете сидел руководитель самообороны. Как только он появился, сказала, что мне кто-то подбросил какую-то бумажку. Он прочёл и приказал передать её начальнику БНС. Последнего в кабинете не оказалось, и я положила листовку в карман его пальто.

Через моего двоюродного брата профессора-медика Клаумов и Онищенко передавали партизанам медикаменты. Брату тогда было пятнадцать лет, он боялся переправлять сразу много лекарств, поэтому оставлял их у меня.

После смерти Вильгельма Кубе начались массовые аресты. Моя знакомая врач ушла вместе с детьми в партизаны. Она дружила с начальником пропагандистского отдела Тамило, который вскоре тоже ушёл вслед за ней. Побыл в отряде дней десять, всё разузнал и, как сейчас говорится, всех «сдал».

Меня взяли сразу же. В районной управе БНС арестовали одиннадцать человек. Привезли в Минск, на «Володарку». К слову: Тамило ехал вместе с нами.

В тюрьме нас раздели догола, пересмотрели все вещи, бросили в подвал, в камеры. В подвале на женщин было страшно смотреть: побои, синяки, и я поняла, что меня ждёт.

Допрашивали всех по отдельности. Переводчик-латыш сказал мне: «Твой отец был против Советской власти, а ты помогаешь партизанам!» Меня били до тех пор, пока я не потеряла сознание. Затем облили водой. Когда я отошла, привели на очную ставку с одним из наших сотрудников, которому я передавала листовки. К счастью, делалось это без свидетелей, потому я стала всё отрицать и заявила, что он меня оговорил, так как безответно ухаживал за мной.

Начали бить его. Меня оправили назад в камеру.

Потом были ещё допросы. Жизнь мне спасла случайность. Я стояла лицом к стене в коридоре гестапо. Мимо проходил офицер СС, который у нас когда-то квартировал. Я простояла аж до полуночи, и на допрос меня никто не вызвал.

На «Володарке» я провела шесть месяцев, потом был концентрационный лагерь.

Вынужденный тур

Фронт приближался к Минску. Арестантов стали вывозить. От подобревших конвоиров я узнала, что профессора Клумова отправили в Тростенец. С ним арестовали и моего двоюродного брата.

В марте нас всех вывезли из тюрьмы на улицу Широкую, где стояли бараки, переделанные из конюшен. Опять раздели догола, стали поливать холодной водой из шланга — таким образом охранники уничтожали вшей и готовили нас к отправке в Германию. Всю нашу одежду отправили в «прожарку», где многие вещи сгорели.

Через несколько дней в товарняке нас привезли в Кёльн. По дороге кормили только селёдкой, воды не давали. Очень многие умирали прямо в вагонах. На остановках открывались двери, и мы выбрасывали трупы.

В Кёльне нас кормили макаронами. Еду накладывали в шапки, платки, галоши, а кому-то и прямо в руки.

Из Кёльна повезли в Париж. Там нас не приняли, поскольку думали, что мы беженцы, а мы оказались политическими.

На машинах нас доставили в Шербур и разместили в бывших наполеоновских казармах. Там я впервые попробовала улиток. Вначале их никто не ел, но потом врачи заставили, так как мы были очень слабы.

На следующий день мы уже работали на военном заводе. Я делала арматуру для дотов.

Через четыре месяца нас вывезли из Шербура. Оказалось, американцы сбросили с самолётов листовки, где обещали уничтожить город, если будет оказано сопротивление.

Так я оказалась в Штутгарте, где мы проработали два месяца вместе с немецкими «политическими». Их кормили еще хуже, чем нас.

Затем нас отправили в шахты недалеко от Бухена. Разместили в клубе: стулья занесли на сцену, а в зале поставили двухэтажные нары. Даже никаких постелей не

было. На работу нас водили за семь километров от места ночёвки.

В штольнях не было чем дышать. Мы разрабатывали шахты. Пыль, карбидные лампы.

Так было и 9 мая 1945 года: нас загнали в шахты, а затем приказали выйти — конец войны.

Мы вернулись в клуб. Вечером появилось американское командование. Нас сразу же обильно покормили. Врачи провели обследование. Позднее подошёл украшенный берёзками эшелон, к каждому вагону подъезжали машины, людям раздавали галеты, консервы, печенье, шоколад. Хлеба можно было брать сколько хочешь.

Нас перевезли в «русский» сектор. Я оказалась в пересыльном лагере «Роланд». Там было очень много людей. Мы сразу стали раздавать своим американские пайки, но патрульные сказали, что этого делать не следует, так как самим можно умереть с голоду. Они оказались правы. В советском лагере давали только синюю перловку и сухари.

Каждое утро мы видели, как выносят покойников. Моя знакомая сказала: «В шахтах не умерли, так здесь умрём от такой жизни». После разговора я пошла в особый отдел и рассказала, кто мы такие.

Мне предложили составить список всех «наших». Особисты сделали соответствующие запросы и через месяц отправили нас на родину. Привезли в Познань. Была середина осени: темно, холодно. Картошку уже убрали, на полях оставалась ботва, которую мы жгли, чтобы согреться.

Через некоторое время нас вновь погрузили в вагоны и доставили в Брест. Там сказали, чтобы дальше добирались сами. На вокзале мы сели в товарняк, направлявшийся в Гродно. Оттуда поехали в Минск.

Мирная жизнь

Домой я добралась к двенадцати ночи. Стучу. Никто не открывает. Оказалось, моя мать дежурила на МТС. Все думали, что меня уже нет в живых.

О трудностях послевоенной жизни можно рассказывать долго. Было голодно. Мама покупала

«немецкую» лошадь за пятьдесят рублей и потом долго готовила из неё еду.

Как-то накануне Октябрьских праздников моя подруга позвала меня на танцы в Колодищи. Мы поехали, а танцы отменили. Тогда подруга предложила сходить к её сестре и узнать, есть ли танцы в какой-нибудь воинской части. В военном городке я и познакомилась со своим будущим мужем — Дмитрием Карпенко. Его семья погибла в Ленинграде. В Колодищи он приехал забрать семью своего командира, который в тот момент находился в Японии.

Потом Дима мне много писал. Даже курьезный случай произошёл. Он перепутал письма, и мне прислал текст, предназначенный для его знакомой в Сибири, а ей, соответственно, мой. Она устроила скандал, а я на этот факт не отреагировала.

После демобилизации Дима приехал в Смоленска, и мы стали жить вместе. Затем перебрались в столицу, где очень долго (16 лет) жили в коммуналке. Всё это время Дима работал на велозаводе, но квартиры почему-то выделялись другим — начальникам. Никто не обращал внимания на то, что у нас двое сыновей.

Потом дали однокомнатную квартиру и нам.

Авторское послесловие

Мы беседовали 27 февраля 2005 года в литовском санатории «Драугисте» (в переводе с литовского — «дружба»), где вместе лечились. Я, как и все, знал, что передо мной — мама безвременно ушедшего Геннадия Карпенко. Но меня поразило то, что в свои 72 года Вера Михайловна очень хорошо помнит все детали своей биографии.

Ещё одно P.S. 11 февраля 2008 года Вера Михайловна Розум ушла из жизни. Как и её сын, по трагической случайности — умерла от инсульта.

ВАЛЕРИЙ ФРОЛОВ

Обычно всё, что про него говорят, вмещается в схему «танкист — генерал — политик». Хотя сегодня, в свои почти шестьдесят, Валерий Дмитриевич считает себя молодым политиком. По моей просьбе он рассказывает о своей жизни.

Все мы родом из детства

Я родился в Минске 14 августа 1947 года. Отец остался здесь после войны, нашёл «беларускую дзяўчыну» — мою мать (она родом из Пуховичского района). Я был «дитя любви».

В то время развернулась грандиозная стройка автозавода. В ней участвовало очень много людей, и, судя по факту моего рождения, их интересовало не только социальное соревнование.

Жили мы в небольшой комнате на Партизанском проспекте. Тогда было нормой, если в одной квартире жило сразу несколько семей. Нашими соседями были Федотовы. Вовка Федотов в прошлом году погиб, хороший был музыкант — ударник, когда-то играл у Вуячича. Зарабатывал деньги он где-то в Германии, был дирижёром циркового оркестра. Его сестра Римма стала актрисой.

Первые годы детства я провёл у бабушки в деревне. Тогда так было принято: жизнь небогатая, как только дети начинали ходить, их отправляли за город. У бабушки я жил до школы, воспитывали меня одна да тётка.

Деревня называлась Ананичи. По утрам бабушка пекла блины, я ел и шёл играть с деревенскими пацанами прямо на проезжей части — машин тогда было мало. Любимой игрой был пиквер — что-то вроде лапты.

Естественно, детские воспоминания самые светлые — ведь плохое забывается. Вот помню: рассвет, пятеро мальчуганов идут к реке; удочки вырезаны из орешин... Красота!

Учиться я пошёл в пятую среднюю школу. К тому времени мы переехали в более просторную «коммуналку». Соседями (опять повезло!) стали евреи по фамилии Брыль. Он работал инженером, она — учительницей английского

языка. Очень интеллигентная семья. У них в комнате стоял книжный шкаф (по тем временам это было «круто»), заполненный книгами. С тех пор я пристрастился к чтению.

Помню, ведут меня родители в школу. С одной стороны — отец Дмитрий (своего сына я назвал в его честь), с другой — мама Надежда (мою сестру назвали Любовью).

Рядом с домом проходила дорога на овощехранилище. Она имела небольшой подъём. По осени машины притормаживали перед ним, и сразу же из подворотни выскакивала толпа. Самые шустрые забирались в кузов и выбрасывали арбузы. И вкусно, и адреналин расходуется.

Между домами велись жестокие войны. Предводителем нашей компании был Володька Русенкевич (сейчас он главный врач в одной из поликлиник на автозаводе).

Подрабатывали (в основном — на футбольные мячи). Было несколько вариантов. Первый: на месте нынешней ТЭЦ-3 раньше был лес, и перед Новым годом мы вырубали там ёлки и продавали их. Помню, за одну из ёлок я выручил 10 рублей — большой барыш.

Второй способ: сбор металлолома.

И уж совсем «некультурный» вариант, мягко говоря, незаконный — сдача тряпок. Наш дом состоял из трёх подъездов. Так вот, мы пробегали по ним и собирали коврики, лежащие перед квартирами. Получался целый мешок «тряпок».

Из нашей компании, слава Богу, кое-кто ещё остался жив. Недавно собрались бывшим классом. С первого взгляда я узнал только троих.

Учиться. Жениться. Учиться

После семи классов (тогда было так) я пошёл в автомеханический техникум. Это считалось высоким уровнем образования. Начало одного экзамена проспал, но поступить удалось. Учился четыре года и четыре месяца.

Уровень подготовки был высоким. Номер моей группы — 188. Помню, в 1963 году, на Новый год, мы

впервые собрались группой у Иры Зайдель. Тогда нам было по 16 лет, пили вино.

С некоторыми одноклассниками встречаюсь до сих пор. Чаще всего контактирую с Таней Романовской, которая стала Федотовой, после того как вышла замуж за моего погибшего друга Вовку.

На заводе я поработал год во время учёбы и год после окончания. Специальность — зуборезчик, то есть тот, кто режет шестерни. Ровно через подвоя пребывания в рабочей бригаде я мог уже настраивать станки. Для многих это явилось потрясением. Вот так хорошо нас учили в техникуме!

Честно говоря, я почему-то хотел стать «гэбистом», начал наводить справки и узнал, что училище в Алма-Ате готовит охранников лагерей. Мне такая перспектива не нравилась. Кроме того, в нашей бригаде было много бывших военных, попавших под «хрущёвское» сокращение. Они много рассказывали об армии. Плюс военком подсуетился, и в конце концов я решил поступать в Харьковское танковое. Лётчиком мне когда-то хотелось быть, а вот танкистом — никогда.

Помню, первый наряд «на кухню». Помыл неимоверное количество посуды. И вообще, за армейскую службу посуды мне довелось перемыть много... Военный человек должен уметь всё. Я очень хорошо отношусь к современной армии, искренне жалею, что из неё ушло нечто такое, что позволяло стать прекрасным офицером.

О курсантских годах можно говорить долго. Даже как-то не верится, что поступал в училище почти сорок лет назад. Кажется, это было только вчера... В училище была довольно приличная библиотека, я читал книги по ночам под одеялом с фонариком.

К слову: качество подготовки техникума я почувствовал и в военном училище. На одном из занятий по технологии металлов я подсказал преподавателю, возрастному майору, какой-то технический термин, после чего меня освободили от занятий по многим предметам.

Когда писали курсовые работы по деталям машин, я некоторым сокурсникам делал расчёты всего за полтора часа, причём с помощью логарифмической линейки, поскольку калькуляторов тогда не было. Дальнейшее

происходило по известной схеме. (Имеется в виду расчёт со мной.)

Училище закончил без четвёрок, имел право выбора. Естественно, выбрал родную Беларусь. Попал в Лепель, точнее, в Боровку. По союзным меркам, это считалось приличным местом, по белорусским — дыра. Там стал командиром взвода, потом — роты.

В трёхкомнатной квартире нас жило пятеро лейтенантов, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И я решил побыстрее жениться. Через полтора года службы приехал в Минск и одной из главных задач для себя поставил женитьбу.

На второй или третий день отпуска пошёл с друзьями в ресторан «Пралеска» (был тогда такой в Чижовке), там и познакомился со своей будущей женой Наташей. Через неделю мы отнесли заявление. В загсе нам попытались дать какой-то испытательный срок, но я всё объяснил. Вскоре состоялась наша свадьба. Я уехал в часть, жена осталась в Минске — не повезу же я её в своё «жилище»! Со временем мне выделили отдельную комнату, и месяца через три приехала Наташа. С тех пор надолго мы не расставались.

Думаю, именно она больше других беспокоилась о моей военной карьере, именно по её настоянию я поступил в Академию бронетанковых войск. После окончания академии поехал на Дальний Восток (отношения у СССР и Китая тогда были не самыми лучшими).

В Хабаровской области мы прожили восемь лет. В академию поступил, будучи командиром роты, а на Дальнем Востоке стал командиром батальона. Через год меня назначили начальником штаба полка. Ещё через год стал командовать полком.

Жена сначала работала продавцом, потом — воспитателем в детском саду, затем я устроил её «по благу» военнослужащей в соседнюю часть. Там она дослужилась до сержанта.

Полком я командовал целых шесть лет. Обычно этот срок в два раза короче, но я как-то подрался с начальником политотдела. Когда начинал командовать полком, казармы были деревянными, а через шесть лет их стали строить из камня. Одними казармами строительство

не ограничивалось. Попутно отмечу, что это никак не мешало боевой подготовке. Откровенно говоря, думал, что на этом моя карьера и закончится.

После очередных учений заместитель главкома войск Дальнего Востока сказал мне, что после войны ничего подобного он не видел. Меня перевели повыше.

Кстати, комдивом у меня там был полковник Мальцев, нынешний министр обороны республики. На мой взгляд, очень толковый мужик. Благодаря ему в 1989 году я попал в Военную академию Генерального штаба, где проучился два года.

Представление подписал командующий округом Язов. Ко времени моего поступления он стал министром обороны СССР.

После окончания академии я попал в Вильнюс, сменил Усхопчика. Там получил генерала. Моим подчинённым был Масхадов, хороший офицер. Когда он погиб, я испытывал искреннее сожаление, ибо знал его с другой стороны. Встречался с Ландсбергисом, Бразаускасом, Буракавичусом, Ермолавичусом и многими другими.

Беда не приходит одна

Моя жена тоже приехала в Вильнюс. Я заметил, что она стала часто покашливать. У меня были хорошие отношения с тогдашним министром обороны Литвы Буткявичусом, как и с генеральным прокурором Паулаускасом. Я обратился к Буткявичусу с просьбой помочь. У жены обнаружили какие-то проблемы с митральным клапаном. Сделали операцию, поставили искусственный клапан, американский, дорогой. Она прожила после этого больше десятка лет. Операцию сделали в 1993 году, около восьми лет всё было нормально. Потом — инсульт.

Друзей у меня много. Устроили в Москву, в медицинский НИИ. Она раз прошла реабилитацию, второй. Молодец — боролась, мужественная женщина: правая рука у неё почти не действовала, так она писала ею специально.

В последние годы мы были особенно близки. У неё проблемы, у меня — тоже.

Кстати, когда жену готовили к операции, я ехал в Ригу подписывать документы. В Паневежисе на центральной улице со второстепенной дороги в мою «Волгу» врезался КамАЗ на скорости 80 км в час. Я прикуривал, заметил, что аварии не избежать. Крикнул водителю, он затормозил. Наверное, это меня и спасло. Удар пришёлся в двигатель.

Получилось, жену готовят к операции, а я попадаю в реанимацию. В итоге операцию ей отложили. Я оклемался — её «порезали».

Затем у неё случился второй инсульт. Я приехал в больницу, она в тяжелом состоянии. На следующий день приезжаю: сидит на кровати, держит в левой руке хлеб. Боролась за жизнь она здорово.

В январе 2003-го Наташи не стало.

Авторское послесловие

Валерий Дмитриевич пришёл ко мне 6 июля 2005 года. Честно говоря, мне было непривычно видеть, как генерал не может сдержать слёз. Горюют все одинаково. И генералы в армии, и генералы в политике...

ЮРИЙ ХАЩЕВАТСКИЙ

О фильме «Обыкновенный президент» сложно сказать что-то новое, а вот про автора этой работы будет интересно узнать всем. Тем более что по моей просьбе он рассказывает о своей жизни сам. Письменно.

Путь в кино

Ни в детстве, ни в юности — никогда я не мечтал о профессии кинорежиссёра. Хотел быть лётчиком, космонавтом, физиком... Правда, любительская 8-миллиметровая кинокамера у меня была — подарок родителей на 12-й день рождения. Я даже снял несколько роликов во дворе: своих друзей, соседей и свою собаку по кличке Малыш. Кроме того, в школе мы ставили спектакли: я даже играл Берлагу в сумасшедшем доме — в пьесе Ильфа и Петрова «Вице-король».

То есть какие-то намёки судьба мне делала, но я их не улавливал. В то время в стране велась дискуссия «физики — лирики». Я, конечно, был на стороне физиков и поступил в Одесский технологический институт на теплофизический факультет.

Тут-то всё и перевернулось, ведь студенческая жизнь — это водоворот: романтика, гитара, авторские песни... В общем, уже через год я стал одним из членов первой одесской команды КВН — той, где капитаном был Валерий Хайт.

Вскоре и я, и все вокруг стали понимать, что лучше всего мне удаётся именно режиссёрская работа. И я начал всюю заниматься режиссурой: ставил студенческие вечера, режиссировал выступления команды КВН, писал сценарии для телевидения и пытался ставить спектакли в Одесском Дворце студентов. Это и привело к катастрофе: осенью 68-го (!) я организовал в институте поэтический вечер по стихам чешского (!) поэта Людвика Ашкенази, за что меня выгнали из института. Ведь мало того, что я был кавээнщиком — лицом в то время весьма подозрительным и идеологически вредным, я, оказывается, ещё и осуществил политическую провокацию, направленную

против ввода советских танков в братскую Чехословакию. Вот меня и выперли, сославшись якобы на академическую неуспеваемость.

Справедливости ради следует сказать, что героем-диссидентом я не был, так как политикой в то время совсем не интересовался, а о событиях в Чехословакии вообще ничего не знал. Просто мне нравились стихи Ашкенази. Разбираться в политике я стал сразу после отчисления из института — было интересно понять: за что? И постепенно вникал в суть произошедшего. Благо, времени было предостаточно, так как пришлось идти работать грузчиком, а значит, руки хотя и были заняты, голова оставалась свободной. И выводы я сделал довольно быстро. Тем более что столкнулся с реальной жизнью.

Через год в институте я восстановился, но уже твёрдо знал, что возвращаюсь только для того, чтобы успокоить родителей, а на самом-то деле хочу стать театральным режиссёром. Правда, как этого добиться, я ещё не представлял.

Помог случай, а также хорошие люди.

После окончания института я по распределению приехал в Минск, где жила моя жена. К тому времени в Беларуси у меня уже были друзья — всё те же кавээнщики (КВН — это что-то вроде мафии: все друг друга знают и поддерживают). Моими минскими друзьями были Аркаша Рудерман, Яша Свирский, Лёня Бондарович и Феликс Соловейчик (он же впоследствии Исаков). В то время КВН как раз прикрыли, но мы объединились и продолжили работать: писали сценарии для молодёжной редакции белорусского телевидения. Поддерживала и проталкивала нас вся редакция. Больше всех с нами возился редактор «молодёжки» Сергей Виноградов, но помогали и Хадарин, и Пенигина, и Петруша, и Чуланов, и Чернушевич — всех не перечислить. Это была первая наша профессиональная школа, где мы многому научились.

Здесь и произошёл тот самый Его Величество Случай. Мы с Аркашей Рудерманом писали маленькие пьесы для детской редакции, и, как это обычно бывает с авторами, бурно спорили с режиссёром — Аллой Иосифовной Матюкевич о том, как нужно эти пьесы ставить. И Алла Иосифовна поступила потрясающе: она предложила

главному режиссёру редакции, Николаю Павлову, дать нам возможность самим побыть режиссёрами. И Павлов рискнул.

В дневном эфире нашу постановку случайно увидела директор «Белторгрекламы» Светлана Степанова, которая предложила нам с Аркашей идти работать режиссёрами в рекламу. Так в моей трудовой книжке появилась запись «режиссёр телегруппы».

Но мы с Аркашей понимали, что необходимо иметь ещё и специальное образование. Попробовали поступить в Белорусский театрально-художественный институт (БГТХИ), но там мы проходили под кодовым названием «два еврея из рекламы» и, естественно, получили по «неуду» на экзамене по режиссуре. Я к этому провалу отнёсся философски, а вот на Аркаше, помню, лица не было — его ведь завалили уже во второй раз! Спасла ситуацию моя жена, которая буквально выпихнула нас в Ленинград поступать в театральный институт (ЛГИТМиК), куда мы поступили легко и где проучились пять незабываемых лет.

Наш заочный курс режиссёров вёл великолепный мастер — Владимир Латышев. И все мы обязаны ему прекрасной профессиональной школой.

Вообще-то я считаю, что заочная форма обучения режиссёров самая действенная. Представьте себе: двадцать часов в сутки (а иногда и вовсе без сна) вы учитесь профессии. Так продолжается целый месяц. Потом вы уезжаете домой, где в течение полугода применяете полученные знания на практике. И так два раза в год. Теория естественным образом переплеталась с практикой, и через пять лет мы были готовы к самостоятельной работе значительно лучше, чем студенты очных отделений.

Кстати, сейчас я начал писать книгу, в которой хочу изложить концептуальные принципы ленинградской школы документального кино и вообще описать то, как и чему нас учили. Надеюсь, я смогу завершить эту книгу, и уверен, что она очень пригодится тем, кто захочет работать в кино или на телевидении в будущем.

К моменту окончания института я уже работал на телевидении, в главной редакции пропаганды. В данном случае пусть никого не смущает страшное слово «пропаганда» — большего количества антисоветчиков,

собранных в одном месте, я до того времени не встречал нигде. Кроме того, мои коллеги по редакции были прекрасными профессионалами, и я многому научился у них. Правда, и сам их кое-чему учил — ленинградская школа давала о себе знать. Во всяком случае, в редакции я считался очень сильным режиссёром: много придумывал, не боялся новой техники и умел ею пользоваться.

Тогда же я понял, что такое творческий коллектив, как много он может создать и как много может погубить — всё зависит от атмосферы, внутреннего климата.

Как мне кажется, настоящая творческая атмосфера в редакции поддерживалась в первую очередь благодаря главному редактору — Юрию Николаевичу Новикову. При этом он не был особенно силен как творец — его журналистские опусы были порой наивны, а иногда и попросту смешны. До сих пор со смехом вспоминаю его закадровый текст к одной из праздничных передач: «...вот уже 60 лет мы в одной руке держим винтовку, а в другой серп и молот. Эх, если б нам свободных две руки!..». Помню, как мы тогда всей редакцией подняли его на смех, а он только по-доброму ворчал, как мог отбивался, а потом согласился с нами, что это глупость.

Мне кажется, что настоящий руководитель должен быть именно таким — не боящимся признать свои слабости, не теряя при этом достоинства.

Но зато он умел рассмотреть творца в каждом из нас, умел защитить нас перед «вышестоящими», отстаивать наши позиции! Этого нынешним лизоблюдам с белорусского телевидения никогда не понять, это им недоступно.

Вот так и проработал я несколько лет на Белорусском ТВ, в разных редакциях, с разными журналистами, делая передачи самого разного жанра: и рекламу, и ток-шоу, и конкурсы, и игры, и трансляции, и даже концерты и спектакли.

Правда, я уже тогда стал подумывать о кино.

И тут опять помог случай.

Первый фильм

От сценария о работе Глубокского райпотребсоюза отказались все кинорежиссёры, и главный редактор

белорусского «Телефильма» Николай Павлов предложил его мне. (Это был тот самый Павлов, который в своё время рискнул и дал нам с Рудерманом первую постановку в детской редакции, благодаря чему мы и стали профессиональными режиссёрами.)

Естественно, я согласился, даже не читая сценария: глупо было бы упустить такой случай. Сценарий же, между тем, был очень неплох — в нём было то, что обязательно должно быть в сценарии: интересные герои, реальный конфликт и, что самое ценное, ощущение будущего жанра.

Более того, авторы Майя Мартынюк и Нелли Клименко разработали его не в привычном для того времени (да и для нашего времени тоже!) стиле сплошных интервью, а в ситуациях, которые, по замыслу сценаристов, должны были разворачиваться на глазах у зрителей.

Именно это последнее обстоятельство и вызывало сомнения у других режиссёров. И именно такой подход predetermined будущий успех фильма.

Что же касается жанра, то всё в сценарии, начиная с названия — «Тихая жизнь в Глубоком», указывало на то, что снимать надо с доброй и ироничной улыбкой. В итоге должна была получиться документальная комедия.

Итак, мне повезло со сценарием, но ещё больше повезло с предварительным обследованием объекта съёмки. Дело в том, что в Глубокое мы поехали в конце марта. Те, кто помнят времена социалистической плановой экономики, знают, что конец марта — это конец квартала, а в конце квартала трясло всех: нужно было обязательно (хоть удавись!) выполнить производственный план по всем спущенным сверху показателям. И атмосфера на любом советском предприятии тогда накалялась до предела, ведь на карту ставилась квартальная премия всех работников без исключения.

Правда, причина, по которой мы приехали в Глубокое именно в указанное время, к искусству кино никакого отношения не имела. Просто в райпотребсоюз в конце квартала всегда присылали дефицитные товары — так областное начальство помогало районному с выполнением плана. И мои коллеги-женщины (авторы Майя Мартынюк и Нелли Клименко, а также редактор фильма Татьяна

Лунёва) правильно сообразили, что в это время они смогут приобрести в Глубоком что-нибудь дефицитное. Если же принять во внимание тот факт, что главной героиней фильма должна была стать председатель райпотребсоюза, то совершенно очевидно, что надежды на получение дефицита у моих коллег были далеко не беспочвенными.

Главная героиня, Ангелина Жукова, меня как режиссёра сразу же потрясла. Вообще режиссёру очень полезно влюбляться в своих героев. Я, во всяком случае, влюблялся почти во всех (исключение — главный герой фильма «Обыкновенный президент»: к нему я испытывал не любовь, а другое, не менее сильное чувство).

Что же касается Жуковой, то она действительно была хороша: мало того, что умна и красива, так ещё и обладала невероятной энергией, которой заряжала всех вокруг. Я сразу понял, что найти такую героиню — безусловная удача.

В итоге наш приезд в конце квартала определил и сюжет будущего фильма: было очевидно, что снимать нужно про то, как, какими усилиями «делается» план. Поэтому съёмки главной героини я запланировал на конец июня, а это был не только конец месяца и конец квартала, но и конец полугодия. «Температура» происходящего должна была подняться ещё выше.

И вот почти весь июнь мы потихоньку снимаем всё, кроме основного — главной героини. Нам не очень везёт с погодой: часто идёт дождь. Оператор Володя Гурьян злится на меня за то, что синхронную камеру «Дружба» я заказал на конец месяца — ведь пока идут дожди, можно было бы снять интервью с Жуковой, но без «Дружбы» это сделать невозможно, так как несинхронная камера «Конвас» трещит, как трактор.

Наверное, я бы сдался, но неповоротливость нашей тогдашней технической базы послужила во благо: раз я запланировал эту камеру на конец месяца, то и получил её только в конце месяца. И за два последних дня июня в кабинете Жуковой мы сняли весь основной сюжет «борьбы за план».

Я помню, с какой настороженностью худсовет «Телефильма» пришёл на первый просмотр, помню своё волнение, но больше всего помню первый смешок в тёмном

зале, за которым последовал дружный хохот членов худсовета. И хохот не смолкал до тех пор, пока не погас экран.

Через пару месяцев мой первый фильм «Тихая жизнь в Глубоком» получил Гран-при на Всесоюзном фестивале телефильмов в Киеве. Было это в 1985 году.

Семья

Каждый человек должен рассказать о своей семье. И не кому-нибудь, а самому себе. Без этого, мне кажется, невозможно понять, кто ты есть, откуда такой взялся и зачем живешь?

Мои родители познакомились перед войной на Спартакиаде народов СССР: он еврей — она русская, он из Одессы — она из Москвы. Оба были спортсменами: отец — гимнаст и пловец, а мать занималась многоборьем.

Помню, когда я учился в 11 классе, мать принесла мне в школу забытые дома ключи. Шёл урок физкультуры, и мы метали гранату.

— Дай-ка мне! — сказала мама.

Она забрала у меня гранату, прищуренным глазом оценила длину школьного пустыря, разбежалась и...

От удивления учитель физкультуры даже присвистнул — граната улетела метров на 15 дальше самого дальнего нашего броска. Нам было тогда лет по восемнадцать, а маме — под пятьдесят.

Отец привез её в Одессу накануне празднования Нового год: шёл 41-й.

Снова они встретились только в конце 46-го — отцу после немцев пришлось повоевать ещё и с японцами. Он вернулся с четырьмя (!) медалями «За отвагу», с орденом Славы на груди и с бессильно повисшей вдоль туловища левой рукой. Ему предлагали оформить инвалидность, но он отказался (инвалидом быть не хотел) и ежедневно упорно разрабатывал эту свою руку.

Через много лет отец за праздничным столом, устроенным в честь его 50-летия, выпил рюмку водки (уж не знаю, какую по счёту), опёрся искалеченной рукой на стол и, не особо напрягаясь, сделал на ней (!) силовую

стойку. Я никогда не умел делать стойку — ни на одной, ни на двух руках.

Моё отчество по паспорту — Иосифович, но наши одесские друзья и соседи называли отца иначе — Ёся.

Слово «жид» я услышал раньше, чем слово «еврей». Это случилось на первомайской демонстрации. Отец вёл меня за руку, он был в выходном костюме с орденами и медалями, и я гордо вышагивал рядом. Мы уже нагулялись, устали, возвращались домой и пытались пройти через милицейское оцепление. Милиционер нас не пустил. Вот от него-то я впервые и услышал — «жид». Это он сказал об отце, улыбаясь и глядя ему в глаза. Если бы не я, была бы драка — я знаю точно, я видел, как отец легко укладывал троих таких, как этот «мусор». Но отец был со мной, он за меня отвечал. Поэтому только сжал кулаки и повёл меня в другую сторону.

Что ещё я знаю о моей еврейской половине? Знаю, что брат отца, дядя Сёма, погиб 10 мая 1945 года в Праге. Помню бабушку, она жила с нами. Её звали Ребекка Соломоновна, она говорила на непонятном, а оттого страшном языке — идише. Из-за этого языка я её недолюбливал. Но когда она умирала, я долго плакал. Отец тоже плакал, но потихоньку — так, чтобы никто не увидел. А я видел.

Почти каждое лето мы ездили в Подмосковье, к дяде Вите — Виктору Ивановичу Жбанову, маминому брату. С отцом они очень дружили, на отдыхе часто (но без фанатизма) выпивали. Выпив, оба начинали хвастаться своей силой, не уступая друг другу ни в чём.

Был, правда, у дяди Вити один «фирменный» номер, который отец повторить не мог. Он брал тяжеленный колун за самый край топорща, зажимал его между указательным и безымянным пальцами и начинал медленно вращать по часовой стрелке. И так много раз.

Я потом пробовал это повторить — ничего не получалось. Более того, за всю свою дальнейшую жизнь я так ни разу и не встретил человека, который смог бы это сделать.

Мамина сестра, тётя Маруся, работала конструктором в КБ Королёва, в Подлипках (Звёздный городок). Это была государственная тайна, но все в семье об этом знали. И,

естественно, знали об этом все мои друзья. Но и они тоже этот секрет тщательно «оберегали» и открывали тайну только самым близким людям — своим друзьям и соседям.

Когда запустили первый спутник, я благодаря своей тётке почувствовал прямо-таки родственную связь с космосом и решил стать космонавтом. Родители не возражали, говорили: учишься, и тогда обязательно полетишь!

Школу, где я учился, замечательно описал Александр Крон в своей повести о Маринеско. Из этой повести я и узнал, что герой-подводник, «личный враг фюрера номер один», учился в той же школе, что и я. Правда, в то время мы, дети, ничего об этом не знали, потому что имя Маринеско было под запретом. Только через много лет, прочтя повесть Крона, я вдруг отчётливо вспомнил, как наша классная вполголоса рассказывала о каком-то моряке, который учился в нашей школе.

Те послевоенные годы от всех последующих отличались прежде всего ощущением близости неминуемого счастья. Вот, например, я представляю себя на войне на месте своего отца — в грязи, в окопе, под пулями и задаю себе (как бы ему) вопрос: в чём моё счастье? Ответ простой: выжить, вернуться домой, обнять жену, родить и вырастить детей. И ответ простой, и счастье простое.

А наши учителя? Бьюсь об заклад: для них счастьем было просто учить нас. Они дневали и ночевали в школе, устраивали для нас разнообразные кружки, концерты самодеятельности, ходили с нами в походы и даже организовали школу танцев.

Большинство из них после войны остались в одиночестве, и мы, ученики, стали их детьми.

Вообще в те послевоенные годы дети реально, а не на словах, были наивысшей ценностью, и наши родители тянулись изо всех сил, чтобы поднять нас на какой-то другой, для них самих недостижимый уровень.

Помню, как меня решили учить музыке. У нашей соседки по коммунальной квартире было пианино, и она стала давать мне уроки. У нас пианино не было, но отец нашёл выход: он раздобыл где-то нарисованную клавиатуру и заставлял меня «играть» на ней. Правда, толку с такого учения было мало — нужен был настоящий

инструмент. А поскольку денег на пианино тоже не было, то мне купили аккордеон. И каждый вечер отец клал этот аккордеон к себе на колени, я усаживался напротив и начинал играть, как на пианино. А отец разводил и сводил меха — качал воздух. Эта экзекуция продолжалась не меньше часа. «Ты не устал?» — с надеждой спрашивал я. «Ничего-ничего, не беспокойся, играй. Мне полезно, я разрабатываю руку» — стиснув зубы, отвечал он.

Это и было счастье — такое, каким родители его себе представляли. В конце концов, они добились своего, вывели нас на новый уровень. Парадоксально, но именно это обстоятельство и породило драматическую коллизию: мы выросли другими, и наше представление о счастье тоже было другим. И всё чаще от старших мы слышали упрёки: «Тебе что, больше всех надо? Слишком умным стал!»

Они были правы: их счастье было в том, чтобы довольствоваться малым. Но и мы были правы — для счастья нам нужно было значительно больше. Они хотели, чтобы мы стали просто хорошими инженерами, а нам нужны были дальние страны и алые паруса.

Это был не пресловутый конфликт поколений, это родились и стали разбегаться, по законам Галактики, параллельные миры.

Так или иначе, но играть на пианино я научился, а позже освоил и несколько аккордов на гитаре. Благодаря этим аккордам я и познакомился со своей будущей женой.

У неё был ироничный склад ума, острый, как бритва, язык и очень красивые ноги. Звали её Тамарой, она приехала из Минска в Одессу с друзьями в надежде отдохнуть, и я устроил ей тот ещё отдых («тот ещё отдых» я устраиваю жене до сих пор). Пару лет после этого мы переписывались и в конце концов поженились.

В загсе мы долго ожидали вызова на церемонию росписи. Начало процедуры почему-то задерживалось, и в нашей всегда весёлой компании повисла напряжённая тишина. Вдруг Тамара посмотрела на часы, сокрушённо вздохнула и сказала: «Ох, и засиделась же я в девках!» Раздался дружный хохот.

Ей тогда было 22 года, и она не умела зажигать газ. Подозреваю, что и её мать, а соответственно моя тёща,

Фаина Львовна, тоже этого не умела. В доме всё делали бабушки — родные сестры Ася Марковна и Фрума Марковна. Впрочем, по отчеству в нашем доме их никто не называл — просто Ася и Фрума, как лучших подружек.

Они любили нас беспредельно, отдавали нам лучший кусок, потакали во всём и исподволь, незаметно управляли нашей жизнью.

Когда я просыпался, я слышал из-за двери голос Фрумы: «Асенька, какой ужасный на улице ветер! Разве можно сегодня выходить без шапки?!»

Я шёл в туалет, а из-за двери опять доносилось: «Без шапки сегодня можно заработать воспаление легких!»

Я садился завтракать, и снова: «Юра, у Вас такая красивая шапочка! Вот она висит в прихожей, на вешалке!»

Конечно же, всё кончалось тем, что в тёплую погоду я выходил из дома в шапке, которую терпеть не мог.

Весь дом был буквально пронизан любовью, заботой и пониманием. Правда, с тётцей, Фаней, однажды мы всё-таки поссорились: не сошлись во взглядах на итальянский неореализм.

Вечерами дом был полон друзей. Мы допоздна пели под гитару, рассказывали анекдоты, резались в преферанс и даже крутили рулетку. Было шумно, но поскольку это нравилось нам с Тамарой, то это «нравилось» и Фане, и Асе, и Фруме.

Тетради моя жена проверяла по ночам (она была учительницей русского языка). Я терпеливо ждал, иногда помогал, стараясь «ускорить процесс». До сих пор помню некоторые фамилии: Криштафович, Дрындрожек... Помню тетрадки Гены Шульмана — даже по ним было понятно, что это способный хулиган.

К счастью, проверка тетрадей не помешала рождению сына. Когда я забирал его и жену из роддома, он сладко спал. Я взял сына на руки, а он вдруг открыл один глаз и внимательно посмотрел на меня. Это был странный взгляд, но теперь-то я понимаю, что просто будущий программист элементарно меня отсканировал.

Как он плакал по ночам, я не помню. Лучше всего об этом могли бы рассказать Ася и Фрума, но их уже нет. Они

уходили от нас по очереди: сначала старшая, Ася, а потом и Фрума.

К тому времени Тамара уже умела не только зажигать газ, но также менять утки и бороться с пролежнями. Мы возвращали долги.

Вот, собственно, и всё о моей семье. Что-то, возможно, я приукрасил, а что-то недосказал. Впрочем, кто поступает иначе?

Да, забыл рассказать ещё вот о чём: и мои родители, и родители моей жены научили нас самому главному на свете бизнесу — все свои средства вкладывать в детей. Лет пятнадцать назад, в начале 90-х, я получил в Германии приз — пять тысяч немецких марок, сумму по тем временам несусветную. Жена взяла в руки эти деньги, подумала и предложила: «Давай купим Тимке компьютер. Он ведь так это любит!»

На компьютер и потратили всё до копейки.

Недавно, когда моему сыну нужно было лететь в очередную командировку — в головную организацию фирмы, в которой он работает (фирма разрабатывает программное обеспечение по всему миру), он огорчённо вздохнул и занял: «Ну вот, опять в Париж... Надоело!»

У него тоже своё, другое, представление о счастье. И нам с женой это нравится.

P.S. Я уже дописывал рассказ о своей семье, когда подошла Тамара и спросила: «А про наших собак и котов ты написал? Нет? Тогда обязательно напиши, а то подумают, что наша семья неполная!»

Взгляд на настоящее

Редактор, попросивший меня изложить свой взгляд на настоящее, прислал пояснение того, какой материал он хотел бы от меня получить. Вот это пояснение: «Как и все предыдущие вопросы, этот тоже без политики. Вы много где бываете, а поэтому Ваш взгляд на то, что происходит в мире и в нашей стране, особенно интересен».

Ну что ж, я действительно много где побывал. И у меня сформировался свой взгляд на то, что происходит в мире. Попробую объяснить этот «свой взгляд» на одном примере.

Дело было в Америке. Мы с моей школьной подружкой ехали на машине из Чикаго в штат Висконсин, чтобы увидеть один из самых необыкновенных музеев США — “House on the Rock”, по-русски “Дом на скале”. Я сидел за рулём, мы съехали с хайвэя на небольшую двухполосную дорогу, въехали в маленький городок, и тут я увидел дорожный знак, смысла которого не понял. В Америке очень часто под знаком есть ещё и поясняющая надпись, а поскольку скорость была большая, то прочесть надпись я не успел.

— Что там было написано? — спросил я у своей подружки.

— А это, милый мой, тебя предупреждают, что здесь живёт глухой ребёнок, и ты должен ехать помедленнее, — ответила она.

— Здесь что, интернат для глухих детей? — я притормозил.

— Нет, не интернат, просто здесь живёт один глухой ребёнок. Видимо, вон в том доме, — и подружка кивнула в сторону небольшого аккуратного дома, мимо которого мы как раз проезжали.

— Это что, они установили знак ради одного ребёнка?

— Конечно, иначе мэра этого городка ни за что бы не выбрали!

Так я на деле познакомился с движущей силой американских выборов.

Позднее, по приезде домой, я везде, где только мог, взахлёб рассказывал об этом дорожном знаке. Мои собеседники скептически морщились, и все как один отвечали почти одно и то же:

— Они это делают не от чистого сердца, а потому, что им нужны голоса.

— Да на...рать мне на то, что не от чистого сердца! — я начинал заводиться. — Главное, что они это делают! Делают! А наши “от чистого сердца” умеют только человека в грязь втоптать. И ещё воровать — тоже от чистого сердца.

— А там что, не воруют?

— Думаю, что тоже воруют, только не как у нас — не все, или не абсолютно все. И знак ради одного глухого ребёнка в отличие от наших ставят!

Вот так. Рассказал эту историю и понял, что одно из пожеланий редактора — обойтись «без политики» — я выполнить не сумел. Хотя история эта простая, житейская.

Дальше — больше. Высказаться «без политики» о том, что происходит в нашей стране, на мой взгляд, попросту невозможно. Правда, недавно одни пацаны попробовали «без политики», даже придумали себе название — «Третий путь», имея в виду, очевидно, то, что первые два, путь власти и путь оппозиции, — это не для них, это политика.

Но ничего не получилось. Оказалось, что делать мультики так же стрёмно, как и выходить с протестами на улицу. Они не пошли в политику? Ну что ж, не беда, политика сама пришла к ним. Ничто не забыто, никто не забыт!

В общем, единственное, что я могу попробовать сделать, дабы удовлетворить просьбу редактора, — это не ругать власть. С ней и без моей ругани всё ясно. Я предлагаю другое: давайте спокойно, без скандалов, разберёмся с самими собой.

Пару лет назад мне довелось отсидеть 10 суток в изоляторе временного содержания на Окрестина за участие в несанкционированном митинге под девизом «Так жить нельзя!». В день, когда меня выпустили, я встретил своего хорошего знакомого, бизнесмена.

— Как дела? — спросил я его.

— Ой, плохо! — вздохнул он. — Ну когда же вы там что-нибудь сделаете?!

Никогда! Никогда «мы» не сможем «что-нибудь сделать» без него. Но он этого не понимает — он, хоть и бизнесмен, но всё ещё СОВОК. И ждёт свободу так же, как когда-то ждал квартальную премию и тринадцатую зарплату: дадут или не дадут?

Не дадут!

Свобода не девушка по вызову, она — дама порядочная, ей нужна ЛЮБОВЬ.

В общем, должен огорчить своего приятеля: без ЕГО любви к свободе ЕГО бизнес невозможен. Причём закон этот универсальный, он касается всех. Вопрос только в одном: когда мы это поймём?

Когда это поймут белорусские селяне, которые с завистью смотрят на городских, чья «среднемесячная зарплата составляет 209 (!) долларов США»?

Когда это поймут горожане, которые с завистью смотрят на селян, чья «среднемесячная зарплата составляет 150 (!) долларов США»?

Когда это поймут предприниматели, которые с интересом наблюдают за тем, как избивают журналистов?

Когда это поймут журналисты, которые с увлечением пишут статьи о том, как сажают предпринимателей?

Когда же, наконец, мы, партизаны, выйдем на свободу, каждый из своего лесочка?

А вообще-то правильно взглянуть на настоящее можно только после того, как заглянешь в будущее.

Загляните, не пожалеете.

Авторское послесловие

Монолог Хащеватского мне прислали по электронной почте 30 августа 2005 года из «Хартии». По каким-то техническим причинам Наташе Радиной удалось сделать это только с третьего раза, и за старания ей отдельное спасибо. Как выяснилось, «напрягал» её я не зря.

ЮРИЙ ХОДЫКО

Заместителя председателя партии БНФ, профессора Юрия Ходыко знают как одного из наиболее рьяных борцов за демократические ценности, но сегодня речь не об этом. По моей просьбе Юрий Викторович рассказывает о своей жизни. В его монологе есть, наверное, и объяснение пресловутой «неформальности».

Первые воспоминания

Я родился в Минске 23 июня 1938 года в семье строителей. Мой отец инженер, родом с Полоччины. Мама из российских беженцев. Отец «нашёл» её во время студенческой практики на кирпичном заводе в городке Красноармейске, который находится западнее Донецка (тогда — города Сталина). Мамина семья (мои дедушка и бабушка) бежала в Красноармейск из-под Курска, мама по национальности русская.

В этом плане более интересна отцовская история. Он участвовал ещё в гражданской войне. Помнил, как его отец по имени Лука подавал прошение царским властям о возвращении фамилии, которой род был лишён за участие в восстании Калиновского. Фамилией Ходыко не пользовались, была кличка «ляхи», как и у всех участников восстания.

Отец ценил свою фамилию, во всяком случае, он отказался от переделки её в «Ходаков» (в армии в гражданскую войну ему настоятельно советовали).

Очень тяжёлое впечатление на отца произвело подавление «мятежа» в Кронштадте, как преподносила это событие большевистская пропаганда. Там он был телефонистом, так как имел четыре класса образования церковно-приходской школы и считался грамотным.

Когда Ленин объявил мобилизацию, отец не остался служить, вернулся домой. Какое-то время занимался «культурным сельским хозяйством», а потом понял, что четырёх классов явно недостаточно и нужно учиться. С трудом поступил на рабфак: крестьянину туда попасть

было невозможно, но отцу это удалось, так как с 1926 года он был членом партии.

После рабфака отец преподавал историю в Могилёвской области. (До сих пор не могу себе простить, что не узнал, где конкретно.) В 1931-м он решил учиться дальше. Тогда ему уже исполнилось 30 лет. Без экзаменов его взяли на истфак БГУ. (Очень долго я не мог понять почему. Понял это, осознав все особенности нашей истории, так как родители избегали правдивых рассказов про тридцатые годы.)

Затем отец пошёл в политех. Рабфаковского образования не хватало, но поскольку у него была очень правильная биография — из селян, участник гражданской войны, член ВКП(б), его приняли на подготовительные курсы. Год он учился алгебре, и с тех пор очень почитал математику вообще. Успешно закончил строительный факультет, а на последнем курсе нашёл себе жену.

Как я понимаю, в значительной степени это тоже было духом времени. Русская по национальности жена могла быть гарантией от возможных преследований.

Поначалу его распределили в Горки, где и родилась моя сестра, но в 1940-м отец оказался в Волковыске: его зачислили в одну из строительных частей НКВД, он строил «линию Сталина».

Как раз с Волковыском и связаны мои первые детские воспоминания. 1941 год. Мне около трёх лет. Мать была поражена «крамками», то есть маленькими магазинчиками Западной Белоруссии. В одной из таких крам она меня «забыла». Вращающиеся двери, я толкаю их и хожу по кругу. Через какое-то время прихожу в ужас и начинаю орать. Помню, какой-то человек берёт меня за руку, вводит в помещение и отдаёт матери. Мне запомнились его офицерские сапоги.

Перед началом войны мать увезла нас на лето в Красноармейск.

Отец рассказывал, что имел бронь, но не воспользовался ею и оказался в рядах десятой армии, где командовал небольшими подразделениями сапёров.

Он воевал с 1941 по 1944 год. В конце июля 1944-го в Закарпатье во время довольно дальнего рейда в тыл противника (видимо, с целью разведать пути движения

войск) подорвался на mine, которую, скорее всего, установили бойцы украинской повстанческой армии. Его, старшего лейтенанта и человека пожилого, солдаты вынесли на руках за линию фронта, что, на мой взгляд, свидетельствует об авторитете отца в той части, где он служил.

О войне отец почти ничего не рассказывал, только несколько эпизодов. Вот один из них. В 1941 году большая часть войск попала в окружение, и он выходил к своим в компании двух евреев. Шли в основном ночью. Днём евреи говорили: «Ходыко, сходи в деревню за продуктами. Тебя не выдадут, а нам рискованно». Отец ходил. Из окружения они вышли. Свою часть догнали под Смоленском. Запомнилось, что спать в землянке приходилось стоя — настолько она была переполнена.

В 1943-м Красноармейск освободили, и отец приехал на побывку.

Помню, я забрался на шкаф, где лежал отцовский пистолет, и взял его в руки. Он бросился ко мне и отобрал оружие.

Второй раз я увидел отца, когда он был ранен. Санитарный поезд шёл через наш город. Мать взяла меня на станцию.

В госпиталях отец провёл много времени: с августа 44-го почти до самого конца войны. После войны в нашем «полуеврейском» городе он пользовался огромным авторитетом в той конторе, которую возглавлял.

«Учиться, учиться и еще раз учиться...»

В конце мая 1945-го мы вернулись в Минск. Отцу дали небольшую квартирку в доме в самом «устье» улицы Мясникова. (Тот дом давно снесён.) Жили мы недалеко от деревянной церкви, которая считалась железнодорожной.

В том же году, осенью, я пошёл в 60-ю школу. Она находилась недалеко от бетонного моста, что на улице Красивой. Той улицы уже нет, её название упоминается одним поэтом, а здание школы сохранилось.

Наша школа была особенной, в том смысле, что там учились только мальчики. Она чем-то напоминала

английскую школу, так как порядки были строгие. Дисциплина считалась нормой.

Меня туда устроили с трудом, в последний момент. Я начинал учиться в первом «Е». После войны пошли учиться дети разного года рождения. Школа была сильно перегружена и работала в три смены.

Первой моей оценкой была двойка. Учительница, Нина Сидоровна Ровдо, посадила меня за первый стол. (Парт тогда не было, сколачивали столы.) Мой стол оказался «раненым» — одна ножка была поломана. Мы выводили в тетрадях перьевыми ручками палочки. На одном из перерывов мой стол опрокинулся, чернила разлились. На первой странице моей тетради образовалась огромная клякса непроницаемо-синего цвета. И хоть я очень старался выписывать палочки красиво, учительница поставила мне двойку.

Потом у нас с ней сложились хорошие отношения, покояль за все четыре класса я имел почётные грамоты.

У Нины Сидоровны была партизанская биография. Это была ещё молодая женщина, но уже седая. Она умела красиво петь, и ко всем праздникам ей поручалось готовить какую-нибудь песню. Поскольку школа была мужской, она могла подготовить только выступление хора мальчиков, причём лишь из своего класса.

Помню свой первый художественный «опыт». Мы разучивали песню, которая мне очень нравилась, особенно припев: «Там, где пехота не пройдет...». Я очень старался, но учительница обнаружила, что у меня нет музыкального слуха, и попросила больше не приходиться...

После первого класса мы учились в основном в третью смену.

Уже были парты. Тяжёлые.

Директор школы (он был без руки) устраивал неожиданные проверки: заставлял все парты поставить на попу, чтобы было видно днище, где ученики хранили незволенные предметы — ножички, бритвы и т.п. Так укреплялась дисциплина.

Было довольно темно. Зимой при дневном свете мы занимались только на первом уроке, а потом — неяркий свет лампочки. А наши хлопцы придумали удивительный способ борьбы с электричеством. Лампочка выкручивалась,

слюнявился кусочек промокашки и вставлялся в патрон. Какое-то время, пока не высохла слюна, ток поступал, и свет горел. Потом лампочка неожиданно гасла, и уроки приобретали чисто символический характер.

Учительница нашла замечательный способ обучения, который был опробован на мне и моём друге Саше Невзорове. Когда свет гас, она просила рассказать содержание книг, которые мы прочли. Нам ставили пятёрки, поскольку читали мы много — жили ведь недалеко от Пушкинской библиотеки, которая находилась тогда за нынешним Дворцом Республики.

подавляющее число моих одноклассников считали, что всегда найдутся те, кому быть рассказчиком. В итоге интерес к литературе у них пропадал. (Умение правильно говорить потом принесло мне немало дивидендов.)

Попутно отмечу, что учительница не чуралась и наказаний. Следует отметить, совершенно справедливых.

Тогда очень сильно было влияние улицы, куда как магнитом тянуло. Не избежал этого влияния и я. В третьем классе после самой большой четверти у меня в дневнике появилось много нехороших оценок. Я их стёр. Мама следила за моей учёбой и думала, что у меня всё хорошо. Учительница же внесла ясность. Влетело мне очень сильно.

В старших классах мои отношения с учителями уже были более сложными. Была, например, у нас учительница русского языка — Нонна Яковлевна Нестерова. Если бы не фамилия, назвать русской её было бы трудно. Она была очень большим педантом, а я как-то опростоволосился. За лето успел забыть многое, чему учили. Нестерова же начала наше обучение с диктанта. Ошибок я наделал множество, и до конца седьмого класса завоевать авторитет у неё мне так и не удалось. Тем более, что в седьмом классе я совершил «грубую политическую ошибку». Я прочитал какую-то книжку про порт-артурскую эпопею, остановился на некоем царском адмирале с явно немецкой фамилией и написал о нём сочинение. Это было через несколько лет после войны. Естественно, мои усилия были оценены очень низко.

Кстати, успехи в школе тогда оценивались должным образом. У нас не было такого, что кто-то не хочет «высовываться». У меня часто просили списать. Отказать

было неприлично, хотя отношения между ровесниками у нас были довольно жёсткими. Мы часто дрались, до первой крови. Мне до сих пор стыдно, что я не вступился за мальчика, которого били за хождение в калошах и за то, что он — поповский сын.

А ещё у нас был один цыган с патологической склонностью к вранью. Мужской коллектив раздражала откровенная ложь, и влетало ему очень сильно, но что паразитально: после побоев он снова врал.

Порой доставалось и мне.

До 1949 года мы жили очень бедно. Мать не работала. Родилась ещё одна моя сестра, которая заболела полиомиелитом. С нами жила мать мамы, моя бабушка, она работала санитаркой.

Отец хромал, стал инвалидом, работал в какой-то конторе.

Жить на две зарплаты было сложно. В 1948 году у отца случился большой конфликт с властью. Родители прочитали какой-то призыв к строительству индивидуального жилья. Для этого выделялся кредит. Мы жили в двух маленьких комнатах. К нам часто приезжали мамины родственники, постепенно все они перебрались в Беларусь. Какое-то время они жили у нас, теснота была невероятная.

В силу этих обстоятельств было решено строиться.

В парторганизации это вызвало недовольство. Вначале отцу предложили жильё в Молодечно. Моя мать была очень своенравной женщиной. Она была младше отца на 11 лет и часто командовала им. Так вот, она сказала, что в Молодечно не поедет ни за что, потому что дети должны учиться в Минске.

Отец отказался от предложения и вопреки мнению парторганизации взял кредит. Его исключили из партии и сразу же уволили. Он стал писать апелляции, в том числе и в Москву. Пока длилась переписка, наше материальное положение ухудшилось ещё больше.

Из Москвы пришёл ответ, в котором говорилось, что коммунист Ходько имеет право строиться в Минске. Отец купил в деревне дом и перевёз его. Так мы стали жить недалеко от моей школы.

Естественно, отца везде восстановили — и в партии, и на работе. Вскоре он стал начальником конторы «Белпромсельстрой», которая специализировалась на строительстве кирпичных заводов. Потом она стала проектным институтом.

Так что непокладистость — в генах.

После переезда в новый дом появился какой-то огород. Стало лучше с питанием, и я растолстел, что в мужской школе было воспринято не очень хорошо. Меня стали бить. Сохранилась фотография, где у меня горбинка на носу, — это было результатом удара.

Увеличение размеров моего тела послужило причиной для занятий спортом. И вскоре моя фигура вновь стала нормальной.

В восьмом классе меня избрали старостой. В девятом я стал секретарём комсомольской организации школы. Мне выпала честь выступить на школьном митинге по поводу смерти Сталина.

Основной инстинкт

Была такая традиция: на школьные вечера девочек приглашали девятиклассники, десятые классы от этой обязанности были освобождены. А для того, чтобы традиция «жила», на эти мероприятия приглашались активные восьмиклассники, дабы понять, как они организовываются. Так туда попал и я. Всё было продумано.

Кстати, в нашей школе учился будущий экономист Марк Самуилович Кунявский. Помню, он с большим энтузиазмом танцевал с очень красивой девочкой из соседней школы.

В мужской школе никаких романов не могло быть по определению. Смешанные классы у нас появились, когда я уже был в десятом. Мне нравилась одна рыжеволосая девочка, но она отдавала предпочтение моему другу Боре Кресину.

Потом меня преследовали другие неудачи такого же характера. Перелом в этом плане наступил в БГУ, когда в комитете комсомола я стал заведовать шефским сектором. Обходя заведующих секторами по факультетам, я попал в

квартиру Марины Самуйлёнок. Возникла симпатия, которая длилась на протяжении нескольких лет.

Но однажды моя мама предложила мне обратить внимание на девочек, которые снимали соседнюю квартиру и готовились к поступлению. Дескать, девочкам нужно помочь по физике. Так я впервые увидел свою будущую жену Валю. Влюбился с первого взгляда, о чём честно признался Марине Самуйлёнок.

Родители Валентины жили в Клецке. Оттуда приезжало много «конкурентов». Я «сражался» полтора года. Валя хорошо каталась на коньках. Я ходил на каток консультироваться и понял, что от этого занятия мне нужно отказаться.

Пожились мы в 1961 году. В 1963-м родился сын Алексей, жена тогда работала медсестрой в роддоме номер один на Володарского. Она получала около 80 рублей, жить с родителями не хотела.

Потом родился второй сын, Константин.

Материально жили мы трудно. Один пример. После свадьбы мы сняли квартиру. Мои друзья, оценив нашу ситуацию, без нашего ведома забрали наш диван, вернули его в магазин, доложили свои деньги и купили другой диван, раскладной.

И вообще, на новоселье стол был накрыт на двери, снятой с петель и положенной на пол.

Стремление двигать науку

Я закончил школу с золотой медалью и поехал поступать в Московский физико-технический институт (МФТИ), в то время только-только открывшийся по инициативе Капицы. Там были обязательные экзамены для всех, независимо от школьных результатов. Мне удалось набрать лишь 16 баллов. Меня как абитуриента определили в общежитие. Нужно было найти коменданта и получить постельное бельё, но я, провинциал, постеснялся это сделать. Так и спал без наволочки и простыни.

Одним моим соседом по комнате был красивый высокий парень с Дальнего Востока. Он рассказывал про свои любовные похождения. До двух — трёх часов я не мог уснуть, поэтому на письменном экзамене по математике,

куда я пришёл невыспавшимся, произошел конфуз: из пяти задач я решил только три. К тому же перевернул чернильницу и залил свой костюм, специально сшитый для поступления.

На устный экзамен по математике я попал к преподавателю-женщине, которая была чем-то сильно раздражена. Наверное, моим пятном. Гоняла меня она долго и поставила тройку, что было необъективно.

Мои соседи экзамены провалили, и перед физикой я спал так крепко, что проспал начало. Меня посадили за первую парту, и, к удивлению преподавателя, я сдал одним из первых. Он поставил мне две пятёрки, что было необычно, так как он видел мои оценки по математике. В итоге я набрал полупроходной балл.

На собеседовании мне сказали, что с такими оценками можно идти в любой московский вуз. Я позвонил в Минск. Мать посоветовала возвращаться домой и поступать в БГУ. Я так и сделал — стал студентом физико-математического факультета.

Меня сразу же избрали секретарём комсомольской организации курса, хоть я и стремился уклониться от общественной работы. В следующий раз мне с огромным трудом удалось отбиться от первых ролей, и меня избрали только в комсомольское бюро.

На первом курсе я поехал в стройотряд на целину, так как считал это обязательным для руководителя комсомольской организации. Я провёл довольно успешную мобилизацию сокурсников на целину, чем завоевал высокий авторитет в глазах секретаря комсомольской организации университета Бобосова. Весельчак, умница, теперь он академик. Страстный любитель женщин, его знакомых называли «бобосянками».

С третьего курса я был ленинским стипендиатом, что для семейного бюджета значило немало. После БГУ попал в Институт физики Академии наук. Дважды отказывался вступать в партию, в 1967-м и 1969-м. Выжил только благодаря поддержке коллектива.

Многие наши разработки были засекречены. Кандидатскую диссертацию я защитил в феврале 1965 года по открытой теме, точнее, по физической аэродинамике. Позже также занимался многими

сверхсекретными проблемами, в частности, изучением факела ракеты «Титан» на высоте 15 километров. Наши данные по этой проблематике совпали с американскими выводами, и стало понятно, что мы движемся в правильном направлении. Ничего нового они нам не открыли.

В июле 1976 года я защитил докторскую диссертацию (с приключениями). Я был первым в Академии наук, кто защищался по новым правилам.

Авторское послесловие

Ходыко живёт неподалёку. Иногда я вижу, как он с женой идёт на рынок, который тоже находится рядом. Так что мы с Юрием Викторовичем в некотором смысле соседи.

1 июня 2005 года мы беседовали с ним более двух часов. Что из этого получилось, судить вам.

ВАСИЛИЙ ШЛЫНДИКОВ

Среди всех оппонентов власти его, пожалуй, считают одним из основных «производственников», помня руководство объединением «Дормаш». К слову: благодаря именно ему, оно стало одним из самых успешных.

Путь к знаниям

Я родом из обычной крестьянской семьи, где было пятеро детей: четыре брата и сестра, я старший. Дата моего рождения — 1 сентября 1947 года. Как сейчас помню, мать отправляла меня в школу с самотканой торбочкой, которую сшила сама. Ткали тогда все, преимущественно из льна. Торба носилась через плечо, первый раз в школу я шёл босиком. Мы, дети, тогда не осознавали, что это признак бедности, потому что все были одинаковыми. Моя деревня называлась Мадора (Рогачёвский район). Там я закончил восемь классов, а в старшие пришлось ходить за шесть километров. В любую погоду. Транспорта не было, да и дорог как таковых тоже.

Родители работали в колхозе за трудодни. Денег не платили. Чтобы выжить, нужно было рано утром, ещё до восхода солнца, бежать в соседний лес собирать грибы. Так жили все. Лес я знал как свои пять пальцев. Спустя десятилетия я безошибочно могу ходить от поляны к поляне по своим местам. Грибы сушили, мать продавала их на базарах Москвы, Днепропетровска и других городов. За эти деньги покупали одежду, еда была своей. Помню, как в сельском магазине мне впервые купили конфеты — «подушечки», которые завезли туда перед выборами. Запомнилось, что потом стали привозить булочки.

Ещё одно воспоминание детства. При Сталине существовал налог на яблони, и, чтобы его не платить, все яблоневые деревья вырубали. В деревнях практически не осталось плодовых деревьев. Абсурд: дети росли без фруктов! Я заболел, и крёстная принесла мне мочёное яблочко. Его вкус помню до сих пор.

Учился я хорошо, в аттестате была только одна четвёрка по русскому языку, поэтому медали не получил. Я

хотел стать инженером, делать машины. Выбрал политехнический институт. Решил ехать поступать с другом Петей Сотниковым, который по сей день живёт в столице. У него в Минске тогда была тётка, они пошли с ней по институтам и выяснили, что конкурс в политехническом намного выше, чем в технологическом. Туда он и подал документы, а я свои отправил по почте. Вскоре пришёл вызов на вступительные экзамены.

На «абитуре» мы жили в большом зале для собраний. Нам выдали тюфяки, и я выбрал себе место на сцене под столом. Оказалось, очень удачно: ребята бросались отгрызками, а у меня в этом плане проблемы отсутствовали.

Для сельских детей не делалось никаких поблажек, но я вступительные экзамены сдал весьма прилично. Получил только одну четвёрку по физике, да и то потому, что перепутал названия некоторых терминов, связанных со светом: в школе мы учились на белорусском языке, а экзамен пришлось сдавать на русском, вот и были трудности с переводом.

Вернулся к себе в деревню. Жду вызова на учёбу, а его всё нет и нет. До начала занятий осталось несколько дней, я не выдержал и поехал в Минск. Поскольку автобусов тогда не было, до Рогачёва добрался в почтовой машине, а дальше — на поезде.

Прихожу в институт, чтобы узнать, в чём дело. Смотрю, вывешены списки поступивших. В самом конце нашёл свою фамилию, ибо буква «ш» почти замыкает алфавит. Рядом был только Сергей Шило. Зашёл в деканат, там сказали, что документы отослали.

Вернулся домой, а вызов уже пришёл. Мать собрала в дорогу сетку яблок (упомянутый налог тогда уже отменили).

Жить в Минске оказалось негде. Для получения общежития требовалась справка о заработках родителей, а телефонной связи не было. Пока дошло моё письмо, пока пришёл их ответ, минуло больше месяца. Всё это время жил, как и некоторые другие студенты, — на вокзале. Книги и тетради положишь под голову и спишь. Милиция не трогала, так как это было распространённым явлением. Милиционеры делали замечания только для порядка.

Потом мне выделили место в шестом общежитии на улице Коласа, которое стоит там до сих пор.

Путь в технари

Учился я на машиностроительном факультете. Жил на стипендию, родители, естественно, не могли помочь финансово. В комнате нас было четыре человека, жили дружно. То одному передадут сало или яйца, то другому, то третьему. Когда есть было нечего, на последние деньги мы покупали жареную хамсу (была такая дешёвенькая рыбка) и ели её с хлебом. Так дотягивали до очередной стипендии или посылки. В принципе, жилось вполне нормально. Чуть позже стали зарабатывать тем, что писали курсовые и дипломные работы для «вечерников» и заочников. Это дело было поставлено на поток. Рассчитывались с нами в основном продуктами, так как там учились такие же крестьяне, как и мы.

Были случаи, когда некоторые мои однокурсники даже сдавали экзамены за кого-нибудь. Я даже знаю одного обладателя диплома, который за пять лет сам не сдал ни одного экзамена. Правда, один парень на этом попался — Женя Строк, очень умный человек, сейчас работает в Академии наук, наверное, уже защитил докторскую диссертацию. Он пришёл за кого-то сдавать немецкий язык, а там — наша преподавательница. Спросила: «Женя, ты зачём пришёл?» Увидев чужую зачётку, всё поняла и произнесла: «Иди. Не хочу ломать тебе жизнь, поскольку парень ты хороший». Больше Женя этим не занимался.

Каждое лето мы ездили в строительные отряды. В Уральской области, в местах, где погиб Василий Иванович Чапаев, много всего строили. Даже после защиты дипломов уехали на стройку в Тюменскую область, так как договор был заключён заранее.

После «политеха» меня по моему желанию распределили на подшипниковый завод. По итогам окончания вуза я был во втором десятке выпускников и колебался между конструкторским бюро и заводом. Выбрать завод меня уговорил тесть (моя жена тоже училась на нашем факультете). Он там работал токарем, был награждён орденом Ленина. Сказал, что завод хороший.

Меня сразу назначили мастером в цех, который делал малые шариковые подшипники. В смене было около трёх десятков женщин и шесть мужчин-наладчиков. Таким образом, у меня (21-летнего парня) в подчинении оказались тридцать шесть человек. Тогда очень важно было сделать план, а для этого необходимо было уметь разговаривать с людьми. Станки старые, всё время ломались, наладчики постоянно что-то делали. Женщины часто повреждали руки абразивными кругами, эмульсия разъедала раны. Когда подбивались результаты месяца, было видно, что зарплаты очень даже скромные, не дотягивают и до сотни рублей. А работали на заводе люди бедные. И всё-таки общий язык с ними я находил. Это был 1971 год.

Спустя короткое время меня назначили начальником смены цеха, а ещё через год — заместителем начальника по производству того же цеха, в котором работало шестьсот человек. Пацан пацаном, я приходил на оперативные совещания в производственный отдел завода, а там сидели мастера своего дела. Матерились жутко, но никто не обижался, поскольку это было в порядке вещей. Вначале маты звучали и в обращении ко мне, а уже через полгода я слышал их только в чужой адрес. Это означало, что ко мне нет никаких претензий.

Через несколько лет меня перевели в другой цех заместителем начальника по технической части, по сути — главным инженером. Там работало около семисот мужчин. Когда женщина шла по цеху, её приветствовали гулом.

Весьма сложный коллектив. Деньги выдавали прямо в цехе. Зарплата, аванс — цех пьяный в дым плюс ещё дни опохмелки. На выходные едут к тещам, по понедельникам работают с бодуна. Нужно было срочно наводить порядок. Одновременно со мной начальником цеха назначили Гену Наркевича, который затем был нашим торгпредом в Польше. Однажды мы с ним, заручившись поддержкой профсоюза, уволили всю смену участка полировки. Кроме того, начали всех жестко наказывать за пьянки. И дисциплина стала налаживаться.

Имел место ещё один фокус: некоторые рабочие, чтобы в пятницу их отпустили и они смогли поехать в деревню, в четверг лили на двигатель станка эмульсию, и двигатель сгорал. В итоге рабочий говорил, что ему нет

смысла выходить на работу. Эту хитрость мы раскусили практически сразу, стали, насколько это было возможно, штрафовать, удерживать из зарплат стоимость ремонта. Со временем «эпидемия» прекратилась.

Мне доставалось. Первая смена начиналась около шести утра, домой возвращался поздно вечером. Работы было много, но ничего — выдерживал.

Вскоре мне предложили вступить в партию, стали давать задания. Спустя некоторое время через секретаря парткома завода позвали в райком. Оказалось, что есть жалоба на главного конструктора автозавода Михаила Степановича Высоцкого, и нужно во всём разобраться. Я проверил и выступил в защиту Высоцкого, которого беспочвенно обвинили во всех смертных грехах. Позднее меня вызвал секретарь райкома партии Заводского района и предложил стать заведующим промышленно-транспортным отделом, при этом пообещал выделить квартиру, что и послужило главным аргументом. Я рассказал об этом директору завода и заявил, что не хочу уходить, если на работе появится перспектива получения жилья. Но директор ничего не мог пообещать в ближайшем будущем. К тому времени у меня уже была дочь, и я ушёл в райком партии.

Партия тогда руководила всем, а в нашем районе находились практически все крупнейшие заводы столицы, и вскоре в вопросах экономики и практики я разбирался весьма неплохо. Обещанную квартиру так и не получил, только «кормили завтраками».

Через два года я работал уже в обкоме, в отделе химической промышленности, где тоже обещали квартиру. Её я получил только через пять лет. Если бы остался работать на заводе, это произошло бы гораздо раньше.

Больше всего работа на новом месте «убила» тем, что одни и те же проблемы всё время повторялись и не решались. Например, почему-то постоянно не хватало вагонов «Белкалию». По этой причине предприятие несколько раз находилось на грани остановки. Писали соответствующие бумаги в Москву. В ответ — полная ахинея за подписью Брежнева. Чтобы прикрыть явную глупость, составляли планы работ, хоть и понимали, что всё это — полная туфта. Ближе к краху КПСС это особенно

чувствовалось, в разы возросло количество бессмысленных «указивок». Мы понимали: государство управляется слишком плохо, и хуже, наверное, быть не может.

Смерть Брежнева для многих из нас стала настоящим облегчением. К власти пришёл Андропов, и вагоны для «Белкалия» появились просто мгновенно.

Я стал проситься на работу на какой-нибудь завод. Было предложение пойти на «Мотовело», но этому воспротивился тогдашний директор Устымчук. Видимо, побоялся «подсидки». Потом мне предложили стать директором «Ударника», то есть будущего «Амкодора». После ухода из генерального объединения «Дормаш» порекомендовали его возглавить.

Путь в политику

В данной сфере я проработал десять лет, потом произошли известные события, и стало ясно, что если оставить всё как есть, то никаких перспектив не будет. Мне пришлось заняться политикой, то есть созданием Гражданской партии, которая затем соединилась с Объединённой демократической, што привело к образованию ОГП.

В 1995 году был избран депутатом Верховного Совета 13-го созыва, стал председателем комиссии по экономической политике и реформам.

Ещё в советское время мне довелось постигать азы рыночных отношений. Молодых директоров (до сорока лет) направляли на учёбу в Германию. Обучение было заочным, со стажировками на месте, в течение трёх лет. Позднее был Колумбийский университет.

Во многом благодаря этой учёбе «Амкодор» как бы «взлетел», начал бурно развиваться. После прихода «новой власти» всё, на мой взгляд, прекратилось.

Я несколько не жалею, что занимаюсь политикой.

Авторское послесловие

Василий Михайлович Шлындиков пришёл ко мне «под ёлочку», то есть 15 декабря 2005 года. Он особо не афиширует то, чем занимается сегодня. Говорит только, что это рекламный бизнес. Впрочем, он уже много лет

именно то и делает, что пытается на деле показать преимущества либеральной экономики, а это уже — «большая политика».

www.kamunikat.org

ВАЛЕРИЙ ЩУКИН

Его знают как самого эпатажного представителя белорусской оппозиции, и некоторые даже разочаровываются, если слышат, что после очередной акции Щукина не забрали. Сегодня Валерий Алексеевич по моей просьбе рассказывает о своей жизни.

Раннее взросление

Родился я во Владивостоке. Отец у меня из Нижнего Новгорода (тогда это был город Горький), мать белоруска, из Толочинского района. Родители родились в 1910 году, оба железнодорожники. Познакомились в Орше, в тридцатые годы, во время массового перемещения людей. Поженились, потом судьба забросила их во Владивосток.

Честно говоря, я никогда не спрашивал, почему они оказались именно в этом городе. Отец там работал на железной дороге кладовщиком, а мать выполняла не требующие квалификации работы: убирала, была подсобной рабочей на хлебозаводе.

Оба моих деда, и по отцу, и по матери, были крестьянами. Мои родители фактически первые в нашем роду горожане, поэтому себя я считаю уже чисто городским жителем.

Во Владивостоке мы прожили до того, как я пошёл во второй класс. Потом у матери начались серьёзные проблемы с лёгкими, и врачи посоветовали сменить место жительства. Приморский климат действительно тяжеловатый. Тем, кто туда приезжает, сложно адаптироваться. У приезжих элементарные повреждения на теле заживали неделями, а у меня как у местного кожа на поцарапанном пальце затягивалась через два дня.

Матери так и сказали: если она хочет жить, нужно переехать к родным соснам. Она взяла троих детей и вернулась в родную деревню. Это был 1951 год.

В белорусской деревне тогда царил полная разруха, нищета. Я видел собственными глазами, как землю пахали на женщина — они впрягались вместо лошадей и тянули плуг.

Постоянный голод. Весной собирали «гнилушки», то есть ту картошку, которую не заметили осенью. Мама делала из неё драники. Мы их ели с удовольствием, поскольку ничего другого просто не было. В хате — хоть шаром покати. Но я не пух от голода, чего не было, того не было.

Помню смерть Сталина. 1953 год. Мне тогда было уже одиннадцать лет. Все рыдали.

Репрессиям мои родители не подвергались, но говорить что-то лишнее — Боже упаси. Даже во времена гласности, когда мы с отцом сидели на кухне и изредка пили водку, как только разговор заходил про политику, он замолкал. На любые бытовые темы — пожалуйста, а вот про политику — ни одного лишнего слова. Возможно, поэтому и выжил.

Наверное, это качество передалось и мне. Можно тайно записать любые мои слова, но в них никогда не будет ничего лишнего. Власть имущие никогда не могли предъявить мне в качестве обвинения мои же высказывания. Я всегда контролирую, что говорю, даже когда бываю «под мухой».

К слову: поначалу отец оставался во Владивостоке. В 1953-м он переехал в Беларусь. Поскольку в деревне занятия по профессии ему не нашлось, мы переехали в Минск. Поселились в бараке, который назывался общежитием — такая очень большая комната, в ней жило человек тридцать. Потом уже дали отдельную комнату, тоже в бараке. Всего было два больших окна, нам «выделили» полтора: пол-окна «дали» матери с дочкой, а какой-то старушке достался закуток вообще без окон.

В 15 лет я пошёл на работу. Особого выбора у меня не было. В семье уже было четверо детей, мама часто болела. Жить на одну зарплату отца было очень трудно. Еле-еле сводили концы с концами, даже в школу нечего было одеть. Естественно, не было никакой обуви: я надевал то отцовские сапоги, то мамины туфли.

Работал учеником слесаря. Нагрузка, конечно, была большая. Я даже падал в обмороки. Поднимаю железяки и теряю сознание. Кстати, в минском цирке на лестнице, ведущей вверх, есть такие литые перила. Моя работа!

В материальном плане семье стало полегче, но по-настоящему я отъехал только в армии.

Когда я уже работал, хозспособом мы построили двухкомнатную квартиру. Строители установили «коробку», а всё остальное люди делали самостоятельно: выносили мусор и т.д.

Старшие классы я заканчивал уже в вечерней школе.

В семье было семеро детей. Выжили только «чётные» и последний ребёнок. К сожалению, мои братья уже умерли, остались только мы с сестрой.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, меня пригласил военком и сказал, что пришла разнарядка для поступления в военные училища. У меня ещё тогда начались конфликты с родителями, причина которых была не в переходном возрасте. Худо-бедно, но я всё-таки уже работал, а мать продолжала мной командовать, в частности, контролировать, куда и с кем я пошёл. Мне же очень хотелось быть самостоятельным, потому я и решил стать военным моряком.

Истоки «диссидентства»

По натуре я технарь. Моя профессия — инженер по обслуживанию паросиловых установок, то есть военный диплом позволяет мне работать на тепловых электростанциях.

Знаниями при поступлении я не блистал. Сдавали мы пять экзаменов, я набрал 17 баллов — три тройки и две четвёрки. Этого было явно мало, но те, кто имел два года трудового стажа, тогда принимались вне конкурса. У меня было три года.

Так я стал курсантом Ленинградского высшего военно-морского училища. Учиться было интересно. Мой курс участвовал в эксперименте: курсанты год служили простыми матросами, как обычные «салаги». Тогда на флоте срок службы составлял четыре года. От эксперимента впоследствии отказались — одно дело иметь на курсе несколько процентов тех, кто служил срочную, и совсем другое, когда служили все. Училищные командиры не могли найти на нас управы. По отношению к тем, кто

пришёл с «гражданки», можно было поступать как угодно, а мы-то знали, что к чему.

Уже будучи офицером, я часто обращал внимание на то, что к молодым матросам отношусь несколько не так, как мои коллеги, которые не прошли эту школу. Кроме того, в семье я был старшим ребёнком, потому о молодых матросах старался заботиться, не гонял их, как другие.

«Бунтовать» я начал ещё во время службы матросом на крейсере. У каждой команды (семь-десять человек) была своя посуда, и каждый день выделялся один «бочковой», который получал на всех пищу и потом мыл посуду. По установленному порядку «бочковать» должны были все, кроме старшины команды и командиров отделений, но фактически было не так: «бочковали» только самые молодые в плане призыва. Более того, в течение первого месяца нужно было «бочковать» без перерывов, чтобы научиться это делать.

В нашей команде было только двое «салаг», в том числе и я. Мы меняли друг друга.

Со временем я разобрался, что так не должно быть, служить оставалось несколько недель. Пришли те, кто по времени призыва были ещё моложе нас, и их заставляли делать то, через что мы уже прошли.

Я понимаю, что это незаконно, подхожу к командиру отделения и говорю всё, что думаю по этому поводу. Он отказывается слушать, тогда я обращаюсь к старшине команды. Он меня наказывает за обращение «через голову»: дескать, это проблема нижестоящего начальства. Тогда я обращаюсь ещё выше — по иронии судьбы, к своему однофамильцу старшему лейтенанту Щукину.

Не знаю, что там было, но «салага» не «бочковал» целый месяц, как было принято. Зато отношение ко мне заметно изменилось. Каждый вечер наблюдалась такая картина. Работать можно было только ночью, когда все спят, ибо днём отключить что-либо было невозможно. После вечерней проверки старшина команды говорит: «Поступила команда выделить для работ после отбоя столько-то человек». Затем он перечислял тех, кто на вахте и после вахты, и тех, кто болен. Получалось, что абсолютно законно «припахивали» меня. Работать приходилось до трёх утра, а в шесть ноль-ноль подъём, и никаких скидок. На

следующий день ситуация повторялась. (Меня до сих пор удивляет, когда кто-то нарушает закон. Зачем?) Таким образом старшина команды, который имел только несколько классов образования, отомстил мне по полной программе. И придраться было абсолютно не к чему.

Во время учёбы особых проблем у меня не было. На втором курсе я женился. Это было экстраординарно, так как обычно курсанты женятся на последних курсах. Мне все говорили, что я не смогу учиться.

Учиться, конечно же, я смог. Сложнее было содержать семью. Родился один ребёнок, затем второй. Их нужно было чем-то кормить.

Начиная со второго курса я не отгулял ни одного отпуска (две недели зимой, месяц летом). Всё время одалживал у сокурсников деньги: у кого три рубля, у кого пять, а потом шёл к начальнику училища за разрешением поработать. Адмирал шёл мне навстречу, хотя изначально это было незаконно, и не дай Бог что-то случилось бы. Я ходил работать без официального разрешения, пилил дрова, но заработать много таким образом было невозможно. Для этого я использовал увольнения.

На втором курсе училища я получал десять рублей в месяц, на третьем — пятнадцать. Минимальный прожиточный минимум тогда составлял сорок рублей на человека. Моя жена работала санитаркой, получала сорок пять. На семью из четырёх человек наших доходов, естественно, не хватало.

К концу учёбы я очень устал без отдыха. На пятом курсе «женатики» ежедневно уходили домой после вечерней проверки. Казалось бы, хорошо. Но для меня существовало одно «но»: если моя дочь по ночам не плакала, а только искала соску, потеряв её, то сын давал прикурить. Мне было жалко жену, которая вкалывала на полторы ставки. Вставал я. Потом на первой паре всегда спал. Даже на завтрак не ходил («пайку» мне приносили). Отца двоих детей никто не трогал. Так я проспал весь курс кибернетики, потом освоил его самостоятельно. Очень увлёкся этой наукой. В офицерские отпуска ездил в вычислительные центры.

Первое, что я попросил, став депутатом, — это компьютер. Как сейчас помню: на месте председателя

Верховного Совета сидит Гриб, я захожу вместе с Калякиным и требую кабинет. Гриб вначале насторожился, подумал, что я беспокою его насчёт должности, но, услышав про компьютер, всё понял.

Кроме кибернетики я самостоятельно освоил музыку, хотя медведь наступил мне на оба уха. Дочь подросла и захотела научиться играть на пианино. Музыкальной школы в гарнизоне не было, её обучал кто-то из жён офицеров. Я купил учебник музыки и прочёл его несколько раз. Ничего не понял, но постепенно стал во что-то врубаться.

Поначалу пианино у нас не было — дефицит. Тогда я вырезал прямоугольную фанерку, нарисовал на ней клавиши и смотрел, чтобы дочка не мухлевала.

Наверное, я очень упрям, как баран, да и по гороскопу Овен. Потому милиции и приходится так часто меня таскать, что я не хочу выполнять незаконные указания.

И ещё одну науку я осилил — логику.

Сухопутный моряк

Училище я закончил нормально, при распределении имел право выбора и поехал на Тихоокеанский флот. Не столько это моя родина, сколько мне хотелось уехать подальше от мамы (царство ей небесное!), которой очень не нравилась моя жена. (К слову: дети больших начальников не идут в инженерные училища, так как стать генералом или адмиралом почти невозможно.)

Вообще служить механиком сложно. Артиллерист сегодня промазал — поругали, завтра попал — дали орден, а механику любую поломку помнят долго. Я ни одного звания, кроме последнего, не получил вовремя, поскольку всегда возмущался, если нужно было делать «дурную работу».

Капитан-лейтенантом я отходил три срока, мои сокурсники уже носили большие звёзды. Капитаном 2 ранга стал почти день в день по очень простой причине: я тогда служил в штабе флотилии, и с кадровиками мы были в одной партийной организации...

Но чаще меня «воспитывали». Преимущественно по линии политотделов.

Я всегда старался всё делать добросовестно. Помню, перед первым плаванием мне принесли талмуд: дескать, нужно предварительно заказать всё, что может сломаться в море. У нас ведь не так, как у американцев: если что-то случилось, прилетает вертолёт и доставляет нужные детали.

На тот момент у меня не было никакого опыта. И ещё. Как самому молодому офицеру мне напоручали столько разных дел, что понадобилось бы минимум три месяца, а в каждом случае давалось несколько дней. Я схватился за голову, спросил совета у коллеги. Он посоветовал... сбегать в магазин, а также порекомендовал воспользоваться принципом трёх «п»: пол, палец, потолок. Когда не знаешь, что писать конкретно, заполняешь заявку «от фонаря», иначе взыскание обеспечено.

На корабле я прослужил всего три года.

В 1969 году корабль собирался идти в длительное плавание. Меня отправили на берег. Причина: у моей жены две сестры в Швеции. Формально я мог их и не указывать в анкетах. (Моя жена по национальности финка, советская финка. Её мать умерла, отец женился вторично, родились ещё две сестры.) Но я привык всегда поступать предельно честно, и в графе «родственники за границей» сделал соответствующую запись.

Для меня тогда списание на берег было настоящей трагедией. Я до сих пор благодарен тому особисту, который сказал, что меня наказала не советская власть, а конкретные люди. Это позволило воспрянуть духом.

Со временем меня перевели в штаб флотилии, что вполне закономерно, так как за семь с половиной лет службы через мои руки прошло 15 призывов, а это тысячи людей. Ещё позже освободилась должность в штабе флота, аналогичная моей. Я оформил соответствующие документы, но меня «зарубили». Сразу стало понятно, в чём дело.

Я позвонил начальнику особого отдела флота и попросил о встрече. Спросил его, есть ли лично ко мне какие-либо претензии. Он ответил отрицательно. Тогда я

сказал, что не понимаю, почему на моей служебной карьере ставится крест.

В сорок пять лет я сразу уволился в запас.

Странное возвращение

Решил вернуться в Минск, откуда поступил в училище.

О том, как я оказался в Полоцке, — отдельная история. Обычно уволенные в запас офицеры идут туда, где поспокойней. Мне тихо сидеть не хотелось и командовать — тоже. Я решил пойти куда-нибудь на физическую работу, не важно кем — токарем, слесарем и т.п. Из Москвы в Минск ехал поездом. По воле судьбы в моём купе оказался человек, который работал на строительстве газопроводов. Он мне многое рассказал. Больше всего понравилось, что эта работа связана с командировками, а я человек недомашний. Там я работал, пока не стал депутатом. Трудились мы на участке Новолукомль — Новополоцк.

Восемь лет после увольнения в запас я прокладывал газопроводы. Был в Тюмени, в Казахстане. В Полоцке около двух лет жил в гостинице. Связался с местной партийной организацией. В 1995 году состоялись выборы депутатов Верховного Совета, и партия сказала: «Давай!». Меня избрали. Одним из моих соперников был Владимир Гостюхин.

Во время агитационной кампании я истоптал полторы пары ботинок.

Что делают многие депутаты? Они из провинции переезжают в Минск, и потом их «танками» не выжить. У меня в столице была четырёхкомнатная квартира, прописка. Выписался, прописался в избирательном округе, в одном из общежитий Полоцка. Стал на воинский учёт.

Авторское послесловие

Мы разговаривали 28 апреля 2005 года, сразу после общения с О.Завадской. Мне, как и прочим, знакома история знаменитой бороды Щукина, но интересовало другое: как он до такой жизни дошёл?

Частка другая

Валянцін Акудовіч

Некаторы час таму мы дамовіліся, што вядомы філосаф Валянцін Акудовіч дашле мне свае нататкі на электроннай пошце. Я хацеў зрабіць іх “у фармаце” ўсёй кнігі, але адмовіўся на той прычыне, што ў гэтым няма сэнсу.

...Дарэчы, чаму мы кажам: “Я нарадзіўся”? Ніхто з людзей не з’яўляецца на свет белы сам, з уласнай волі. Кожнага з нас нараджае маці (так атрымалася нават з Ісусам), і таму, бадай, больш слушна было б казаць: “Маці мяне нарадзіла”. У маім выпадку гэта здарылася 18 чэрвеня 1950 года ў мястэчку Свіслач. Бацька яшчэ не дарэшты збудаваў хату, але жыць сыну ўжо было дзе. Між іншым, як і ў выпадку Ісуса, мой бацька быў цесляром (усміхнёмся з гэтай авантурнай паралелі), адно што звалі яго не Іосіф, а Васіль. Ён не толькі сам збудаваў хату, але сваімі рукамі змайстраваў усё неабходнае для жылга ў ёй: сталы, табурэткі, крэслы, шафы.

Маці, Людміла, была партніхай — так, на расейскі манер, празываліся ў нас швачкі. І, пэўна, партніхай яна была небагой, бо яе кліентуру складаў амаль увесь местачковы “бамонд”.

Мае бацькі паходзілі з мясцовых сялян, мелі ўсяго толькі пачатковую адукацыю, але па меры людскасці я не шмат каго згадаю з імі побач. Яны годна “справіліся” з дзвюма сусветнымі войнамі, некалькімі акупацыямі, бежанствам, рэпрэсіямі ды перманентнай нястачай у перыяды бясконцых гістарычных катаклізмаў.

Падчас Другой сусветнай вайны бацька ваяваў з немцамі — спачатку ў Войску Польскім, а затым у Савецкай Арміі, з якой і дайшоў да Прагі (артылерыст, быў моцна паранены, аднак праз добрае здароўе дажыў да дзевяноста чатырох гадоў). Маці, тады маладое дзяўчо, акупацыйныя ўлады забралі на працу ў Нямецчыну. Дзед запрог каня і паехаў у перасыльны лагер, дзе за немалы хабар схіліў аднаго з ахоўнікаў цішком адпусціць дзяўчыну дахаты. (З-за гэтага да канца вайны на хутар дзеда раз-

пораз наязджала паліцыя, і тады “дэзерцірка” хавалася ў схароне за печкай.)

Калі бацькі пабраліся шлюбам, тату было ўжо трыццаць сем (на пятнаццаць гадоў старэйшы за маму). Неўзабаве “маладыя” перабраліся на жытво ў мястэчка Свіслач, што амаль на мяжы з Польшчай. Адзін мой школьны сябар недзе ў шостым класе збег з урокаў у лес і, заблукаўшы там, міжволі патрапіў у іншую краіну. Праз некалькі дзён палякі дэпартавалі перабегчыка на бацькаўшчыну. Па вяртанні ў школу мы сустрэклі яго, як нацыянальнага героя, бо на тую пару за мяжу выпускалі адно савецкіх разведчыкаў.

Дарэчы, мая школа насіла імя Кастуся Каліноўскага — ля ўвахода нават стаяў ягоны бюст. Толькі не памятаю, каб пра Каліноўскага хоць калі згадвалі, акрамя як на ўроках гісторыі, прысвечаных сялянскім паўстанням. Першыя два гады, пакуль школа будавалася, я вучыўся ў нейкіх сырых сутарэннях з таўшчэзнымі сценамі, адно збольшага прыстасаваных пад класы. Казалі, што гэта гаспадарчыя прыбудовы нейкай даўняй гімназіі. Мінулі дзесяцігоддзі, перш чым я даведаўся, што пачынаў сваю адукацыю ў будынку сьліннай Свіслацкай гімназіі, дзе колісь вучыліся не толькі такія нацыянальныя героі, як старэйшы брат Кастуся Каліноўскага Віктар, але і будучыя еўрапейскія славатасці — Напалеон Орда, браты Крашэўскія, Траўгут. Тагачасная ідэалогія вынішчыла ўсё, што магло нагадаць маладому чалавеку пра існаванне на гэтых землях высокай шляхецкай культуры.

Пасля школы я спрабаваў паступіць у Мінскі політэхнічны інстытут, але не паступіў, і маці ўладкавала мяне на працу ў мясцовую хлебапякарню экспедытарам. Кожным ранкам мы загрузалі поўную машыну скрынямі з яшчэ гарачым хлебам і развозілі яго па вёсках. Ніколі потым у жыцці я не меў лепшай працы. Густы пах свежага хлеба, дарога, бясконцая плынь краявідаў і колькі хочаш часу для роздуму над быццём, пакуль, разгрузіўшыся ў адной вясковай краме, едзеш да іншай.

На наступны год я таксама не паступіў у політэхнічны інстытут, і маці зноў давялося ўладкоўваць мяне на працу: гэтым разам яна выправіла сына да знаёмцаў на Мінскі маторны завод. Так я стаўся токарам, хаця даволі хутка

пераканаўся, што рукі ў мяне “не пад тое заточаны”. Я не любіў жалеза, і таму яно мяне не слухалася. Найболей я любіў шпацыраваць у вольную хвіліну між заводскімі карпусамі і думаць “пра вечнае” (у прозе ці вершах). Але завод мяне не нудзіў, бо вельмі хутка я прыдбаў там шмат сяброў (як высветліцца пазней — на ўсё жыццё) і пачаў з імі хадзіць у горы. Калі мяне забіралі ў войска, я ўжо меў нават нейкі разрад па спартовым турызме. Досвед вандровак добра дапамог мне ў бясконцых маршах на далёкі палігон, але не выратаваў ад бяды.

Як вядома, бывае, што ў войску страляюць, і, здараецца, нават кідаюць гранаты. Невялічкі асколак адной з іх патрапіў мне ў вока. Пасля аперацыі я ляжаў у палаце і курчыўся ад жаху, бо зусім рэальна было страціць вока. Не ведаю, ці то насамрэч, ці каб сцешыць, але хірург сказаў, што каб які міліметр убок, дык асколак увогуле пазбавіў бы мяне жыцця. Але для маладога чалавека, будучыня якога перадусім атаясамліваецца з каханнем дзяўчыны, фізічнае калецтва выглядала горшым за смерць.

Трохі адхіліла маю ўласную вусціш ужо на самай справе жахлівая бяда суседа, які маўклава ляжаў побач. Санітарка, наглядзеўшыся на мае пакуты, ледзь чутна прашаптала на вуха: “Не пераймайся лішне, вунь салдаціку абедзве зрэнкі снарадам пасекла”. З гэтага моманту я пачаў думаць не пра сябе, а пра назаўжды абрынутага ў цемру хлопца, і нават склаў верш, з якога запомніўся толькі кавалак радка — “адно вока на дваіх”.

Мяне доўга лячылі, а калі выпісалі са шпіталя, дык узнагародзілі медалём “За воінскую доблесць”. Пасля войска я зноў вярнуўся на маторны завод, дзе працаваў спачатку слесарам, а потым “інжынерам па метал” (не маючы тэхнічнай адукацыі). Аднак праца мяне мала займала, бо насамрэч я жыў трэніроўкамі, турысцкімі спаборніцтвамі і вандроўкамі па гарах (Паўднёвы Урал, Хібіны, Крым, Карпаты, Каўказ, Палярны Урал, Саяны, Прыпалярны Урал, Алтай, Памір) і яшчэ (ці найперш) — кнігамі. З дашкольнага дзяцінства я марыў аб пісьменніцтве. Мае першыя вандроўныя нарысы, якія друкавала шматтыражная газета “Трактар”, значылі для мяне куды болей, чым самі вандроўкі і спартовыя

дасягненні, звязаныя з імі (у 1980 годзе я атрымаў званне “Майстар спорту СССР”).

Мая мара здзейснілася ў 1975 годзе, калі я паступіў у Маскоўскі літаратурны інстытут імя Максіма Горкага пры СП СССР (СП — саюз пісьменнікаў). Гэта быў цуд! Дасылаючы на творчы конкурс невялічкую аповесць, я зусім не спадзяваўся на поспех. Мне было дастаткова таго, што нехта з *сапраўдных* пісьменнікаў прачытае яе і, можа, напіша некалькі слоў у адказ.

Увогуле, у сваёй безнадзейнасці я меў рацыю, бо пра Літінстытут (ці не адзіная падобная ўстанова ва ўсім свеце!) тады трызіў кожны графаман неабсяжнай савецкай імперыі. Казалі, што ў год майго паступлення конкурс складаў больш як сто чалавек на месца. Каб з гэтых больш як ста чалавек выбар спыніўся на хай сабе і добра начытаным, але ўвогуле не надта адукаваным беларускім хлопцы, які на кожнай старонцы друкаванага тэксту рабіў тузін граматычных ды сінтаксічных памылак, безумоўна, патрэбен быў цуд. Хаця цяпер, ужо добра пажыўшы і шмат працаваўшыся з маладымі літаратарамі, я часам думаю, што тут магло абысціся і без містыкі. Можа, мой будучы літаратурны кіраўнік проста адчуў, што ў гэтым маладым рабочым *нешта ёсць*, і рызыкнуў даць веры сваёй чуйнасці. Гэтаксама і я потым не аднойчы стану друкаваць яшчэ “сырыя” тэксты пачаткоўцаў толькі таму, што мне пачуецца: тут *нешта ёсць*.

Зрэшты, быў цуд ці не — гэта ўжо не мела значэння. Я апынуўся сярод мноства *самых сапраўдных* пісьменнікаў (лепшых у тагачаснай савецкай літаратуры), з дня ў дзень слухаў іх казанні, а пазней, здаралася, з некаторымі нават і чарку браў. Хаця справа не толькі ў пісьменніках.

На тую пару Масква была інтэлектуальным цэнтрам усёй камуністычнай імперыі, а Літінстытут — адным з самых выбітных інтэлектуальных цэнтраў Масквы. Да таго ж тут было найбольш свабоды (хаця ў адносінах да таго часу слова “свабода” лепш увогуле не згадваць), бо пісьменнікам у Расіі традыцыйна дазвалялася трохі больш “вальнадумства”, чым каму яшчэ...

Бліскучая прафесура (што праўда, не без выняткаў), творчыя семінары, акадэмічная вольніца — усё гэта

напачатку проста ашаламіла мяне. Але была ў Літінстытута (ён месціўся у невялікім доміку Герцэна на Цвярскім бульвары) яшчэ адна каштоўнасць, якая, бадай, нават пераважвала ўсё пералічанае. Гэта яго інтэрнат, бітком набіты надзвычай таленавітымі і добра абазнанымі ў сусветнай культуры маладымі “тэніямі”. Там, у калідорах і пакоях, маё веданне спелілася нават з большым плёнам, чым у аўдыторыях.

Пасля чацвёртага курса я праходзіў практыку ў маскоўскім часопісе “Знамя”, дзе мяне хацелі пакінуць на сталую працу. Аднак мне карцела вярнуцца ў Мінск і знайсці вартаўніцкую службу, каб хапала часу для вольнага крэмзання паперы. Так яно і сталася. Праўда, першы год пасля вяртання я працаваў у ДOME піянераў (вучыў падлеткаў спартоваму турызму), але наступныя чатыры гады ўжо бавіў час у розных вартаўніцкіх каморках. Справа ў тым, што на лета я звальняўся са службы, каб пайсці ў горы, а восенню ўладкоўваўся ў іншае месца (выключэнне была турбаза “Нарачанка”, дзе я адпрацаваў лодачнікам поўны сезон).

За гэты час ажаніўся (у трыццаць тры гады) і займеў сына. Але калі нарадзілася яшчэ і дачка, дык нават нам, звыклым да жыцця ў нішчымніцы, трываць на адну вартаўніцкую зарплату ўжо не хапала моцы. Тады мой малодшы брат дапамог мне ўладкавацца намеснікам дырэктара ў Мінскую школу турызму. Затым ён жа прапанаваў выкладаць у Беларускай інстытуце турызму, дзе я чытаў лекцыі будучым інструктарам, а потым вывозіў іх практыкавацца па горныя маршруты. І ўсё было як быццам няблага, але з кожным годам мацнела разуменне, што сапраўдная справа чакае мяне ў іншым месцы, а менавіта — у літаратуры. Тым больш што ў тыя гады я ўжо пачаў досыць актыўна друкавацца (артыкулы, эсэ, проза). Але пошукі прытулку ў рэдакцыях літаратурных выданняў былі дарэмнымі. І нават пратэкія такіх слынных пісьменнікаў, як Янка Брыль ды Міхась Стральцоў нічым мне не дапамагла.

Пазней я зразумеў, што тады проста яшчэ быў не мой час. А як мой час надыйшоў (пара краху камуністычнай імперыі), дык і месцы знайшліся, і спраў з’явілася — рабіць не перарабіць.

Мая прафесійная літаратурная дзейнасць пачалася са штотыднёвіка “Культура”, дзе я пакрысе “дарос” да першага намесніка галоўнага рэдактара. Толькі ганаруся я зусім не кар’ёрным поспехам, а літаратурна-філасофскім сшыткам “ЗНОЦ”, які ў якасці дадатку да газеты пачаў выходзіць у 1993 годзе. Я быў адным з яго стваральнікаў і нязменным рэдактарам. У “ЗНОЦ” мы ўпершыню надрукавалі ў перакладзе на беларускую мову мноства тэкстаў слынных мысляроў з самых розных эпох і кантынентаў, тут знайшлося месца андэграўндным, авангардным ды постмадэрновым практыкам айчынных творцаў, сярод якіх найбольш ярка заявіў пра сябе літаратурны рух “Бум-Бам-Літ” (маю гонар быць яго “хросным бацькам”) і шмат чаго іншага. Але ў тую *бурапенную* пару, калі з усіх бакоў клікалі на стваральную працу, немагчыма было трымацца нечага аднаго. Неўзабаве адначасна з газетай “Культура” я пачаў працаваць у часопісе “Крыніца” (загадваў аддзелам філасофіі і замежнай літаратуры), затым — яшчэ і ў штотыднёвіку “ЛіМ”, быў адным з намеснікаў галоўнага рэдактара філасофскага часопіса “Фрагменты”, выкладаў на аддзяленні філасофіі і літаратуры ў Беларускам Калегіуме. А колькі ў той самы час было ўсялякіх разавых праектаў (у першую чаргу — выдавецкіх), публічных лекцый, канферэнцый, замежных вандровак, акцый палітычнага супраціву... І на ўсё тады хапала і часу, і энергіі, і шалёнай прагі ствараць, змагацца. Мы як быццам прадчувалі, што гэтая эпоха (я яе, паследам за нямецкімі рамантыкамі, называў “эпохай буры і націску”) не зацягнецца, і таму імкнуліся скарыстаць “тут і цяпер” усе магчымасці напоўніцу. Так яно і сталася. Недзе пасля 1996 года дзяржаўныя выданні былі вымушаны займацца ўсё больш жорсткім самацэнзураваннем, і я пакінуў “Культуру” ды “ЛіМ”, а затым і часопіс “Крыніца”. Апошні — праз бунт. Дзеля больш эфектыўнага кантролю над літаратурнымі выданнямі ўлады прынялі рашэнне аб’яднаць іх у холдынг і гвалтам змянілі нам галоўнага рэдактара. Калі *саноўная* дэлегацыя прыйшла нам пра гэта паведаміць, я, не выбіраючы слоў, сказаў ім усё, што думаў пра іх і аб’явіў аб сваім сыходзе з рэдакцыі. На маё здзіўленне праз некалькі дзён мяне падтрымалі ўсе астатнія супрацоўнікі. Падзея

мела досыць шырокі публічны рэзананс, бо раней, здаецца, ніколі такога не было, каб у знак пратэсту звальнялася ўся рэдакцыя.

На жаль, не толькі ў дзяржаўным, але і ў недзяржаўным сектары плённа працаваць рабілася ўсё больш складана. Закрываліся газеты, часопісы, навучальныя ўстановы, фонды, грамадскія арганізацыі... Сфера незалежнай гуманістыкі радыкальна звужалася, як дарэчы, і магчымасць зарабляць хоць які грошык на жыццё. Тады мне зноў дапамог брат, які прапанаваў месца кладаўшчыка ў сваёй турыстычнай фірме.

Склад турысцкага рыштунку знаходзіўся ў склепе, працай мяне лішне не абцяжарвалі і, зацывраўшы які разадраны намёт, я меў дастаткова часу, каб у цішыні сутарэння рэдагаваць тэксты для розных часопісаў ды зборнікаў, рыхтавацца да лекцый у Беларускам Калегіуме і без спешкі апрацоўваць рукапісы ўласных кніжак (праўда, іх маю няшмат: “Мяне няма. Роздумы на руінах чалавека”, “Разбурыць Парыж”, “Дыялогі з Богам” і “Код адсутнасці”).

Зрэшты, досыць хутка вольнага часу ў мяне значна паменела, бо ў склеп панадзіліся хадзіць філосафы, літаратары, мастакі, журналісты ды ўсялякі іншы цікаўны люд. Якія толькі праекты тут не абмяркоўваліся, колькі ідэй ды ініцыятыў не ўзнікала, а часам — і згасала!..

На жаль, усё добрае па азначэнні мае тэндэнцыю да хуткага заканчэння. Ужо некалькі год у мяне няма таго ўтульнага склепа, як і сталай працы ўвогуле. Аднак гэта зусім не азначае, што я хоць на які дзень застаюся без справы. Часопісы, анталогіі, зборнікі, кнігі прозы і паэзіі, аналітычныя праекты... Чым толькі не даводзіцца займацца! І далёка не заўсёды тым, чаго б найболей хацелася. Аднак я гэтым лішне не пераймаюся, бо яшчэ падлеткам даў веры словам бацькі, якія ці не найлепш перадаюць філосафію беларуса: рабі што можаш і хай будзе як будзе.

P.S. Я ўжо даўно не выпраўляўся ў горы, пасля таго як на пачатку 90-х “пасадзіў” сэрца на адной з вяршынь Палярнага Урала. Аднак кожны год з хаўрусам філосафаў, літаратараў і музыкаў плаваю на байдарках па Беларусі.

У родным мястэчку Свіслач, дзе нарадзіўся і асталеў, бываю ўсё радзей. Затое на Вялікдзень — абавязкова. Там

мяне чакаюць маці, сястра і нябожчык бацька на могілках. А яшчэ там чакае мяне маленькі хлопчык з гармонікам. Ён пакуль не ўмее на ім граць, але тае бяды. У яго яшчэ ўсё жьшцё наперадзе.

Аўтарскае пасляслоўе

Як і дамаўляліся, ён даслаў гэты тэкст 6 сакавіка 2007 года. Прыемна, калі нехта так дакладна выконвае свае абяцанні. На жаль, так атрымліваецца не заўсёды.

www.kamunikat.org

Уладзімір Арлоў

Матэрыял, які прапануецца вашай увазе, істотна адрозніваецца ад астатніх. Эсэ пра сваё жыццё Уладзімір на маёй просьбе напісаў сам і даслаў па электроннай пошце 10 лютага 2007 года.

Я нарадзіўся ў год Змяі, паводле ўсходняга календара, і ў год смерці Сталіна, паводле календара савецкага. Мой прыход на свет адбыўся пад задзякальным знакам Дзевы ў найстаражытнейшым беларускім горадзе Полацку. Гарадская радзільня ў той час знаходзілася на полацкім Верхнім замку, за нейкую сотню крокаў ад Сафійскага сабора. Якраз на Сафію і выходзілі вокны палаты, адкуль мая мама Марыя ўпершыню паказала мяне майму бацьку Аляксею. Сафійскія вежы, убачаныя няцямлівымі вачыма немаўляці, сталіся маім першым уражаннем ад навакольнага свету, і, магчыма, менавіта гэта прадвызначыла мой лёс.

Маё маленства смялася і плакала на старадаўніх полацкіх вулачках, але пра пошукі старажытных скарбаў і лёхаў, што вядуць з полацкіх храмаў на той бок Дзвіны, пра выпрабаванні смеласці на вузенькім гзымсе вакол купала Багаяўленскага сабора, пра злачынна ўзняты ў паветра на нашых дзіцячых вачах сабор святога Стэфана, пра першае каханне і першую здраду лепей прачытаць у маіх кнігах.

Мая мама выкладала гісторыю, бацька працаваў пракурорам. Дзякуючы суровай бацькавай прафесіі я атрымаў сваю першую мянушку — “пракурор”. Так клікалі мяне ў маінай роднай прыдняпроўскай вёсцы на Шклоўшчыне, дзе я штогод летаваў у бабулі Аўгінні.

Бабуля была ўдавой. Яе мужа (майго дзеда) Максіма Дзянісава расстраялі ў 1933-м і рэабілітавалі ў 1963-м. Маміна маці, несумненна, мела стасункі з загадкавымі, але наогул прыязнымі да чалавечага роду сіламі: яна зашэптвала зубы, спыняла кроў, выводзіла мышэй і “каціную драпу”. Спадзяюся, што нейкая частка гэтых здольнасцей перайшла ў спадчыну да мяне, бо таемную бабуліну сілу я адчуваю і сёння, амаль праз паўстагоддзя пасля яе адыходу ў іншы свет.

Бабуля Аўгіння адкрыла мне тое, што цяпер я называю беларускім космасам. Яна была маёй першай настаўніцай — не толькі мовы, але, напрыклад, і батанікі. Яна прыводзіла мяне на поплаў ці на гумнішча, садзіла на грудок і пачынала свой урок. “Гэта здрыжнічкі, — казалася яна, паказваючы мне краску ці травінку, — гэта ястрэц, вунь, на выжарыне, скрыпень зацвітае, а вось тут братаўка прытулілася...”.

Я атрымліваў ад бабулі і іншыя надзвычай важныя ўрокі, і сёння імкнуся выконваць яе парады. Я не сплю, калі садзіцца сонца, бо бабуля вучыла, што калі заснеш з ім разам, уранні ўжо не прачнешыся. Я не гляджуся апоўначы ў люстэрка, каб не растаць у ім. Я памятаю, што “нельга любіцца з дзеўкамі ў жыцце і ў красках таксама нельга, бо колькі каласоў зломіш, столькі людзей ад голаду сканае, а колькі красак звяне, столькі дзетак на свет не народзіцца”.

Пасля школы зорка лёсу прывяла мяне на гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Там сустрэў сяброў, дзякуючы якім канчаткова пераканаўся ў тым, што я не савецкі чалавек, а беларус і што мая радзіма — Беларусь, а не СССР. Там сустрэўся са сваёй будучай жонкай Валянцінай, якая стане паэтэсай Валянцінай Аксак і маці маіх сыноў Рамана і Багдана.

Тады, на пачатку 1970-х, у нашай галоўнай alma mater амаль нічога беларускага, апрача назвы, ужо не было. Прынамсі, у нас на гістфаку. Мы чулі, што некалі курс гісторыі Беларусі чытаўся па-беларуску, але той час ужо здаваўся нам міфалагічным. Каб уявіць узровень выкладання айчынай гісторыі, дастаткова сказаць, што Еўфрасінню Полацкую наш прафесар Абецэдарскі называў на лекцыях царкоўнай цемрашалкай. “Гісторыя Беларусі” гэтак званая “дакастрычніцкага” перыяду, якую мы вывучалі, грунтавалася на міфах, створаных расейскай гістарыяграфіяй: пра адзіную старажытнарускую народнасць, заваёву беларускіх земляў спачатку літоўцамі, а потым палякамі, адсутнасць у нашых продкаў уласнай дзяржаўнасці, пра адвечнае імкненне беларусаў уз’яднацца з рускім народам... (Дарэчы, калі напрыканцы XVIII стагоддзя мара маскоўскіх цароў нарэшце здзейснілася, і Беларусь у выніку трох падзеяў Рэчы Паспалітай “уз’ядналася” з Расійскай імперыяй, дзясяткі

беларускіх вёсак атрымаў адзін з фаварытаў імператрыцы Кацярыны II граф Рыгор Арлоў. Часам мяне апаноўвае спакуса вывесці свой радавод менавіта ад яго. Канчаткова не закрэсліваючы і гэтай версіі, мушу зазначыць, што, напэўна, усё было больш банальна, бо ў роднай бацькавай вёсцы Арловы жывуць амаль у кожнай хаце.)

Але, на вялікае шчасце, у гады майго студэнцтва з'явіліся раманы, аповесці і апавяданні Уладзіміра Караткевіча. Дзякуючы ім я пачаў адкрываць для сябе сапраўдную гісторыю Беларусі. Гэта была гісторыя, вартая еўрапейскага народа: з тысячагадовай традыцый дзяржаўнасці, бліскучымі перамогамі пад Грунвальдам, Оршай і Кірхгольмам, з Магдэбургскім правам у гарадах, эпохамі Рэнэсанса і Рэфармацыі, якіх гэтаксама, як і Магдэбургскага права, у Расіі ніколі, на вялікі жаль, не было...

Аднойчы на студэнцкай вечарынцы сярод іншых забаў і гульняў хтосьці прапанаваў і такую: без роздуму напісаць імёны дзесяці гістарычных асоб. Пасля гэтага конкурсу стаяў гамерычны рогат, бо найчасцей у адказах сустракаліся імёны сярэднявечных японскіх уладароў — сёгунаў. Прычына была ў тым, што ўсе мы захапляліся таленавітымі лекцыямі нашага выкладчыка гісторыі Японіі і Кітая. Але ніхто з нас, будучых выпускнікоў гістарычнага факультэта, не згадаў аніводнай выдатнай асобы з мінулага Беларусі! Яно, гэтае мінулае, не было часткай нашай свядомасці, не ўспрымалася нават намі, студэнтамі-гісторыкамі БДУ, як неацэнная нацыянальная каштоўнасць. Гісторыя нашай зямлі не напаўняла жыццё шырокім няпобытавым сэнсам, не дапамагала нам глыбей спасцігнуць сучаснасць, каб быць гатовымі да будучыні.

Тады я перажыў тое, што называюць “момантам ісціны”. Мне ўпершыню так балюча адкрылася бездань нашага гістарычнага бяспамяцтва. І я сказаў сабе, што як палачанін з нараджэння, як гісторык па адукацыі і літаратар паводле схільнасцей я проста абавязаны змагацца з гэтым бяспамяцтвам, якое ператварае народ у насельніцтва і ўрэшце пазбаўляе яго гістарычнай перспектывы.

На той час у маёй літаратурнай біяграфіі ўжо былі дэбютныя публікацыі вершаў і прозы ў студэнцкіх

самвыдавецкіх альманахах “Блакiтны лiхтар” i “Мiлавiца”. Першы выдавалi мае сябры — студэнты Наваполацкага полiтэхнiчнага iнстытута, другi выходзiў у нас на гiстарычным факультэце. Абодва альманахi былі беларускамоўнымi, i ўжо гэтага хапала, каб выдаўцы i аўтары зазналі шмат непрыемнасцей, блiзка пазнаёмiўшыся з лiтаратуразнаўцамі ў цывiльным. Дарэчы, усе канфiскаваныя ў нас пятнаццаць нумароў “Блакiтнага лiхтара” дагэтуль захоўваюцца для нашчадкаў недзе ў архiвах КДБ.

Першая мая кнiга прозы выйшла ў 1986 годзе. Назву ёй дало апавяданне “Добры дзень, мая Шыпшына”, адным з самых першых чытачоў якога быў Уладзiмiр Караткевiч. Атрымаўшы ягоны лiст з залiшне ўзнёслым водгукам на мае лiтаратурныя практыкаванні, я колькi дзён лётаў як на крылах. Смешна прызнацца, але апрача ўсяго астатняга яшчэ i ганарыўся тым, што мой адрасант у адной са сваiх заўваг не меў рацыi. Караткевiч пiсаў, што нiбыта жоўтыя гарлачыкi, як i белья, на ноч закрываюць свае кветкi, я ж, ствараючы апавяданне, адмыслова начаваў каля сажалкi i пераканаўся, што жоўтыя гарлачыкi не “засынаюць” (ва ўсякiм разе ў нас на Полаччыне).

Трымаючы ў руках аўтарскiя экзэмпляры кнiжкi, я скрушлiва думаў, што ўжо не пашлю яе са свайго Полацка нi Уладзiмiру Караткевiчу, нi Ларысе Генiюш, у якой мне не раз даводзiлася бываць i аднаму, i з сябрамi — маладымi лiтаратарамi i гiсторыкамi. Яшчэ i цяпер калi-небудзь у зiмовую ранiцу, не зусiм прачнуўшыся, магу ўсцешана падумаць: перад Калядамi паеду ў Зэльву да Бабулi — так мы называлi Ларысу Антонаўну мiж сабой у гаворках, лiстах i тэлефонных перамовах. Я выступiў на пахаваннi нашай славутай паэткi i нязломнай грамадзянкi БНР, пасля чаго кiраўнiцтва Саюза пiсьменнiкаў атрымала загад выкраслiць мяне са спіса ўдзельнiкаў усеаюзнай нарады маладых лiтаратараў. Хачу сказаць маiм невядомым “дабрадзеям” шчыры дзякуй, бо якраз у днi той маскоўскай нарады мне ўсмiхнулася муза Клiа. Я сеў за стол i напiсаў першае гiстарычнае апавяданне “Мiсiя папскага нунцыя”. Гэта быў пачатак другой маёй кнiгi, якая з’явлiлася ў 1988 годзе пад назвай “Дзень, калi ўпала страла”.

З таго часу ў мяне выйшла трыццаць кніг прозы, паэзіі, гістарычных нарысаў і эсэ. Некаторыя з іх былі адзначаны прэміямі і ўзнагародамі, самымі дарагімі з якіх лічу медаль Францішка Скарыны, атрыманы на пачатку дзевяностых, а таксама выдавецкую прэмію імя Уладзіміра Караткевіча і прэмію імя Францішка Багушэвіча Беларускага ПЭН-цэнтра. Як велізарную ўзнагароду ўспрымаю і пераклады маіх тэкстаў на асноўныя еўрапейскія мовы, а таксама на польскую, літоўскую, эстонскую, румынскую, латышскую, украінскую, грузінскую, чэшскую, славацкую ды іншыя. Найбольш у гэтым сэнсе пашчасціла майму эсэ “Незалежнасць — гэта...”, напісанаму ў 1990 годзе і прысвечанаму чарговай гадавіне БНР. Яно загучала на дваццаці мовах і, на жаль, не страціла сваёй актуальнасці для нас і сёння.

На пачатку 1990-х гадоў, калі кінастудыя “Летапіс” працавала на беларускую нацыянальную ідэю і мела ў гэтым дзяржаўную падтрымку, паводле маіх сцэнарыяў былі зняты навукова-папулярныя фільмы “Еўфрасіння Полацкая”, “Сімяон Полацкі”, “Полацкія лабірынты”. Пад назвай “Рандэву” было экранізавана адно з маіх улюбёных гістарычных апавяданняў “Рандэву на манеўрах”.

Разам з беларускай па маіх жылах бязьць і цыганская кроў. Магчыма, з гэтае прычыны падарожжы займаюць у іерархіі маіх жыццёвых каштоўнасцей адно з першых месцаў. Пачынаючы з 1990 года, калі нарэшце стаў “выязным”, паспеў крыху пабачыць свет — наведаў дваццаць краін і чатыры кантыненты. Такі ўжо я чалавек, што ўсюды, нават у Афрыцы, найперш шукаў беларусаў і Беларусь.

Яшчэ я паспеў выпіць глыток віскі з выдатнай беларускай паэтэсай Наталляй Арсеньвай на амерыканскім беразе возера Антарыё, у яе доме, пад вокнамі якога на кветніку раслі нашы родныя валошкі. Паспеў пагасцяваць у пісьменніцы Аляксандры Саковіч у Кліўлендзе, а ў архівах беларускай царквы святой Еўфрасінні Полацкай у Саўт-Рыверы, што ў штаце Нью-Джэрсі, знайшоў неапублікаваныя рукапісы вядомага літаратара і гісторыка Юркі Віцьбіча... Уражанні замежных вандровак сталіся асновай кніг эсэ “Божая

кароўка зь Пятай авэню”, “Адкусі галаву вароне” і “Сланы Ганібала”.

Відаць, варта адзначыць, што першым маім замежным падарожжам сталася паездка на ўрачыстасці з нагоды 580-х угодкаў Грунвальдскай перамогі, што адбываліся на тых самых палях і ўзгорках, куды вялікі князь Вітаўт прывёў свае сорак харугваў, трыццаць з якіх мелі баявыя штандары з “Пагоняй”.

Дадам, што вандроўкі па далёкіх і блізкіх краінах канчаткова пераканалі мяне: беларускія жанчыны — найпрыгажэйшыя ў свеце.

Дарэчы, менавіта каханне я лічу наймагутнейшым “творчым стымулятарам”, ды і расстанне таксама. Наконт іншых стымулятараў скажу, што не п’ю кавы, не палю, музыку слухаю ў хвіліны адпачынку. Раней некаторыя тэксты пісаў “у сааўтарстве” з добрым чырвоным віном. Так, да прыкладу, была напісана ў сярэдзіне 1980-х аповесць “Час чумы”. Я тады цэлы месяц жыў у вугорскай вёсцы ў Закарпацці, дзе абыходзіцца без віна было проста маветонам. А наогул я ўжо даўно прыйшоў да высновы, што пісаць з дапамогай алкаголю не варта і, больш за тое, небяспечна, бо ён стымулюе толькі да пэўнай мяжы, а далей пачынаецца хуткі адкат, які заканчваецца творчай бездапаможнасцю і чалавечай трагедыяй.

“Habent sua fata libelli — І кнігі маюць свой лёс”, казалі старажытныя лаціняне. Сапраўды, у кожнай з маіх кніг свая гісторыя. Першае выданне зборніка апавяданняў для школьнікаў “Адкуль наш род” было на цэлы год арыштавана, бо нейкі пільны таварыш нашкрабаў у адміністрацыю прэзідэнта данос, што Арлоў, маўляў, распальвае паміж братнімі беларускім і рускім народамі міжнацыянальную варожасць. Абвінавачанне грунтавалася на адзіным доказе: у кнізе ў дрэнным святле паказаны імператар Пётр I, які ў 1705 годзе ўласнаручна забіваў у Полацкім Сафійскім саборы ўніяцкіх святароў, а ягоньня салдаты пазней узарвалі нашу старажытную святыню. На шчасце, розум, дзякуючы некалькім рэцэнзіям на кнігу, напісаным супрацоўнікамі акадэмічнага Інстытута гісторыі, перамог. Кніга не толькі вырвалася з-пад арышту і выйшла яшчэ трыма выданнямі, але нават патрапіла ў школьную праграму.

Праўда, на мае стасункі з уладамі гэта істотна не паўплывала, і ў 1997-м мяне звольнілі з пасады рэдактара выдавецтва “Мастацкая літаратура” з непаўторнай фармулёўкай у загадзе: “...за выпуск исторической и другой сомнительной литературы”. У выніку я атрымаў больш часу на напісанне гэтай самай “нехорошей” літаратуры, чым і займаюся.

Дзеля справядлівасці зазначу, што погляды на сумніўнасць маіх твораў ва ўладных структурах яўна неадназначныя. Іначай Лукашэнка (падазраю, што не са сваёй ініцыятывы, але ўрачыста) не ўручаў бы маю кнігу “Краіна Беларусь. Ілюстраваная гісторыя” пераможцам міжнародных школьных і студэнцкіх алімпіяд. Падарункавы набор складаўся з дыплама, медаля, маёй “Краіны Беларусі” і кнігі “Речи и доклады президента РБ А.Г.Лукашенко”. Спадзяюся, што адзін асобнік майго цудоўнага, надрукаванага ў Славакіі фаліянта Аляксандр Рыгоравіч пакінуў у сябе на рабочым сталe. Можна, ён і не чытае тэксту, але ў вольную ад больш важных дзяржаўных клопатаў хвіліну разглядвае ў кнізе яе дзве тысячы ілюстрацый, і, магчыма, у ягонаў сьвядомасці мацнее плённа думка, што ў нас, у беларусаў, сапраўды еўрапейская гісторыя, а гэта — своеасаблівы пропуск у еўрапейскую будучыню.

Па-свойму дарага я мне кожная з кніг, на якіх стаіць маё прозвішча, але найдаражэйшай лічу “Таямніцы полацкай гісторыі” — маё прызнанне ў любові да роднага горада. У англічан ёсць такая прыказка: “Трэба ведаць што-небудзь пра ўсё і ўсё — пра што-небудзь”. Полацк, ягонаў гісторыя — якраз тое, пра што я хачу ведаць усё. Спадзявацца на гэта, вядома, наіўна, але, магчыма, сёння няма на свеце чалавека, які б ведаў полацкую гісторыю лепей за мяне.

Працуючы над “Таямніцамі”, я даведаўся пра старажытны звычай нашых продкаў-крывічоў. Дасягнуўшы паўналецця, юнакі ў іх здавалі своеасаблівыя экзамены на мужчынскую сталасць: ім трэба было пераплысці хуткую і глыбокую раку, ажышцявіць доўгія пешы пераход праз пушчу, упаляваць тура, мядзведзя або зубра, распаліць у залеву вогнішча, а яшчэ абавязкова ведаць сваіх продкаў да пятага калена. Хто не ведаў, не

меў права звацца мужчынам. Такому чалавеку не давяралі, яго маглі наогул асудзіць на выгнанне, бо лічылася, што бяспамятны ў час небяспекі лёгка зробіцца здраднікам.

Я схопіў паперу з алоўкам і пачаў ліхаманкава маляваць сваё генеалагічнае дрэва. Першыя вынікі былі несучыяшальнымі. Каб хоць збольшага аднавіць імёны сваіх продкаў, іх заняткі, адметныя звычкі і ўчынкі, я мусіў некалькі месяцаў распытваць сваякоў, углядацца ў пажоўклыя фамільныя фотаздымкі, расшыфроўваць дакументы з выцвілым атрамантам XIX стагоддзя, гартаць ацалелыя кнігі царкоўных запісаў. У выніку было напісана эсэ “Мой радавод да пятага калена, або Спраба пазбегнуць выгнання”.

Нашы далёкія продкі ведалі тое, што цяпер паспяхова даказвае навука. Духоўная энергія папярэдніх пакаленняў не знікае, яна жывіць род і ўвесь народ, дазваляе яму ў найцяжэйшы час выстаяць і перамагчы. Хіба выпадкова мы адчуваем гаючае ўзрушэнне каля старадаўніх сабораў і на палях славурых перамог? Але гэтая жыватворная энергія ўплывае не на кожнага, а толькі на таго, хто захаваў з продкамі “канал сувязі” — памяць пра іх і іхнія дзеі. Склаўшы свой радавод, я пераканаўся ў гэтым на ўласным досведзе, і таму маю права раіць усім сваім знаёмым і незнаёмым чытачам: адрадзіце старадаўні звычай у сваіх сем’ях, займіцеся складаннем радаводаў, якія будуць з гонарам працягваць вашы дзеці і ўнукі. Сёння радавод шмат у каго атрымаецца кароткім, але, паверце, усё адно здарыцца дзіва: продкі пачнуць дапамагаць вам.

Я пераехаў у Мінск ужо дваццаць гадоў таму, але Полацк не адпускаяе і ніколі не адпусціць мяне. Штомесяц мне проста неабходна хоць на дзень прыехаць туды, каб падыхаць яго паветрам, наведаць магільы бацькоў, сустрэцца з сястрой Таццянай, каб яшчэ раз пераканацца, што полацкі менталітэт, пра які я пісаў, — не міф, што ён, гэты менталітэт, як сказаў у сваім вершы Рыгор Барадулін, сапраўды “ад Еўфрасінні, ад Скарыны...”.

У Полацку былі прамоўлены і напісаны мае першыя беларускія словы.

У Полацку я навучыўся беларускаму светабачанню, светаразуменню і светаўяўленню.

Там альфа і амега майго зямнога падарожжа.

Калі ў Марціна Лютэра запыталі, што ён будзе рабіць, даведаўшыся, што заўтрашні дзень у ягоным жыцці — апошні, ён адказаў: буду садзіць яблыні. Калі пра апошні дзень спытаюцца ў мяне, я адкажу, што прыеду ў Полацк, на радзіму маёй душы, маёй веры і майго стаіцызму.

Адна з маіх кніг, напісаная разам з гісторыкам Генадзем Сагановічам, называецца “Дзесяць вякоў беларускай гісторыі”. Мару, што на мяжы IV тысячагоддзя ад Нараджэння Хрыстовага хтосьці выдасць кнігу (звонку яна будзе, безумоўна, ані не падобная да нашых сучасных кніг) пад назвай “Дваццаць вякоў беларускай гісторыі”.

А на развітанне — верш, якім адкрываецца мая апошняя кніга “Паром праз Ла-Манш”:

Спраба завершанага жыццяпісу

*Прыйшоў на свет
у год Змяі
паводле ўсходняга календара
і ў год смерці Сталіна
паводле календара савецкага,
Пад знакам Дзевы
у радзільні
на супроць Сафійскага сабора
ў Полацку;
быў таемна ахрышчаны
праваслаўным папам,
якога схаліў за бараду
і не адпускаў,
пакуль не паказалі
салодкага пуйніка на палачцы;
узброіўшыся свечкай
і клубком бабуліных нітак,
у няпоўныя сем гадоў
выправіўся на пошукі лёхаў,
што ў часы Сцяпана Батуры
злучалі гарадскія манастыры
і храмы;
з тае пары
так і бадзяюся*

на замураваных лабірынтах,
шукаючы
Полацкі летаніс,
крыж Еўфрасінні
і сумнейную славу;
памру ўлетку,
калі споўніцца
тысяча гадоў
князю Усяславу Чарадзею;
буду пахаваны
на полацкіх могілках
святога Ксаверыя
на грэка-каталіцкім абрадзе;
хтосьці пакладзе
на цёплую зямлю
букецік валошак
і тры гваздзікі
вядомых колераў;
у беларускім тэксце
на помніку
згодна з нацыянальнай традыцыяй
будзе зроблена
арфаграфічная памылка.

Антон АСТАПОВІЧ

Напрыканцы 2002 года Антон Астаповіч з аднадумцамі стварыў незарэгістраваную ініцыятыву “Беларускі шлях” і пачаў ладзіць “Вандроўкі ў мінулае”. У 2007 годзе да гэтага далучылася Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. Па самых сціплых падліках, ужо адбылося больш за дзвесце вандровак.

Камяні юнацтва

Я нарадзіўся 23 кастрычніка 1964 года ў Асіповічах. Па лініі бацькі я з гэтых мясцін, а па лініі маці — з гістарычнай Ігуменшчыны (зараз гэта Чэрвэньшчына).

Усё маё дзяцінства можна падзяліць на дзве часткі. Да шасці гадоў я жыў у бабулі Алены (маці маёй маці) у мястэчку Сечы. Калі ехаць з Мінска на Гомель на электрычцы, то за Міханавічамі ёсць такія прыпынак, а калісьці гэта была паўнавартаўская чыгуначная станцыя. І сёння ў мяне перад вачыма стаіць такая карціна: мы сядзім вечарам каля лямпавага прыёмніка, бабуля ловіць “Голас Амерыкі” ці “Радыё “Свабода”, і мы разам слухаем — пажылая жанчына і малы падшыванец.

З таго часу ў маю галаву запалі два прозвішчы — Сіняўскі і Даніэль (іх якраз тады судзілі ў Маскве). Гэта былі першыя “антысаветчыкі”, пра якіх я чуў, таму заўсёды гавару, што іншадумцам мяне зрабіла бабуля, якая мела “адпаведныя” погляды...

Маці, Ядвіга Аляксандраўна, усё жыццё працавала на пошце. У нашым горадзе пошты не было, і ёй прыходзілася шмат гадоў ездзіць у Мінск (100 кіламетраў у адзін бок), спачатку на дызелях, потым на электрычках.

Другі перыяд дзяцінства звязаны з Асіповічамі. У дзёда Антона (бацька майго бацькі) было шмат дзяцей, а значыць — і ўнукаў, але мяне ён любіў больш за іншых і лічыў самым разумным. Напрыклад, чытаць я навучыўся ў тры з паловай года. Як? Чытаць вучылі майго старэйшага брата Аляксандра, а я глядзеў праз яго плячо.

У дзяцінстве я быў крыху “дэфектыўным” — картавіў, не мог вымаўляць літары “р” і “л”. Таму, зразумела, мяне часта дражнілі. Калі мы гулялі ў вайну ці ў індзейцаў, равеснікі падсмейваліся: “Ты будзеш бей аол...”. (Літару “л” я потым асвоіў самастойна, а вось “р” — з дапамогай лагапеда.)

Устойлівыя дзіцячыя ўспаміны звязаны з чыгункай, дзе працаваў машыністам мой бацька Уладзімір Антонавіч. Ён часта браў мяне ў паездкі. Дарэчы, спачатку я хацеў быць менавіта машыністам, бо ў 7—8 гадоў ужо паспрабаваў весці цеплавоз.

У Асіповічах я пайшоў у школу, наведваў і музычную, але вельмі хутка стала зразумела, што другога Паганіні з мяне не атрымаецца, таму вучоба там доўжылася толькі некалькі гадоў.

Заўсёды з цеплынёй узгадваю Івана Адамавіча Чыруна. Настаўнік гісторыі, дырэктар школы, ён быў вельмі строгі, “ганяў” усіх, асабліва мяне і брата. Сямідзясятые гады, савецкая школа — кароткія стрыжкі, школьная форма. Мы ж былі амаль нефармаламі. Памятаю, дырэктар нас перыядычна выганяў, стаяў на ганку і крычаў: “Вы зноў нястрыжаныя! Вон!” Мы ішлі дамоў і сядзелі там два-тры дні. Потым прыбегалі класныя кіраўнікі і клікалі нас вучыцца. Нягледзячы на строгаць, Івана Адамавіча ўсе паважалі за справядлівасць. Да таго ж ён валодаў унікальнай памяццю — да апошняга часу пытаўся ў бацькоў пра нас з братам...

Потым я паступіў у Мінскую медыцынскую вучэльню. Выдатна скончыў яе ў 1984 годзе і стаў фельчарам, аднак ужо тады цікавіўся гістарычнай спадчынай. Паспеў крыху папрацаваць на “хуткай дапамозе” ў Мінску. Маючы дыплом з адзнакай, без усялякай падрыхтоўкі, як кажуць, “аўтаматам”, паступіў у медінстытут у Мінск, які пры сучаснай уладзе стаў універсітэтам.

Якраз у той момант студэнтаў усіх форм навучання пачалі прызываць у савецкае войска. Мяне “збралі” ў самым пачатку другога курса. І дзякуй Богу, бо дзяржава дала магчымасць падумаць пра далейшы лёс і вызначыцца — працягваць вучобу на медыка далей або заняцца справай, якая бліжэй да сэрца.

Восенню 1987 года я вярнуўся са службы, забраў дакументы з медінстытута і ўладкаваўся на працу па спецыяльнасці — фельчарам чыгуначнай бальніцы, а гэта — работа ў медпункце дэпо, раз'язным фельчарам паліклінікі, у медпункце вакзала. Дзе я толькі не працаваў! Зарплата невялікая. Каб забяспечыць нармальны ўзровень жыцця, заўсёды падзарабляў дзе-небудзь.

А ў 1989 годзе (у 25 гадоў) завочна паступіў на гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У наступным годзе ажаніўся і пераехаў у Мінск, адкуль была жонка. (Дарэчы, “ажанілі” нас мае бацькі. Узрост я меў ужо не юны, вечарамі сядзеў дома, ніякіх кампаній не вадзіў, матэрыяльна быў незалежным — словам, самадастатковы патэнцыяльны жаніх. Таму яны, так бы мовіць, вырашылі крыху “паскорыць працэс” і этанакіравана пазнаёмілі мяне з Таццянай. Раней ужо мелі месца падобныя прэцэдэнты, але тут было зусім іншае. Сяброўства неўзабаве перарасло ў каханне.)

У новай сферы мне адразу пашанцавала. Нягледзячы на тое, што я вучыўся толькі на першым курсе, мяне ўжо добра ведалі ў краязнаўчых і гістарычных колах, таму адразу ўзялі ў Беларускі дзяржаўны музей народнай архітэктуры і побыту на пасаду малодшага навуковага супрацоўніка ў аддзел фондаў, а праз год прызначылі загадчыкам сектара Цэнтральнай Беларусі ў экспазіцыйным аддзеле. Гэтаму музею я аддаў больш за 16 гадоў жыцця.

Узнікае лагічнае пытанне: навошта было “агарод гарадзіць” з медыцынай, калі гісторыя заўсёды падабалася больш? Адказ просты: паўплывалі бацькі. Людзі сталыя і практычныя, яны не лічылі гісторыю той сферай, дзе заўсёды будзе стабільны кавалак хлеба з маслам. А медыцына — вясло ў руках.

Каб не гады армейскай службы, то, магчыма, я застаўся б у медыцыне, але два гады роздумаў дазволілі зрабіць выбар і займацца тым, чым хацелася. На гэты конт я заўсёды жартую, што тут неабходна браць прыклад з братоў Грыцкевічаў — абодва па адукацыі медыкі, і Анатоль Пятровіч, і Валянцін Пятровіч, абодва маюць дыпламы дактароў. Анатоль Пятровіч зараз выкладае ва Універсітэце культуры, а Валянцін Пятровіч працуе ў

Медыцынскай акадэміі і з'яўляецца адным з кіраўнікоў беларускай суполкі Санкт-Пецярбурга. Дай Бог ім здароўя! Цудоўныя гісторыкі і людзі.

Мне папчасціла і ў тым, што калі я ўжо быў намеснікам дырэктара музея, то некалькі гадоў на палову стаўкі выкладаў на той кафедры Універсітэта культуры, якую тады ўзначальваў Анатоль Пятровіч Грыцкевіч. А дзякуючы кнізе В.П.Грыцкевіча “Факел Гіпакрата” (1987 год) я адкрыў для сябе сапраўдную гісторыю беларускай медыцыны. У медінстытуце мы вывучалі пэўны курс гісторыі медыцыны, аднак пра Беларусь там нічога не было напісана — усё Расія, Расія, Расія... Здавалася, што медыцына пачалася там, а тут — такое адкрыццё.

Музейныя падмуркі

Беларускі дзяржаўны музей народнай архітэктуры і побыту стаў для мяне добрай школай менавіта па гісторыка-культурнай спадчыне, таму што гэта перш за ўсё традыцыйная народная драўляная архітэктура. Некаторыя памылкова звязваюць яго са Строчыцамі, але дакладней будзе назваць вёску Азярцо, бо гутарка — пра яе фактычную ўскраіну. На 150 гектараў музейнай зямлі з усёй Беларусі звазілі і рэстаўрыравалі помнікі. Культавыя, сялянскія. А Строчыцы далёка, за Пціччу. Калі ў 2006 годзе я звальняўся з музея, шмат хто хацеў убачыць у гэтым нейкае палітычнае адценне, бо менавіта тады праходзілі прэзідэнцкія выбары. І гэта цалкам зразумела, бо я даволі значна вызначаўся грамадскай актыўнасцю. Больш за тое, быў даўнім сябрам Партыі БНФ, а ў 1989 годзе нават прысутнічаў на ўстаноўчым з'ездзе ў Вільні. У ніякія іншыя палітычныя структуры я больш не ўваходзіў.

Шчыра кажучы, 16 гадоў працы далі мне вельмі шмат і сфарміравалі мяне як спецыяліста. Гэта і навуковыя экспедыцыі, і вывучэнне матэрыялаў па архітэктуры, і юрыдычная дзейнасць у названай галіне. І сёння сябрую з былым дырэктарам Георгіем Андрэвічам Ткацэвічам. Зараз ён пенсіянер, але працуе (намеснік старшыні Беларускага фонду культуры) і рэдагуе “Краязнаўчую газету”.

Вучыўся я на вопыце Валянціна Валянцінавіча Калніна, аднаго з пачынальнікаў айчыннай рэстаўрацыі, які пяць год працаваў у нас намеснікам дырэктара па навуцы (з 1997 па 2002 год). Калі ён пайшоў на пенсію, згаданую пасаду заняў я.

Я ўдзячны шмат каму, але пералічаным людзям — асабліва.

Хоць я і распрацаваў дысертцыю па водным транспарце Беларусі, але па жыццёвых абставінах абараніцца яе не змог, таму працую толькі на прыкладным узроўні. І за тое, што маю пэўную базу, у першую чаргу ўдзячны музею.

У навуковых экспедыцыях мы займаліся выяўленнем і фіксацыяй помнікаў драўлянай архітэктуры, зборам этнаграфічнага (вуснага) матэрыялу, прадметаў музейнага значэння, за кошт якіх папаўняліся нашы фонды. З 1990 па 1996 год, калі было нармальнае фінансаванне, такіх экспедыцый ладзілася даволі шмат.

У верасні 1991 года была прынята новая нацыянальная сімволіка, і бел-чырвона-белы сцяг стаў дзяржаўным. Праз месяц адбылася экспедыцыя ў Клецк. З калегамі я засяліўся ў гатэль, а насупраць размяшчаўся райвыканкам, над якім вісела нешта чырвона-зялёнае. І калі нам там ставілі нейкія адзнакі ў камандзіровачных лістах, я запытаўся: “А чаму вы парушаеце законы незалежнай Беларусі? Чаму ў вас вісіць тое, што адмянілі больш як месяц назад?”

Якая тут узнялася мітусня! Мяне завялі да намесніка райвыканкама, і той пачаў апраўдвацца: бачыце, там дым ідзе, да зімы ўсё латаем бітумам, баімся, каб новы сцяг не пакрыўся сажай, праз 3–4 дні скончым усе работы... Спалохаўся ён так, што тэрміны былі значна скарачаны, і ўжо праз некалькі гадзін над будынкам лунаў дзяржаўны сцяг. І дым перастаў перашкаджаць.

З гэтай нагоды я заўсёды жартую, што над Клецкам у 1991 годзе бел-чырвона-белы сцяг падняў менавіта я. Камічна-патэтычнай была гэтая сітуацыя...

Самае цудоўнае ў экспедыцыях — сустрэчы з людзьмі, якія жывуць у глыбінцы. Напрыклад, у Шчучынскім раёне нам сустрэўся 80-гадовы дзед, які некалі быў польскім уланам і крыху ўмеў маляваць. У хаце

вісеў намаляваны алегем аўтапартрэт, дзе ён на кані, а побач — маршал Пілсудскі.

У экспедыцыях Беларусь адкрываецца па-новаму. Упэўнены, не было б іх, не было б і сённяшніх вандровак, бо падмурак быў закладзены тады, падчас аб'езду 85 адсоткаў Беларусі, калі я ўбачыў усе найбольш значныя гістарычныя каштоўнасці. Магу пахваліцца, што такіх людзей у Беларусі адзінкі.

Ідэалагічны фундамент

Напрыканцы 2005 года Георгія Андрэвіча Ткацэвіча адправілі на пенсію. Яго месца заняла жанчына, з якой мы адразу “не сышліся характарамі”, як кажуць. Яна спрабавала пазбавіцца ад мяне, выкарыстоўваючы пэўны паалітычны чыннік, неаднойчы бегала жаліцца новаму міністру культуры і яго намеснікам: маўляў, майго сябра Каспяровіча пасадзілі за бел-чырвона-белы сцяг, а старэйшага сына я аддаў вучыцца ў ліцэй Якуба Коласа. Там толькі разводзілі рукамі — заканадаўства аб абароне працы, нічога зрабіць нельга.

Гэта цяжка ўявіць, але пэўны час я афіцыйна быў “галоўным ідэалагам” свайго музея. У 2002 годзе мяне прызначылі намеснікам дырэктара па навуцы, а ў 2004 годзе з Міністэрства культуры прыйшоў загад, які патрабаваў ускласці на аднаго з намеснікаў дадатковы абавязак — адказваць за ідэалогію. Акрамя мяне ў дырэктара былі яшчэ два намеснікі — па будаўніцтве і рэстаўрацыі і па гаспадарцы. Да таго ж узрост у іх быў ужо пенсійны. Якая тут ідэалогія? Таму цалкам зразумела, што іншага выбару проста не было. На гэтую прапанову я адказаў пытаннем: “Вы ж ведаеце маю ідэалогію”. І пачуў у адказ: “Яна правільная”.

Міністэрства гэта зацвердзіла, і ў 2006 годзе, калі новая начальніца (яна потым мяне і “з'ела”) хацела адабраць “ідэалогію”, не атрымалася нічога. Дарэчы, да тых абавязкаў я і сёння стаўлюся вельмі станоўча, бо, па вялікім рахунку, там ёсць толькі тое, што закладзена ў праграму Партыі БНФ, — правы чалавека, нацыянальны характар дзяржавы, спадчына і г.д. Словам, ідэалогія ў нас была на самым высокім узроўні. Хто не верыць, хай

адкрые любы афіцыйны падручнік. Пра падлізніцтва перад існуючым кіраўніцтвам там нічога няма. Гэта сучасныя чыноўнікі чытаюць “паміж радкамі”...

У той час у нас быў вельмі прафесійны юрыст. Ён на “на пальцах” растлумачыў, што “збраць ідэалогію” можна толькі ў адным выпадку — у сувязі з павелічэннем нагрузкі па навуковай лініі з захаваннем службовай надбаўкі, бо я дзейнічаю ў строгай адпаведнасці з існуючым падручнікам па ідэалогіі. А імкненні былі супрацьлеглымі. Новая начальніца рабіла ўсё, каб мяне “выжыць”. Калі не атрымаваецца звольніць прымусова, трэба зрабіць так, каб чалавек сышоў сам. І грошы тут — не апошні аргумент.

1 верасня 2006 года так і адбылося. Нягледзячы на тое, што праз некалькі дзён (9 верасня) музей святкаваў 30 гадоў з дня свайго заснавання, я напісаў адпаведную заяву і забраў працоўную кніжку. Нават не пайшоў на прысвечаную гэтай даце канферэнцыю — нічога не хацелася.

З таго часу быў там усяго два разы. Адзін выпадкова, у 2007 годзе, калі Паўлюк Канавальчык здымаў у тых мясцінах фільм з маім удзелам (я выконваў галоўную ролю — іграў чыноўніка, які “згарэў” на рабоце). Адну са сцэн здымалі ў вёсцы Азярцо, і рэжысёр прапанаваў заехаць у музей.

А другі раз здарыўся ў жніўні 2009-га, калі я праводзіў міжнародны валанцёрскі летнік і прыехаў туды ў рамках чарговай вандроўкі.

Мінулае дзеля будучыні

Дзякуй Богу, ёсць галава на плячах і пэўныя творчыя схільнасці.

Яшчэ ў 2004 годзе я пачаў супрацоўнічаць з адной незалежнай тэлестудыяй. Пісаў сцэнарыі, выступаў у якасці ўдзельніка, эксперта. У асноўным гэта дакументальнае кіно пра нашу гісторыка-культурную спадчыну. Плюс удзел у розных творчых праектах (публічныя лекцыі, арганізацыя валанцёрскіх работ), вандроўкі па Беларусі. Ды і па характары я лёгкі на

пад'ём, таму звальненне са стабільнай працы не з'явілася для мяне нейкай жыццёвай трагедыяй.

А галоўным клопатам стала Таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. Арганізавалі яго яшчэ ў савецкія часы, дакладней, у 1966 годзе. Фармальна ў таварыстве я з гадоў дзесяці, бо тады запісвалі ўсіх школьнікаў. Актыўна ж супрацоўнічаю з гэтай арганізацыяй з 1990 года, калі пачаў працаваць у музеі і стаў валанцёрам. З калегамі і сябрамі мы нават заснавалі моладзевую секцыю.

7 чэрвеня 2007 года на чарговым справаздачным з'ездзе мяне абралі старшынёй структуры, сябрамі якой з'яўляюцца больш як 1800 чалавек па ўсёй Беларусі. З таго часу займаюся, як кажу, “праваабарончай дзейнасцю” — адстойваю права нашай спадчыны на існаванне. І адстойваць ёсць што, хаця, на жаль, сродкаў на гэта дзяржава сёння выдзяляе няшмат.

Згодна са статутам, нашы рэгіянальныя структуры займаюцца краязнаўчай дзейнасцю, археалогіяй і г.д. А ў цэнтральнага апарату напрамак дзейнасці пераважна метадычны і прававы, гэта значыць мы актыўна праводзім па ўсёй тэрыторыі краіны маніторынг выканання заканадаўства аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны і іншых нарматыўна-прававых дакументаў, якія рэгулююць згаданую сферу.

Пры досыць неблагіх законах амаль цалкам адсутнічаюць механізмы іх правапрымянення. У дзяржавы нават няма паўнаважнай інспекцыі па ахове гісторыка-культурнай спадчыны. У той жа Літве толькі ў цэнтральным апарате Дэпартамента аховы помнікаў працуюць амаль 120 чалавек, плюс чалавек 50 рэгіянальных інспектараў. Тое ж самае ў Польшчы. І нават у Азербайджане задзейнічана звыш чатырохсот чалавек. А ў нас?! У штаце ўпраўлення па ахове гісторыка-культурнай спадчыны і рэстаўрацыі Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь ёсць 15 адзінак. Фактычна там працуюць 11 чалавек, а ўсе рэгіянальныя інспектары (работнікі клубаў, бібліятэк, малодшыя навуковыя супрацоўнікі музеяў) падпарадкоўваюцца і цалкам залежаць ад мясцовай выканаўчай улады, якая часцей за ўсё і з'яўляецца першым парушальнікам заканадаўства аб ахове

спадчыны. Пры такой сістэме ніякі рэальны кантроль немагчымы. Хто пойдзе супраць свайго начальства?

Менавіта таму і праводзяцца “бульдозерныя рэстаўрацыі”, а помнікі не толькі не даглядаюцца, а нават руйнуюцца па рашэннях мясцовай улады. І ўсё гэта для іх зусім бяспечна. У Беларусі няма ніводнага прэцэдэнта пакарання чыноўнікаў за знішчэнне гісторыка-культурнай спадчыны. А знішчаецца яна бязлітасна. Прыкладаў можна прывесці вялікае мноства, але, на мой погляд, больш за ўсё пацярпелі сядзібна-паркавыя комплексы. За іх баліць душа. Адбылося наступнае. На апошнім этапе існавання Савецкага Саюза ў сельскую гаспадарку пайшлі вялізныя дзяржаўныя інвестыцыі. Раней старажытныя будынкі заўсёды былі “пры справе”. Там месціліся ці то праўленне калгаса, ці то “ачаг культуры”, ці нейкая амбулаторыя, школа. У 80-я гады мінулага стагоддзя пачалі расці новыя капітальныя будынкі, куды выводзіліся ўсе ўстановы, і безгаспадарчыя сядзібы паступова прыйшлі ў заняпад. Яны быццам бы знаходзяцца на балансе розных дзяржаўных устаноў, але сапраўднага догляду там няма. За апошнія 15 год мы панеслі такія страты, што хочацца плакаць.

У канцы 2008 года з’явіўся зацверджаны Саўмінам план рэалізацыі інвестарам безгаспадарчых сядзіб, якія маюць статус гісторыка-культурнай каштоўнасці, за адну базавую велічыню пад аб’екты экатурызму. Але ж, па вялікім рахунку, гэта трэба было зрабіць значна раней.

Зараз у гэтым спісе 45 сядзіб, а іх у Беларусі некалькі соцень. І хто дасць гарантыю, што там не будзе створана нешта лубачнае, накшталт Траецкага прадмесця, бо прасачыць за гэтым у нашых умовах немагчыма?

Трэба не толькі прыгожа размаўляць на беларускай мове, але і рабіць канкрэтныя крокі ў гэтым напрамку.

Аўтарскае пасляслоўе

Пра тое, што робіць Антон Астаповіч, я чуў даўно, але сам першы раз паехаў у вандроўку толькі 7 сакавіка 2009 года. Вельмі спадабалася, і не толькі мне. Таму цалкам абгрунтавана, што ўжо 2 красавіка з’явіўся гэты артыкул. І я згодны з яго героем: каб пабудаваць дастойную

будучыню, мы павінны добра ведаць сваё мінулае, бо
нашы продкі таксама будавалі будучыню.

І някепска!!!

www.kamunikat.org

РЫГОР БАРАДУЛІН

Усе ведаюць, што ён з'яўляецца адным з лепшых паэтаў Беларусі, і дадаць да гэтага нешта новае вельмі цяжка. Але я звярнуў увагу на іншае — у Рыгора Іванавіча Барадуліна проста ўнікальнае пачуццё гумару. Мабыць, гэтым і адрозніваюцца добрыя паэты ад усіх іншых.

Памяць дзяцінства

Нарадзіўся я на на Ушаччыне, на хутары Верасоўка, ці, як ласкава ў нас называлі, Верасовачка, 24 лютага, 35 года, дакладней, 1935-га (я ўжо ў двух стагоддзях жыву, а калі гаварыць “35-га”, дык можна падумаць пра 2035-ты; я, канешне, не дацягну да гэтага часу). А чаму дакладна ведаю (многім жа пасля вайны давалі столькі гадоў, колькі яны скажуць), бо маці ў час вайны закапала маё пасведчанне ў нейкім гаршку ў зямлю, і пасля мы яго адкапалі.

Калі ж у 1939 годзе хутары пачалі зносіць, перабраліся ва Ушачы.

Бацька мой, Іван Рыгоровіч Барадулін, быў цесляром у райкамгасе, мама, Акуліна Андрэеўна Барадуліна, працавала па гаспадарцы дома. Але бацьку памятаю слаба, таму што ўвесь час ён быў на працы. Калі ж прыходзіў, я, малы, любіў расшпільваць яго куртку, бо з-за пазухі абавязкова “вылятаў” нейкі гасцінчык...

Калі пачалася вайна, бацька пайшоў у партызаны. Там і загінуў — падчас так званага прарыву, калі чалавечым мясам затрымалі немцаў пад Полацкам. Кіраўніцтва самалётамі было вывезена за лінію фронту, а астатнія паляглі ў балотах. У тым ліку і мой бацька.

Пра маму ж можна гаварыць доўга. Мама мая была выключным чалавекам, карэннай крывічанкай. Дзякуючы ёй я вырас натуральным беларусам (хай гэта не будзе пахвальбой). Яна выдатна ведала беларускія песні, казкі і нашу крывіцкую, ушачкую мову. Дарэчы, у свой час Васіль Быкаў расказваў, што, вярнуўшыся з арміі (ён жа доўгі час жывіў па-за межамі Беларусі), ён узнавіў мову, успамінаючы, як гаварыла яго маці. Я і дасюль памятаю

матчын голас і арыентуюся не на слоўнікі, не на граматыку, а на маміна вымаўленне, на яе лексіку.

Мама дала мне і жыццё, і лёс. Як і кожны чалавек, я не ўяўляю сябе без мамы. Калі б не яна, нічога з мяне не атрымалася б.

Мае ўспаміны: на хутары заходзіць сонца, а мама расказвае нейкую страшную казку, і мне неяк жудасна і трывожна. І, зразумела, першыя ўспаміны — гэта маміны вочы, маміны словы, мамін голас.

Выбар шляху

Я не марыў стаць паэтам, мне проста хацелася нешта пісаць. Пасля вайны ўсе многа чыталі, у тым ліку і паэзію. Кніжка была на вагу золата. А маці і кроку не рабіла без таго, каб не вымавіць якую-небудзь прыказку, прымаўку, спець песню ці нейкую папеўку. Мама спявала душой. Я і сёння чую беларускае слова, акрыленае голасам маці. Але ўсё, што я ўзяў, — толькі тысячная доля таго, на што была багатая мама.

Скончыў Ушацкую сярэднюю школу, у якую пайшоў пасля вайны крыху пераросткам. Тады людзі дужа цягнуліся да вучобы і ў школу хадзілі з вёсак за пяць — сем кіламетраў, у снег і ў дождж. Школа была беларуская, усё выкладанне вялося на беларускай мове — не тое, што цяпер.

Пасля заканчэння школы выбраў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Дужа хацеў туды патрапіць, таму што ведаў, што ва ўніверсітэце вучыліся ўсе нашы паэты. Паступіў на беларускае аддзяленне філалагічнага факультэта. Памятаю, у заяве напісаў: “Прашу прыняць мяне на беларускае аддзяленне, а калі не на беларускае, дык хоць на рускае”, паколькі лічыў, што беларускае аддзяленне больш важнае і туды большы наплыў абітурыентаў. Але ва ўніверсітэце, у адрозненне ад Ушацкай школы, беларускага ўжо было мала...

Творчасць

Добрых вершаў напісана мала, а ўсялякіх — шмат. Але я ніколі не лічыў, колькі. Як гавораць, усе — мае. Хоць

ёсць і такія, хто падлічвае і думае, што даследчыкі будуць вывучаць іхнюю творчасць. Я пра гэта не думаю. Бо здараецца, што ад нейкага паэта, які пры жыцці выдаваў зборы твораў, у выніку застаецца толькі адзін верш, а можа, і ніводнага. Час — такі дзядзька, які ўсё расставіць па сваіх месцах.

Мой першы верш быў надрукаваны ў 1953 годзе ў газеце “Чырвоная змена”, якая ў той час была для маладых варотамі ў літаратуру. Надрукавацца ў “Чырвонай змене” лічылася за вялікае шчасце і гонар. Усе туды імкнуліся. Мне таксама пашанцавала.

У той час пры “Чырвонцы” дзейнічала літаб’яднанне, якое было на ўзроўні калі не Літінстытута, дык, ва ўсякім разе, міні-літінстытута: тут мы вучылі адно аднаго і вучыліся самі. Гэта была вельмі цікавая школа. Не хачу пакрыўдзіць сённяшніх маладых, але тое пакаленне было хай менш адукаваным, затое больш шчырым. Сучасная ж моладзь больш камп’ютарызаваная, механічная. Хутка з’явіцца ўжо камп’ютарная паэзія і нават камп’ютарнае мысленне. Можа, я зусім ужо не сучасны, але не ўяўляю, каб Біблія была напісана на камп’ютары...

Выдаваліся ж мае вершы на многіх мовах, але я не ведаю, як яны на іх успрымаліся. Тым больш што ў савецкі час пераклады нярэдка рабіліся ў рэчышчы “дружбы народаў”. Магу толькі сказаць: мне дужа прыемна, што зараз мае кнігі выйшлі па-чэшску і па-польску. І асабліва грэе душу, што мая паэзія ёсць цяпер і на японскай мове. Ушацкі малец і — на японскай мове! Гэта ўжо не па пратэкцыі “дружбы народаў” і не па “культурным абмене”. Гэтаму паспрыяў айцец Уладзіслаў Завальнюк.

Калі я вучыўся ў школе, у нас кватаравала дзяўчына па прозвішчы Быкава, родам якая была з Бычкоў. Яна яшчэ гаварыла, што Васіль (*Быкаў*. — **Заўв. аўт.**) маляваў у школе яе партрэт. Так што пра Васіля Быкава я даведаўся раней, чым пазнаёміўся з ім. А знаёмства адбылося ў той час, калі я працаваў у газеце “Советская Белоруссия”. Памятаю, паехаў у камандзіроўку ў Гародню, прамачыў ногі, а Васіль запрасіў мяне ў свой дом, напаіў гарбатай і даў сухі абутак. Дарэчы, якраз у той прыезд ён падарыў мне зборнік “Ад шчырага сэрца” з вершамі,

прысвечаньмі Сталіну. Сказаў: “Чытай, вучыся і не паўтарай памылак старэйшых!”

Быкаў да апошніх дзён быў для мяне ўсім — і сябрам, і старэйшым братам, і бацькам. Ён быў для мяне і роднымі мясцінамі, і Ушаччынай, і наогул усім беларускім. Нават калі ён жыў у замежжы, я ўсё роўна ведаў, што ён ёсць — мы ж і перапісваліся, і сазваньваліся.

А цяпер мне без Васіля дужа самотна і няўтульна. Але галоўным для мяне застаецца вось гэтае трыадзінства: Бог, мама і Быкаў. Яны былі і па-ранейшаму застаюцца ў маім жыцці.

Галоўнае — жыць і памерці чалавекам. Хоць, здаецца, гэта занадта вядомая фраза, але сэнс яна мае глыбокі, таму што жыць і застацца чалавекам вельмі цяжка, ва ўсіх адносінах. Мы, малыя, жартавалі, што ў жыцці, як у казцы: чым далей, тым страшней. Мы думалі, што гэта не больш чым жарт. Але цяпер я разумею, што гэта зусім не жарт. І адзінае, што трэба берагчы, — сваю душу. Будзе душа — будзеш ты, не будзе яе — і цябе не будзе.

Сям’я і захапленні

З жонкай Валяй я сустрэўся падчас вучобы ва ўніверсітэце: пайшоў знаёміцца з першакурснікамі і ўтрэскаўся! Яна з Гародні і таксама скончыла Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Працавала ў “Беларускай энцыклапедыі”. Дарэчы, калі нарадзілася дачка Ілона (адбылося гэта ў Гародні), дык першым наведаць і павіншаваць Валю прыйшоў Васіль Быкаў...

Звычайна дома ў нас гаварылі: “Таму бацьку слава, у каго дзяцей поўная лава”. Але ў мяне так не атрымалася. У наш час, калі б была поўная лава дзяцей, дык і іх бы не пракарміў, і сам бы дайшоў. Таму ў мяне адна дачка і адна ўнучка. Ілона таксама скончыла ўніверсітэт, цяпер малое. А ўнучка Дамінічка яшчэ толькі вучыцца на беларускім аддзяленні філалагічнага факультэта. Што і як там будзе далей — гэтага я ўжо не ўбачу.

Раней, як быў малады, прыезджаючы ва Ушачы, і дровы калоў, і касіў, і араў троху, цяпер жа мне цяжка ўсё гэта рабіць. Аднак паняцця вольнага часу ў мяне няма — заўсёды ў галаве нешта круціцца. Я нават у рэанімацыі

вершы пісаў. Справа ў тым, што ў мяне дужа часта баліць галава, калі ж здараецца нейкае прасвятленне, тады я стараюся ці чытаць, ці пісаць. Так што “вольны час” у мяне — гэта калі галаву “схватвае”. Аднак я хацеў бы, каб яго было меней.

Аўтарскае пасляслоўе

Гэты матэрыял мне дапамог зрабіць Сяргей Шапран, за што яму асобная падзяка. Адбылося ўсё 16 лютага 2009 года. Зразумела, звычайна ўсе інтэрв’ю пішуцца прозай. Не стала выключэннем і гэтае. Але ж адчуваецца, што на пытанні мне адказваў Паэт.

Алесь БЯЛЯЦКІ

Пра іх дзейнасць я пачуў за некалькі гадоў да таго, як асабіста пазнаёміўся з Алесем Бяляцкім. Апазіцыянераў новыя ўлады тады яшчэ толькі-толькі пачалі “зачышчаць”, і для незалежных журналістаў гэта было чымсьці сенсацыйным. Каля Савецкага РУУС нас сабралася каля дзесятка. Ноч. Зімна. Нейкая дзяўчынка цікавіцца ўсімі абставінамі затрымання. Пытаюся ў калег: “Хто такая?” І чую: нядаўна створаны праваабарончы цэнтр “Вясна-96”.

Першыя крокі

Нарадзіўся 25 верасня 1962 года ў Карэліі, ў мястэчку Вяртсіля Сартавальскага раёна. У савецкія часы ў Сартавалах выраблялі вядомыя на ўсю краіну лыжы. На іх тады каталіся даволі многія. Патлумачу, чаму так далёка, бо я ўсё ж такі з беларускай сям’і.

Пасля савецка-фінскай вайны трэба было асвойваць далучаныя тэрыторыі, і ў запрыгоненых савецкіх сялян з’явілася магчымасць вырвацца з “калгаснага раю”. Некалі заможная сям’я Бяляцкіх пасля калектывізацыі ператварылася амаль у жабрацкую. На пачатак 1940 года шасцёра дзяцей майго дзеда Усціна пачалі пухнуць з голаду, бо літаральна не было чаго есці. І дзед вырашыў пакінуць родныя мясціны — Рагачоўшчыну. Паехаў “па вярбоўцы” на “акупіраваныя землі”.

Так мой бацька Віктар Усцінавіч (1929 года нараджэння) у 10-гадовым узросце апынуўся за Ладагай. Маці, Ніна Аляксандраўна Кавальчук, родам з Нараўлянскага раёна. У Карэлію яна трапіла таксама па вярбоўцы, але ўжо па іншай. Было гэта пасля Другой сусветнай вайны. Мяне назвалі ў гонар майго дзеда. Спачатку ён быў у партызанах, а потым “прапаў без вестак” на фронце.

У Карэліі мае бацькі і пазнаёміліся, там і ажаніліся ў 1956 годзе, а ў 1964-м, калі мне споўнілася два гады, вярнуліся ў Беларусь. Аднак першыя мае дзіцячыя ўспаміны звязаны менавіта з Карэліяй. Добра памятаю

дзіцячы сад, шум рэчкі, праз якую па мосце мяне везлі на вазку ў яслі, і скалы вакол. Памятаю пажар, які я ўчыніў на кухні, уключыўшы электрычную плітку з накладзенымі на яе газетамі, а потым загарэліся і фіранкі. Я пабег у спальню, паскардзіўся маці, якая спала пасля начной змены, і хуценька ўцёк да суседзяў на першы паверх.

У тых часы ў Беларусі пачалі будавацца заводы, якім былі патрэбны рабочыя кадры. Мае бацькі выбіралі паміж шахтамі Салігорска і хімзаводам у Светлагорску. Паехалі ў Светлагорск, бо ён знаходзіўся бліжэй да Рагачова і Нароўлі. З ім і звязана святая частка майго дзяцінства.

Жыць не было дзе, і рабочым дазволілі ўзводзіць часовыя збудаванні. Будавалі з ўсяго, што трапляла ў рукі. Зімой вецер аж гудзеў у шчылінах, па падлозе бегалі мышы. Адно я злавіў і паднёс маці ў падарунак. У нейкім сэнсе я быў фаэрменам. Зараз такіх збудаванняў ужо няма, а раней каля вакзала паўз чыгунку там былі сапраўдныя трушчобы. Дык вось, я падпальваў сваю “халупу” разы тры. У савецкія часы дзіцячыя сады былі перапоўнены, мяне не было куды дзяваць, таму пакідалі аднаго ў хаце. Старэйшы брат ішоў у школу, а бацькі — на працу. Кожны раз яны баяліся, што я згару разам з хатай, і кожны раз Бог мяне бараніў, хочь час ад часу я знаходзіў запалкі і ўчыняў пажары. Шанцавала: то суседзі заўважаць, то сам уцяку, калі нешта пачынала “тлець” і з’яўляўся першы дым. Зачынены ў хаце, адзін раз разрэзаў нажніцамі абіўку радыёпрымача — шукаў там маленькага чалавечка; другі раз вываліў на ложак зямлю з вазона, а саму кветку парэзаў на дробныя кавалкі: так было прыгожа — чорная зямля на белай прасціне, і зялёная кветка на ёй!..

Вельмі любіў лазіць па дрэвах. Забіраўся высока-высока, і ніхто не мог мяне зняць. “Прыманьвалі” цукеркамі. Аднак унізе чакала вялікая крыўда, бо замест абяцаных цукерак атрымліваў “па срацы”.

У мяне быў любімы сабака Тузік. Часам ён прыносіў з лесу злёгка прыдушаных зайцоў. Дарэчы, наша часовая “хатка” стаяла сярод хваёвага лесу. Я любіў самастойна вандраваць — то на недалёкі чыгуначны вакзал траплю, то ў лесе заблукаю, то яшчэ пайду куды, і бацькі баяліся, каб не здарылася чаго трагічнага. Яны палохалі тым, што калі-

небудзь мяне выкрадуць цыганы. А цыганы тады жылі на вакзале і часта хадзілі паўз нас. Адноўчы на дарозе я заўважыў дзвюх цыганак і падумаў, што гэта “за мной”. Сказаў Тузіку: “Фас!” — і кінуўся ў атаку. Бедныя цыганкі...

Як чалавек, які вырас не “на асфальце”, я вельмі любіў збіраць грыбы. Асабліва калі быў у бабулі па маці, у Красноўскай Будзе. За Нароўляй такія лясы! Побач мяжа з Украінай, і грыбнікі хадзілі туды-сюды. Больш за 200 баравікоў ніколі не браў — не данесці. Цяпер так рабіць немагчыма — Чарнобыль.

У тыя гады я стаў кнігаманам, з’яўляюся ім і сёння. Пры гэтым чытаць мяне ніхто не вучыў. Асвоіў усё сам. У пяць гадоў чытаў буквар, пытаўся ў старэйшага брата: “А што гэта за літара? А якая гэта?” Бацькі здзівіліся, калі даведаліся, што я ўжо чытаю.

Да пятага класа не ведаў страху, любіў бціца і рабіў гэта паспяхова, бо ніхто не чакаў удару ад ляўшы. А потым так захапіўся кнігамі, што стаў больш часу праводзіць у кватэры.

З ляўшы мяне зрабілі праўшой, прымусілі пісаць правай рукой, таму на савецкую сістэму выхавання ў мяне крыўда з маленства (смяецца — **заўвага аўтара**).

Выбар лёсу

У Светлагорску скончыў сярэдняю школу № 5. Вучыўся там з першага па апошні клас, а жыў праз дарогу. У першы клас у школу пайшоў сам, без бацькоў — не хацеў, каб яны ішлі са мной. Вучняў было шмат, таму патрапіў я аж у першы “Г”. Клас у нас быў вельмі дружны. Ездзілі “на бульбу”, “на буракі”, самавольна хадзілі ў паходы. Не толькі ў школе, але і па-за яе сценамі мы ўвесь час “тусаваліся” разам. Што толькі не рабілі! Напрыклад, неяк выпілі шмат партвейну... Дарэчы, ў інстытуты і ўніверсітэты потым паступілі амаль усе, бо вучыліся добра.

Я абраў Гомельскі ўніверсітэт, дакладней, беларуска-рускае аддзяленне гісторыка-філалагічнага факультэта. Правучыўся там пяць гадоў. Кампанія ў нас была цікавая: разам са мной вучыліся Анатоль Сыс (на два гады старэйшы), Эдуард Акулін і Сяржук Сыс (аднагрупнікі), Анатоль Казлоў (маладзейшы на год), Вольга Куртаніч і Ліля

Плыгаўка. Словам, дастаткова актыўная паэтычная беларуская сябрына.

Менавіта там мы пачалі задумвацца над пытаннямі беларускай мовы, развіцця гісторыі, культуры — увогуле, пра лёс Беларусі. Аналізавалі, што з гэтага будзе, і ў якім мы становішчы знаходзімся. Мяне ўжо тады пачалі хваляваць пытанні нацыянальнай адметнасці, беларушчыны. Пасля дзесятага класа я хацеў напісаць ліст у “Известия” ці якую іншую цэнтральную газету пра несправядлівае становішча беларускай мовы. Зрабіў чарнавік на 5 старонак, але не перапісаў і не даслаў. Мо і добра, а то б не бачыць бы тады мне ўніверсітэта, прыйшлося б ісці на “хімдым” да бацькі, гайкі круціць.

У 1981 годзе на грошы, заробленыя ў будаўнічым атрадзе, я адправіўся ў вандроўку па гістарычных мясцінах Беларусі: дзе на маршрутных аўтобусах, дзе “аўтастопам”, дзе пехам. Уражанняў было шмат. Галоўнае: беларуская мова жыве! У адрозненне ад цяперашняга часу на ёй сапраўды размаўлялі ў вёсках і мястэчках — амаль усюды.

Падчас той вандроўкі мне пашанцавала пабываць у Мікалаеўшчыне, у “родным куце” Якуба Коласа. Якраз набліжалася 100-годзе з дня нараджэння дзядзькі Якуба, таму там працавалі нейкія мастакі. Мабыць, атрымалі дзяржаўны заказ. Самым актыўным з іх быў Мікола Купава. Мяне ўразіла іхняя беларуская мова. Гэта і стала прычынай знаёмства. Мікола спытаў: “Як цябе завуць?” Я адказаў: “Саша”. А Купава сказаў: “Не, цябе завуць не Саша, а Алесь”. Так што ў 19 гадоў я стаў Алесем, размаўляю з таго часу выключна па-беларуску. Вырашыў, што ўсё, звязанае з гэтым, будзе для мяне галоўным у жыцці. Фактычна так яно і атрымліваецца.

Дарэчы, менавіта Купава пазнаёміў мяне з мінскімі актывістамі-студэнтамі (сярод іх былі Вінцук Вячорка, Сяржук Сокалаў), якія потым склалі “касцяк” беларускіх адраджэнцаў хвалі 1990-х. У іх я потым браў негатывы з рознымі забароненымі выданнямі 30-х гадоў Міколы Ермаловіча і вёз у Гомель, дзе раздрукоўваў і даваў чытаць іншым.

У 1984 годзе я скончыў універсітэт і некалькі месяцаў адпрацаваў настаўнікам у Лельчыцкім раёне, а потым

паступіў у аспірантуру Інстытута літаратуры Акадэміі навук БССР. Гэта быў пачатак новай хвалі нацыянальнага адраджэння і росквіт знакамітай творчай “Майстроўні”, праз якую прайшлі некалькі соцень чалавек, большая частка з іх і зараз працуе на карысць беларушчыны.

На гэты ж момант выпадае і першая акцыя пратэсту. “Наверсе” вырашылі разбурыць дом, дзе ў сярэдзіне XIX стагоддзя была пастаўлена першая беларуская п’еса Вінцука Дуніна-Марцінкевіча. Актывісты “Майстроўні” арганізавалі публічны супраціў. На акцыю з плакатамі выйшлі каля дзесяці чалавек (Вінцук Вячорка, Зміцер Саўка і іншыя), аднак вельмі хутка яны апынуліся ў міліцыі. Праз пэўны час усіх адпусцілі. Камуністычная ўлада зрабіла выгляд, што нічога неардынарнага не здарылася.

Праз паўгода мяне прызвалі ў Савецкую Армію, бо ніякіх адтэрміновак для аспірантаў тады не было. Служыў пад Свярдоўскам механікам-вадзіцелем браніраванага цягача ў артылерыйскім знішчальным супрацьтанкавым батальёне.

Аднойчы адбыўся такі выпадак. У “акумулятарных” было вельмі цёпла, і ўзімку салдаты там адсыпаліся, калі была вольная хвіліна. Адзін раз прасынаюся — няма побач майго земляка. Праз 10 і 20 хвілін — тое ж самае. А на вуліцы мінус 20. Устурбаваўся, выйшаў, каб паглядзець. Аказалася, што пакуль мы спалі, тэхнічны парк здалі пад ахову, і малады паставы з Арменіі ўвесь час трымаў яго “на мушцы аўтамата”. Угаварыць адпусціць не ўдалося, прыйшлося вылазіць праз акно і бегчы да разводчыка (добра, што той быў знаёмым сяжантам), каб аддаў загад адпусціць.

На жаль, армейская служба складалася не толькі з такіх “прыколаў” і давалася мне цяжка. Цяжка не фізічна, а маральна. Думкамі я быў у Беларусі. З войска “выскачыў”, як “корак з пляшкі”. Пасля салдацкай службы былі прадугледжаны яшчэ двухмесячныя афіцэрскія курсы. Атрымліваць лейтэнанцкія “зорачкі” я не стаў, зрабіў “дэмбельскі акорд”, каб толькі не заставацца на лішнія месяцы ў войску, і вярнуўся вучыцца. Як кажуць, чыстыя пагоны — чыстая сумленне.

Супраць ветру

Калі я звольніўся ў запас, у беларускай сталіцы дулі ўжо новыя ветры. Было заснавана і актыўна працавала моладзевая аб'яднанне “Талака”, ва ўніверсітэце і розных інстытутах з'явіліся шматлікія нефармальныя групы. Вясной 1986 года адбыўся і першы разгон моладзі, якая спрабавала святкаваць у Траецкім прадмесці “Гуканне вясны”. Улады падбухторылі былых “афганцаў” пабій “фашыстаў”, якія насамрэч вучыліся ў мастацкай школе імя Івана Ахрэмчыка.

Грамадства ў той час было ў нейкім сэнсе наэлектрызаванае, і ў мяне адразу з'явілася шмат новых вельмі цікавых знаёмых, сапраўды каларытных асоб. Дастаткова нагадаць толькі аднаго Алега Бембеля, у бацькоўскім доме якога зараз месціцца музей, дзе неаднойчы праходзілі літаратурныя, паэтычныя, філасофскія сустрэчы.

Мы стварылі больш вузкае кола, у якое ўваходзілі Вінцук Вячорка, Сяргей Дубавец, Алесь Суша, Сяргей Воюш, я, Генадзь Сагановіч ды яшчэ некалькі чалавек. Дзейнічалі мы ў канспіратыўным стылі, збіраліся ў заводскай падсобцы на радыятарным, дзе тады працаваў грузчыкам Віктар Івашкевіч, які таксама быў нашым аднадумцам; у дзіцячым садку, дзе па начох вартаваў нехта з маіх сяброў. Распрацоўвалі планы дзейнасці і ставілі перад сабой цалкам палітычныя мэты. Нагадаю, што ішоў толькі 1986 год. Калі б пра ўсё даведаліся адпаведныя органы, для нас гэта даброем не скончылася б...

Зноў пашанцавала. Пачалася перабудова, і з'явіліся значна большыя магчымасці для працы. Тое, за што на пачатку 80-х жорстка пераследавалі, у другой палове дзесяцігоддзя стала амаль законным. Зразумела, пры пэўных канспіратыўных момантах, бо сама сістэма заставалася такой, якой была і раней.

Наша дзейнасць падзялілася на дзве часткі.

Падпольная. Не больш за тузін аднадумцаў вызначалі стратэгічныя напрамкі дзейнасці і шукалі найбольш эфектыўныя шляхі дасягнення нашай мэты. Друкаваліся яны ў часопісу “Бурачок”, за распаўсюд якога міліцыянты

ўпершыню арыштавалі брата Віктара Івашкевіча — Яўгена.

Легальная. Размовы пра работу так званых “нефармальных” арганізацый, якія аб’ядноўвалі моладзь па інтарэсах. Адну з іх мы прыдумалі і стварылі разам з Анатолем Сысам — таварыства маладых літаратараў “Тутэйшыя”.

Сітуацыя сярод пішучай моладзі таксама была досыць крытычнай. Творцы ўжо хацелі пісаць так, як хацелі. Каноны сацыялістычнага рэалізму не толькі не спрацоўвалі, ад іх ужо блажыла. Хацелася чагосьці іншага, больш праўдзівага.

Калі на першае наша пасяджэнне ў інтэрнат да Анатоля Сыса (вуліца Акадэмічная) сабралася дзевяць чалавек, то літаральна праз два месяцы на гэтыя сходкі прыходзіла ўжо па некалькі дзiesiąткаў маладзёнаў. Сёння гэта “хрыбет” сучаснай беларускай літаратуры.

Такім чынам, маё жыццё складалася нібыта з дзвюх палавінак — літаратурныя даследаванні і грамадская дзейнасць (мяне абралі прэзідэнтам “Тутэйшых”). І першае цалкам залежала ад другога. Ламалася эпоха: валіліся былыя аўтарытэты, друкаваліся неабгрунтавана забытыя пісьменнікі, людзі пачыналі размаўляць на забароненыя тэмы...

Словам, грамадства вельмі значна ўскалыхнула. І адпаведны водгук ператвараўся ў пэўны супраціў. На працягу некалькі гадоў адбывалася балансаванне паміж дазволеным і недазволеным. Урэшце людзі перасталі баяцца.

У 1987 годзе адбыліся сплаў па Дзвіне супраць будаўніцтва там гідраэлектрастанцыі, першыя “Дзяды”, першы паход на Курапаты (прайшоў адразу пасля друкавання “ЛІМам” артыкула Зянона Пазыняка), а таксама мітынг у абарону Верхняга горада.

Некаторыя памылкова лічаць, што першыя “Дзяды” прайшлі ў 1988 годзе, калі ў Мінску запахла міліцэйскай “чаромхай”. На самай справе гэта не так. Яны былі праведзены на год раней каля помніка Янку Купалу. Па сутнасці, там адбыўся мітынг-рэквіем. Адпаведная “заяўка” была пададзена своечасова, аднак ніякай рэакцыі на яе не было, таму тых 300 чалавек, што прыйшлі, не

ведалі, чым усё скончыцца. Дзякуй Богу, “хапун” не меў месца. Кіраўніцтва краіны банальна разгубілася, бо за 60 гадоў савецкай улады ніякіх “непадкантрольных” мітынгаў не было.

І, вядома, “Дзяды” каля Маскоўскіх могілак, якія праводзілі “Тутэйшыя” ды іншыя грамадскія аб’яднанні. Заяўку ў Мінгарвыканкам падавалі я і Анатоль Сыс. Да нас далучылася гарадское Таварыства аховы помнікаў і культуры, якое тады ачольваў мастак Васіль Шаранговіч, але яно потым “адпала”, бо ўлады афіцыйна забаранілі правядзенне гэтага свята ў “сувязі з 60-годзем камсамола”.

Мы вырашылі правесці акцыю, хоць улады неаднаразова заклікалі не хадзіць на яе, нават спрабавалі запалохаць. Гэта вызвала супрацьлеглую рэакцыю. На наша здзіўленне, на “Дзяды-88” прыйшлі тысячы людзей.

Улады рыхтаваліся да разгону і недапушчэння акцыі. Ужо пазней да мяне ў рукі трапіў дакумент з рэгламентацыяй аб тым, што яны збіраліся рабіць: адна група нейтралізуе лідэраў, другая захоплівае сродкі агучвання і г.д. Па гэтым сцэнары яны і дзейнічалі.

Мяне арыштавалі адразу. Трэба сказаць, што рэзананс ад акцыі для іх быў вельмі нечаканым. Грамадства абурылася, народ пачаў думаць над тым, што адбываецца вакол і што трэба рабіць. Месяц да таго быў створаны арганізацыйны камітэт Беларускага народнага фронту, што дало новаму руху тысячы прыхільнікаў. У Беларусі пачаліся імклівыя дэмакратычныя змены. Ніхто не мог такое прадбачыць. Юнацкая мара пра незалежнасць краіны стала рэальнасцю.

Дарэчы, у 1988 годзе я атрымаў першы ў сваім жыцці штраф — 200 савецкіх рублёў. Гэтыя грошы сабралі калегі па інстытуце літаратуры АН. Мабыць, тады ўва мне і пачаў нараджацца будучы праваабаронца.

Новыя колеры

Аспірантуру я скончыў вясной 1989 года, але кандыдацкую дысертацыю не абараніў, бо ўжо пачалася такія часы, што было не да абароны. Дысертацыя тычылася публіцыстычнай беларускай паэзіі пачатку XX стагоддзя, вершаў Янкі Купалы, Якуба Коласа, Максіма

Багдановіча, Алеся Гаруна, якія прарочылі змену сітуацыі і заклікалі народ да абуджэння. У нейкай ступені нашы часы былі падобныя, таму мне гэта было асабліва цікава. На базе дысертацыі ў 1991 годзе я выпусціў кніжку “Літаратура і нацыя” і вырашыў, што гэтага дастаткова.

Браць на працу мяне не вельмі хацелі. Спрабаваў уладкавацца ў Магілёўскі або Віцебскі педінстытуты. Дарэмна. У акадэмію навук мяне браць таксама не хацелі, бо за часы вучобы двойчы фармальна выганялі з аспірантуры за дзейнасць, пра якую гаварылася вышэй. Кожны раз “абыходзілася”. Дырэктар інстытута літаратуры Віктар Каваленка быў добрым чалавекам і заўсёды мяне бараніў. Афіцыйна яны сказалі партыйным уладам “о’кей” і правялі сход у інстытуце, на якім віце-прэзідэнт акадэміі Іван Навуменка крычаў: “Як такое можа быць, што адзін аспірант двум акадэмікам і шасці дактарам у шапку насраў?!” Прынялі адпаведную пастанову аб выключэнні. Аднак, калі праз два дні я прыйшоў забіраць дакументы, Каваленка сказаў: “Вучыцеся, Аlesь, вучыцеся”. Парадоксы тых часоў...

Нікуды не хацелі браць, па размеркаванні заставаўся толькі Гомель, адкуль я і прыехаў. Але з’явілася магчымасць “зачапіцца” за Мінск, дакладней, за Музей гісторыі беларускай літаратуры, які толькі-толькі пачынаў працаваць. Там патрабаваліся новыя даследчыкі, і пра дапамозе свядомых дзяўчат, якія працавалі ў музеі (перш за ўсё “талакоўкі” Ірыны Марачкінай), мяне ўзялі.

Па Саюзе ішла “хваля” (з самага верху) выбараў кіраўнікоў розных прадпрыемстваў і ўстаноў. Неўзабаве такі конкурс абвясцілі і ў суседнім музеі Максіма Багдановіча. Я працаваў малодшым навуковым супрацоўнікам і вырашыў узяць у ім удзел.

Было чатыры кандыдаты, але ўсе галасы атрымаў я — так вырашыў калектыў. Трэба адзначыць, што ў Міністэрстве культуры гэта выклікала, мякка кажучы, непаразуменне. Там добра ведалі маю біяграфію. Месяц зацвярджэння не было, а потым тагачасны міністр Яўген Вайтовіч махнуў рукой — прызначайце.

У прафесійным плане перада мной паўсталі новыя задачы, таму што музея як звычайнай экспазіцыі яшчэ не існавала. А быў будынак, складзеныя ў фондах экспанаты,

экспазіцыйны план, цудоўныя дзяўчаты, сярод якіх асабліва хацеў бы адзначыць разумнічку Веру Мікуту. Не магу не сказаць і пра выдатнага мастака, стваральніка мастацкага вобраза музея Эдуарда Агуновіча. У 1991 годзе меркавалі шырока святкаваць 100-годдзе Максіма Багдановіча, і да гэтай даты планавалася адкрыць музей у Траецкім прадмесці.

Пачалася літаральна “шалёная” праца. Шмат у чым яна была звязана з мастакамі, экспазіцыйным бачаннем сітуацыі (чаго не было раней), экспанатамі, навуковай працай і “асаблівасцямі” тагачаснага Савецкага Саюза. У краіне панаваў татальны дэфіцыт. Даваліся грошы, за якія было немагчыма купіць што-небудзь. Вялікага кантролю з боку Міністэрства культуры не назіралася, але была вялізная ўнутраная адказнасць. Мы павінны былі стварыць гэты музей у тэрмін. Дзякуй Богу, усё атрымалася. Праз пару гадоў пасля адкрыцця экспазіцыя музея атрымала Дзяржаўную прэмію Беларусі.

Цікавы момант. У 1990 годзе мяне абралі дэпутатам сталічнага гарсавета, і калі праз год там разглядалася пытанне нацыянальнай сімволікі, я загадзя прынёс бел-чырвона-белы сцяг, які перад гэтым упрыгожваў факт музея. Пасля ўхвалы гарсаветам новай нацыянальнай сімволікі гэты сцяг праз некалькі хвілін першым у краіне залунаў над будынкам Мінгарвыканкама, а праз два тыдні ён стаў дзяржаўным.

Пакуль працаваў у музеі, за дырэктарства асабліва не трымаўся. Разглядаў музей як нацыянальную пляцоўку, а не як сховішча мёртвых рэчаў, таму больш за год там месцілася дубаўцоўская “Наша Ніва”, нейкі час тулілася герменчукоўская “Свабода”, праводзіліся сходы Управы і Сойму БНФ, святкаваліся ўніяцкія каляды, збіралася Беларуская каталіцкая грамада, былі зарэгістраваны дзесяткі няўрадавых арганізацый. Адным словам, музей быў напоўнены сучасным беларускім жыццём.

Дырэктарам адпрацаваў да 1998 года і звольніўся па асабістым жаданні. За час майго кіраўніцтва музей адкрыў яшчэ тры экспазіцыі ў розных будынках (адну нават у Яраслаўлі), праводзіў значную навуковую работу, у ім ладзіліся шматлікія літаратурныя імпрэзы. Як мне падаецца, музей у тых часы быў адным з лепшых у краіне.

Гуканне вясны

Калі вясной 1996 года стала канчаткова зразумела, куды павядуць краіну новыя ўлады, і што новую хвалю нацыянальнага адраджэння чакаюць нялёгкае часы, мы вырашылі стварыць грамадскую праваабарончую арганізацыю, якую так і назвалі — “Вясна-96”. Галоўная мэта — салідарная падтрымка першых палітычных зняволеных. А яшчэ арганізацыя стваралася дзеля таго, каб аказваць юрыдычную дапамогу ахвярам палітычных рэпрэсій, збіраць і распаўсюджваць праваабарончую інфармацыю, праводзіць адукацыйную праваабарончую работу.

Дапамога была рознай, у тым ліку і матэрыяльнай. “Першы блін” у гэтым сэнсе атрымаўся даволі незвычайным. Адзін з дабрачынцаў прывёз паўтоны ўсялякай ежы — макарону, цукар, розныя крупы і г.д. “Сартаваннем” па пакетах, якія затым раздаваліся пацярпелым, займаліся ўсе нашы валанцёры.

Два першыя гады я працаваў у “Вясне” паралельна з працай у музеі, а потым быў вымушаны сысці адтуль — мае “літаратуразнаўчая” і “музейная” біяграфіі аб’ядналіся ў адну праваабарончую.

Шчыра кажучы, калі стваралі гэтую арганізацыю, я не думаў, што яна праіснуе так доўга. Лічыў, што праз 2-3 гады (максімум 5) патрэба ў ёй ўвогуле знікне, і мы вернемся да звычайнай работы — музейнай, літаратурнай, навуковай, палітычнай. На жаль, памыліўся.

Сярод таго, чым мы зараз займаемся, асабліва хачу вылучыць назіранне за выбарамі — вось без чаго па азначэнні немагчымы якія-небудзь змены. У нашай сітуацыі гэта вельмі важна, там тое, дзякуючы чаму людзі, якія прыйшлі ў 1994 годзе, так доўга застаюцца пры ўладзе. Калі б у нашай краіне ўсё адбылося празрыста і дэмакратычна, улада ўжо змянілася б, і не адзін раз.

Партнёрамі “Вясны” сёння з’яўляюцца больш за тузін міжнародных і замежных арганізацый, а сам праваабарончы цэнтр прыняты сябрам у дзве міжнародныя структуры, у тым ліку і ў вядомую Міжнародную федэрацыю правоў чалавека (FIDH) са штаб-кватэрай у Парыжы, якая аб’ядноўвае больш за 170

праваабарончых арганізацый з усяго свету. На кангрэсе ў Лісабоне ў 2007 годзе мяне абралі віцэ-прэзідэнтам FIDH.

Нарвежскія парламентарыі двойчы вылучалі мяне на атрыманне Нобелеўскай прэміі міру. І галоўнай у гэтым была не асоба, мэта іншая — прыцягнуць увагу міжнароднай супольнасці да сітуацыі з правамі чалавека ў Беларусі.

А неабходнасць у гэтым, на жаль, ёсць. Не буду пералічваць усё, што адбываецца падчас так званай “лібералізацыі па-беларуску”. Адзначу толькі, што ў “Вясну” штогод па розных прычынах звяртаюцца па дапамогу некалькі тысяч беларусаў. А гэта сведчыць пра многае...

У 1998 годзе праваабарончы цэнтр “Вясна-96” быў зарэгістраваны, праз 2 гады, са з’яўленнем філіялаў, ён стаў арганізацыяй рэспубліканскага маштабу. Сёння сябрамі названай структуры з’яўляюцца некалькі соцень валанцёраў. У 2003-м рэгістрацыю скасавалі і не аднавілі па гэты дзень, ні пад старой, ні пад новай (“Наша вясна”) назвай.

Фактычна мы вярнуліся да таго, з чаго я пачынаў у сваёй маладосці, але ўжо на іншым узроўні, з мільёнамі прыхільнікаў дэмакратыі і правоў чалавека ў краіне. Наперадзе яшчэ вялікая праца, і, як і раней, жніва шмат, а сейбітаў мала.

Аўтарскае пасляслоўе

Наша сустрэча адбылася 25 лістапада 2009 года. Скажу шчыра, што раней я ставіўся да мясцовых праваабаронцаў даволі скептычна. Маўляў, чым менш у нашай краіне становіцца розных правоў, тым больш з’яўляецца тых, хто іх абараняе. А падчас размовы з Алесем Бяляцкім я зразумеў, што ён змагаецца з афіцыйнымі ўладамі не дзеля піяру, а для таго, каб за гэта больш не змагаўся ніхто.

Геннадзь БУРАЎКІН

Прозвішча гэтага паэта добра вядомае. І не толькі вершамі, якія пакладзены ў аснову многіх песенных кампазіцый. Некалі Геннадзь Бураўкін узначальваў у ААН прадстаўніцтва Беларусі і Дзяржаўную Белтэлерадыёкампанію. Ён мог добра жыць пры ўладзе, але абраў іншы шлях. Чаму? Спадзяюся, на гэтае пытанне і дадуць адказ яго ўспаміны.

Дзіцячыя ўспаміны

Дарэчы, якраз у той час у ва мне абудзілася цікавасць да роднага мастацкага слова. Доўгімі цёмнымі вечарамі, сцішыўшыся, мы слухалі расповеды маці, яе песні і вершы, што запомніліся ёй са школы. Тады вось і паланіла мяне хараство паэтычнага выказвання, такое зразумелае і чароўнае, поўнае блізкіх рэалій і незвычайна суладнага гучання. Недзе глыбока ў душы варухнулася тайная мара паспрабаваць і самому скласці нешта такое ж. Толькі хіба да гэтага было, калі на кожным кроку падсцерагала смерць і заўтрашні дзень не абяцаў нічога светлага?..

Лёс быў спагадлівы да нашай сям'і. З вайны вярнуўся, хоць і пакалечаны, але жывы бацька, а з ім нам было куды лягчэй перажыць і галадуху, і ўсю тую неўладкаванасць і беднасць, што абрынуліся на зруйнаваны і вынішчаны былы партызанскі край. Я пайшоў у Расонскую школу, хінуўся да кніг, даведаўся, што аўтарамі вершаў, якія чытала на памяць мама, былі Янка Купала і Кандрат Крапіва, сам пачаў нешта складаць у рыфму, усё больш пераконваючыся, як гэта цяжка і якімі непаслухмянымі часам бываюць родныя словы.

У 1952 годзе мы пераехалі пад Полацк, і я заканчваў першую сярэдняю школу гэтага слаўнага і любімага мною горада. Кожны дзень я хадзіў за дзевяць кіламетраў у школу і зусім позна вяртаўся назад, бо старшыя класы займаіся ў трэцюю змену, а былі ж яшчэ камсамольскія сходы і розныя гурткі, якія мяне цікавілі. Добра памятаю, як завейнымі зімнімі начамі суправаджалі мяне агеньчыкі ваўчыных вачэй, як у душу запаўзаў страх і хацелася

бегчы, але жаданне быць (ці хоць здавацца) дарослым перамагала, і я ўпарта прадзіраўся пад калючым ветрам да няблізкай і цёплай матулінай хаты...

Няпроста паступіў на аддзяленне журналістыкі філфака Белдзяржуніверсітэта (было ажно 10 чалавек на адно студэнцкае месца) і пачаў, не скажу каб апантана, але ахвотна “грызці граніт” навукі. Адразу ж адчуў, як не хапала (пры ўсёй маёй хаатычнай начытанасці) вельмі многіх ведаў, асабліва па гісторыі роднага краю і сусветнай культуры. Дапамагалі (зноў жа!) кнігі і сябры. На нашым курсе сабралася цэлая група дужа таленавітых і дапытлівых хлопцаў: Васіль Зуёнак, Міхась Стральцоў, Юрась Свірка, Сымон Блатун, Мікола Гіль, Уладзімір Скапа, Герман Кірылаў, Алесь Дзятлаў... На беларускім аддзяленні займаўся Рыгор Барадулін. Трошкі старэйшымі за нас былі Іван Пташнікаў і Іван Чыгрынаў. Па-сяброўскі апекаваліся намі ўжо вядомыя на той час паэты Ніл Гілевіч і Уладзіслаў Мядзведскі. І былі яшчэ “інтэрнацкія ўніверсітэты”, дзе па-маладому жорстка правяраліся чалавечая надзейнасць і дабрыня, шчырасць і ўзаемадапамога — усе тыя якасці, без якіх немагчыма было ні паспяхова ўладкоўваць сваё жыццё, ні пачуваць сябе годным і патрэбным у грамадстве. А яшчэ былі сустрэчы з жывымі класікамі Аркадзем Куляшовым і Максімам Танкам, Міхасём Лыньковым і Петрусём Броўкам, гістарычны дваццаты партыйны з’езд з развенчаннем культуры асобы Сталіна, начныя зацятыя спрэчкі пра літаратуру і беларускую ідэю... Без ўсяго гэтага не было б і не магло быць нашага пакалення “шасцідзясятнікаў”, прыналежнасцю да якога я ганаруся.

Шлях да ўлады

Узаемаадносінны з уладай, стасункі з чынавенствам — гэта дастаткова складаная і вострая, вакол якой у інтэлігенцкім асяроддзі доўгімі гадамі вядуцца часам непрымірымыя спрэчкі. Не буду прыводзіць славутых выказванняў прызнаных аўтарытэтаў, спашлюся на свой уласны досвед працы на так званых адказных дзяржаўных пасадах.

Улада заўсёды персаніфікуецца і ўвасабляецца ў канкрэтных людзях, і, уласна кажучы, якія людзі ва ўладзе, такая і сама ўлада. Прыродная інтэлігентнасць Пятра Міронавіча Машэрава, шчырая зацікаўленасць роднай культурай Ціхана Якаўлевіча Кісялёва ці Аляксандра Нічыпаравіча Аксёнава, вядома ж, спрыялі падкрэсленай павазе да пісьменнікаў, мастакоў, артыстаў, што было традыцыйным для духоўнай атмасферы ў Беларусі сямідзясятых — васьмідзясятых гадоў мінулага стагоддзя. Яны часта тэлефанавалі мне як старшыні Белтэлерадыё пасля трансляцый сустрэч з Васілём Быкавым, Рыгорам Барадуліным, Андрэем Макаёнкам, пасля прэм'ер тэлеспектакляў і тэлефільмаў, і не толькі выказвалі сваю поўную падтрымку, а і цікавіліся ўмовамі жыцця выдатных творцаў, іх планами і праблемамі. Як дарагую рэліквію я захоўваю лісты ад Кірылы Трафімавіча Мазурава з Масквы, дзе ён прыгадвае мае вершы (аказваецца, ён чытаў іх!). Не магу забыць, як праз свайго памочніка ён, член Палітбюро ЦК КПСС, калі я быў галоўным рэдактарам “Маладосці”, прасіў прыслаць некаторыя нумары часопіса з публікацыямі Мележа, Брыля, Адамовіча. І рабілася ўсё гэта не напаказ, а, як кажуць, па загадзе сэрца.

Дзяржаўная праца, якая выпала на маю долю, безумоўна, замянала творчасці. Дванаццаць гадоў кіравання Беларускай тэлебачаннем і радыё “адабралі” ў мяне як найменей тры кніжкі вершаў, але і далі нямала цікавай інфармацыі, адчуванне далучанасці да, як нядаўна модна было казаць, лёсавызначальных спраў, пазнаёмлілі з многімі выдатнымі людзьмі. Не буду ўтойваць, што мне было прыемна, калі П.М.Машэраў, Ц.Я.Кісялёў, А.Т.Кузьмін пыталіся ў мяне не толькі пра тэле- і радыёпраграмы, а і пра вершы, не прапускаючы без увагі ніводнай маёй публікацыі.

Былі, вядома, і зусім іншыя чыноўнікі. Так, на адной з прадстаўнічых нарад высокі ідэалагічны кіраўнік вельмі эмацыянальна раскрытыкаваў маю кніжку “Пяшчота”, якую склаалі вершы пра каханне: “На ўздыме эканомікі, у той час, калі ўвесь савецкі народ напружвае сілы, каб выканаць заданні партыі, паэт, адказны дзяржаўны

работнік кінуўся ў лірыку; яму закарцела пісаць не аб працоўным энтузіязме мас, а пра любошчы...”.

Наогул нізкая культура, слабая адукаванасць чыноўнікаў (асабліва высокага рангу) — вялікая бяда для краіны, лёсам якой яны распараджаюцца, тым самым наносячы непараўны ўрон яе аўтарытэту ў свеце.

Мне смешна, калі начальнікі з бюракратычных кабінетаў пачынаюць арганізоўваць нейкі правільны, на іх думку, саюз пісьменнікаў, калі замест таго, каб лавіць злачынцаў, сівы генерал пачынае падбіраць (дарэчы, без відавочнага поспеху) хакейных трэнераў, калі, так і не правёўшы разумнай школьнай рэформы, бездапаможны міністр кідаецца ствараць не акрэслены ні ідэалагічна, ні арганізацыйна, нікому не патрэбны грамадскі рух.

Усё гэта, даруйце, дзіцячыя гульні дарослых разгубленых людзей, якія займаюць не свае месцы ў дзяржаўных структурах. Але ж іх дзеянні звязаны з вялікімі бюджэтнымі сродкамі, з лёсамі многіх тысяч людзей, з рэальнай палітыкай (калі гэта можна назваць такім адказным словам). А потым мы здзівімся, чаму няма выдатных з’яў у літаратуры, чаму нашы спевакі не прывозяць прызоў з міжнародных конкурсаў, чаму ў эканоміку не ідуць патокам замежныя інвестыцыі, чаму мы сіратліва стаім на ўзбочыне сучасных дэмакратычных і рынкавых працэсаў. Паглядзіце ўважліва на нашых галоўных чыноўнікаў, прааналізуйце іх дзеянні, пацікаўцеся, з кім з выдатных суайчыннікаў яны сябруюць, каму як дапамагаюць, — і вам усё стане ясна.

Праблема “ўлада і інтэлігенцыя, улада і народ” у нашай роднай краіне вельмі балючая і цяжкая...

Сям’я паэта

Я вельмі люблю сваю сям’ю. З жонкай Юляй мы разам паўвека. Было ўсякае, як і ў кожным зямным жыцці, але тое святое і светлае, што звязала нас яшчэ студэнтамі, як мне здаецца, засталося і дапамагло захаваць давер і павагу адно да аднаго да гэтага часу. Сын Аляксей — кандыдат тэхнічных навук, інфарматык. Дачка Святлана закончыла беларускае аддзяленне роднага філфака БДУ, свабодна валодае ангельскай мовай. Старэйшы ўнук Павел

— студэнт хімфака БДУ. Сярэдні Ваня і малодшы Арсень вучацца ў беларускамоўных гімназіях. Мілай унучачцы Машы пяць гадоў.

Самае шчаслівае і дарагое для мяне — поўнае ўзаемаразуменне і аднадумства з дзецьмі ў галоўных памкненнях і прынцыпах. І сыну, і дачцэ блізкія мае зацікаўленні, мы, можна сказаць, аднолькавымі вачыма глядзім на сённяшні свет, на ўсе тыя ўзлёты і падзенні, праз якія няпроста прадзіраецца да цывілізаванай будучыні наша Беларусь. Спадзяюся, што і ўнукі з намі ў адной “камандзе”.

Бацькі майго ўжо няма. Ён памёр, калі я толькі пачынаў працаваць Пастаянным прадстаўніком Беларусі пры ААН у Нью-Ёрку. А мама, якой споўнілася 95 гадоў, жыве. І я радуся нячастаму шчасцю прыезджаць да яе ў старую хаціну каля Полацка, слухаць яе мудрыя ўспаміны і не забытыя ёю даўнія песні...

У час адпачынку

Ніякіх экзатычных хобі ў мяне няма. Самы любімы занятак у вольны час — ціхае лясное “паляванне”. Магу цэлымі днямі шукаць грыбы, прыслухоўваючыся да ўдумлівага дыхання саснякоў і бярэзнікаў, разгадваючы перапляценні імшастых сцяжынак, чуйна ловячы вухам радасны шчэбет птушак і роўны гул далёкіх бальшакоў. Няспешная сяброўская гамонка каля вогнішча, вечаровае маўчанне над булькатлівай рачулкай — найлепшае спрыянне для душэўнага спакою і разважлівага роздуму.

Люблю пабыць сам-насам з добрай кнігай. Хаця якое гэта хобі? Гэта абавязковая частка майго жыцця. Апошнім часам з асададай і захапленнем перачытваю класіку — Купалу, Багдановіча, Коласа, Пушкіна, Гоголя. Дзіўлюся з іх празорлівасці, іхняга ведання чалавечай псіхалогіі, валодання словам. У так званых сённяшніх модных аўтараў гэтага, на жаль, трагічна мала.

Ніколі не паліў, а вось ад чаркі не адмаўляўся, сяброўскія застолі не абмінаў, на што змарнаваў нямала сіл і часу. Славуата “славянская” слабасць скараціла жыццё не аднаму майму таленавітаму калегу. Пазнавата, на жаль, прыходзіш да разумення некаторых відавочных ісцін. Таму

цяпер так даражыш кожным падораным табе днём, кожнай зямною радасцю. Хочацца паспець яшчэ сказаць пра тое, што з табой адбылося і здаецца важным не толькі табе аднаму.

Аўтарскае пасляслоўе

Гэты артыкул Генадзь Бураўкін аддаў мне 31 снежня 2008 года, за некалькі гадзін да пачатку святкавання. Справа ў тым, што ён не захацеў “цягнуць” у новы год былыя абяцанні. Добрая прымета і вельмі добрая звычка.

Александр БУХВОСТОВ

Признаюсь, мне очень хотелось обойти «профсоюзную» тему, но не получилось. Позднее я понял, почему это произошло. Просто без неё нельзя рассказать о жизни руководителя ликвидированной властями Партии труда Александра Бухвостова.

“Ты помнишь, как всё начиналось...”

Сразу же оговорюсь, что прошу не воспринимать мой рассказ как автобиографию.

Я родился 22 ноября 1944 года в Орле, то есть по национальности “москаль”. Мой отец, Иван Константинович, русский, из известного в России рода. (Кстати, фамилия первого русского солдата была Бухвостов.) Мать, Ядвига Павловна, литовка. Мой дед по материнской линии — литовец, вернее этнический белорус, родившийся в Литве. Его фамилия Ярмолевич. Бабушка — чистокровная литовка, по-русски она почти не говорила. Дед служил в русской армии и «осел» в Орле, работал на железной дороге.

Традиционно литовцы создают семьи довольно поздно. У них принято, чтобы мужчина вначале добился надёжного материального положения. Когда деду было 35 лет, он поехал в Литву и привёз молодую жену (бабушке было всего около 16-ти).

Время тогда было тревожное: революция, гражданская война. Дед был глубоко верующим человеком. Первые два года детей у них с бабушкой не было. Дед ходил в костёл и молился, чтобы бог послал им ребёнка...

Умер дед в 1923 году от брюшного тифа, на тот момент у него было уже 11 детей (моя мама — восьмая по счёту). Бабушка не работала, растила детей. До сих пор не понимаю, как они выжили.

Я очень любил свою мать. Она была удивительным человеком и замечательным рассказчиком. От неё я узнал о голоде 1933 года, о репрессиях 1937-го, в которых погиб её единственный старший брат. Умерла мама в 2005 году, на 91-м году жизни.

В Орле, где мы жили, была целая улица Бухвостовых. Во время войны отец воевал в железнодорожных войсках. Затем было очень много переездов, я почти два года жил в Вильнюсе. Там бабушка окрестила меня в католическом костёле. Обстановка в Литве в те времена была довольно сложной. Многие братья бабушки ушли в лес, воевали с «советами». Они посоветовали, чтобы мы уехали. Почти каждый день в деревню приносили по шесть-десять убитых. Бойня продолжалась...

Потом мы жили в Новозыбкове, где отец работал главным инженером в железнодорожных мастерских. Оттуда его перевели в Минск, назначили начальником управления. Он вступил в партию. Когда решили «поднимать» сельское хозяйство, партия направила отца в Западную Беларусь. Его назначили сначала главным инженером, а затем и директором Рышчицкой машинно-тракторной станции (МТС).

В школу я пошёл в Слониме. Увлёкся баскетболом. Мы даже играли за Гродно в одной команде со знаменитым Иваном Едешко. Затем «переключился» на лёгкую атлетику.

Судьба распорядилась так, что отца перевели в Столбцы. Оттуда я поступал в БГУ на факультет радиоэлектроники и радиопизики, но не прошёл по конкурсу. Радиопизика и электроника тогда были очень модными специальностями, мне предлагали перейти на химфак, но я не согласился. Пошёл работать молотобойцем в кузницу. Кстати, именно о такой работе мечтал. Многие физически сильные люди, впоследствии ставшие знаменитыми спортсменами, с неё и начинали. (Вес молота — около шести килограмм.) В кузнице я проработал целый год, затем освоил профессию токаря и всё-таки поступил на радиотехнический факультет Белорусского политехнического института. Через год наш факультет преобразовался в РГИ. Любопытно, что когда я учился на четвёртом курсе, проректором у нас был Станислав Станиславович Шушкевич.

Спорт не забывал никогда. Метал молот, тренировался у Михаила Петровича Кривоносова. На республиканских соревнованиях студентов занял третье место, но в это время как раз вышла новая редакция закона о всеобщей воинской обязанности, и мне прямо на

распределении сказали: «Вам выпала честь представлять наш институт на Северном флоте». Так я оказался в Западной Лице, в первой флотилии атомных подводных лодок (Североморск-7).

Служил в штабе, в «автономки» не ходил. Для этого нужно было оставаться служить, что мне и предложили, но я предпочёл вновь стать гражданским. Во время службы понял, что дисциплина должна быть во всём. Командир нашей части Мельников сразу же сказал мне, вчерашнему студенту: «Если вы не научитесь подчиняться, то не сможете командовать». Мудрые слова.

Спортивно-трудовая биография

История нашего с женой знакомства очень романтическая. Наталья тоже училась в РТИ, на два курса младше. Я часто видел её на соревнованиях (она хорошо метала копье, выступала за институт, входила в сборную республики), но особого внимания не обращал. И вот мы очередной раз поехали «на картошку», где и познакомились. Потом отношения стали более близкими.

Женился я во время службы. В 1971 году родился сын, и жена уехала с ним в свой родной Гомель.

Приехав после службы в Гомель, я снова начал тренироваться, а работать пошёл на «Гомсельмаш», где обещали квартиру. Считал, что жить у тещи не совсем правильно, хотя с ней у нас никогда не было сложностей в отношениях. Мама жены, Анна Васильевна, — женщина волевая, мужественная, прекрасный врач, работала в госпитале ветеранов войны. До сих пор многие отзываются о ней очень хорошо. Сейчас ей 87 лет.

Работал инженером в отделе главного энергетика, где создавалось бюро по автоматизированным системам управления. Через год назначили начальником бюро. Было интересно. Например, мы осуществили диспетчеризацию всего завода, используя сотни километров кабеля. Затем меня перевели на другое место, где я сначала занимался периферийной техникой подготовки информации, а потом возглавил вычислительный центр. В 1977 году вступил в компартию.

И здесь произошло то, что многие называют «его величеством Случаем»: я поступил в аспирантуру Института технической кибернетики, занимался наукой. Горкому партии срочно понадобилось внедрение вычислительных систем. Такой опыт был у горкома партии Тулы. Естественно, лучший «полигон», нежели «Гомсельмаш», найти было сложно. Так я поехал в Тулу в командировку.

Вернулся, и через некоторое время заместитель секретаря парткома, который уходил на повышение, предложил мне занять его место. Правда, сразу же предупредил, что это кадровая номенклатура ЦК КПБ, и согласование моей кандидатуры от него не зависит. Согласование состоялось. Компартию республики тогда возглавлял Киселёв, но его не было на месте, и я встречался с Бровиковым.

По напряжению работа на «Гомсельмаше» напоминала военные действия. Мы постоянно находились на своеобразной передовой. Завод работал в три смены. Бывало, сварщики не выходили из цехов по 12 часов, поскольку нужно было выполнять план.

Показухи тоже хватало. Конкретный пример: все документы о сдаче цеха подписаны, а там ещё нет ни одного станка. Тяжёлое время.

«Блицкриг» на Москву

В Гомеле работал Виктор Санчуковский, брат известного директора «Горизонта». Он и предложил в конце 1985-го возглавить профсоюзный комитет «Гомсельмаша».

Честно говоря, раньше к профсоюзам я относился крайне негативно. Во время работы в партийном комитете, решение основных задач всегда брал на себя, а профсоюзы решали второстепенные задачи типа распределения хрусталя, ковров и т.п. Самым главным в их деятельности было распределение жилья. Наш завод строил по 2000 квартир ежегодно.

Так продолжалось до апреля 1986 года, то есть до аварии на Чернобыльской АЭС. Я считаю, что в Гомельской области с этого момента начался новый отсчёт времени. Этот день я запомнил хорошо. Тогда мы с женой

пошли в гости к товарищу, а когда возвращались, подул очень сильный ветер. На следующий день поползли слухи, что где-то произошла авария. А потом появилось и официальное сообщение, но это ровным счётом ничего не значило.

Один пример. Мы открыли пионерский лагерь под Гомелем. Санстанция приехала и сделала вывод, что всё нормально. В 1987 году решили провести там интернациональный лагерь, пригласили детей из Германии, Польши и Чехословакии. И только гораздо позже, через несколько лет, когда я попросил своего заместителя съездить в Киев и заключить договор с Независимым институтом радиационных исследований, мы узнали, что эта территория сильно «фонит». Лагерь тогда закрыли. Кстати, здания сохранились до сих пор и как-то, наверное, используются.

В 1989 году на профсоюзной конференции мы выдвинули требование в адрес руководства СССР сказать людям правду. Решение приняли, но официальной реакции на него не последовало. Партийная и профсоюзная работа заставила меня взглянуть на происходящее по-другому. Моё сознание начало отвергать существующую систему власти и общественного устройства. Любая вера — дело совести каждого человека. Моя совесть не позволяла мне жить, как многие вокруг. Я видел, в каких условиях, за какую зарплату и как работают люди на заводах. Наёмный труд и изощрённая эксплуатация рабочего. В 1988 году отправил в ВЦСПС предложения по реформированию профсоюзов, затем написал Манифест рабочей партии. Мною начала заниматься парткомиссия. В конце 1989 года профком объединения прекратил перечисление профсоюзных взносов «наверх».

В начале 1990-го отделение местного банка стало выплачивать своим сотрудникам «гробовые» — так в народе назывались деньги, ежемесячно выделяемые на покупку фруктов и т.п. Этого же потребовали и мы. Я всегда говорю: для того, чтобы «взорвать ситуацию», порой нужна только одна спичка. В каком то смысле этой самой спичкой стали «гробовые».

В принимаемых документах мы оговорили, что в случае невыполнения наших требований объявим

забастовку. И процесс «пошёл». Партийные органы стали на нас давить. Мы провели профсоюзную конференцию, на которой вопрос о проведении забастовки был поставлен на тайное голосование, и получили просто грандиозную поддержку. Во всех цехах стали создаваться забастовочные комитеты. Подобное происходило и на других предприятиях Гомеля.

26 апреля 1990 года мы провели первую в Беларуси организованную забастовку. Утром люди пришли в цеха, переоделись, но к работе не приступили. Управление предприятием перешло забастовочному комитету. На заводах объединения состоялись митинги. Один из них проводил я. Выступил директор и сказал приблизительно следующее: «Вы показали, что можете протестовать, давайте приступим к работе». Я выступил против, и директора не поддержали.

Общий митинг должен был пройти на центральной площади. Начался сильный дождь, но народ это не испугало. На следующий день из обкома партии сообщили, что к нам приедут Соколов и Камай. До сих пор вспоминаю просто необыкновенный энтузиазм людей, которые вышли защищать своих лидеров. Встретили гостей чисто по-рабочему, в спецовках, кто-то даже взял кайло. Партийные вожди шли в заводоуправление, словно сквозь строй. Мне даже было их жаль. Подошёл руководитель местного КГБ и попросил хоть что-нибудь сделать. Сейчас подобное маловероятно.

Определённый снобизм у руководителей партии республики был, но присутствие большого количества людей его значительно поубавило. Когда прощались после переговоров, Соколов посоветовал мне подумать о своём будущем.

12 мая был создан городской забастовочный комитет — исполнительные структуры, партийные органы и мы. В Гомеле фактически установилось троевластие. На одном из митингов было решено организовать марш на Москву: должен был состояться очередной съезд КПСС, а наши требования в полном объёме (кроме «гробовых») не были выполнены.

7 июля 13 автобусов двинулись в сторону Брянска. О том, пустят ли нас в Москву, мы не знали. Светлана

Гольдаде договорилась об этом с тогдашним мэром Гавриилом Поповым, который всё сделал, наверное, назло Горбачёву. Стояла жара, людей на улицах почти не было. Наши автобусы сопровождала милиция. В районе Дома художников мы построились в колонну и пошли к Красной площади. Туда нас не пустили. Около собора Василия Блаженного начали проводить митинг. Естественно, это сразу же было замечено — рядом всё же проходил съезд КПСС. Единственным делегатом, вышедшим к нам, был Василий Леонов.

Подошли к нам и кэгебешники и поинтересовались целями акции. Мы ответили, что хотим передать письмо Горбачёву. Через час они вернулись и сказали, что Михаил Сергеевич извиняется и принять нас не может, но он поручил это сделать Рыжкову. Я обратился к людям с вопросом: кто будет участвовать в переговорах? Решили идти все.

Встреча прошла, как говорят в таком случае, плодотворно. Выступили многие. Освистали только Соколова. Рыжков дал обещание прислать через две недели Догужиева, который был его заместителем по чрезвычайным ситуациям, и заверил, что по нашим требованиям будут приняты решения. Кстати, это он подтвердил и в личной беседе.

Так и произошло. На следующей неделе прибыла правительственная комиссия, а еще через две недели Догужиев провёл в Гомеле заседание Правительственной комиссии, Правительства РБ и Гомельского забастовочного комитета. Был подписан двусторонний протокол, который дал толчок к принятию закона и программы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

«Скучная» тема, без которой нельзя обойтись

Когда в нашей стране начинаешь говорить о профсоюзах, народ скептически улыбается и переводит стрелку разговора в другую плоскость. И это понятно. В силу известных причин профсоюзы утратили доверие как организация, призванная защищать интересы трудящихся.

После «гомельских» событий в сентябре 1990 года я «заочно» был избран председателем республиканского

профсоюза АСМ (автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения). На съезде я не присутствовал.

Практически вся моя деятельность была борьбой за независимые профсоюзы. С В.Гончариком мы расходились во взглядах, и длительное время между нами сохранялись натянутые отношения. Возможно, на это влияло и то, что на первом съезде ФПБ, когда при выборах председателя меня выдвинули в альтернативу Гончарику, я не снял свою кандидатуру и сказал, что право на лидерство надо подтверждать конкретными делами и защищать в конкурентной борьбе.

Мы создали вместе с профсоюзом РЭП Ассоциацию независимых профсоюзов промышленности. До её ликвидации Верховным судом мы провели 35 митингов, манифестаций, пикетов. Количество участников доходило до 30 тысяч человек. Когда в 1995 году Лукашенко предложил профсоюзам стать его опорой, я резко выступил против. Понимал, что начинается реставрация тоталитарной системы, которая в первую очередь нанесёт удар по независимому профсоюзному и рабочему движению.

У меня тесные связи с международным рабочим и профсоюзным движением. С 1999 по 2005 год я избирался членом Исполкома Международной федерации металлистов (МФМ), представлял в нём страны Центральной и Восточной Европы. Вхожу в Совет ТИЕ — неформальной организации международного движения, цель которой — противодействие ТНК (транснациональным корпорациям). Посетил более тридцати стран, видел, как там живут люди.

Я понимал, что без политической борьбы невозможно улучшить положение наёмных работников. Устранение от политики отражается на рабочих повышением цен на продукты питания, энергоносители, жильё. Поэтому в 1993 году мы создали Белорусскую партию труда, стали выпускать газету «Рабочая солидарность». Я был избран депутатом Верховного Совета 13 созыва. Мы не хотели, чтобы БРСМ дурачил молодёжь, и создали организацию «Трудовая молодёжь». В 2004 году и БПТ, и газета были запрещены.

Я могу смело заявить, что последние двадцать лет жизни отдал борьбе за права трудящихся. И это не громкие слова.

Любимые люди и увлечения

О жене я уже рассказывал. Долгое время она работала по специальности, потом была представителем «Гомсельмаша» в Минске.

Старший сын Сергей работает на «Интеграле», младший Александр — программист. У него двое детей (близнецы).

Я не употребляю алкоголя и не курю. С детства увлекаюсь, кроме, естественно, спорта, чтением книг, нумизматикой и йогой. Читал всегда очень много. Брал все книги Драйзера, Диккенса или Голсуорси и буквально «проглатывал». Мой любимый писатель Оскар Уальд.

Помню, нумизматикой в нашей школе увлекался еще и учитель истории. В те времена ещё можно было найти древние монеты, особенно на западе республики. Кстати, у меня есть монеты XVI века. «Историк» делал очень просто: просил принести монеты и забирал их себе.

Точное количество экспонатов своей коллекции сейчас назвать не могу, так как давно не проводил «инвентаризацию». Одно время вёл подсчёт по годам, потом — по странам.

Одна монета у меня просто уникальная. Она долго была в коллекции, но внимательно я изучил её относительно недавно. Это своеобразная памятная медаль в честь президента Крюгера. Она относится к временам Оранжевой республики и республики Трансвааль — англо-бурская война начала прошлого века, хорошо описанная Черчиллем, когда он был корреспондентом. Как эта монета попала в Беларусь, не знаю.

Авторское послесловие

Встрече с А.Бухвостовым поспособствовала моя давняя знакомая Татьяна Ванина. Было это 26 мая 2006 года. Как раз в момент нашего разговора из типографии привезли первую часть этой книги.

Александр Иванович охотно оказывал помощь в разгрузочных работах, что, впрочем, вполне закономерно: не зря ведь название созданной им партии имело столь непосредственное отношение к труду.

www.kamunikat.org

Радзім ГАРЭЦКІ

Спачатку я ўбачыў кнігу “Браты Гарэцкія” ў музеі сумна вядомай Катыві, дзе НКУС знішчыў, акрамя польскіх афіцэраў, тысячы суайчыннікаў. А падчас нашай размовы гэтую кнігу падарыў мне сам аўтар — акадэмік Радзім Гарэцкі. Выкарыстоўваючы нагоду, яшчэ раз дзякую, а да фразы “пра адражэнцаў мінулага стагоддзя” я бы дадаў “і гэтага”, бо, расказваючы пра іх, Радзім Гаўрылавіч распавядае і пра свой лёс.

Успаміны пра пачатак

Я нарадзіўся 7 снежня 1928 года ў Мінску, так што мне цяпер ужо 82 гады. Мой бацька вельмі любіў Беларусь і добра ведаў яе гісторыю. Свайго старэйшага сына ён назваў Усяславам у гонар Усяслава Чарадзея, а мяне — Радзімам, бо так звалі заснавальніка племені радзімічаў. (Ёсць такая легенда, што Вячка і Радзім спуціліся з Карпацкіх гор, Радзім застаўся на Сожы і ўтварыў племя з адпаведнай назвай.) Я больш нікога не ведаю з такім імем.

У мяне былі выдатныя бацькі. Як кажуць, іх і Радзіму не выбіраюць. А мне пашанцавала і з Радзімай. Бацьку звалі Гаўрыла Іванавіч, маці — Ларыса Іосіфаўна. Яны пазнаёміліся ў Маскве, дзе вучыліся ў Цімяразьёўскай сельскагаспадарчай акадэміі, якая тады называлася Пятроўскай: бацька — на эканамічным факультэце, маці — на агранамічным. Маці родам з Беластока, а бацька — з вёскі Малая Багадзькаўка Мсціслаўскага павета Магілёўскай губерні.

Бацькі майго бацькі жылі непісьменнымі, але бабка была сапраўднай народнай спявачкай і казачніцай. Яна ведала процьму беларускіх песень, казак, і гэтая крышталёная народная паэзія так паўпывала на яе сыноў, што Максім і Гаўрыла палюбілі ўсё роднае — мову, песні, зямлю. Таму і сталі аднымі з самых адданных адражэнцаў пачатку мінулага стагоддзя і пранеслі сваю любоў да Бацькаўшчыны праз усё жыццё. Стараліся, каб яна была багатай, шчаслівай, вольнай.

У 1920 годзе мой бацька закончыў Горацкае каморніцка-агранамічнае вучылішча, якое зараз стала акадэміяй, і паехаў вучыцца ў Маскву. Там адразу пачаў садзейнічаюць стварэнню кола сапраўднай інтэлігенцыі, якая будзе будаваць новую Беларусь. Арганізаваў так званую Беларускаю навуковую асветніцка-культурную асацыяцыю студэнтаў акадэміі, а потым — і наогул усёй сталіцы. Натуральна, што яго абралі старшынёй. У хуткім часе іх ужо было каля двухсот чалавек. Адночы туды прыйшла мая маці. Так бацькі і пазнаёміліся. Такіх моцных пачуццяў я ні ў каго не бачыў.

У першы год дзейнасці названай навуковай асветніцка-культурнай асацыяцыі на яе сходы завіталі і Чарвякоў, і наш амбасадар у Расіі Мароз. Словам, усё там ладзілася на дзяржаўным узроўні.

Майму бацьку і шанцавала, і не шанцавала адначасова. Арыштоўвалі яго аж пяць разоў, аднак выжыў. Як кажуць, нарадзіўся ў сарочцы.

Першы арышт быў дробным — усяго чатыры дні за кратамі, а другі стаў вельмі сур'ёзным. Бацька настолькі вызначыўся як нацыянальны дзеяч, што папаў пад прыцэл самога ДПУ. У дваццаць другім годзе Ленін вырашыў выкінуць вон з Расіі ўсю вальнадумную інтэлігенцыю. Менавіта тады ён прамовіў сумна вядомыя словы пра “гаўно” і хацеў ачысціць Расію ад гэтых “гадаў”. Акрамя “парахода інтэлігенцыі” было шмат іншых спосабаў.

Пад кампанію падпалі нават студэнты. “Сядзеў” бацька на сумна вядомай Лубянцы. Якраз у той год у Маскву прыехала вучыцца яго адзіная сястра Ганна. Яна была вельмі здольнай дзяўчынай, без праблем паступіла ў зоатэхнічны інстытут і рыхтавалася стаць студэнткай. А тут — арышт. Ганна павезла перадачу і трапіла (штурхнулі ў натоўпе) пад трамвай. Аказалася ў шпіталі.

Бацька напісаў ліст, дзе папрасіў дазволу пабачыць сястру. Адпусцілі. Пабачыліся. Яна амаль адразу памерла. Для бацькі гэта стала трагедыяй усяго жыцця. У смерці Ганны ён лічыў вінаватым толькі сябе, бо перадачу яна несла менавіта яму. Маўляў, не існавала б такой “нагоды”, усё было бы добра.

Сумную дату ён узгадваў кожны год...

Кіраўніком ДПУ тады быў Менжынскі, з маім бацькам ён размаўляў больш за гадзіну. Выслухаў яго аповед і ўрэшце рэшт сказаў: “Добра. Мы пакідаем вас у Расіі, але ніколі не займайцеся палітыкай. Толькі навукай”. Да гэтага часу майго бацьку хацелі адправіць у Германію.

Чарговыя выпрабаванні

У Гаўрылы Гарэцкага быццам бы было два жыцці: спачатку эканаміст, потым — геолог. У той час адбыўся сапраўдны эканамічны ўзлёт. Пасля вучобы бацька стаў дацэнтам і загадчыкам кафедры эканамічнай геаграфіі ў Горках, потым яму даручылі стварыць новы Беларускі навукова-даследчы інстытут сельскай і лясной гаспадаркі імя У.І.Леніна. Ішоў 1927 год. Выканаў загад выдатна. Знакаміты біёлаг Мікалай Іванавіч Вавілаў, калі прыязджаў у Горкі, быў настолькі здзіўлены ўбачаным, што сказаў: “Па гэтым тыпе мы створым інстытуты ва ўсіх іншых рэспубліках, а для Усеаюзнага сельскагаспадарчага інстытута прыклад возьмем з вас”.

Неўзабаве бацька стаў кандыдатам у склад Цэнтральнага выканаўчага камітэта БССР, а потым — і членам гэтага ЦВК. Шмат працаваў у галіне эканомікі сельскай гаспадаркі нашай краіны і нават выдаў кнігу “Народны прыбытак Беларусі”. Некалькі разоў ездзіў у камандзіроўкі за мяжу, што потым і вылезла яму “бокам”.

І Гаўрыла, і Максім былі членамі Інбелкульта (арганізацыя навукоўцаў — **заўвага аўтара**), а мой бацька нават уваходзіў у праўленне. На базе гэтай арганізацыі ў 1928 годзе вырашылі заснаваць беларускую Акадэмію навук. Бацьку абралі яе правадзейным членам, і ён, такім чынам, стаў заснавальнікам і адным з першых чальцоў акадэміі. А тут якраз я нарадзіўся, так што мы з акадэміяй з’яўляемся “аднагодкамі”.

На жаль, Максіма туды не ўзялі, бо ўжо тады ён меў не надта добрыя адносіны з КДБ. 1 студзеня 1929 года адбылося ўрачыстае адкрыццё (установачны з’езд) Беларускай акадэміі навук. Тата сядзеў паміж Якубам Коласам і Янкам Купалам, з якім сябраваў. Яму было ўсяго 28 гадоў. Да гэтага часу ён застаецца самым маладым акадэмікам нашай краіны. Нават Платонаў, якога ўсюды

прэзентавалі як маладога і таленавітага, быў на некалькі гадоў старэйшым. Але гэта толькі лічбы.

Надышоў 1930 год, калі пачалі “саджаць” і выяўляць так званых нацдэмаў. Абодвух братоў Гарэцкіх зноў забралі ў турму. Бацьку арыштавалі з шэрагам акадэмікаў — з Ластоўскім, Дубавым, Лёсікам і інш. Усіх пасадзілі ў сумна вядомую ўнутраную турму КДБ, якую называюць “амерыканкай”. Тут ім папала, як кажуць, па поўнай. Былі ў тым ліку і “парылкі” — так называлі цёмнае вузкае памяшканне без вокнаў і дзвярэй, дзе амаль не было паветра. Там можна было толькі стаяць, магчымасць сесці адсутнічала. Каб лягчэй было дыхаць, арыштаваных лажыліся на падлогу.

Звычайна ў “амерыканку” садзілі з якім-небудзь вар’ятам. Той крычаў: “Я шпіён. Я шпіён...”. Словам, моцны маральна-псіхалагічны ціск.

Максіму далі пяць гадоў і адправілі ў ссылку ў Вятку (цяперашні Кіраў). Бацьку прыгаварылі да вышэйшай меры пакарання. Ён праходзіў па справе так званай Працоўнай сялянскай партыі (ПСП), таму што быў лепшым вучнем выдатных сельскагаспадарчых эканамістаў “Цімяразьёўкі” — Чаянава, Кандрацьева, Фартулатава. Паводле іх распрацовак была пабудавана сістэма сельскай гаспадаркі ў замежных краінах. Напрыклад, у Англіі выдалі шматомнік Чаянава. Не менш вядомы быў і Кандрацьеў: ён распрацаваў тэрміны развіцця народнай гаспадаркі, якія так і называлі — “пяцігодкі Кандрацьева”.

На самай справе ПСП не існавала, як і Саюза вызвалення Беларусі. Гэта ўсё кэдэбэшныя прыдумкі.

Разам з бацькам арыштавалі і тагачаснага народнага камісара сельскай гаспадаркі Бонч-Асмалоўскага. Быццам бы існаваў беларускі філіял ПСП, а ён і Гаўрыла Гарэцкі кіравалі ім.

Але ішоў толькі 1930 год, і яшчэ можна было чагосці дабіцца. Не ведаю, было гэта ці не, але раскажваюць, што старшыня Савета народных камісараў БССР Галадзеда паехаў з “расстрэльным” спісам да Сталіна. Быццам бы Сталін дайшоў да прозвішча майго бацькі і спытаўся, колькі яму гадоў. І пачуў столькі добрых слоў, што дазволіў “нэмножко пожыць”. Замест расстрэлу майму бацьку далі 10 гадоў лагераў і саслалі на Салаўкі.

Сям'я “ворага народу”

Канешне, пасля гэтага маю маці звольнілі і нідзе не бралі на работу. Стала вельмі цяжка. Многія перасталі нават вітацца з мамай. Не адварнуліся толькі сем'і Купалы і Коласа. Яны не сталі рабіць выгляд, што з намі больш не знаёмыя. Нават крыху дапамагалі маёй маці.

На Салаўках бацьку зноў пашанцавала: ён не толька махаў кайлом, а як чалавек з вышэйшай адукацыяй быў яшчэ задзейнічаны і ў інжынерна-геалагічных вышуках, звязаных з будаўніцтвам Беларуска-Балтыйскага канала. Так ён стаў геалагам-самавучкам.

А праз некаторы час да бацьку прыехалі і мы. Так што маё дзяцінства прайшло на Беларуска-Балтыйскім канале. У Карэлі ёсць такія Медзведзьгорск, які вырас з пасёлка Мядзведжая Гара, — мы там жылі. Потым пераехалі пад Мурманск у пасёлак Кола, затым — у Мурмашы, дзе зараз месціцца аэрапорт. Там я пайшоў у першы клас.

У маім жыцці гэта былі самыя “рыбалоўныя” часы. Вада ў Кольскім заліве была неверагодна чыстая. Калі пачынаўся адліў, мы бегалі туды і даставалі з пяску камбалу, якая хавалася там. А ў рэчцы было шмат сёмгі.

Добра памятаю сопку Салавар. На ёй было столькі ягад! Марошка, дурніцы. І процьма камароў з мошккамі...

Бацька “сядзеў” і з намі, зразумела, не жыў. А маці, каб нас пракарміць, дзень і ноч працавала. Мы з братам боўталіся, як беспрытульнікі. Выхоўваліся сярод знявольеных, а там былі і сапраўдныя злачынцы. Яны вельмі хутка навучылі нас курыць і лаяцца матам. Брат аднойчы нават напіўся. Словам, нашай маці прыходзілася вельмі цяжка...

У 1934-м за добрую працу бацьку датэрмінова вызвалілі, аднак сказалі: “Хоць ты зараз і вольны, сядзі тут і не “чырыкай”.

У 1937 годзе яго арыштавалі зноў, як і Максіма, які вызваліўся ў 1934-м і жыў у Смаленскай вобласці. Яго забралі восенню.

З бацькам “узялі” яшчэ амаль дзве тысячы чалавек, і яго як “злоснага злачынца” (быццам бы завербаваў шпіёнамі Чарвякова і Галадзеда) накіравалі ў Маскву. Пакуль там “разбіраліся”, усіх “мясцовых” расстралялі. Іхнія

Курапаты называюцца “ўрочышча Сандармох”. Там ляжыць тысяч дзвесце людзей.

А бацьку зноў пашанцавала. Якраз адзін наркам НКУС мяняў іншага (Яжоў Ягоду), што азначала пэўныя палёгкі. Нечакана выпусцілі, але ў 1938 годзе зноў забралі.

Цяжкае вяртанне

Гэта быў самы цяжкі арышт. Доўжыўся ён больш за год. Пастаянныя здзекі, пабоі, голад, бясконцыя самагубствы. Маці пасылала нас з братам паглядзець — жывы бацька ці не. Чакалі гадзінамі.

Аднойчы не вытрымаў і ён. Папрасіў прынесці вострае лязо і перадаць маці, што больш не можа трываць. Сапраўды, ад голаду ў яго апухлі ногі. Чаравікі не налезілі. Каб яны не звальваліся, бацька прывязваў іх вяроўкамі. Худы, зарослы шцацінем. Жудасна! Добра, што перамагло жыццялюбства...

Зноў прыгаварылі да вышэйшай меры, але зноў змяніўся наркам НКУС (Ягода на Берыю), і зноў выпусцілі. Работу знайшлі толькі на Урале ў пасёлку Часавы, куды мы і пераехалі.

У вайну бацька працаваў на розных абаронных работах пад Масквой, яго нават узнагародзілі медалём “За абарону Масквы”. А мы з маці часова былі эвакуіраваны ва ўдмурцкі Валош. Я скончыў сем класаў, калі сям’я аб’ядналася зноў.

Бацька быў галоўным геалагам на розных будоўлях: каналы, Куйбышаўская, Цямлянская ГРЭС і г.д. Пераязджалі даволі часта. Толькі за апошнія гады вучобы я змяніў аж 10 школ.

Напрыканцы вайны мой брат трапіў на завод імя Сталіна (потым імя Ліхачова), дзе працаваў майстрам. Як і бацька, я хацеў быць геалагам, таму прыехаў паступаць у нафтавы тэхнікум, але там не аказалася інтэрната, і нам з братам прыйшлося жыць разам у вельмі цяжкіх умовах у падвале. Нават спалі на адным ложку. А тут яшчэ высветлілася, што ў тэхнікуме няма геалагаразведвальнага аддзялення, давялося пайсці на КВП (кантрольна-вымяральныя прыборы).

Я скончыў першы курс і аддаў дакументы ў сярэдняю школу пасёлка Чкалаўск, куды пераехалі працаваць бацькі, бо тады будавалі Волжскую ГРЭС. Закончыў 10 клас і паступіў у Маскоўскі нафталы інстытут.

У Маскве мы з братам і сустрэлі дзень Перамогі. Лепшага салюту я ў сваім жыцці не бачыў. Гэта было сапраўднае народнае свята! Гулялі па горадзе ўсю ноч.

Мне пашчасціла не толькі з бацькамі, але і з настаўнікам. Падчас дыпломнай практыкі ў Казахстане я пазнаёміўся з выдатным спецыялістам — геалагам Гершыным (тады ён быў кандыдатам навук). Ён узяў мяне на працу ў Маскоўскі геалагічны інстытут Акадэміі навук. Потым стаў доктарам, віцэ-прэзідэнтам Расійскай акадэміі навук. Гэта мой Настаўнік з вялікай літары. Я нават напісаў пра яго кнігу — “Академик Гершын. Дорогой мой учитель и друг”. Найвыдатнейшы быў чалавек. Разам мы адпрацавалі да 1971 года.

Майго бацьку рэабілітавалі амаль адразу пасля смерці Сталіна, але ў Беларусь яму дазволілі вярнуцца толькі ў 1969 годзе. Ён стаў загадчыкам сектара палеагеаграфіі антрапагеннага перыяду лабараторыі геахімічных праблем АН БССР. Амаль праз два гады, у снежні 1971 года, сюды прыехаў і я.

Неўзабаве мяне абралі членам-карэспандэнтам Акадэміі навук БССР, а потым і акадэмікам. Якраз ствараўся Інстытут геафізікі і геахіміі. Мяне прызначылі загадчыкам лабараторыі геатэктонікі, а ў 1977 годзе — дырэктарам. На гэтай пасадзе я прабыў шаснаццаць з паловай гадоў. З 1992 па 1997 год быў віцэ-прэзідэнтам Акадэміі навук БССР.

Балюча ад таго, што сёння там пануе агіднае чыноўніцкае глупства. Інстытут, які некалі быў лепшым у СССР, ліквідавалі і перадалі Міністэрству прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя. Палічылі, што самае галоўнае — прыкладная навука, а не фундаментальная. Вялікая памылка. Без ведання гісторыі нашай зямлі, якой тры з паловай мільёна гадоў, знайсці нейкія карысныя выкапні будзе даволі цяжка. На жаль, чыноўнікі ад навукі думаюць інакш. Зламаць заўсёды значна прасцей, чым нешта пабудаваць...

Дарэчы, калі я быў дырэктарам, бацька стаў маім падначаленым. Апошнія дваццаць год яго жыцця былі самымі шчаслівымі і радаснымі. Ён напісаў шмат манаграфій, атрымаў дзяржаўныя прэміі СССР і БССР, стаў заслужаным дзеячам навукі.

Беларускія гены

На жаль, у 1988 годзе бацька сышоў з жыцця, так і не даведаўшыся, як памёр яго брат. Афіцыйная версія — “кروвазіліццё ў мозг”. Хлусня. У 1990-м я трапіў у архівы КДБ, прагледзеў справы і высветліў, што Максім Гарэцкі быў расстраляны ў 1938 годзе ў Вязьме...

Я займаюся не толькі навуковымі справамі, але і грамадска-палітычнымі. Правільней было б сказаць “грамадскімі”, але сёння да палітыкі адносіцца амаль усё, як і ў часы Гаўрылы і Максіма. Да “палітыкі” адносіцца нават мова. Калі ты гаворыш па-беларуску, значыць, апазіцыянер, бэнээфавец альбо яшчэ які-небудзь “ненармальны” беларус, а “нармальны” павінен, з пункта погляду чыноўнікаў і іх самага галоўнага начальніка, гаварыць па-руску. Вось вам і “палітыка”.

У 1991 годзе было зарэгістравана Згуртаванне беларусаў свету “Бацькаўшчына”. У аргкамітэце быў і я, а першым прэзідэнтам тады абралі Васіля Быкава.

У 1993 мы правялі першы з’езд беларусаў свету. Прыехалі амаль тысяча ўдзельнікаў, быў арганізаваны выдатны форум. Нават выдалі адпаведную кнігу. На гэтым з’ездзе мяне, па прапанове Быкава, абралі прэзідэнтам. Адпрацаваў на згаданай пасадзе два тэрміны запар, а потым, нягледзячы на тое, што хацелі пакінуць, сказаў: “Хопіць”.

Зараз я таксама не цураюся розных імпрэзаў, сябрую з пісьменнікамі, навукоўцамі, палітыкамі, уваходжу ў рады Фонду беларускай культуры, Таварыства беларускай мовы і беларускай інтэлігенцыі. Хоць у нейкім сэнсе мяне можна лічыць напалову расіянінам, я цудоўна адчуваю сябе ў беларускім асяроддзі і стараюся быць там, дзе размаўляюць па-беларуску.

Аўтарскае пасляслоўе

Акадэмік Радзім Гарэцкі жыве ў некалі знакамітым “даляры”, дзе 8 красавіка 2010 года мы і сустрэліся з ім. Галоўнае слова тут “некалі”. Сёння, на жаль, “прэстыжныя месцы” і арыенціры зусім іншыя. Зараз там жывуць не акадэмікі, а амапаўцы...

www.kamunikat.org

Геннадий ГРУШЕВОЙ

По жизни этот человек так часто стартовал в совершенно неожиданных направлениях, что лично я не уверен, что известный фонд «Дзецям Чернобыля» станет для него финишной прямой. Возможно, это и не так, но ясно одно: Геннадия Грушевого трудно назвать конформистом.

Старт в жизнь

Родился 24 июля 1950 года в Минске. Отца звали Владимир Еремеевич. Он происходил из древнего запорожского казацкого рода. Во время переселения его семье дали землю в Туркистане, точнее, в предгорьях Памира. Туда иммигрировали целой деревней. Отец родился в 1919 году.

Мама, Зинаида Николаевна, родом из Новгорода. Слава Богу, жива до сих пор. Её девичья фамилия Рябова — тоже древний русский купеческий род. В новгородских летописях он упоминается чуть ли не с XII—XIII веков.

В 1941 году отец заканчивал физико-математический факультет института, расположенного во Фрунзе (сейчас Бишкек). Защитить диплом ему не удалось — мобилизовали на войну. Попал в знаменитую дивизию Панфилова. Начинал рядовым, но поскольку был студентом, вскоре дали звание старшины. Закончил войну в Кёнигсберге в чине майора. В армии Черняховского командовал целым полком. Такой вот «карьерный» рост всего за четыре года.

До 1946 года отец был комендантом одного из городов Восточной Пруссии. Туда судьба забросила и мою маму. Немцы очень быстро разбомбили Новгород и заняли тамошнюю территорию. Мама и бабушка почти три года жили в оккупации. Когда Красная Армия начала активное наступление, их как бесплатную рабочую силу перевезли сначала в Прибалтику, а затем — и в Восточную Пруссию. Матери тогда было всего 19 лет. Она бежала от своих хозяев и попала в лагерь интернированных в городе, где воевал отец. Там они и встретились. История нашей семьи началась.

После войны отец хотел вернуться «на гражданку» (как-никак, почти получил диплом), но его непустили, отправили в академию Фрунзе, которую он закончил в 1947 году. Отцу дали звание подполковника и направили служить в оперативный отдел штаба Белорусского военного округа. В 1949-м вся семья собралась в Минске, через год родился я. (У меня была ещё старшая сестра Галя, но несколько лет назад она, к сожалению, умерла от диабета.)

Так получилось, что послевоенный Минск рос вместе со мной. Отчётливо помню, как, например, в 1956 году сносили памятник Сталину на Октябрьской площади. Был там лично: мы жили недалеко, «под шпилем», прямо напротив работы отца. (Этот дом построили в 1952 году, и мы сразу переехали в него.) Саму статую куда-то увезли, а постамент взорвали динамитом. Не правы те, кто утверждают, будто всё делалось тайно. Взрывали прямо на глазах людей. Воронку сравнили с землёй. Мы потом ещё бегали туда играть. Везде плитка, а там — земляной квадрат.

И площадь Победы видел, как делали.

От войны осталось много «родимых пятен»: безногие калеки, чёрные, худые, ездили на досточках на колёсиках и просили милостыню; мальчишки, ставшие однорукими, после того, как находили неразорвавшиеся снаряды и гранаты (в моём классе таких училось несколько).

Ходил в кинотеатр «Первый» (сейчас он называется «Центральный»).

Помню, как ездили своей компашкой на популярный тогда Хозяйственный рынок (район универмага «Беларусь») воровать семечки и всякие прочие мелочи. Потом «стреляли» или подбирали окурки и ехали делить добычу на старое еврейское кладбище — большое, с огромными гранитными и мраморными плитами. Сейчас на том месте находится министерство юстиции.

В середине пятидесятых годов прошлого века в школах ещё было раздельное обучение. А я жил рядом с 21-й школой, где училась моя сестра. Всеми силами рвался туда, но там учились только девчонки. Правда, однажды, когда мне было пять лет, удалось сфотографироваться с классом девчонок 1 сентября. Вскоре гендерное

неравенство отменили, и я пошёл именно в 21-ю школу. Это был 1957 год.

В 1959-м я перешёл в школу номер 50, которую только-только открыли. Сейчас из неё сделали гимназию, но физико-математический уклон она имела уже тогда. Одной из первых эта школа была награждена орденом Трудового Красного Знамени. К слову: когда его прикрепляли, флаг школы держал именно я.

Старт в спорт

Я не был лучшим учеником, но являлся самым известным школьным спортсменом. Чем только не занимался. Это сейчас родители берут за руку и ведут в спортивную секцию или студию, а тогда всё было иначе. Кто-нибудь из нашей компании просто узнавал про что-то вновь появившееся, и мы шли туда записываться.

В плавательный бассейн «Олимп» я проходил два года, но потом это мне почему-то надоело. Надо отметить, что родился я с очень тяжёлыми увечьями. В животе матери я «пересидел», поэтому разросся до очень больших размеров — весил больше пяти килограмм. Роды были трудными. Когда в конце концов я появился на свет, ноги у меня были вывернуты вовнутрь. Людей с такими родовыми травмами можно увидеть и сейчас.

Я должен благодарить маму, которая на протяжении первого года моей жизни ежедневно часами зарабатывала мне ноги. Её труд, усердие, упорство и сделали меня спортсменом.

Я довольно быстро бегал. Реакция была хорошей. Два года занимался баскетболом, играл за юношескую сборную города. Затем друзья «переманили» меня на борьбу. Потратил на неё целый год. Наверное, перспективы были довольно неплохими (присвоили какой-то разряд), но в это время у меня стало ухудшаться зрение. Сказать об этом напрямую я не решался. Пропустил одну медкомиссию, не пошёл на вторую. А перед очередными соревнованиями очень жёстко потребовали медсправку. Не пошёл. Тренер потом приходил к нам и настойчиво добивался правды. Успокоился только тогда, когда обо всём узнал.

Так я вновь оказался «на улице». Правда, ненадолго. Как-то вечером зашёл с друзьями в школьный спортзал. Смотрю, мои одноклассники прыгают через какую-то планку. Стоял и наблюдал, так как делать всё равно было нечего. Через какое-то время учитель физкультуры и друзья предложили попробовать. Поначалу отказывался. Потом попросил показать, как это делается. Показали. Стали прыгать. Планка поднималась всё выше и выше, пока не обнаружилось, что я единственный, кто продолжает прыгать. Азарт, как на Олимпийских играх. Перепрыгнул высоту, почти равную собственному росту. Хотелось ещё, но учитель остановил и написал записку тренеру в лёгкоатлетическую секцию.

Соответствующая ДЮШЕС тогда находилась возле цирка, прямо напротив Парка Горького. Через три месяца я стал там одним из ведущих спортсменов, и меня послали в Каунас на международные соревнования по пионерскому многоборью. Из Беларуси нас было только двое — я и какая-то девочка. Занял третье место. С этого и началось. Позднее выяснилось, что лёгкой атлетикой занимался и мой отец. Наверное, гены.

В школе учился хорошо, почти на все пятёрки. Больше всего любил химию. Моя сестра не смогла поступить сразу и устроилась в нашу школу лаборанткой химкабинета. По моей просьбе она приносила некоторые реактивы и вещества. Потом, конечно, это всё возвращалось, но только после моих опытов. Один раз я даже устроил настоящий взрыв с реальным пожаром.

На уроках все задачи решал буквально за несколько минут и демонстративно занимался другими делами. Учительницу это, естественно, раздражало, и она ставила мне двойки. В журнале была такая картина: 5-5-5-5-2-2-2-5-5-5-5-2-2-2-5-5-5-5. В итоге по любимому предмету за четверть выходили четвёрки.

Участвовал во всех олимпиадах. Не попал на республиканские и международные только по одной причине: для того, чтобы идти дальше, необходимо было (обязательное условие) самому сделать какой-нибудь химический прибор. Обычно в таких случаях школы помогали, но мой был неприятным исключением — не помогал никто. Я выпилил что-то пилой. Наверное, это

сравнимо с тем, если бы чукчам поручили бы построить своими силами и с использованием подручных материалов современный космический аппарат.

Когда я пришёл на городскую олимпиаду в 24-ю школу и увидел поделки других школьников, то испытал чувство стыда и спрятал свой «прибор». Задачи, как всегда, решил очень быстро и вышел из кабинета самым первым. Забрал прибор и унёс его домой. Можно сказать, на этом моя «карьера» химика и закончилась. Хоть и присудили тогда первое место, но дальше не пустили.

По пионерскому многоборью я входил в команду республики. На всесоюзных соревнованиях мы заняли третье место. Из-за травмы я не смог поехать на международные соревнования и выступить за сборную СССР. Это было понятно. Непонятным стало то, что потом меня по этой же причине не вызвали на какие-то сборы. Проходили они перед очередными соревнованиями, где я всегда был первым номером в эстафете. Кстати, я всегда стартовал очень хорошо. Тренеры решили меня побереечь и явно промахнулись с психологической точки зрения.

А за несколько месяцев до этого произошёл такой случай. Мы выступали на республиканской спартакиаде в Гомеле. Команда жила в студенческом общежитии какого-то гомельского вуза. Под моей кроватью валялась книга без обложки и всяких выходных данных (видимо, кто-то сделал такую шпору). Книги я любил читать всегда, а тут делать было нечего. Словом, начал и... увлёкся. Да так, что не пришёл на награждение. Разразился довольно громкий скандал. Позднее выяснилось, что я читал учебник Спиркина по марксистско-ленинской философии.

Старт в науку

Логика автора меня покорила. Стал всерьёз увлекаться философскими книгами. Лето, свободного времени много, а на сборы, повторюсь, меня не взяли, и спорт вскоре был заброшен. Тренера такое моё решение шокировало. Теперь мне даже его жалко: сколько труда было вложено, а тут — всё насмарку, если не сказать более грубо.

Стал выяснять и узнал, что философов готовят в Минске, но поступить туда можно либо после армии, либо имея двухгодичный стаж. Школу я заканчивал за два месяца до семнадцатилетия и выработал для себя план: дескать, пойду работать на какой-нибудь завод, а параллельно буду учиться на вечернем отделении в Институте марксизма-ленинизма. Физических нагрузок я не боялся, поскольку к тому времени часто ходил с друзьями разгружать вагоны. Конечно, такой вариант не устраивал моих родителей, которые хотели, чтобы я после школы пошёл поступать в какой-нибудь вуз.

Про армию думать не хотелось, но она сама начала «думать» про меня: из Ленинградского военно-политического училища на Минск пришла разнарядка — два места, зачисление без экзаменов по рекомендации райкома комсомола. Одно место предложили мне. Поначалу обрадовался, поскольку мне сказали, что это имеет отношение к марксистско-ленинской философии. Пришёл домой, рассказал. У родителей это не вызвало особого энтузиазма. Потом у меня с отцом состоялся долгий разговор. Содержание его передавать не буду, но скажу только, что через два дня я поблагодарил за оказанное доверие и отказался от предложения.

Перед концом учёбы опять неожиданно узнал, что министерство образования дало какую-то минимальную квоту для выпускников школ, желающих поступить на философское отделение истфака. Это всё в корне меняло. Появилась новая цель — пробиться туда любой ценой. Сдал экзамены и поступил. Конкурс был шесть с половиной человек на место. «Резали» безжалостно, относились, я бы сказал, предвзято.

В нашей группе было только двое вчерашних школьников — я и медалист Миша Медведев, которого, к сожалению, уже нет в живых. А всего группа состояла из 30 человек.

Учился фанатично. Даже ни с кем из своих одноклассников не контактировал. С начала сентября приступил к изучению «Капитала» и каждый день штудировал по пять-шесть страниц, тратил на это по пять часов. Не было ни одного пропуска, ни выходных, ни «проходных», как говорят. По несколько раз читал текст,

выписывал, учил его почти наизусть. И так длилось до декабрьских экзаменов. Потом мне предложили писать кандидатскую диссертацию по политэкономии. Эта была настоящая школа, которая превратила меня в человека, способного мыслить логически.

Я с головой ушёл в историю философии, так как понял, что колоссальный потенциал мыслительной обработки материала на уровне истмата и диамата преподносится очень бедно. Начинаешь фантазировать, ощущаешь нехватку эмпирического материала по разным философским течениям. Синхрофазотрон мышления как бы работает в холостую. В истории философии я нашёл необходимую для себя гармонию. И слава Богу, что выбрал именно этот путь, поскольку как таковой философской школы в БГУ не было и нет. Были лишь хорошие преподаватели. Например, Стёпин.

Естественно, что при таком отношении к учёбе я получал одни пятёрки, и университет окончил с отличием. Научную работу начал писать на втором курсе. На пятом её увидел тогдашний мэтр и светила философии Советского Союза Игорь Сергеевич Нарский. Я писал об очень крупном французском философе — идеалисте, теологе Николая Мальбранше (чуждый человек для марксистско-ленинской философии), которым в советское время совершенно не интересовались. Получался какой-то нонсенс: философа пять раз упоминает Маркс, цитирует Ленин, причём, его фамилия ставится в один ряд с Декартом, Спинозой, Лейбницем, а никакой литературы о нём нет. А ведь он был одним из главных звеньев системы метафизики XVII века.

Стал учить французский язык, искать дореволюционные источники информации. Словом, решил сам во всём досконально разобраться.

А Нарский в это время готовил очередную книгу и, видимо, столкнулся с такой же проблемой. И тут — моя работа. Как говорится, я «попал в струю». Нарский дал в Минск сигнал: хороший труд, пусть пишет диссертацию. И меня с этой темой приняли в аспирантуру.

Кстати, на пятом курсе я познакомился со своей будущей женой Ириной. Произошло это в новогоднюю ночь с 31 декабря 1971-го на 1 января 1972 года.

Студентки иняза пригласили нас отпраздновать праздник в своё общежитие. 11 сентября была свадьба, в марте 1973 года Ирина родила дочку Марину, в 1978 году — сына Максима.

Аспирантура у меня была довольно странной. Попал туда в сентябре 1972 года, а весной 1973 вышло следующее. С нашего факультета в ООН в качестве советников периодически брали преподавателей. В тот раз повезло Николай Васильевичу Рожину. От предложений ООН не отказываются, так как это супервезение. И Рожин предложил мне его заменить, поскольку других вариантов не видел. Читать курс нужно было уже с 6 сентября, но и аспирантуру терять не хотелось. И я принял совершенно парадоксальное решение: согласился читать лекции, но отказался стать преподавателем, то есть остался в аспирантуре. Если б знал, что меня ждёт...

Вскоре сказали, что я должен выполнять полный объём преподавательской работы, то есть к 140 часам добавилось ещё 420, так как преподаватели читают несколько курсов. Всего нужно иметь 550 часов. А в аспирантуре в этот момент заявили, что будут рады, если я за несколько месяцев подготовлю базис диссертации.

И я пошёл на эту авантюру. Здоровья было море — спорт всё-таки помог очень здорово. 36 дней писал текст диссертации, каждый день по 10—12 страниц. Уникальная производительность! Схема была такой. В девять часов утра садился за стол и, не отрываясь, работал до четырёх-пяти вечера. Потом два часа «носился» по паркам, выгоняя из себя стресс. Возвращался домой, мылся, ел, отдыхал, а затем готовил материалы к следующему дню.

Написал 280 страниц текста. Фактически это была вся диссертация. Для защиты нужны были ещё и публикации. Очереди в единственный на весь СССР журнал «Вопросы философии» растягивались на годы. Закончил писать к началу третьей декады августа, а 6 сентября мне нужно было начинать читать лекции, готовиться к которым я ещё даже не начинал. Чтобы хоть как-то восстановиться, уехал в какой-то санаторий под Минском. Вернулся в начале сентября, сразу занялся подготовкой к лекциям.

И силы свои, похоже, переоценил. В октябре у меня обнаружилась полная нейродистония. Врачи хотели положить в больницу на целый месяц, но я смог «выкроить» только неделю...

Кандидатом наук я стал в 1975 году, к тому времени уже был заместителем заведующего кафедрой.

Всё это «вложилось» в 25 лет жизни.

Старт в искусство

Я не искусствовед, а пришёл в эту сферу так.

Будучи аспирантом-философом, я совершенно случайно познакомился с группой художников и, наверное, заинтересовал их тем, что был достаточно информированным в разных областях истории философии и истории культуры. Совершенно неожиданно получил приглашение написать маленький буклет к юбилею художника, которого я до этого совершенно не знал.

Наша с ним встреча состоялась в 1973 году. Знаете две башни напротив железнодорожного вокзала? В одной из них и была мастерская. Художники всегда стремятся творить поближе к Богу. Пока до них докарабкаешься, почувствуешь, что такое Олимп.

Я человек академического склада, ко всему привык относиться с осторожностью. Видимо, художник почувствовал эту мою закрепощённость и сказал: поговорим потом, давайте сначала познакомимся поближе. И принёс откуда-то бутылку водки. До этого я пил очень мало, а водку вообще употреблял только раз-два в год. Но перед таким напором доброй энергии, некоего магнетизма устоять было невозможно. Уселся за стол. Он куда-то убежал. Вернулся — протирает гранёные (как положено) стаканы. Видимо, на моём лице читалась растерянность, потому что он почти скороговоркой сказал про закуску и принёс луковицу и яблоко. Разрезал, налил и предложил выпить за знакомство, дружбу и творчество. И это всё в течение 5—7 минут. Попробуйте представить себе человека, который лицом к лицу оказывается перед подобным «бушующим ураганом». Конечно, силы моего сопротивления были подорваны. Попытался пить

понемножку, но тщетно. Более того, тотчас же была налита ещё одна доза...

Это был первый художник, с которым я познакомился лично. Эталон. Не с точки зрения уникальных творческих способностей (хотя присутствовало и это), а как квинтэссенция той энергетики, которую несут в себе подлинны мастера. Для меня это было полным откровением, так как таких людей в жизни я ещё не встречал. Буквально в течение нескольких месяцев я уверовал, что художник — это какой-то маг, чародей. Стало интересно не просто рассматривать картины. Соответствующих каталогов было собрано множество, но я никогда не связывал конкретную работу с конкретным человеком. Это стало прорывом сквозь слой красок к внутреннему миру мастера. Понял, что настоящие художники — это люди, которые не просто создают образы с помощью кисти, а как бы воплощают их в плоть и кровь, превращают в частицы нашего мира, и он становится богаче. Это не воспроизведение изображения, как на фотографии, а наполнение всего сущего глубинным содержанием.

Кстати, одной бутылкой тогда всё не ограничилось, только яблоч больше не было. Таким пьяным жена меня видела впервые, но я не хочу, чтобы образ художника ассоциировался с алкоголем. Совсем не так. Это, скорее, курьёз, детская шалость, которая высвечивает такие высоты и глубины, что почти сразу забываешь о пустяшных забавах. И я всегда вспоминаю о своём первом «наставнике» с благодарностью и теплотой.

Благодаря моему другу, известному фотомастеру Жене Коктышу, я познакомился с целой плеядой художников: и людьми старшего поколения — Шемелевым, Кищенко, Ващенко, Савицким, Шаранговичем, Поплавским, и с совсем молодыми, начинающими свою головокружительную карьеру — Селешуком, Савичем, Исаёнком, Товстиком, Киреевым. Стал бывать на выставках, в мастерских.

Первой в моей коллекции появилась работа Коли Селешука, с которым я познакомился, когда он ещё учился на выпускном курсе театрально-художественного института.

Близилась середина 70-х. В то время в белорусское искусство пришла команда талантливых молодых художников. Сейчас они уже мэтры, достигли пика своей популярности и известности, а тогда были только начинающими.

Можно сказать, что до перестройки и злосчастной Чернобыльской катастрофы, которая «увлекла» меня целиком, я постоянно общался с ними. Даже после того, как занялся разными гуманитарными программами, я устроил несколько выставок за рубежом — в Германии, Бельгии, Австрии, Польше. Художникам в те годы жилось несладко. Тех, кто имел постоянных покупателей на свои картины, можно было пересчитать по пальцам. Большинство же, после того как государство перестало закупать работы, оказалось в очень бедственном положении. Выставки за рубежом, где иностранцы охотно покупали работы, стали для многих наших художников едва ли не спасением.

С одной работой Коли Селещука — «Пейзаж с птичьим гнездом» — я, можно сказать, прожил всю сознательную жизнь. Интересная с ней получилась история. В период «потепления» конца 70-х была сделана первая попытка нормального общения с американцами. Я тогда преподавал в БГУ, активно и много работал в Комитете молодёжных организаций. Узнал, что в Беларусь должна приехать группа из 25-ти американцев. Прогрессивных, естественно, а не каких-нибудь реакционеров-ястребов. И они хотели бы провести вечер в нормальной советской молодой семье. Сейчас это дело обычное, а тогда было чем-то экстраординарным. Иностранцев ещё не привыкли оставлять без контроля.

Из Москвы поступил соответствующий сигнал, и ко мне наведалась целая комиссия. Вроде всё нормально: только-только сделан ремонт (мы как раз переехали в двухкомнатный кооператив на проспекте Пушкина), довольно солидная библиотека, доцент университета — всё подходит. Ко мне должен был прийти молодой американский парень. От неожиданно свалившейся ответственности я напряг всю свою фантазию. В мастерской Коли Селещука, который до этого занимался только графикой и получил даже премию Ленинского

комсомола, я заметил две очень необычные, написанные маслом картины. «Пейзаж с птичьим гнездом» была большим полотном метр на метр, разделённым на две половины: слева — унылый зимний пейзаж, справа — тёплый летний день, а снизу посередине — птичье гнездо с яичками. Разделяли же две половины три полосы — красная, чёрная и золотая, почти как флаг ФРГ.

Была ещё вторая работа: на тёмном сиреневом фоне контуры лица, посередине — костёр, а в пламени просматривается какой-то домик. На пламя летят ночные мотыльки. Очень красиво. Это не труженики полей или первопроходцы на БАМе.

Словом, я решил удивить американца. Попросил, и Селешук дал мне эти картины на время. А ещё один друг одолжил несколько западных пластинок: дескать, мы тоже слушаем их музыку.

Блюда приготовили, что называется, на все случаи жизни. Оказалось, зря, так как парень был вегетарианцем. И к искусству он был абсолютно равнодушен. Единственное, что его привлекло, — пластинки. Особенно одна, где на обложке была разместились карта Чикаго. Американец был родом из этого города. Начал искать свой дом. За весь вечер это было почти единственное, к чему он проявил интерес.

Отдавать картины не хотелось. Попросил продать. Селешук сказал, что стоят они дорого — обе 800 рублей, а у меня месячная зарплата тогда была 230. Договорился насчёт рассрочки. Рассчитался почти через полгода. Теперь это украшение моей коллекции. Горжусь.

Старт в благотворительность

Сразу же после кандидатской диссертации взялся за докторскую. Пригласили в Сорбонну, но туда меня не пустили — слишком молодой, чтобы ехать в капстрану. К тому же ещё не был членом партии. Затем предложили поехать на Кубу, но я отказался, так как должен был родиться Максим. Потом была Буркина Фасо, куда меня направляли читать лекции на французском языке, который я знаю также неплохо, как и немецкий, но там тоже что-то «не срослось». Правда, в заграничную

командировку я всё-таки попал, но только в Германию, в Гумбольтуниверситет. Проработал там около года и должен был поступать в докторантуру. Всё, наверное, именно так и произошло бы, если б не очередные превратности судьбы.

В БГУ разразился довольно громкий скандал. И вот с чем он был связан. У меня появилась очень талантливая и способная аспирантка. Впервые мне поручили самостоятельно готовить к защите чью-то диссертацию. Она — молодец, написала очень быстро. Съездили в Москву. Там все тоже остались довольны. После защиты девушка должна была остаться на кафедре. Такое решение принял именно я, так как заведующий был в отпуске. Оказалось, что это место планировалось для внучки очень важного человека. Как говорится, нашла коса на камень. Меня обвинили в том, что «тихой сапой» решил «протянуть» свою аспирантку, хотя всё на самом деле было совсем не так.

А у этой девочки отец тоже был не лишь бы кем, а редактором «Коммуниста Беларуси». На нашей кафедре завязалась борьба, только уже без моего участия. Да, вызывали, «ломали», но я не отступал от занятой позиции.

Началась «война компроматов». Дошло до того, что в Минск приехал секретарь по идеологии ЦК КПСС Медведев. Маятник противостояния качался постоянно, но в итоге победила группировка моих противников, в которую входил и заведующий кафедрой. В гневе он даже пообещал, что моя аспирантка никогда не сможет защититься.

Именно в такой ситуации мы решили-таки пойти на защиту диссертации. Из Москвы приехала милейшая женщина, известный философ с очень богатым житейским опытом. Она посоветовала мне не лезть. Дескать, плетью обух не перешибёшь: мол, не смотря на её положительный отзыв, местные всё сделают так, как им нужно.

Заседание учёного совета вёл заведующий моей кафедрой, председательствующего Стёпина (сейчас известнейший российский философ) тогда не было. Общеизвестно, что преимущество всегда имеет тот, кто ведёт заседание, и начальник пошёл в атаку. Он так облил грязью мою аспирантку, что многие посчитали: на

голосовании будут только «чёрные шары». Наверное, правильнее было бы промолчать, но я не выдержал. Сказал всё, что думал. Получилось хорошо. Как ни странно, но мы победили с преимуществом в два голоса. Она стала кандидатом наук.

Заведующего кафедрой потом «убрали», но и мой карьерный рост на этом закончился. Дважды пытался уйти в докторантуру — не пустили. Лишили на кафедре всех постов. Началась системная «травля» всех моих лекций. Очень быстро я оказался в некотором смысле прокажёнными и почувствовал себя совершенно готовым к перестройке, поэтому, как только появилось Движение «За демократические перемены», сам пришёл на заседание оргкомитета по созданию Белорусского народного фронта и с зимы 1988 года стал им во всём помогать. Словом, занял позицию открытой оппозиционности действующему режиму.

Весной следующего года мне стали известны некоторые важные факты по Чернобыльской трагедии. Участвовал в заседаниях нескольких круглых столов, неоднократно общался с разными учёными и понял, что Беларусь ждёт страшное будущее. Внёс предложение заняться данной проблематикой. В мае 1989 года меня официально утвердили руководителем Комитета БНФ «Дзесяць Чарнобыля», и мы начали вести системную работу. Главным вначале было прорваться в «зону» и получить там объективную информацию. Состоялась поездка в Чериковский и Славгородский районы. «Спрятались под крышу» единственной разрешённой тогда структуры, которая называлась Экологическим союзом. Посмотрел, пообщался с санитарными врачами, поговорил с обычными людьми. Услышал ужасные вещи.

Летом 1989 года я сформулировал для себя программу и стал её выполнять. Сейчас появляются разные версии, связанные с организацией первого «Чернобыльскага шляху». А ведь идея тогда была моей, и прототипом её можно назвать Пражскую весну 1968 года. Вместе с проведением «шляху» были задуманы Ассамблея чернобыльских народов с соответствующим трибуналом и международный конгресс «Жизнь после Чернобыля». Эти

три пункта я утвердил в руководстве БНФ, получил личное одобрение и поддержку Зенона Позняка.

Подготовка перечисленных акций была возложена на меня. И уже после первой я как один из организаторов вместе с Зеноном Позняком и Юрием Ходыко получил первую в своей жизни судимость (как диссидент и оппонент государственной власти). В СССР это означало одно: обратного пути нет. Теперь моя судьба была навсегда связана с борьбой против диктаторского режима и помощью жертвам Чернобыльской катастрофы.

Первый гуманитарный конвой в 1989 году прибыл к нам из Тирасполя: 25 тонн детского питания, которые ушли в Хойники, Ветку и Славгород.

Первый детский дом из Славгорода был перевезён в Минск в начале сентября 1989 года.

Первый «Чернобыльскі шлях» состоялся 30 сентября.

А в декабре 1989 года первая группа детей поехала на оздоровление в Индию (25 детишек из деревни Стреличево).

В марте 1990-го, когда в чернобыльскую деятельность включились уже тысячи людей, меня избрали в Верховный Совет БССР. Началась новая глава гражданской, политической и общественной жизни.

Авторское послесловие

Рассказ Геннадия Грушевого я записал 26 августа 2008 года, а в следующем, то есть в 2009, исполняется 20 лет, как он занялся благотворительностью. Все сделанные добрые дела даже сложно перечислить. Озвучу только один факт. За время реализации программ, созданных фондом «Дзецям Чарнобыля», помощь в оздоровлении за границей была оказана почти трёмстам тысячам белорусских детей. Вдумайтесь в эту цифру. Бывают страны с гораздо меньшим населением.

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Жизнь многих из нас похожа на музыкальную мелодию, только для Александра Добровольского это обрело буквальный смысл. Наверное, из всех белорусских оппозиционеров он лучше всех поёт и играет на гитаре.

Первые мелодии

Родился в деревне Сула, что недалеко от Рубежовичей (5 километров). Очень красиво: речка, водяная мельница. Точное место физического рождения — одноэтажная больница Рубежовичей. Прямо напротив больницы стоит известный на всю Беларусь костёл, в нём меня и крестили.

Мама, Александра Ивановна, почти всю жизнь преподавала в школе белорусский язык и литературу, проводила уроки и по другим предметам. Одно время работала в детском саду. Слава Богу, жива до сих пор.

У меня есть гипотеза, объясняющая то, почему я стал самостоятельным человеком, то есть тем, кто принимает самостоятельные решения.

Отец, Ольгерт Францевич, был мастером по строительству печей. Детство и юность отца пришлось на войну, а потом его сразу же призвали в армию на север, где он потерял здоровье. Он ушёл, немного не дотянув до 60-ти лет. Рак. Страшно, конечно, но болезнь не выбирает, сколько тебе лет...

Отец работал в колхозе. Мне хорошо запомнилась его огромная кувалда. На полях было много камней (последствия ледника), и люди ходили их дробить. Осколки использовались для возведения фундаментов и оград. Именно такая ограда в Рубежовичском костёле, да и сам костёл состоит из этих осколков.

Около деревни был выгон, куда с полей и привозили дробить камни. Отец уходил работать на целый день. Мама работала в соседней деревне в школе, я оставался с бабушкой. Бабушка занималась хозяйством, и я, по сути, был предоставлен самому себе. Исходил всю округу, знал там почти всё. Так и привык к самостоятельности.

В те времена денег в колхозах почти не платили, поэтому жили мы очень бедно. Конечно, мамина учительская зарплата была чуть больше колхозных заработков, однако этого тоже не хватало. Тем более что через три с половиной года после моего рождения родилась сестра Людмила.

Когда мне было пять лет, отец устроился на работу в Дзержинск (от Сулы километров 20, а если по прямой, то и меньше). У нас его называли по-старому — Койданово, и ходили туда пешком. Никаких автобусов не было, как и электричества. Была керосиновая лампа и радиоприёмник на больших батареях. Отец часто его слушал. Насколько я понимаю, это были передачи «Голоса Америки» и радио «Свобода».

Советскую власть отец не любил. В 1939 году в тех местах проходила советско-польская граница: не зря ведь такое название — Рубежевичи. Отец жил на «польской» стороне. Семья его была небогатой, но имела свою землю, два коня, две коровы. Естественно, большевики всё забрали. Случилось это уже после войны, потому что до войны в тех краях коллективизации как таковой не было. Род отца из обедневшей шляхты, всего добивались кропотливым трудом, а тут — колхозы...

В начале пятидесятых семья перебралась в Дзержинск. Отец устроился в ремонтно-строительное управление. Мама пошла работать в местный детский сад.

В Дзержинске тогда было три средних школы. Поначалу я учился одной из них, а потом перешёл в другую, чтобы получить водительские права. К слову, моим учителем по автоделу был папа Тани Ваниной. Увы, его уже нет в живых. Это был один из самых лучших учителей, которых я знал. Талантливейший человек.

С Татьяной мы выросли фактически в соседних дворах. Знаком с её братом и сестрой. А с Ирой Соболевской (покойная жена Козулина. — **Прим. автора**) мы тоже знакомы с детства. Жили рядом, учились в параллельных классах. Обое закончили школу с золотыми медалями.

Изначально я хотел поступать в РТИ, но так получилось, что пошёл в БГУ.

На этом моё детство закончилось.

Любимые мелодии

Интерес к музыке проявился ещё в школе — в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века. Мне тогда было лет десять. На школьном стадионе после уроков играли в футбол, а через улицу от стадиона был частный дом, где жил Вася Язынин. Его старший брат достал где-то металлический громкоговоритель-колокольчик и «крутил» битлов. Все на него жаловались. Я тогда немного понимал, но музыка пришлась мне по вкусу. Приезжала милиция, забирала «колокольчик», но брат Язынина где-то доставал новый и всё равно включал песни «Beatles». За упёртость Язынина стали уважать.

А потом пошла мода на рок-музыку вообще. Она очень отличалась от слащавой и «прилизанной» советской, которая, за небольшим исключением, порой бывала псевдопатриотической. Мои одноклассники стали делать электрогитары. Сначала у них выходило весьма посредственно, а у брата одного моего приятеля получилось сразу. Играли в школе белорусские народные песни в роковой обработке. Зажигали, так сказать. Было интересно.

Однажды и я нашёл кусок оргстекла. Начал было мастерить накладку на будущую гитару, но тут пришёл знакомый и попросил отдать стекло: дескать, у него уже почти всё готово, а мне потом что-нибудь придумаем. Ничего так и не сделали, но в девятом классе родители купили мне настоящую гитару, и с того дня всё свободное время я отводил только ей. Что к чему, разобрался довольно быстро.

Друг из параллельного класса учился в музыкальной школе, а у меня музыкального образования как не было, так и нет. Я ходил в радиокружок. С шестого класса уже знал, что буду заниматься радиотехникой. Так потом и вышло. Однако музыка была тоже интересна. Отец ещё одного моего друга работал в межколхозной строительной организации (МСО). Мы там создали свою группу. Барабан был только один: маленький такой, с тарелочкой — наша «ударная установка». Играли мы в МСО довольно долго, и со временем даже стало что-то получаться...

После школы, повторюсь, я поступил в Белорусский государственный университет на факультет радиофизики и электроники. Приехал на подготовительные курсы БГУ с гитарой, с ней же поселился в общежитии. Сразу нашёл единомышленников. Создали группу, играли на факультете.

На втором курсе нас пригласили играть на танцах в клубе деревни Шомыслица (недалеко от общежития). Исполняли мы только хард-роковые песни и только на английском языке. Тогда это было весьма популярно.

Ещё через год мы познакомились с ребятами из консерватории и создали более солидную группу. На флейте играл Валера Явор (сейчас таксует в Чикаго), на клавишных — Витя Радыно (сейчас ремонтирует машины), гитаристом был Коля Моложавый (в настоящее время торгует колбасой). Это я к тому, что окончившие консерваторию профессиональные музыканты не очень-то могут найти работу по специальности. Тот же Валера Явор в начале 90-х уехал на гастроли в Америку с ансамблем «Харошкі», организаторы их «кинули», оставив в чужой стране без денег. Кто сумел, тот вернулся, остальные устраивались как могли. Так Валера оказался в Чикаго. С ним есть контакт по электронной почте. Очень хотелось бы увидеться, но пока никак не выходит. Я два раза был в Америке, но до Чикаго не доезжал.

Родной брат Коли Моложавого Саша играет на гитаре в ресторане «Арбат». Единственный, кто профессионально занимается музыкой, — это Саша Сапега (барабанщик). Сейчас он работает в известном джазовом коллективе «Яблочный чай».

Я играл на бас-гитаре. В начале девяностых, когда было очень тяжело, продал её за 70 долларов, а стоила она раз в пять больше. Потом купил другую — уж больно хотелось играть. Теперь гитара принадлежит сыну, а у меня две акустических.

Увлёкся я и коллекционированием хорошей музыки: рок, джаз, классика. Сейчас собирать гораздо проще, чем раньше.

На первом курсе нас прослушивали из хоровой капеллы университета. Как и многие, хор я не любил страшно. Считал это неинтересным, ненужным занятием и

думал, что там поют про Ленина и «партию — нашего рулевого». На прослушивании мы намеренно фальшивили, но нам сказали: не надо прикидываться, мы всё знаем. Записали всех и на мои возражения ответили так: вы придите, посмотрите, а дальше решите сами.

И я был просто поражён: такого хора я раньше не слышал!

Почти все музыканты из разных составов нашей группы прошли через хоровую капеллу. Во-первых, мы научились нормально петь — держать звук, дыхание. Во-вторых, стали получать от музыки гораздо больше удовольствия, чем раньше.

В капеллу я попал осенью 1976 года, а ушёл оттуда только в 1984-м. То есть ещё несколько лет после окончания БГУ ходил петь.

Это был настоящий энтузиазм. Репетиции заканчивались в одиннадцатом часу вечера. К родителям в Дзержинск приезжал уже ночью и всю дорогу от вокзала до дома (20 минут ходьбы) пел.

С концертами мы выступали не только в Беларуси, но и в Вильнюсе, Каунасе, Львове. Я не узнавал сам себя: с одной стороны — рок-музыка, с другой — хор. Казалось бы, вещи несовместимые.

Во время одной из поездок я встретил Наталью, мою будущую жену. Было это в Гродно. Мы жили в гостинице «Нёман». Выступали даже в общежитии «химии». После одного из концертов мы и познакомились. У неё — сопрано, у меня — баритон. Она родом из Орши.

Поженились мы 6 ноября 1987 года.

БГУ не готовил специалистов с музыкальным образованием, но некоторые участники нашей капеллы продолжили начатое дело. Один из них — Андрей Сальников. Он окончил физфак и поступил в Брестское музыкальное училище на класс вокала. Прекраснейший баритон с очень красивым тембром. Потом, кажется, он уехал в Россию и там продолжил музыкальное образование. К сожалению, я его «потерял».

Был ещё Олег Атаманов. Сейчас он выступает как бард, голос у него прекрасный.

Несмотря на то, что отдал музыке много лет, сейчас я пою под гитару только для друзей. Да и электроникой,

после того как в 1989 году ушёл в политику, больше не занимаюсь. Но о музыке помню всегда, в любой ситуации она позволяет отвлечься от житейской суеты.

Я и сам пишу, но отношусь к этому весьма критично, поэтому песнями называю только три — на стихи Владимира Короткевича. Хотя всем больше известна его проза. На мой взгляд, это один из самых интересных белорусских писателей.

Мелодии политики

В БГУ учился два раза. Первая специальность — радиофизик, вторая — юрист.

Вначале по распределению меня направили в Конструкторское бюро точного электронного машиностроения (КБТЭМ). С этой организацией связано моё становление как личности. Таких хороших коллективов я не встречал ни до, ни после. Талантливые и очень доброжелательные люди!

Второй раз пришлось учиться уже тогда, когда меня выдвинули кандидатом в народные депутаты Верховного Совета СССР. Это был 1989 год.

До середины 80-х политикой я не занимался вообще. Точнее, до того времени, когда к власти пришёл Горбачёв. В школе и университете меня всё время пытались привлечь к чему-то «общественному», но максимум, на что я соглашался, — это культмассовая работа. Теперь понимаю, почему: не нравилось говорить только то, что принято. Потому и воспринял гласность, потому в бюро мы и создали политклуб.

Знаний не хватало, пришлось поступать вновь — теперь уже на юридический факультет.

К слову, поначалу к своему возможному депутатству я относился несерьёзно. На что один из коллег сказал:

— Ты хочешь, чтобы в стране что-то изменилось?

— Хочу.

— Тогда берись, а мы проверим систему на прочность.

Проверили. В результате меня избрали.

Избирательная компания — это отдельная история. Расскажу лишь схематично.

Поначалу меня выдвинули только в нашем отделе. Соседи об этом узнали и сделали то же самое, что было несколько неожиданно. Хотя... Люди устали от того, что их человеческое достоинство никто не брал во внимание. У нас даже был случай, когда одного инакомыслящего попытались упрятать в психушку. Совершенно нормального, одарённого человека, вся вина которого была лишь в том, что он попытался отстоять своё мнение. Люди хотели от этого уйти, а значит, желали перемен.

Тогда было как бы два округа в одном: территориальный, где избирали в Совет Союза, и национальный, который формировался Советом национальностей. По национальному решили выдвигать Алеся Адамовича, чьи идеи были близки Народному фронту. Но партийное руководство этому сильно воспротивилось. А меня они не опасались, так как было ещё семь кандидатов, которым предстояло пройти через первое «сито», как тогда называлось собрание трудового коллектива. Просчитались — меня поддержали. Не удалось «завалить» и Адамовича.

Было ещё одно «сито» — окружное предвыборное собрание, которым руководила первый секретарь райкома партии Валентина Павловна Хомченко. Ставку они тогда сделали на Нила Гилевича, но с их стороны это было «медвежьей услугой».

Кстати, райком партии мне тоже помог, хотя сам этого и не хотел. Они сняли фильм и крутили его на многих предприятиях, а в качестве «негатива» взяли мои слова про многопартийную систему. Лучшую рекламу и придумать было сложно. Реально я победил уже в первом туре, но власть заставила провести второй. И опять за меня проголосовало больше 60 процентов.

К слову, на следующий день после победы позвонил Василь Быков. Это стало настоящим «шоком». Не ожидал, что человек такого масштаба вспомнит про меня и поздравит.

Избрали меня 2 апреля, а 10 мая у меня родился сын Саша. Это помешало познакомиться с Борисом Ельциным, который накануне проводил встречу с единомышленниками. Но на Съезд народных депутатов я успел. Там была создана Межрегиональная депутатская

группа, куда среди прочих вошли Андрей Сахаров, Анатолий Собчак, Юрий Афанасьев, Василь Быков, Алесь Адамович, именитые юристы и другие достойные люди — настоящая элита общества. До сих пор благодарен судьбе за такую высокую честь.

В 1992 году родилась дочь Оля. Наверное, будет увлекаться политикой, как и я, а вот сына больше интересует музыка.

На юридический факультет БГУ я поступал фактически с «нуля», хотя и имел диплом о высшем образовании. Другим это зачли, мне — нет. Учился шесть лет. Закончил в 1995 году с отличием. Именно в этом году объединились Объединённая демократическая и Гражданская партии.

ОДПБ мы создали осенью 1990 года, а уже через год меня избрали её председателем, до этого же было шесть сопредседателей, так как партия состояла из разных структур.

В результате объединения мы создали Объединённую гражданскую партию. Это было первым объединением демократов, чем я очень горжусь.

Авторское послесловие

Пауза между записью и превращением её в статью составила почти полгода. И вина в этом только моя, поскольку пришлось всё отложить и сделать ещё один проект.

И потому последней датой написания этого материала можно считать 29 мая 2008 года.

Аляксей ДУДАРАЎ

Аляксея Дударова невыпадкова лічаць адным з самых знакамітых драматургаў сучаснасці. Для таго, каб у гэтым пераканацца, дастаткова правесці вельмі просты эксперымент — назваць іншых. На жаль, сярод іх вельмі мала тых, хто сёння побач з намі.

Першыя ісціны

Дзяцінства было простае, звычайнае, як і ў большасці тых, хто жыве ў Беларусі. Я нарадзіўся праз пяць гадоў пасля перамогі, 6 чэрвеня 1950 года, у вёсцы Кляны Дубровенскага раёна Віцебскай вобласці, што на самай мяжы з Расіяй. (Дарэчы, у гэты ж день нарадзіўся і Аляксандр Сяргеевіч Пушкін.) Бацька — былы франтавік.

Памятаю, што летам тады было многа сонца, а зімой — шмат снегу. Намятала гурбы да стрэх, і нават вышэй за хаты. З гэтых гурбаў мы, дзеці, ляцелі ўніз. Рэчка была выдатная — Расасенка. Школа — звычайная васьмігодка. А калі мне было 13 год, мы пераехалі ў Зарубы. Там я скончыў дзесяць класаў і паступіў у Наваполацкае ДПТВ нафтавікоў нумар 28. Потым працаваў на Наваполацкім нафта-перапрацоўчым заводзе (зараз “Нафтан”).

Служыў у Вінніцкай вобласці, у ракетных войсках стратэгічнага прызначэння. Радыст першага класа. Дарэчы, зараз я змагаюся перадаваць “ключом” не горш, чым трыццаць гадоў назад. Пасля вайскавай службы яшчэ два гады працаваў у Наваполацку.

Потым маё жыццё крута змянілася. Я пайшоў у мясцовы тэатральны калектыў і ў тым жа годзе паступіў у Тэатральна-мастацкі інстытут на акцёрскі факультэт, на курс Аляксандра Іванавіча Будакова. Інстытут скончыў паспяхова, спачатку працаваў акцёрам у Тэатры юнага гледача, потым — загадчыкам літаратурнай часткі. Праз тры гады як акцёр я з ТЮГам развітаўся, а як драматург пішу для яго і дагэтуль.

Спачатку гэта былі “кароткаметражкі”, якія ставіў Валерый Рыгоравіч Басаў (светлая ему памяць), потым — п’есы. Яны ішлі не толькі ў Беларусі, але і па ўсім былым

Савецкім Саюзе. Знакамітым кінасцэнарыстам мяне зрабілі “Белье росы”. Пасля працаваў галоўным рэдактарам часопіса “Мастацтва”, узначальваў Беларускі саюз тэатральных дзеячаў. Лаўрэат Дзяржаўнай прэміі СССР, лаўрэат прэмій Усезаюзнага і беларускага камсамола.

Маё прызвание — драматург, хоць пачынаў я як празаік. І менавіта ім я сябе адчуваю.

Стаць начальнікам я не імкнуўся ніколі. Для гэтага павінен быць начальніцкі талент, а ў мяня яго малавата. Я проста ўзначаліў мастацкае кіраўніцтва новага Драматычнага тэатра беларускай арміі. Неўзабаве яму споўніцца тры гады. Думаю, што тэатр адбыўся, і мы маем свайго гледача. Прычым гэта не толькі людзі ў пагонах. Гэта тэатр моцных пачуццяў, адкрыты, шчыры, і галоўнае — без усякіх “мух” і “замарочак”, якіх зараз вельмі багата і ў нас, і ў замежжы. Мне падаецца, што мастацтву ні ў якім выпадку нельга быць прымітыўным, аднак яно павінна размаўляць на зразумелай мове. Тэатр павінен падьмаць вельмі складаныя пытанні і даваць адказы нават там, дзе іх, здаецца, няма. Калі чалавек задае такія пытанні, ён набліжаецца да ісціны.

Самы гучны поспех

Я не ваяваў, але інфармацыю пра вайну атрымаў вельмі багатую, магчыма, на генетычным узроўні. Мой бацька Ануфрый Іосіфавіч прайшоў усю вайну, ад пачатку да канца. Некалькі разоў быў паранены, кантужаны, узнагароджаны. Пакуль ён жыў, пакуль жылі яго аднагодкі, вайна прысутнічала ў нашай хаце заўсёды ў выглядзе ўспамінаў. Гэтая інфармацыя была лепшай, чым тая, якую можна знайсці ў мемуарах, музеях або ў нейкіх адрэганых матэрыялах. Не буду крывіць душой, калі скажу, што лепшыя творы пра вайну напісаны Васіём Быкавым, Віктарам Астаф’евым (з ім мне пашанцавала быць знаёмым), Барысам Васільевым, Кандрацьевым. Гэта так званая “лейтэнанцкая проза”. Яна несла нейкую эмацыянальную, інтуітыўную, падсвядомую інфармацыю. Гэта можна заўважыць у “Радавых” і іншых п’есах пра вайну. Напрыклад, у нашым тэатры ідзе спектакль “Не

пакідай мяне”, галоўныя героі якога — дзяўчынкі. П’еса нечым нагадвае кнігу С.Алексіевіч “У вайны — не жаночы твар” і “А золкі тут ціхія” Б.Васільева. Увогуле, вайна пачварная і жудасная з’ява, а чалавек на вайне — страшэнная трагедыя. Яшчэ страшней, калі на вайне апынаецца жанчына: тая, якая павінна несці жыццё, знішчае яго ды гіне. Уоё гэта жудасна і агідна.

Можа, поспех і “Радавых”, і “Не пакідай мяне” абумоўлены тым, што я адчуваю вайну эмацыянальна, хоць і не бачыў яе; я размаўляю са сваім гледачом як сучаснік, а не як тыя, хто ваяваў. Пэўныя дробязі важныя для фронтавікоў, але ж для нас яны такімі не з’яўляюцца. І гэта натуральна. Аднак ёсць і тое, што будзе цікава і людзям, якія сядзелі ў акопах пад Масквой ці Сталінградам, і нам, сучаснікам. І праз сто, і праз дзвесце гадоў. Гэта тое, што нас аб’ядноўвае і робіць чалавека чалавекам.

Я ўвогуле не люблю пісаць па заказе і ніколі не бяру грошы наперад, але, як гэта ні дзіўна, “Радавыя” з’явіліся менавіта так. Набліжалася саракагоддзе Перамогі, і наша міністэрства культуры пачало “варушыцца”. Да мяне прыйшоў адзін з чыноўнікаў і пачаў упрошваць напісаць п’есу. У той час па ўсім Саюзе ўжо ішлі “Парог” і “Вечар”, і я быў вядомы. Моршчыўся, адмаўляўся, але ж... Ён прасіў зрабіць так, каб там не было здраднікаў, паліцаяў, нашых ваеннапалонных. Толькі пра простага салдата, нешта накшталт Васілія Цёркіна. Я кажу — пра радавых. Ён адказвае: во-во. Ад гэтага я і адштурхнуўся.

У “Радавых”, сапраўды, няма здрады. Толькі перамога, намаганні чалавечага духу і маральныя пакуты звычайных людзей. Тых, на чыіх плячах і крыві выкавалася перамога.

Я не думаў, што будзе такі поспех, аднак, калі пісаў, было адчуванне, што героі жывыя і размаўляюць з намі. У 1984 годзе гэта было незвычайна. Ніякай пампезнасці. Атрымаліся сапраўдныя радавыя, з жыцця, а не з плакатаў. Гэта быў мой бацька. Гэта былі рэчы, пра якія я чуў ад яго. Яны настолькі праўдзівыя, што рабілі праўдзівым усё, нават тое, што я прыдумаў.

Прыклад. На фронце кожны дзень выдавалі “наркамаўскія” сто грамаў гарэлкі. Для мужчыны гэта

вельмі мала, і мой бацька з сябрам пілі па чарзе: адзін дзень хто-небудзь толькі закусваў, другі піў дзвесце грамаў. Калі п'еса ўжо ішла, адзін з франтавікоў спытаў: адкуль ты гэта ведаеш? Я адказаў, што ад бацькі.

Яшчэ адзін прыклад. Калі байцы залягаюць падчас атакі, “маладыя” інтуітыўна паўзуць да больш вопытных, каб атрымаць нейкую падказку, пачуць словы падтрымкі, што цалкам зразумела. Іх гналі ад сябе, бо варожыя кулямётчыкі стралялі перш за ўсё па “кучах”. Такім чынам, да старэйшых “прыцягвалася” смерць. Гэта таксама мне расказваў бацька. Слухаў я і іншых франтавікоў.

Потым прайшоў поспех, і дзяржаўная прэмія за ім. Спачатку на самым высокім узроўні адбыўся вельмі моцны “наезд”. З п'есай разбіраліся два аддзелы ЦК КПСС (не КПБ, заўважце, а КПСС!) — аддзел культуры і аддзел прапаганды. Да гэтага часу я дзякую Пятру Нілавічу Дземічаву, тагачаснаму міністру культуры СССР, які глядзеў мае іншыя п'есы, і яму вельмі спадабалася.

Вакол “Радавых” пачалася мышыная валтузня. Ледзь весь тыраж “Современной драматургии” не пусцілі пад нож. Я прабіўся да Дземічова, спытаў, чым вінаваты. Міністр сапраўды (мяне не падманеш) быў не ў курсе. Ён падняў тэлефоную трубку і загадаў усё спыніць. Тады багата хто ведаў, як трэба пісаць пра вайну. А я да таго ж залез у “чужы агарод”. Хто я такі, “не нюхавший порошу щенок”?

Нешта падобнае назіраецца і сёння. Так адбываецца на працягу ўсяго жыцця. На тых, у каго нешта атрымліваецца, часцей пішуць даносы, іх больш за іншых папракаюць. А тады было дастаткова арганізаваць некалькі даносаў, нібыта нехта супраць савецкай улады, і ўсё.

Творчы чалавек павінен слухацца самога сябе. “Гуслям, княжа, не пішуць законы”, — казаў Янка Купала. На жаль, гэтыя законы заўсёды хочуць напісаць. Калі гусяр пачне граць па законах, гуслі замаўчаць. Тут трэба выбіраць. Гусярам часцей больш за ўсіх і дастаецца.

Знакамітае хобі

Сапраўды, я люблю плаваць па беларускіх рэчках. У нас свая каманда, якой хутка споўніцца дзесяць гадоў. Кожны год мы рыхтуемца да летняга плавання. Мы ўжо прайшлі Нёман, Дзвіну, Днепр, Прыпяць, Шчару, Бобр.

А пачалося ўсё так. Мы ехалі з прыяцелем з нейкай чарговай “засядалаўкі”, і я расказаў яму сваю пра дзіцячую мару — пра тое, што хачу праплыць па рэчцы. Як чалавек творчы я мог бы абмежавацца толькі марай, а вось прыяцель — чалавек канкрэтны. Літаральна на наступны дзень ён патэлефанаваў мне і сказаў, што лодку і намёты ўжо купіў, прадукты загрузіў, заўтра пыплыём. Я быў ашаломлены, паспрабаваў нешта сказаць у адказ. А ён як адрэзаў: не паплывеш ты, я паплыву адзін. Да нас далучыўся яшчэ адзін чалавек, і мы першы раз прайшлі па Нёмане ад Стоўбцаў да Ярэміч. Потым гэта стала захапленнем, без якога я з цяжкасцю ўяўляю сваё жыццё. Можна, ад узросту, можна, ад нечага іншага, але мне не хочацца ні на Кіпр, ні ў Егіпет, ні на Чорнае мора, хаця магчымасць туды паехаць ёсць.

Зараз нас, канешне, больш. Майго сябра называюць адміралам, мяня — капітанам, ёсць мічман і проста гардэмарыны. Часам да нас далучаюцца так званыя “госці”. У паходзе жорсткія правілы. Гардэмарыны, напрыклад, моцно посуд, нарыхтоўваюць дровы і інш. Безумоўна, гэта гульня, але ў нашым складаным, забытаным жыцці без такіх аддушын было б цяжка.

Экстрым я не разумею. Па небяспечных мясцінах мы не ходзім і не будзем хадзіць. Гэта не для мяне. І не таму, што баюся, проста я не разумею гэтага: навошта рызыкаваць жыццём, караскацца на той жа Эльбрус ці Эверэст, трапляць пад лавіны? Не разумею я і палявання. Адна справа, калі няма чаго есці, а калі сытыя людзі пуляюць у аленей ці казуль, мне не зразумела. І не толькі таму, што шкада жывёлін. Нешта тут не тое...

Некалькі слоў пра самае дарагое

Я жанаты толькі адзін раз. Жонку завуць Валя. Пазнаёміліся мы ў гастраноме, дзе яна працавала: я

зайшоў купіць цыгарэты. Адбылося гэта трыццаць пяць гадоў назад.

Сыну Максіму ўжо трыццаць, дачцэ Алесе — сямнаццаць, яна заканчвае школу. Ёсць у мяне двое ўнукаў: Арсеній і Іаана (гэта поўны варыянт імя, а так мы завём яе Яначкай).

Сям'я ёсць сям'я — гэта і прытулак, і работа. Я не люблю шмат гаварыць на гэтую тэму і неахвотна слухаю тых, хто свае інтымныя рэчы “выносіць на ўвесь свет”.

Маю маці звалі Настассяй. У мяне ёсць дзве сястры. Старэйшай, Дзіне, пазаўчора мінула семдзесят год. Яна жыве пад Оршай. Другую сястру завуць Надзея. У канцы пяцідзясятых гадоў мінулага стагоддзя яна паехала на асваенне цалінных і залежных земляў у Казахстан, там і засталася.

І некалькі слоў пра кіно

Акрамя вядомых “Белых рос” у мяне яшчэ ёсць багата іншых сцэнарыяў: “Кола”, “Дэбют”, “Бусляня”, “Суседзі”, “Восеньскіе сны”, “Купальская ноч” (гэты сцэнарыі мы пісалі разам с Басавым, і я нават здымаўся ў адной з роляў). Апошнюю карціну па “Вечары” здымаў Ігар Дабралюбаў. Як мне здаецца, фільм неблагі, але такога поспеху, як “Белыя росы”, ён не меў. Калі ў апошнім ёсць камедыйныя эпізоды, то “Вечар” — вельмі складаны філасофскі матэрыял. Ён зусім не забаўляльны, але людзі глядзелі і глядзяць яго з задавальненнем. І гэта аб'ектыўна.

Аўтарскае пасляслоўе

У Саюз тэатральных дзеячаў я прыйшоў у ліпені 2006 года. З Дударавым мы знаёмы даволі даўно — з тых часоў, калі ён напісаў сцэнарыі да фільма, які марыў зняць Міхаіл Пташук. Менавіта гэты сцэнарыі і быў пакладзены ў аснову адной з п'ес. Мне здавалася, што я ведаю пра Дударова многае, аднак высветлілася, што не ведаю амаль нічога.

Леонид ЗАЙКО

То, что Леонид Фёдорович Заико является кандидатом экономических наук и одним из самых авторитетных в этой области специалистом, общеизвестно. Мы решили сконцентрировать ваше внимание на некоторых моментах из его жизни, о которых знают далеко не все.

Экономика космополита

Я родился в Гродно, 23 августа 1948 года. Это запад страны, поэтому «западный» вектор в моей жизни часто был доминирующим. Мои родители прошли всю войну. Гродно стал новым местом службы отца, Фёдора Ивановича. Родом он с Украины. Маму звали Галина Романовна. Она русская (из Курска), из семьи железнодорожников (дед считался одним из лучших машинистов, орденоносец). Себя я считаю космополитом. Кстати, согласно социологическим исследованиям, к ним относится около семи процентов граждан РБ.

Познакомились родители на фронте, когда матери было семнадцать лет. Её семья попала в эвакуацию в Горький. Один из маминых дядёв был профессором, второй считался извозчиком, но не простым, а имел в собственности коня и карету (по нашим меркам это как кадиллак). Сам род берёт своё начало от купцов Бутовых. Кроме мамы в семье было ещё трое детей. На сегодняшний день жив остался только дядя Борис. Живёт он в Москве. Во время войны, будучи ребёнком, работал, как показывают в кино, на скамеечке, чтобы дотянуться до станка, потом стал крановщиком. Каждый раз, приезжая в гости, я наблюдал, как после еды дядя Борис облизывает тарелку. Так делают многие, кто пережил голод...

И до войны, и после все жили примерно одинаково. Дома не имели удобств. Ванну я впервые увидел в лет семь у знакомых, которые получили квартиру. А у нас даже слив отсутствовал, и воду мы выносили в ведрах на улицу. Но всё равно время тогда было интересное. Вспоминаю, как в конце пятидесятых просыпался под белорусский гимн: шесть часов утра, дома холодно, не хочется вылезать из-

под одеяла, а в школу идти нужно. Кажется, что у всех жителей тёплых стран жизнь очень счастливая...

У меня ещё есть два брата и сестра. Старший, Саша, одно время работал вместе с Александром Павловичем Войтовичем и всегда передаёт ему приветы. Он был физиком. Сестра младше, её зовут Алла. Живёт она в Самаре. Закончила «политех» по специальности «Водоснабжение». Сейчас работает в строительной фирме.

Удачнее всего карьера сложилась у младшего брата — Володи. Отец хотел, чтобы он пошёл в военное училище, так сказать, по его стопам. Понять отца несложно: боевой офицер, полковник. (Я, к примеру, раньше научился стрелять из автомата, чем играть на фортепиано.) Самыми «крутыми» офицерами во все времена считались морские. Володя поехал поступать в Калининградское высшее военно-морское училище. Слава Богу, что с его баллами там брали далеко не всех, и брату пришлось пойти в гражданское морское училище. Ему повезло, так как многие из тех, с кем он поступал, стали со временем безработными. Сейчас Володя живёт в Калининграде, он первый помощник капитана на танкере, возит всеми любимую нефть. Танкер высотой с девятиэтажный дом, команда — 29 человек. Жизнь на танкере у него просто шикарная: двухместный номер, сауна, бассейн. Недавно брат звонил мне из Рио-де-Жанейро, спрашивал, что привезти. Я ответил: «Белые штаны».

В семье отца было трое детей. Его брат Роман погиб во время войны. Их отец, мой дед, умер во время голодомора. К сожалению, мы мало об этом знаем. В Беларуси такого не было, Украина пострадала больше. Отец рассказывал, как однажды, возвращаясь домой, он услышал за спиной чей-то бег — его хотели съесть.

Младшую сестру отца звали Ульяна. Она умерла при весьма странных обстоятельствах. Скорее всего, убили как одинокую старушку. Одиночество — примета того поколения. Почти все женихи погибли на войне. До сих пор удивляюсь, как в столь трудные времена люди поддерживали друг друга. Папина сестра пару раз в год присылала с Украины посылки: несколько кусков сала, домашнюю колбасу, деревенские яйца, и всё было

пересыпано семечками, которые я очень любил, особенно белые. Хорошая была традиция. Сейчас такого нет...

В деревнях тогда было заведено: если ты хорошо учишься, то собираешь сапоги, связываешь их веревочкой, забрасываешь на плечо и босиком идёшь в ближайший город. Когда отцу исполнилось 14 лет, он направился в Сумы, сапоги одел только при входе в город. Там он поступил в машиностроительный техникум.

После техникума немного поработал. Затем призвали в армию и направили в Севастопольское военное зенитно-артиллерийское училище. 22 июня 1941 года всех курсантов подняли по тревоге. Отец воевал на Ленинградском фронте, но основную часть войны провёл на Сталинградском. Сталинград знал очень хорошо, поэтому, когда читал чьи-то воспоминания, например, Брежнева, сильно возмущался: полковники ближе чем на километр к линии фронта не приближались, поскольку немецкие снайперы стреляли очень метко.

Боевой офицер, сбивал немецкие самолёты, был представлен к званию Героя, но документы где-то затерялись. О войне, как и все настоящие фронтовики, говорил мало. К нему нередко приходили друзья и сильно смеялись, читая в газетах отлакированные интервью.

После войны служба папы продолжилась. У военных появилась возможность послужить за границей. С 1959 года я жил в Германии. Поехал туда из Гродно. Если бы я приехал в гарнизон, где отец командовал полком, в своей гродненской одежде, впечатление произвёл бы, мягко говоря, не самое лучшее. Поэтому во Франкфурте-на-Одере меня вначале завели в магазин, полностью переодели, выбросили старую одежду, сводили в парикмахерскую и повезли в часть. Костюмчик, галстук, бриолин — совсем другое дело.

Германия стала для меня настоящим шоком, хотя тоже лежала в руинах. Это была совсем другая цивилизация. Я начал там учиться с пятого класса. Преподаватели были хорошие, в основном из Москвы и Ленинграда, так как поработать за границей считалось большой удачей. Вне школы работало много кружков. У нас не было большого тенниса или, скажем, плавания, но зато почти всех детей учили танцевать. В СССР подобное

даже трудно было представить. Помню, когда на каникулы я приезжал в Гродно, и в нашей школе организовывались танцы, было заметно, что танцевать никто не умеет — просто топтались на месте.

В Германии пришлось сменить несколько школ, но они всегда были не в гарнизонах, а в городской черте. Мы свободно ходили по городу, покупали себе мороженое и пирожные, то есть были интегрированы в среду, поэтому немецкий язык нужно было знать обязательно. Он стал для меня вторым родным.

Экономика «булки-пироги»

Дети офицеров тогда могли учиться за границей до шестнадцати лет: после окончания восьми классов нас отправляли в Советский Союз. Я вернулся в Гродно, затем отца перевели в Слуцк. Поздней осенью 1965 года мы оказались в Минске. Здесь я пошёл в последний, 11-й класс. В прежних школах были хорошие учителя, поэтому мне ничего не оставалось, как стать золотым медалистом.

Минск не понравился сразу. Он показался каким-то пустым городом. Это, наверное, потому, что я часто сравнивал его с Берлином или Бернау.

После окончания школы стал вопрос выбора: куда поступать? Многие мои друзья продолжили династии и пошли в военные училища, а я выбрал «булки-пироги», то есть торговый факультет Института народного хозяйства. Вокруг было много красивых девушек, вырисовывались приличные перспективы карьерного роста. Хорошая специальность, но для того времени она была нетипичной. Большинство, как мой старший брат, становились физиками-ядерщиками. Мой выбор у многих вызвал массу вопросов. Никто тогда не предполагал, что в жизнь изменится.

Дело в том, что, поступая в вуз, мы ещё не определяем своего будущего. Мне нравилось, что в нархозе нужно учиться четыре года. Параллельно думал поступить в иняз и получить там ещё одно образование, ибо чётко знал, что без знаний иностранных языков добиться чего-то серьёзного невозможно. Сделать мне это не дали. После первого курса я подошёл к декану (замечательному

интеллигентному человеку) с просьбой разрешить забрать свой аттестат о среднем образовании. Я был отличником, поэтому уже тогда преподаватели думали о моей возможной учёбе в аспирантуре. Я попытался «пробить» этот вопрос иначе, и оказалось, что необходимо разрешение как минимум замминистра образования. Словом, в иняз я не пошёл. Уехал в Крым отдыхать, благо, было на что. Дело в том, что я ещё и неплохой музыкант, когда-то даже музыкальную школу заканчивал. Как говорится, «играю на гармошке у прохожих на виду». Устроился в ГУМ, в музыкальную секцию в качестве демонстратора. Когда люди покупали музыкальные инструменты, я помогал им и консультировал.

Мне тогда было около восемнадцати лет. В семье четверо детей, стипендия маленькая, нужно было подрабатывать. Просить деньги у родителей я просто не мог. Днём учился, а по вечерам работал.

Уже через несколько месяцев после того, как устроился на работу, познакомился с Юрием Антоновым. Когда он приходил и начинал играть на пианино, собиралась толпа людей. В магазине мы всегда обсуждали последние музыкальные новости, разговаривали о «Битлз» или «Роллинг стоунз», наигрывали новые мелодии. Это было настоящее удовольствие, а не работа.

Кроме этого, мы ещё «сколотили свою бригаду» и играли на танцах. Я был заросший, в модных очках и с гитарой. Когда на третьем курсе меня представили на получение Ленинской стипендии, в парткоме мою кандидатуру «зарубили». Обидно, конечно, зато мы хорошо играли на всех институтских вечерах.

Потом мы играли (в том числе и известный сейчас Тихонович) в клубах кирпичиных заводов. Это были веранды (открытые площадки), где из-за попустительства идеологических органов КПБ звучала «вредная» для советских людей музыка. Кстати, тогда играл и ныне хорошо известный отец Игорь. У меня есть фотография, где он, битломан, совсем не похож на будущего священника.

Помню, мы должны были писать объёмные отчёты о конкретных музыкальных произведениях. Например: песню написали Леннон и Макартни, это протест

английских домохозяек под названием «Леди мадонна». Придумывали всякую ерунду, но «проходило».

Играл вплоть до аспирантуры, которую мне предложили уже на четвёртом курсе. Словом, «спасибо партии и правительству за предоставленное счастье жить в такой стране!» Всё было сделано быстро.

С инязом не получилось. Уже будучи доцентом, я закончил там курсы английского и французского языков (немецкий у меня уже был). Занимался два года по шесть часов в неделю. Зато сейчас в любой точке земного шара чувствую себя свободно.

В 1974 году стал кандидатом экономических наук. Специализировался в области западной экономической мысли. Молодой, перспективный, неженатый. В 1975-м начал преподавать в нархозе.

В 1983 году ушёл в Институт повышения квалификации преподавать общественные науки. Это был уже совсем другой уровень — приезжали профессора со всего Союза. Затем стал заведовать кафедрой. Когда началась перестройка, наше заведение назвали Национальным институтом гуманитарных наук. Сейчас его переименовали в Республиканский институт высшей школы. Там дослужился до проректора по научной работе.

В начале девяностых Михайлов и Дубаев создали ЕГУ. Я стал первым деканом экономического факультета и проработал там около трёх лет.

В 1988 году уехал на стажировку в Китай. Менее чем через год вернулся назад.

После путча 1991 года возникла идея создания НЦСИ (Национальный центр стратегических инициатив) «Восток-Запад». Кстати, среди единомышленников были и Дима Булахов, и Витя Гончар.

В 1996 году всё закончилось. Тогда появился аналитический центр «Стратегия», который действует по сей день. Главный смысл «Стратегии» — быть независимыми учёными.

Экономика без политики

Тому, что меня публикуют и в независимой, и в государственной прессе, есть вполне логичное объяснение

— я всегда стараюсь быть объективным. Предположим, речь идёт о неких макроэкономических проблемах. ВВП страны вырос на 9%, а доходы — на 20%. Это ненормально. Идёт очевидное искажение экономической политики — мы будем производить более дорогой неконкурентоспособный продукт.

Я пишу о том, что действительно важно. Много работал с престижными международными организациями, контактировал с известными учёными, то есть получал информацию из «первых рук». Изучал, как делается экономическая политика в разных странах. С 1997 года по 2000-й являлся членом экспертного совета, работал вместе с Капитулой, Моровой и прочими, был там единственным представителем негосударственных структур, а также одним из редакторов национального отчёта.

Глубоко убеждён, что независимая наука и неправительственные организации не должны принадлежать власти или оппозиции. Мы работаем на гражданское общество. Наша функция заключается не в том, чтобы кому-то конкретно нравиться, а чтобы писать о том, что в конце концов окажется верным.

Прекрасно знаю, что может делать наше правительство, а что нет. То же самое касается структур Национального банка, отдельных министерств. Многие учились вместе со мной, а некоторые — и у меня. Не могу себе позволить политизированных выводов и не очень объективных суждений. Если это произойдет, мои коллеги, в лучшем случае, будут смеяться — они же всё читают. То, о чём я пишу, должно быть достоверно, выдержано и сбалансировано.

Экономика без семьи

Я сейчас холост, и это нормально. Когда читаю в романах об учёных, которые чего-то добились и имеют прекрасные семьи, абсолютно в это не верю. Чуть собачья. Если ты хочешь чего-то добиться в конкретной сфере, ты должен быть эгоистом.

Я непригодный для семейной жизни эгоист. Этакое «чудовище», с которым женщинам не нужно связывать свою судьбу. 15 лет был в браке. Моя жена Татьяна

работает в системе Академии наук, является хорошим специалистом в области малых доз радиации. Целых 15 лет! Когда-то «круче» была только «высшая мера наказания».

Женился после аспирантуры. Раньше не мог, иначе пришлось бы приводить жену в трёхкомнатную квартиру, где и так жило много людей. На мой взгляд, жениться можно только тогда, когда ты уже твёрдо стоишь на ногах.

У меня выросла замечательная дочь Даша. Скрипачка, у неё абсолютный музыкальный слух. Родилась она в 1977 году. Окончила университет и аспирантуру по специальности «Политология». Сейчас у Дарьи маленький ребёнок. Она кое-что сбрасывает мне «на мыло». Смотрю, советую.

После того как мы с женой разошлись, о браке не думаю. Женщин нужно беречь.

Авторское послесловие.

Леонид Фёдорович «наговорил» это интервью 22 декабря 2006 года, в самый короткий день в году. Потом день начинает «расти», становится больше света. И это весьма символично.

Сяргей ЗАКОННІКАЎ

У журналістаў гэта называецца ўрэзкай, з якой пачынаецца любы матэрыял. У якасці такой ўрэзкі я проста працэнтую Законнікава: “Жыццё кожнага чалавека — гэта вандроўка ў часе і ў прасторы. Вышэйшая Воля падарыла мне такую нечаканую радасць, і я ўдзячны ёй за гэта да скону...”.

Прыпынак першы: маленства

Нарадзіўся ў вёсцы Слабада Ульскага раёна (цяпер Бешанковіцкі). Сяргеем мяне назвалі ў памяць пра дзядзьку, якога бясследна праглынуў ГУЛАГ. Апошнім месцам, дзе бачылі беларускага паэта Сяргея Ракіту (Сяргея Васільевіча Законнікава), быў лагер каля станцыі Сухабязводнае (варта толькі ўдумацца ў гэтую назву!) Горкаўскай вобласці. Ён працаваў на лесапавале. А пазбавілі волі дваццацісямігадовага літаратара, які гаварыў праўду пра сталінскае цемрашальства, 19 кастрычніка 1936 года...

Я не прыхільнік надуманых высокіх аналогій і ніколі не перабольшваю свае творчыя набыткі. Аднак у тым, што атрымаў такое ж імя і пачаў пісаць вершы, сапраўды бачу праяву Вышэйшай Волі, якая ўплывае на жыццё людзей, стаіць за праўду і справядліваецца у гэтым свеце. Відаць, мне было наканавана рабіць тое, што крывавыя каты не далі здзейсніць дзядзьку...

У Слабадзе, дзе загукаў у чужой хаце, не пражыў і года. Бацькі пераехалі на новае месца працы. А таму маленства для мяне заўсёды бачыцца любімай сцяжынай, якая вяла з вёскі Галі, дзе ў цеснай прыбудове да школы-сямігодкі тулілася наша сям'я, да хаты бабулі Волькі ў знакамітым Хоціне (радзіма Л.М.Даватара — героя апошняй вайны, генерала, камандзіра корпуса легендарных коннікаў). Я помню яе босымі нагамі, шырока расплюшчанымі вачыма, біццём маленькага сэрца. У пачатку сцежкі, злева, ляжаў агромністы валун — дарунак бадзягі-ледавіка, а далей было поле. Хоць бегаць тут даводзілася ў розную пару, памяць найлепш зафіксавала той час, калі стаяла сцяною спелае жыта.

1952 год. Жнівеньская раніца. Вось мой старэйшы брат Міхась нырае ў тунэль, пракладзены паміж высокіх сцяблін, а за ім і я. Мы нясёмся, што ёсць моцы, звонка галёкаючы ад нейкай невядомай радасці. Яму — дзесяць, мне — амаль шэсць гадкоў. Штанцы ў нас падкасаня, каб не заміналі калашыны, кашулі наросхрыст, каб грудзі халадзіў сустрэчны вей-ветрык.

Нам даручана важная справа — пасланы да бабулі па хлеб. Але як не спыніцца ля ржавых фашысцкіх танкетак, што стаяць, звесіўшы свае дзюбы-ствалы ў густую крапіву, там, дзе поле перарэзаў яр з ручаінай на дне?! Залазім у люкі, кранаем, круцім розныя жалезкі, уяўляем сябе танкістамі, якія захапілі непрыяцельскую зброю і вядуць знішчальны агонь па ворагу.

У бабулінай хаце, нядаўна адноўленай пасля таго, як карнікі двойчы палілі яе ў час блакады, а саму гаспадыню, якая прыціскала да грудзей паўтарагадовага ўнука Міхася, расстрэльвалі з кулямётаў разам з усімі жыхарамі пакутнага Хоціна на лёдзе заснежанага возера, так хораша пахне свежым хлебам, прывялым аерам. Яна аж свеціцца ад боханаў, што радком “уселіся” на шырокай лаве. Бабуля пры нас пакрапіла іх вадой, каб скарынка была мяккай, пагладзіла кожны ласкавай далонню, як малое дзіцяці па галоўцы, накрыла ручніком. “Пагадзіце крыху. Хутка дойдучь. А я зараз, унучкі, наллю вам малачка з тваражком, разам пасядзім і пагукаем”, — кажа яна.

Мілая бабуля, гарэтніца Вольга Аляксандраўна Дубко, а згодна з вясковай мянушкай — Ткачыха (магла вырабіць цуд на кроснах), якой пасля заўчаснай смерці ў 1932 годзе мужа Хведара Лук’янавіча (каваля на Пуцілаўскім заводзе ў Піцеры, двойчы цяжкапараненага чырвонаармейца на Грамадзянскай вайне, спісанага затым па стане здароўя ў пчаляры) давялося адной падымаць на ногі трох дачок — Клаўдзю, Валянціну (маю маму) і Тамару. Каб вывучыць іх, яна ўдарна працавала даяркай у калгасе (усесаюзны стараста “дзядуля” М.І.Калінін перад вайной уручаў ёй у Крамлі Ганаровую грамату), пражыла 90 гадоў і спіць цяпер вечным сном на высокіх могілках над Сожам у Крычаве.

Я шчаслівы, што выканаў яе даўняе жаданне: у 1979 годзе падчас паездкі па літаратурных справах у Венгрыю

вырваўся на некалькі гадзін з Масквы ў Загорск, у Троіца-Сергіевую лаўру, і прывёз адтуль асвячоныя крыжык і абразок. “Ты ў мяне — выліты Хведар. І абліччам, і душою... Прывёз, не пабаяўся...”, — плакала, шаптала радасная бабуля, гладзячы мае ўжо аснежаныя валасы. А працаваў я тады загадчыкам сектара мастацкай літаратуры ЦК КПБ, быў падкантрольным вінцікам у механізме атэістычнай савецкай імперыі, што і паслужыла грунтам для яе высокай ацэнкі звычайнага, людскога ўчынку...

У Літвінаве Дубровенскага раёна, дзе жыла вялікая сям’я Васіля Іванавіча і Праскоўі Ігнатаўны Законнікавых — маіх продкаў па бацькавай лініі, пабываў, калі хадзіў у сёмы клас. Легендарнага дзядулі, калісьці адзінага пісьменнага чалавека ў вёсцы, майстра на ўсе рукі — цесляра, сталяра, шаўца, чарнакніжніка-прадказальніка, дарадцы і заступніка людзей, удзельніка Першай сусветнай вайны, які прынёс з фронту два Георгіеўскія крыжы і задышку пасля нямецкай газавай атакі, былога старшыні камітэта беднаты, ужо не было ў жывых. Толькі як праз сон памятаю яго аблічча. Ён наведваў нас у канцы саракавых гадоў у Галях, гушкаў мяне на руках. З цягам часу бабуля Праскоўя з сям’ёй пераехала ў Хоціна, і ўжо тут я слухаў галасістую п’явунню, запісваў народныя песні ў яе выкананні. А аднойчы яна вылечыла мяне сваімі сродкамі і замовай ад вогніку. Сёння ж на месцы Літвінава, звесткі аб якім ідуць з 1607 года і якое славілася на ўсю акругу вясёлымі кірмашамі, ляжыць поле. Вёска, як і сотні іншых паселішчаў, сцёрта з карты Беларусі ўладнай безгаспадарліваасцю...

Але вяртаюся да хлеба. У нашым партызанскім краі, па якім пракаціліся дзве блакады, усё было выпалена датла. Не паспелі людзі вылезці на свет божы з затхлых і халодных зямлянак, а тут новая бяда. Якраз на паспяваенныя гады выпаў няўрод на палетках. Казённую муку завозілі рэдка, выдавалі строга па спісах, і для выпечкі хлеба яе заўсёды не ставала.

Аднойчы з-за акіяна прыбыла амерыканская мука, але транспарта, каб развесці яе, не было. Са станцыі людзі самі забіралі сваю долю. Зручных плечакоў не мелі, проста прышывалі лямкі да торбы або меха. Маці з бацькам з

паклажай у тры-чатыры пуды, націраючы да крыві сабе плечы і ногі, тэпалі аж з Бачэйкава — столькі вёрст!

Перад вачыма стаіць такая карцінка. На ўслончыку сядзіць яшчэ маладая мама, паклаўшы на плечы, на крываваыя пісягі ад лямак, мокрыя халодныя анучы, паставіўшы ногі ў ночвы са сцюдзёнай вадой. Сядзіць моўчкі, сумна ўсміхаючыся нам — ужо прыдбаным чатыром жэўжыкам, бо не мела сілы нават размаўляць.

Затое потым было свята. Пах рошчыны і свежых румяных боханаў, якія пасля свяшчэннадзейства мамы ля дзяжы і ля печы ўрачыста выплывалі з жаркага нутра, не забудзеца ніколі...

Прыпынак другі: школа

Вучыцца пачаў рана, але не таму, што быў вундэркіндам. Проста маці, якая настаўнічала ў пачатковых класах, ідучы на ўрокі, не магла пакідаць мяне аднаго. Яна дазволіла мне сядзець на “камчатцы”, каб не замінаў іншым. У журнал не запісвала, да дошкі не выклікала, ацэнак не ставіла. Сядзеў я ціха і рабіў тое, што і астатнія. І ўсё было б добра, калі б не завітаў неяк у школу з праверкай загадчык аблана. У той дзень мама не пусціла мяне ў клас, загадала быць дома. Але ж дзе тут вытрымаеш? І я ўцёк, пачаў сноўдаць пад вокнамі, горка плачучы. Зараз разумю, што тады адбывалася ў мацінай душы, як цяжка было ёй весці паказальны ўрок. Ды на яе і маю радасць, загадчык аблана аказаўся добрым чалавекам. Ён спытаў, хто гэта скуголіць, а потым, дазнаўшыся, рагатаў і, ад’язджаючы, сказаў маме: “Запісвайце ў журнал пад маю адказнасць. Не бойцеся. Хай хлопчык вучыцца!” Так я стаў сапраўдным вучнем.

Школьныя гады помняцца тым, што дзіцячая грамада была шчырай, дружнай (прынясе нехта тры-чатыры яблыкі — адразу разразае, дзеліць на ўвесь клас). Мы хутка сталелі, занятыя не толькі вучобай, але і гаспадарчымі клопатамі. Калі выпадала вольная хвіліна, гулялі “ў вайну”. Тады не выразалі аўтаматы з дрэва, не куплялі цацачныя ў краме. Кожны падшыванец меў сапраўдную зброю, якую пакінулі ў наваколлі і нашы войскі, і фашысты. Праз мае рукі прайшло яе таксама шмат. Акрамя таго, бацька, які

быў дырэктарам ужо сярэдняй школы, каб не здарылася няшчасця, рэквізоўваў зброю ў выхаванцаў і здаваў у ваенкамат. Таму ў нашым жытле, пад канапай, пастаянна меўся арсенал: ад французскіх штыкоў і шабляў, што захаваліся яшчэ з вайны 1812 года, ад рускіх дарэвалюцыйных рэвальвераў да нямецкіх браўнінгаў і шмайсэраў. Хоць мы і забаўляліся са зброяй — палілі бяздымны порох, падрывалі ў кастрах міны і снарады — ды, на шчасце, нічога страшнага ні з кім не здарылася. Але з той пары, нагуляўшыся ўволю з небяспечнымі “цацкамі”, да любых ваенных дзеянняў стаўлюся адмоўна. Як і да таго, што дасюль агромністыя сродкі ідуць на ўтрыманне армій, вымотваюць дзяржаўныя бюджэты, а народы гібеюць у нястачы.

Што тычыцца ведаў, то школьную падрыхтоўку атрымаў неблагую. Мне было прасцей, чым іншым. Пад рукой была выдатная бібліятэка, сабраная бацькамі, — як ніяк два настаўнікі ў хаце. Адзіным слабым месцам стала нямецкая мова. Спецыялісты ў нашу глухамань не даязджалі. Хто толькі не выкладаў: спачатку ваенрук, затым настаўнік працы і фізкультуры, а ў адзінаццатым класе — нават выпускніца-дзесяцікласніца. Часта замест урокаў замежнай мовы мы ўдарна нарыхтоўвалі дровы і сена для школьнага каня. Усё гэта магло вылезці мне бокам пры паступленні ва ўніверсітэт. Уратавала ад правалу толькі самападрыхтоўка.

Не лічу свае маленства і юнацтва цяжкімі. Гэта нават добра, што давялося жыць і ў холадзе, і ў голадзе, шмат працаваць: забяспечваць кормам свойскую жывёлу, шчыраваць у лясніцтве на пасадцы, высечцы, нарыхтоўцы, драць лазу, збіраць шышкі, лекавыя травы, ягады і грыбы, каб на выручаныя за іх грошы прыдбаць падручнікі і сшыткі, а як падрос, працаваў у летнія канікулы грузчыкам у саўгасе. Я навучыўся ніколі і нікому не зайздросціць, не ганяцца за багаццем, не квапіцца на чужое, ставіцца абсалютна абьякава да грошай: калі ёсць — добра, няма — не бяды, хутка будуць, усё здабываць толькі сваімі розумам і рукамі.

А таму той, хто захацеў мяне, сівагаловага паэта, ужо дзеда, сёння зламаць, паставіць на калені перад ваяўнічым уладным невуцтвам і цемрашальствам, занёс прозвішча ў

чорны спіс, за чатыры гады да пенсіі пазбавіў работы, кінуў у ганебную матэрыяльную нястачу, глыбока памыліўся. Я маю свой род-племя, а крывічы спрадвеку былі самадастатковымі, нязломнымі, працавітымі і цягавітымі. Так будзе і надалей.

Прыпынак трэці: хата

Мае бацькі Іван Васільевіч Законнікаў і Валянціна Фёдараўна Дубко пабраліся шлюбам 9 мая 1941 года, у дзень, які стаў пасля векапомным Днём Перамогі. Яму было дзевятнаццаць, ёй — семнаццаць гадоў. Працавалі настаўнікамі ў суседніх школах. Калі грывнула вайна, маці давялося стаць сувязной, а затым партызанкай, а бацька прайшоў фронт зенітчыкам.

У пасляваенны час іхняя доля была вандроўнай. Бацька трапіў у абойму школьных дырэктараў: толькі злепіць, збудуе на папялішчах школку, як яго перакідаюць — будуй новую! Мы, як цыганы, пераязджалі з месца на месца, пакуль не аселі ў 1954 годзе ў маляўнічай вёсцы Глыбачка Ушацкага раёна. Спачатку бацька, як і вялося, пабудаваў школу, пры якой зноў тулілася сям'я ўжо з сямі душ, а потым рашуча сказаў: “Усё! Хопіць блукаць па свеце. Стаўляем сваю хату!”

Пра тое, як будавалася хата, можна напісаць аповесць — падаць і камічныя, і драматычныя сітуацыі. Скажам, успомніць, як пры вывазцы бярэвення на лясных калдобінах перакуліўся цяжкі воз, пад якім магла загінуць мама. Або згадаць снежаньскі дзень, калі насупраць будоўлі па маладым лёдзе возера каталіся на каньках і на санках дзеці. Крохкі панцыр не вытрымаў, і пяцёра малых апынуліся ў палонцы. Была нядзеля. Усе дарослыя паехалі ў лес, а я якраз ладаваў прывезеныя з піларамы дошкі. Як быў — у ватуўцы і ботах — палез у палонку і змог, плаваючы ў ёй, выпхнуць на волю чатырох дзетак. Адна толькі мая сястрычка Алёнка ад спалоху прабівалася, аблатваючы лёд, не да берагу, а ўглыб, а ў мяне ўжо не было ніякай сілы. Як бы я потым жыў на свеце, калі б здарылася страшнае, не ведаю. Такого і заклятаму нягодніку не пажадаеш. Але здарыўся цуд. Міма якраз ехаў начальнік аддзялення саўгаса Васіль Іванавіч Гуськоў. Ён

лёг на дошку, а я пасоўваў ратавальніка па лёдзе наперад. Такім чынам мужчына і дастаў сястрычку з зімовай купелі. Пасля ўказам Вярхоўнага Савета СССР мяне ўзнагародзілі медалём “За выратаванне тапельцаў на водах”. Старшыня райвыканкама, які ўручаў медаль, дабавіў яшчэ і падарунак — футбольны мяч. У небагатым на радасці часе для мяне, чатырнаццацігадовага падлетка, і для школьных сяброў гэта было намнога важней за любы медаль.

Яшчэ адна радасць таксама звязана з тым выпадкам. Яна прыйшла ў абліччы маладзенькай медсястры полацкай бальніцы, куды я трапіў, калі цяжка хварэў пасля зімовага купання. Дзяўчына прынесла ў палату некалькі асобнікаў абласной газеты “Віцебскі рабочы” з першай “саліднай” падборкай маіх вершаў...

Акрамя зруба, які майстравалі і стаўлялі талакой, усё ў хаце было зроблена залатымі рукамі бацькі, які не толькі цясларыў і сталярнічаў, але і мог сплесці лапці, кошык, адрамантаваць абутак, гадзіннік, радыёпрыёмнік, матацыкл (калі вучыўся ў Гомельскім педінстытуце, быў мотагоншчыкам), электраматор і г.д. Мама і мы — Міхась, я, Алёна, Валерый і самая меншая Оля, якая прыбірала трэскі і габлюшкі, — дапамагалі яму як маглі.

Нясцерпнае жаданне перайсці ў сваё жытло, якое асабліва вярэдзіла маміну душу, прывяло да таго, што жыць у хаце сталі тады, калі яшчэ не ўсюды была паслана падлога. Пабадзяўшыся па чужых і казённых закутках, наша сям’я выдатна ведала, што такое ўласная хата.

Прыпынак чацвёрты: студэнцтва

Вясковая моладзь не мела пашпартоў. Каб атрымаць пашпарт, была патрэбна даведка з сельсавета аб тым, што цябе адпускаюць на вучобу. Сельсавет без дазволу старшыні або дырэктара саўгаса такую даведку не выдаваў. А тыя — “у штыкі”: “Усе ў горад хочучь уцячы. А хто ў вёсцы працаваць будзе?” Словам, бацькам і нам пакут хапіла. Затое, вырваўшыся з калгасна-саўгаснай кабалы, што цягнулася са сталінскіх часоў, студэнты даражылі воляю.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт і самаадукацыя далі добрыя веды. Сядзеў амаль кожны дзень за кнігамі ў

галоўнай бібліятэцы — “Ленінцы”, што знаходзілася побач з філфакам, да самага закрыцця, аж пакуль ад голаду не пачынала кружыцца галава.

Наш курс на філфаку жыву дружна. Для тых, хто не атрымліваў стыпендыі, збіралі па пяць рублёў у агульную касу. Акрамя таго, дапамагалі сіротам купіць адзенне і абутак. Тагачасны студэнцкі побыт заслугоўвае асобнай гаворкі. У інтэрнаце, у пакоях, разлічаных на чатырох, нас сядзілі па шэсць чалавек. А яшчэ прыбіваліся “зайцы” — студэнты, якія не мелі жылля. Агульная колькасць жыхароў даходзіла да 12-ці чалавек. Але, на дзіва, цесната і бедната ніколі не выклікалі раздражнення. Наша сябрына — Сцяпан Данілевіч, Леанід Макаўчык, Генадзь Пішчык, Аляксандр Свораб, Генадзь Фраловіч і я, якая жыла ў 152-м, як яго празвалі, “гвардзейскім” пакоі, каб сэканоміць грошы, наладжвала калектыўнае харчаванне. Кухарамі па чарзе былі ўсе. Разам набылі радыёлу, магнітафон, рэгулярна папаўнялі бібліятэчку.

Тады я здаваў не толькі вучэбныя, але і працоўныя экзамены. Будаўніцтва цеплатрасы ў Мінску, пасёлка, кароўнікаў і кашар у саўгасе “Краснагорскі” Чапаеўскага раёна Уральскай вобласці, калі шчыравалі ў дзікім стэпе па суседстве з гадзюкамі, фалангамі, тарантуламі і каракуртамі, дзе гарачыня даходзіла да 43 градусаў, засталася і ў памяці, і нязводнаю меткай скарпіёна на целе.

Але найбольш я ўдзячны студэнцтву за нацыянальную і грамадзянскую загартоўку. Мне ўдалося атрымаць звесткі пра лёс дзядзькі, які ўжо быў пасмяротна рэабілітаваны. У судовай справе зафіксавана, што Сяргей Ракіта абараняў Янку Купалу, якога крытыкавалі за “нацдэмаўскія” творы, казаў, што “калгасы — гэта калонія дзяржавы”, што новы правапіс (“наркамаўка”) абцяжарвае карыстанне роднай мовай, што ідзе русіфікацыя Беларусі. За гэта атрымаў дзесяць гадоў зняволення і загінуў у канцлагерах. Але што ў яго словах было непраўдзівае? Трэба толькі дзівіцца прадбачлівасці і смеласці маладога паэта. Мінула столькі часу, а сітуацыя на Беларусі не змянілася, нават абвастраецца. Думаючы пра гэта, я ганарыўся родзічам, захапляўся ягонай мужнасцю. Чалавек, якога я ніколі не

бачыў і не чуў, стаў для мяне ў жыцці духоўным настаўнікам.

У 1966 годзе мне, літаратурнаму пачаткоўцу, пашчасціла прысутнічаць на V з'ездзе пісьменнікаў Беларусі. Назаўсёды запомніў праўдзівае, разумнае выступленне Васіля Быкава. Калі сёння журналісты спрабуюць раздуваць з абсалютна пустых і нават варожых у адносінах да беларускай годнасці асоб нейкіх герояў, то гэта выклікае не толькі смех, але і абурэнне. Вось Васіль Уладзіміравіч быў і назаўсёды засталецца сапраўдным нацыянальным героем. Ён зрабіў смелы выклік савецкай лагернай сістэме. Яго выступленне прагучала своечасова як узор пісьменніцкага і грамадзянскага служэння праўдзе, разышлося ў спісах, перадавалася з вуснаў у вусны па СССР. Менавіта такія людзі набліжалі вызваленне ад татаітарызму, беларускую дзяржаўнасць і незалежнасць.

Высокія прыклады прынцыповасці дапамаглі выстаіць у нялёгкіх сітуацыях. Напрыклад, калі за праўду ў палеміцы з “абмежаваным” супрацоўнікам лепельскай раённай газеты на мяне абрынуліся, нахабна хлусячы, падтасоўваючы факты, газета “Знамя юности” і камсамольскія актывісты. Яны ставілі пытанне аб выключэнні з універсітэта (хоць абышлося строгай вымовай з занясеннем ва ўліковую картку і высяленнем з інтэрната), калі за артыкул “Чытаючы спіс прэтэндэнтаў”, надрукаваны ў газеце “Літаратура і мастацтва”, трапіў у “прапрацоўку” парткама і спецслужбаў.

Словам, у студэнцкія гады мая душа беспаваротна настроілася на абарону праўды, нацыянальнай і чалавечай годнасці.

Прыпынак пяты: журналістыка

Гэты этап пазначаю ўмоўна. Была яшчэ праца настаўнікам беларускай мовы і літаратуры, завучам у Барысаўскім раёне, калі ў 1970 годзе мусіў выступіць у абарону паэта Аляся Разанава і яго сяброў, якіх выключылі з Бедзьяржуніверсітэта “за проявление национализма, нездоровые высказывания и неправильные поступки”. Апанентам у мяне на партыйна-камсамольскім сходзе,

сабраным для асуджэння “нацыяналістаў”, быў раённы пракурор, член райкама партыі. Пасля таго як я падрабязна растлумачыў сітуацыю з беларускай мовай у рэспубліцы, сход выказаўся ў падтрымку пазіцыі А.Разанава, а маё прозвішча як “нядобранадзейнага” настаўніка і завуча пайшло ў даклад сакратара ЦК КПБ па ідэалогіі С.А.Пілатовіча.

Пасля аўтакатастрофы я паехаў далечвацца на радзіму, і там, з загіпсаваным плячом, працаваў у райгазеце, а пасля мяне абралі другім сакратаром Ушацкага райкама камсамола.

Але найбольш важнымі лічу гады, адданыя газетам “Чырвоная змена” і “Звязда”. Я змог пабываць у розных кутках Беларусі, бліжэй азнаёміцца з яе гісторыяй, архітэктурнымі помнікамі, убачыць веліч і характэрнае роднай зямлі, пасябраваць з многімі цікавымі людзьмі. Сваімі нарысамі, замалёўкамі, вершаванымі рэпартажамі выказваў тады падзяку шахцёрам Салігорска, будаўнікам Наваполацка, энергетыкам Новадукомля, хлебаробам з дзясяткаў раёнаў усіх абласцей рэспублікі, што і самому прыносіла добры настрой. Працуючы ў аддзеле літаратуры і мастацтва “Звязды”, зблізіўся з таленавітымі прадстаўнікамі творчай інтэлігенцыі, унікаў у іх клопаты.

Прыпынак шосты: ЦК КПБ

Прапанова ў 1978 годзе перайсці на працу ў “партыйны штаб рэспублікі” была нечаканай. Падчас гутаркі з сакратаром ЦК КПБ А.Т.Кузьміным сказаў, што жыццёвыя планы звязваю з журналістыкай, літаратурай. Той, ужо нацэлены на маю кандыдатуру, каб супакоіць, паабяцаў: “Папрацуеш пару гадоў, а потым адпусцім цябе на творчы хлеб”. Але сталася так, што і мудры Аляксандр Трыфанавіч выйшаў на пенсію, а я яшчэ заставаўся ў сценах ЦК загадчыкам сектара мастацкай літаратуры. Так прайшло больш як восем гадоў. Скажу шчыра, хоць служба і была “салдацкай”, але яна многае дала мне ў плане пашырэння кругагляду, набывання ведаў. Я мог карыстацца міжнароднай і ўнутранай інфармацыяй, якую афіцыйна не друкавалі, не перадавалі па радыё і тэлебачанні; заказваў для азнаямлення дакументы, рукапісы, кнігі, што меліся ў

спецховішчач. Мне адкрыліся невядомыя старонкі літаратуры, трагічныя лёсы многіх выдатных пісьменнікаў.

У ЦК, дзе на працягу сямі гадоў я быў самым маладым па ўзросце, да мяне ставіліся прыхільна. Пётр Міронавіч Машэраў пару разоў браў у непасрэдныя памочнікі для падрыхтоўкі тэкстаў выступленняў. Гэты давер потым дапамог мне ў адстойванні таленавітых твораў пісьменнікаў, якія цярпелі ўціск з боку маскоўскай і мясцовай цэнзуры. Скажам, перадаючы рукапіс “Карнікаў” Алеся Адамовіча, Машэраў сказаў: “Вы ў нас эксперт па літаратуры. Кніга надзвычай складаная. Уважліва прачытайце, а потым скажаце, чаго будзе больш, калі яе надрукаваць, — карысці ці шкоды,”. Калі я выказаў станоўчае меркаванне, ён забраў рукапіс і сказаў толькі адно слова: “Добра”. Кніга неўзабаве выйшла. На асобніку, падараваным мне, напісана: “Сяргею Законнікаву, які спрыяў гэтай кнізе! Алеся Адамовіч. 13.02.1981 г.”. Такіх удзячных аўтографаў у маёй бібліятэцы шмат. Я радуся, што дапамагаў прарывацца праз цэнзурныя засланы кнігам Васіля Быкава, Уладзіміра Караткевіча, Пімена Панчанкі, Андрэя Макаёнка, Алеся Разанава і іншых выдатных літаратараў.

Мая пасада, хоць і невялікая ў той іерархіі, дазваляла хутчэй вырашаць кнігавыдавецкія, жыллёвыя, аздараўленчыя праблемы таленавітых пісьменнікаў.

Якраз у гэтыя гады я бліжэй пасябраваў з Уладзімірам Караткевічам, хоць меў з ім добрыя стасункі яшчэ са студэнцкіх гадоў. Яго і лічу сваім настаўнікам. Уладзімір Сямёнавіч не “хадзіў” з алоўкам па маіх радках, не даваў нейкіх канкрэтных парад. Ён вучыў сваёй геніяльнай творчасцю, апантанасцю ў беларускай справе. Усцешна, што менавіта Караткевіч напісаў мне рэкамендацыю для ўступлення ў сябры Саюза пісьменнікаў.

У 1978 годзе з Гародні ў Мінск пераехаў Васіль Уладзіміравіч Быкаў. З таго часу і да апошніх дзён яго жыцця я пастаянна адчуваў не проста падтрымку, а незвычайна сардэчныя, нават пяшчотныя адносіны старэйшага сябра. А таму ўдзячны і гэтаму няпростаму кавалку жыцця.

Сёння знаходзіцца шмат крытыкаў, якія хочуць маляваць той час чорнаю фарбаю. Вось і з П.М.Машэрава спрабуюць зрабіць пахавальніка беларускай мовы, культуры. Гэта абсалютнае глупства! Нягледзячы на тое, што Машэраў быў кіраўніком рэспублікі ў савецкай сістэме, за той час, і асабліва ў апошнія гады свайго жыцця, ён вырас у сапраўднага нацыянальнага, агульна любімага лідара. Варта прыгадаць тагачаснае плённае, дынамічнае развіццё эканомікі, паляпшэнне дабрабыту людзей. І закрыццё беларускіх школ пачалося не пры ім, а значна раней. Працэс русіфікацыі адбываўся па ўсіх рэспубліках, за гэтым пільна сачылі з Крамля. На адкрытае супраціўленне не мог адважыцца ні адзін кіраўнік. Але мала хто ведае, што, скажам, у адзін з восеньскіх дзён у 1979 годзе Пётр Міронавіч правёў на Беларускім тэлебачанні 8 гадзін, азнаёміўся з работай рэдакцый, а пасля сабраў кіраўніцтва і сказаў, што трэба выпраўляць становішча з беларускай мовай: “Разве так должны говорить дикторы? Я езжу по республике, встречаюсь с людьми. В их же устах наш язык звучит, как песня!” Пасля гэтага і ўсе кіраўнікі рэспублікі павярнуліся тварам да роднай мовы. З яго ініцыятывы былі адкрыты выдавецтвы “Беларуская савецкая энцыклапедыя”, “Мастацкая літаратура”, “Юнацтва”, на высокі ўзровень узняліся беларускае выяўленчае мастацтва, кіно, тэатр, мастацкая самадзейнасць.

Трагедыя Беларусі ў тым, што якраз тады, калі Пётр Міронавіч Машэраў асэнсаваў тое, што неабходна было рабіць у нацыянальным плане, і сам адчуў сябе здольным на многае, яго жыццё абарвалася...

Прыпынак сёмы: «Полымя»

Больш як пятнаццаць гадоў жыцця аддадзены найстарэйшаму беларускаму літаратурнаму часопісу. Гэта, мабыць, самы светлы і плённы мой час. 173 нумары былі падпісаны мной у друк як галоўным рэдактарам. Давялося зведаць вялікую і непаўторную радасць, калі са старонак выдання ішлі да чытачоў сапраўды выдатныя літаратурныя творы, калі тыраж яго перасягнуў за дзесяць тысяч асобнікаў. А затым душу вярэдзілі сум і горыч, бо

новая хваля адраджэння катастрафічна пайшла на спад і роднае слова зноў пачалі заганяць у закутак.

Двойчы рэдакцыя перажыла пагромы. Начныя зламыснікі “шчыпалі” дзверы пакояў, трэслі шуфляды сталоў, трушчылі мэблю. На рукапісах, якія былі раскіданы па падлозе, заставаліся брудныя сляды іхніх ботаў. Тыя, хто прыслаў граміл, недвухсэнсоўна намякалі: мянйце сваю пазіцыю, інакш будзе яшчэ горш. Канчатковы разгром адбыўся пазней. Яго правялі без ламоў, сякер і «фомак». Проста загадам аб ліквідацыі рэдакцыі, якая цвёрда стаяла на пазіцыях дэмакратыі, змагалася за сапраўдную дзяржаўнасць і незалежнасць Беларусі, за годнае жыццё народа...

А мне згадваецца, як на другі дзень пасля майго прызначэння ў рэдакцыю прыйшоў Васіль Быкаў. За вокнамі кружыла ціхая пераднавагодняя вея. Васіль Уладзіміравіч на парозе строс снег з берэта і курткі, павітаўся з усёй грамадою супрацоўнікаў і аўтараў, што была ў пакоі, і скіраваў да мяне. У руцэ ён трымаў букет — дзевяць вялікіх чырвоных руж. “Віншую! Вазьмі кветкі, — сказаў. — З сённяшняга дня я ўсе свае вялікія творы друкую ў “Польмі”. І пайшоў. Гэтая своеасаблівая рэкамендацыя, высакародны жэст падтрымкі старэйшага сябра не забудуцца да скону.

Калі ж быў аддадзены загад аб ліквідацыі рэдакцыі і маім звальненні, то на стале ў кабінёце таксама з’явіўся букет з пятнаццаці кветак — па кветцы за кожны год працы ў часопісе. Яго прынесла Ірына Платонаўна Крэнь, дачка беларускага пісьменніка, які быў рэпрэсаваны ў гады сталіншчыны. Паміж гэтымі двума букетамі — ладны кавалак жыцця, за якое не сорамна.

Пасля я спрабаваў адкрыць новы літаратурны часопіс, але вертыкальчыкі па загадзе зверху не далі гэта зрабіць.

Прыпынак восьмы: сённяшні дзень

Можна не паверыць, але сапраўды пачуваюся ў ім добра. У пісьменніка ёсць незалежная тэрыторыя — яго душа. Акрамя таго, у апошнія чатыры гады, пазбаўлены нейкай службы, я набыў яшчэ і знешнюю свабоду. У

цяперашняй дзяржаве, дзе ўсё пабудавана на лакействе, чынашанаванні, не трэба падпарадкоўвацца, дагаджаць. І таму я шчаслівы.

Тры кіты, на якіх трымаецца зараз маё жыццё, — гэта літаратура, сям'я, сябры.

Пішацца няблага. У сталё ляжаць пяць рукапісаў новых кніг.

Як кажуць у народзе, маю надзейны тыл. Жонка Ліля заўсёды была і застаецца маім аднадумцам, мудрай, клапатлівай, пяшчотнай і надзейнай спадарожніцай па жыцці. Ганаруся сваімі дачкамі Алёнай і Святланай, унукамі Марынкай і Францішкам, зяцямі Юрасём і Дзянісам. З вялікай павагай і сардэчнасцю адношуся да цешчы Валянціны Кірылаўны. Яны ўсе, кожны па-свойму, мае найлепшыя дабрадзей і натхняльнікі.

Мне пашанцавала на верных, надзейных сяброў. Гэта ў першую чаргу Генадзь Бураўкін, з якім разумею адзін аднаго з паўслова і шчыра, безаглядна падстаўляю плячо дапамогі ў любую цяжкую хвіліну. Даражу сяброўствам з Рыгорам Барадуліным, Валянцінам Болтачам, Віктарам Казько, Анатолям Кудраўцом, Вольгай Іпатавай, Уладзімірам Някляевым, Генадзем Дзмітрыевым.

Асаблівае месца ў сэрцы займае слаўная паэтка, перакладчыца, мая мілая духоўная сястрычка Ніна Мацяш. Удзячны за прыязныя адносіны і заўсёды стараюся аддзячыць тым жа Радзіму Гарэцкаму, Станіславу Шушкевічу, Нілу Гілевічу, Васілю Зуенку, Анатолю Вярцінскаму, Уладзіміру Дамашэвічу, Жане Літвіной. Ёсць і яшчэ шмат цудоўных людзей, з якімі мне добра жыць на гэтым белым свеце.

Што тычыцца нашай беларускай сітуацыі, якая прымушае задумвацца, трывожыцца, то яна бачыцца так. Для таго, каб народнае жыццё ўвайшло ў нармальнае рэчышча развіцця, як у дэмакратычных заходніх краінах, патрэбны інтэлектуалізацыя, сталенне грамадства ў спакойных умовах. Якраз гэтага не адбываецца. Перавароты ідуць адзін за другім. А таму народу не стае ні адукацыйнай, грамадзянскай, паалітычнай падрыхтоўкі, ні элементарнай цягліваасці, каб нарэшце разумна ўладкавацца. Вось і ходзім мы, як цыркавыя коні па крузе, з зоны ў зону.

А наогул, у чалавечым свеце няма нічога важнейшага, чым узаемаадносіны жанчыны і мужчыны, дзе ёсць безаглядная адданасць, шчырасць, гарачыя пачуцці. На іх трымаецца жыццё на Зямлі. Палітычныя сістэмы, дзяржавы, прэзідэнты, урады, заводы, фірмы і г.д. — толькі надбудова над загадкавым, усёўладным і бессмяротным пачуццём. Калі б мелася такая магчымасць, то паслаў бы я падалей усю гэтую палітыку з яе брудам, хлуснёю і пісаў бы вершы, прысвечаныя адной, самай непадуладнай, але высакароднай і ўдзячнай тэме — каханню. Скажам, такія як “Белая сукеначка”:

*Белая сукеначка мільгнула
На начной сцяжыне ўскрай сяла
І мілосцю вольнай ахінула
Сэрца неспакойнае:
«Прыйшла...».*

*Быў пасля і гордым, і паніклым,
Быў бядой растружчаным амаль.
Белая сукеначка не знікла
Ветразем паміж будзённых хваль.*

*Хутка цела цёмнай глебай стане,
А душа рванецца на святло.
Што было?
Адзінае — каханне,
Рэшта — сумятня і мараў тло.*

*Адпакутваўся і адкружыўся
Па чужых і па сваіх слядах.
У ажыннай квецені сцяжынка
Выведзе мяне на Млечны Шлях.*

*Позіркам расстайным аббягаю
Свет,
Што адплывае ў забыццё...
Белая сукеначка ля гаю
Прамільгнула,
Як маё жыццё.*

Прыпынак... апошні

Калі ён будзе і якім, не ведаю. І добра, што так задумана Вышэйшай Воляй. Адыход, які адбываецца знянацку, — таксама вялікая таямніца. Я ведаю цвёрда толькі адно: вандроўка, дзе ёсць гора і радасць, плач і смех, расчараванні і надзеі, страты і знаходкі, была недарэмнай. З гэтай думкай падарожнічаю далей...

Аўтарскае пасляслоўе

Зразумела, я не пісаў гэты маналог “на дыктафон”. 16 верасня 2006 года беларускаму паэту, публіцысту, перакладчыку і грамадскаму дзеячу Сяргею Законнікаву споўнілася 60 год. “Свободные новости плюс” надрукавалі гэты артыкул, а я толькі папрасіў прыслаць яго, што і адбылося 19 кастрычніка 2006 года.

Сергей КАЛЯКИН

Я уже писал: в том, что на 15 июля 2006 года было намечено проведение двух съездов двух коммунистических партий, нет ничего необычного, особенно если вспомнить классиков. И наш разговор с первым секретарём ЦК КПБ Сергеем Калякиным совсем не о политике.

Детство будущего «главного» коммуниста

Родился 16 июня 1952 года в Минске, в доме № 2 по переулку Я.Коласа. Тогда, правда, улица называлась Логойским трактом. Район Комаровки. Тогда здесь находились военные склады, начинался лес.

Отец, Иван Лаврович, был военным строителем. Минск после войны частично восстанавливали немецкие пленные: те, кто воевал в частях вермахта, работали пять лет, кто был в СС — десять. Я их ещё застал — они работали на проспекте, который потом много раз переименовывали. Министерства строительства тогда ещё не было. Его функции выполняло военно-строительное управление, которое затем преобразовали в четвёртый трест. Отец руководил этим трестом.

Мать, Галина Ивановна, — бывшая партизанка, работала служащей в различных учреждениях. У моих родителей довольно интересная судьба. Для каждого из них это вторая семья. У отца в Минске во время бомбёжки погибла жена. Сын Анатолий, мой старший брат, стал беспризорником. Отец нашёл его в детдоме только через несколько лет после войны.

Папа мамы, то есть мой дед, командовал партизанским отрядом. После войны отряд боролся с бандформированиями. Дед погиб.

В 1957 году родился мой младший брат Михаил. Но с нами жил ещё и младший брат матери Валерий. По возрасту он был младше Анатолия, и мы долго думали, что это тоже наш брат. Разобрались только, когда выросли.

К сожалению, судьба Анатолия сложилась трагически: в 1988 году его убили.

Валерий работал монтажником-высотником. Продуло, заболел. Кроме того, на него во время сварки упала балка. Сейчас на пенсии, инвалид первой группы.

Михаил работает на автотранспортном предприятии.

После войны все жили небогато. Вначале у нас была «коммуналка», потом переселились в двухкомнатную квартиру в этом же доме, затем — в трёхкомнатную. Там сейчас живёт мама с Михаилом.

Развлекались, как и все пацаны того времени, — играли в футбол. По весне всё вокруг заливало водой. На военных складах было много стройматериалов, что позволяло сбивать плоты и устраивать на них настоящие побоища. Сейчас на этом месте находятся РУВД Советского района, военкомат, детский сад, улица Цяннская.

Популярной была игра «бита»: мелкие монеты составлялись в столбик, в них нужно было попасть «тюхой», и тогда весь банк сразу становился твоим. Или же нужно было бросить «тюху» как можно ближе, и ты получал право первого удара, а все перевернувшиеся монеты тоже становились твоими.

В 1959 году у нас дома появился первый телевизор КВН — такой маленький экран с большой линзой. Смотреть телевизор к нам приходили соседи со всего дома.

Учёба и служба

В первый класс я пошёл в 1959 году, в 20-ю школу (сейчас это гимназия). Там проучился первые три года, а потом перешёл в школу № 76 (открылась в 1961 году).

Мне всегда легко давались естественные науки: математика, физика, химия, астрономия и т.п. Проблемы были только с языками: в «двадцатке» в начальных классах — французский, в 76-й начал учить немецкий, который знаю весьма посредственно. (Хотя именно по немецкому сдавал кандидатский минимум, следовательно, какие-то знания были.)

Особенно я не дружу с пунктуацией: запятые расставляю там, где считаю нужным, а не там, где требуют правила.

С восьмого до середины девятого класса в моей учёбе был трудный период. Как говорится, пропало всякое желание. В четвертях даже случались двойки, и учителя мне намекнули, что лучше бы мне уйти в училище или техникум, но я не стал этого делать. Следует также сказать, что примерным поведением я тоже не отличался.

В девятом классе в конце второй четверти я сломал ногу — бегал по школе и упал на лестнице. Наложили гипс. Заниматься, повторять пройденный материал я начал, видимо, потому, что был ограничен в движении. И за год тогда у меня вышло только две «тройки» — по русскому и немецкому языкам. А ещё через год «тройка» по немецкому вообще была единственной.

В 1996 году (29 мая) я опять сломал ногу в том же самом месте, но, правда, другую. Был заядлым курильщиком, причём курил крепкие папиросы типа «Беломора». Больше месяца лежал в больнице. Естественно, в палате курить не разрешали. С тех пор уже десять лет как не курю.

После окончания школы решил поступать в РТИ. Вначале было желание ехать в Москву, но потом мы с одноклассниками передумали. Математику (устно и письменно), а также физику сдал хорошо, осталось сочинение. Русский язык не был профильным предметом, и было достаточно получить по нём «тройку». Я умудрился наставить так много запятых, что получил два балла, и на дневное отделение не прошёл. Подал документы на вечернее. Кстати, это был единственный вуз, где подобное допускалось.

В своей школе устроился на работу лаборантом в кабинет технических средств обучения. Самое интересное, что при поступлении на вечернее я получил такие же оценки (на устной математике вообще вытащил тот же самый билет), но сочинение на этот раз писал более прагматично. Взял свободную тему «Мой город». Писал приблизительно так: «Утро. Встаёт солнце. Город просыпается». Самое длинное предложение состояло из трёх слов. И меня зачислили на первый курс.

Летом следующего года пошёл работать техником треста «Оргтехстрой» в отдел автоматических средств управления, что было ближе к профилю обучения. А в

ноябре меня призвали в армию. Сильно расстроился. Казалось, что жизнь закончилась — приду из армии, а мне уже будет почти 21 год. Старик... Сейчас вспоминаю — смеюсь.

Служил в Южной группе войск. Под Брестом находился распределительный пункт. «Купцы» отобрали нас по росту и образованию. Я попал в роту охраны штаба Южной группы войск в Будапешт («через день на ремень»). Всего в роте было 120 человек. Все на виду. Сачкануть просто невозможно. Увольнений никаких не было. Бегали в самоволки, но ни разу не попались. В Будапеште было что посмотреть, например, луна-парк.

На «губе» не сидел ни разу. Правда, однажды мне объявили «пять суток», но отбыть их не удалось. Утром должны были отправить на гауптвахту, а ночью нас подняли по тревоге — начались учения «Опал-72», и «чаша сия меня миновала».

Посылки из дома получать мы не могли, только письма. Естественно, никто к нам не приезжал. Раз в два года могли побывать в отпуске — 10 дней без дороги.

Служба дала много. Там понял суть понятий «дружба», «поддержка», «подлость». Много занимались спортом и физической культурой. У нас была солидная футбольная команда, которая играла во второй венгерской лиге. За время службы я стал перворазрядником. Начинал вратарём, потом был полузащитником. «Стометровку» бегал за 10,5 секунды.

Уволили в запас нас довольно поздно. Я приехал домой 26 декабря, накануне Нового года. Встретил своего школьного друга, одноклассника Жору Тимановича, который призывался почти одновременно со мной и служил в погранвойсках. Он посоветовал прийти вечером в институт, убедил, что терять год не имеет смысла. Как раз в это время начиналась сессия. К середине следующего года меня уже допустили к сдаче экзаменов. Так я стал студентом второго курса.

Пошёл работать на «Интеграл» наладчиком высокотехнологического оборудования, где проработал до сентября 1974 года.

В 1992 году получил второе высшее образование — закончил философско-экономический факультет БГУ.

Партийная карьера

Было понятно, что совмещать учёбу и работу сложно, а мне хотелось глубоко освоить предмет. Решил перевестись на дневное отделение. Сделать это можно было только после третьего курса и без «троек». Один курс терялся.

Поставленной задачи добился. На заводе попутно стал кандидатом в члены партии, поэтому меня сразу направили в партком, где решили, что есть смысл заниматься общественной деятельностью. Как раз шла отчётно-выборная кампания в комсомоле, и меня избрали заместителем секретаря комсомольской организации одного из факультетов РТИ. Через год я стал секретарём.

Активно участвовал в деятельности студенческих строительных отрядов. Пригласили на работу в Республиканский штаб студенческих строительных отрядов. Согласился. Курировал деятельность всех стройотрядов за пределами республики. Мне удалось объехать почти весь бывший Советский Союз. Работал в штабе и после учёбы в РТИ.

В 1983 году меня пригласили в Партизанский райком партии инструктором организационного отдела. Стал секретарём парткома треста «Белсельстрой», который существует и сегодня. К сожалению, долго поработать в тресте не довелось. Вызвали в горком партии и сказали, что через два дня я должен выйти к ним на работу. Очень не хотел — зарплата уменьшалась почти в четыре раза. К тому же мы только-только начали обживатьсь. (В новую двухкомнатную квартиру в «кукурузе» по улице В.Хоружей переехал в 1981 году, когда работал в Республиканском штабе, который сотрудничал с Министерством строительства. Я и сейчас там живу.) Мне объяснили, что материальные блага не могут быть важнее партийной работы.

В горкоме разгорелся очень серьёзный конфликт. Горком тогда возглавлял Николай Галко (просьба не путать с известным журналистом. — **Прим. автора**). Произошло следующее. У одного из членов нашего аппарата, занимавшего солидный пост, возникли проблемы, связанные с материальной нечистоплотностью.

Руководство пыталось замять эту историю. Я имел неосторожность выступить против линии руководства и на собрании высказал своё мнение. В это время решался вопрос моего карьерного повышения, были готовы документы на должность заместителя заведующего организационным отделом. На следующий день после моего выступления один из секретарей, Марьян Мисуно, пригласил к себе и сказал: ты прав, но в твоей работе в горкоме я не вижу смысла, так как тебе здесь будут мстить. Он предложил пойти заместителем председателя Советского райисполкома.

С этим периодом у меня связаны только хорошие воспоминания. Было очень интересно, оказывали конкретную помощь людям.

Затем на конкурсной основе (в период перестройки это было модно) меня избрали вторым секретарём Советского райкома партии. Это позволило ознакомиться с промышленным комплексом, так как по должности я курировал многие предприятия в нашем районе.

В 1989 году стал первым секретарём, опять же на конкурсной основе. В этой должности встретил окончание деятельности КПСС и стал безработным.

В марте 1992 года на сессии районного совета меня избрали (из трёх кандидатов) председателем исполкома Советского района, где я проработал до прихода к власти Лукашенко.

В декабре 1991 года была создана Партия коммунистов белорусская (ПКБ). Я был среди её основателей. Возглавил партию гораздо позже — в 1994 году.

На мой взгляд, создание в Беларуси «вертикали» вредно. Об этом я заявил на первом же совещании, которое Лукашенко проводил с руководителями местных органов власти. Возник конфликт. Меня пригласили к тогдашнему руководителю столицы Ермошину, который сказал, что дана команда со мной не работать, и в «вертикаль» я не попадаю. На сессии депутаты четыре раза голосовали за меня, пока я сам не попросил об обратном. Тогда рассматривались две должности — председателя исполкома и председателя совета. Последним меня и избрали.

В 1994 году состоялись выборы в Верховный Совет 13 созыва. Остальное общеизвестно.

Семья и хобби

В 1979 году я встретил девушку Татьяну, которая уже 25 лет является моей женой. Сейчас она работает в загсе Партизанского района.

В 1981-м у нас родилась дочь Екатерина. В этом году ей исполняется 25 лет. Она тоже закончила РТИ, затем магистратуру. Занимается компьютерным дизайном. У Кати уже своя семья. Внуков пока нет, чем я не очень доволен.

Через десять лет, в 1991-м, родился сын Иван, которого назвали в честь деда.

Кроме футбола увлекался всеми видами борьбы, шахматами, настольным теннисом, плаванием, прыжками в воду.

Собственной дачи у меня нет. Родителям в 1957 году выделили землю, и вот последние 15 лет я веду там перманентную реконструкцию.

Люблю готовить. Всегда за основу можно взять готовые рецепты и придумать что-то своё. Это своеобразный вид отдыха, если хотите — хобби. Я не отдыхаю, когда ничего не делаю.

Авторское послесловие

С Сергеем Ивановичем Калякиным мы беседовали 27 июня 2006 года. Честно говоря, у меня уже есть опыт пребывания в компартии, поэтому ещё раз туда как-то не хочется. Во всяком случае, пока. Впрочем, нынешние коммунисты, которыми руководит Калякин, совсем не те, что были раньше. И не те, которых хотят «объединить».

Герман КОЗЛОВ

Пять лет назад тогдашний директор Музкомедии А.Исаев (ныне уволенный) «ушёл» его на пенсию сразу же после наступления соответствующего возраста, что в сфере искусства является нонсенсом. Любопытно, что именно Герман Козлов поспособствовал переезду Исаева в Минск и помогал ему «по жизни». Вполне логично написать про очевидную «чёрную неблагодарность», но сейчас совсем другая цель — рассказать о жизни артиста, который готов помочь даже потенциальным предателям.

Мятежная юность

Я родился 2 марта 1946 года в подмосковном Подольске. Город знаменит не только «домиком Ленина» и известными «подольскими курсантами», но и своей промышленностью. Много зелени, речка Бахра, рядом лес. Мои детство и молодость прошли именно там. Это было тяжелое послевоенное время. Мама рассказывала, что когда отменили карточки, она купила мне булку, я шёл по перрону и жевал её, а люди вокруг плакали. Для тех, кто пережил войну, это был символ ещё одной победы.

Мои родители Виктор Михайлович и Клавдия Георгиевна трудились в институте Курчатова и занимались ядерными проблемами. Работали настолько хорошо, что их даже «не отпустили» на пенсию.

У меня две сестры: Ольга (1951 года рождения) и Евгения (1953).

Ольга стала музыкальным работником, вышла замуж за курсанта Ленинградского военно-морского училища радиоэлектроники имени Попова, и после его распределения попала на Дальний Восток. Муж Ольги дослужился до капитана первого ранга, потом его перевели в Харьков на оборонный завод военпредом. На то время Советский Союз уже развалился, продукция завода никому не была нужна. Чтобы получить квартиру, муж Ольги стал подданным Украины и принял присягу этой страны.

Живут они сейчас в Харькове. Ольга уже на пенсии, но продолжает работать.

Евгения живёт в Подольске. У неё двое детей и двое внуков. Работает инженером в «Газпроме».

Я закончил семилетку и ремесленное училище трудовых резервов. Так получалось, что всё время я был связан с художественной самодеятельностью. Дело в том, что на всех праздниках мама пела под баян. Вместе с ней начал петь и я. В ремесленном училище тоже постоянно организовывались всякие смотры и конкурсы.

После училища поступил в Подольский технологический институт и с третьего курса ушёл служить. Раньше, кстати, служить хотели все, не то что сейчас. «Техноложку» выбрал только потому, что директрисой там была мамина подруга, а также потому, что надо было получить хоть какое-то высшее образование. Естественно, учёба была не в радость, хотя меня и любили. Математика и физика давались с трудом. Во время объяснения какого-либо материала соображал очень быстро, а через неделю начисто забывал, что и как.

...Служить меня отправили во Владивосток, определили в ансамбль Тихоокеанского флота, где я вскоре стал солистом. С флотским ансамблем я объехал почти весь Дальний Восток. Бывал в Анадыре, выступал на разных кораблях на Камчатке. Словом, жизнь была очень интересной. Получали мы не матросские 3 рубля 60 копеек, а 120—130 рублей — по тем временам деньги немалые. В любое время могли пойти в город в увольнительную и переодеться там в «гражданку».

Служил я три с половиной года, но время промчалось так быстро, что даже не могу говорить про какие-то трудности. Мы почти постоянно гастролировали, впечатлений всегда было предостаточно.

У нас дома всегда было много грампластинок — Вертинский, Козловский, Козин. С последним я лично познакомился на одном из концертов. Он пригласил нас в гости. Человек-легенда...

Выбор после службы

В «техноложке» я учился на вечернем факультете, а днём работал токарем на местном котлостроительном заводе имени Орджоникидзе. После службы хотел восстановиться на учёбе, но тут пошли разного рода вокальные конкурсы. Увы, мне на них не фартило. Пришлось выбрать городской эстрадный оркестр, куда пригласили солистом. объехал с ним все окрестности, а потом нас пригласили на Центральное телевидение, и я стал первым, кто открыл передачу «Алло, мы ищем таланты». Всем настолько понравилось, что мне порекомендовали учиться пению. Так из потенциального инженера я превратился в потенциального артиста. Произошло это летом 1969 года.

Попробовал поступить сразу в несколько известных музыкальных учебных заведений — в знаменитую «Гнесинку», Московское музыкальное училище при консерватории имени Чайковского и в ГМПИ имени Ипполитова-Иванова, где тоже готовили вокалистов и певцов. Везде успешно прошёл первые туры. В «Гнесинке» ко мне подошла народная артистка Тронева, известный педагог, и сказала: «Деточка, а зачем тебе поступать на вокальное отделение? У тебя все задатки артиста оперетты. Попробуй это». Так я и сделал. Меня прослушали и сразу же взяли.

Четыре года учёбы пролетели как одно мгновение. Единственное, что омрачало учёбу, так это постановление ЦК КПСС о подготовке национальных кадров. Мы иронизировали, что нам в качестве «нацкадров» отловили с вертолётов шесть калмыков. Не буду давать конкретных оценок, скажу только, что поначалу с ними было так трудно работать, что «убегали» все преподаватели. К слову, все они после получения дипломов со временем стали у себя «большими начальниками»: один выбился в заместители министра культуры, другой — председатель хорового общества республики и т.д. Мы работали простыми артистами, а они заняли высокие посты.

Несмотря на то, что многие старались обходить наш курс стороной, некоторые режиссёры охотно ставили у нас свои мини-спектакли. Один из таких режиссёров —

народная артистка России Людмила Иванова, которая тогда работала в «Современнике». Та самая, что играла профсоюзную активистку Шурочку в «Служебном романе». Сейчас у неё свой музыкальный театр в Москве. Зовёт, но я отвечаю, что бросить Минск не могу.

Кстати, довелось поработать и с другой очень известной кинозвездой — Нонной Мордюковой. Вместе мы снимались в трёх фильмах — «Журавушка», «Русское поле» и «Молодые». Более того, с её сыном Володей мы даже дружили. Когда он ушёл из жизни, я старался не попадаться Мордюковой на глаза, так как увидеть живым ровесника и друга сына могло быть для неё ещё одним ударом.

Сразу после выпуска меня пригласили к себе сразу несколько театров — Новосибирский, Кемеровский, Ростовский, Одесский и Краснодарский. И Московский, конечно же. Последний вариант очень привлекал, но там был такой сильный состав, что существовал риск всю жизнь «просидеть» на эпизодических ролях. Уломал директор театра оперетты из Ростова-на-Дону, который выпустился на четыре года раньше. Юг прельстил меня романтикой.

Через 20 дней после приезда в Ростов-на-Дону «под меня» поставили спектакль «Свадьба Марион». Успех был большой.

Потом были другие постановки. За шесть лет пребывания в этом городе я сыграл роли в 42 (!) спектаклях. Это к тому, что в Минске такого количества спектаклей не было за 31 год моей работы. А в Ростове-на-Дону каждые три месяца появлялось что-то новое. Там очень ценили талант импровизации и позволяли импровизировать на любую тему. В рамках спектакля, естественно. Мне всегда удавались роли характерных простаков.

Путь в Беларусь

В связи с 75-летним юбилеем Шолохова к нам приехал известный композитор Евгений Птичкин и поставил «Бабий бунт», с которым мы поехали в станицу Вёшенское. Потом с этим спектаклем мы объехали всю

страну, несколько раз выступали в Москве. Писателю постановка очень понравилась. Потом Птичкин поставил спектакль «Сладка ягода» по ранним рассказам Шолохова, а Толкунова долгое время пела из него песню.

Именно Птичкин посоветовал мне, холостяку, обратить внимание на Зинаиду Вержбицкую: дескать, очень красивая девушка. В некотором смысле он нас и поженил. Потом и на свадьбе был (1975 год).

Я быстро же стал местной знаменитостью. Стоило зайти в любой магазин (не говоря уже о рынке), как директор приветствовал лично. Не хочу кого-либо обидеть, но городов, где артистов любят больше, чем в Ростове-на-Дону, я не знаю. Цветов в гримёрках было так много, что они стояли в ведрах. И даже зимой...

Проблем с жильём у нас не было — квартиру молодой семье дали сразу же, причём рядом с театром. Через год после свадьбы родился сын Виктор. Назвали его в честь двух дедов, так как у меня и у Зины одинаковые отчества.

Мой друг Лёва Булошкин несколько месяцев проработал в Ростове-на-Дону, а потом уехал в Минск. Через некоторое время сатирировал прослушаться и нас. Приехали. Театра оперетты ещё не было. Репетировали в небольшом помещении ДК тонкосуконного комбината. За нас «уцепились» сразу же, но зачем ехать туда, где театр ещё не построен?..

Родня жены, когда узнала, что мы были в Минске, подняла «волну»: дескать, переезжайте на родину. (Зинины родители из-под Марьиной Горки. По дороге на Бобруйск есть такая лесная деревня — Болочанка. Оттуда пошли все Вержбицкие.) В Ростове-на-Дону отпускать не хотели, но наши родители уже были в возрасте, а от Минска к ним было гораздо ближе добираться. Это и стало главным аргументом.

Таким образом, мы снова приехали в Минск. На вокзале нас встречала огромная толпа родственников. (Позднее выяснилось, что их у нас аж 105 человек.) Зинина тётя отдала нам свою квартиру на улице Сурганова и переехала жить к дочери. Красиво, чисто, много зелени. Походили по магазинам — избытие...

Своего здания у минской оперетты ещё не было, и мы выступали, кажется, на сцене Белсовпрофа. На один из

спектаклей пришёл Машеров и дал указание срочно форсировать строительство. Открывали музкомедию уже без него. Собралось всё руководство республики и весь минский бомонд.

По приезду в Минск (в год Олимпиады), видимо, чтобы представить новых артистов, был поставлен белорусскоязычный спектакль «Нестерка», в котором мне довелось исполнить роль Школяра. Шикарная постановка!

Но театр — это не только здание. К сожалению, спектакли там ставились, мягко говоря, неинтересные. Дело в том, что в Минск попадали очень посредственные режиссёры. Отсюда и соответствующий уровень постановок. Исключением можно назвать только Вячеслава Цюпу. За годы своей работы он поставил несколько хороших спектаклей. Более молодое поколение — например, студенты институтов и университетов, их понимало, а тем, кто постарше, ближе была классическая оперетта. А с ней Цюпа был «на Вы», хотя «Сильва» у него получилась и неплохой.

Зато современные постановки «Сирано», «Принц и нищий», «Клоп» шли на ура. Другие артисты приходили к нам за кулисы и восторгались тем, что в отличие от них мы занимаемся чем-то стоящим. Дескать, «вас, наверное, носят на руках». А нас «носили» так, что со всех сторон обкладывали разными запретами. Например, приехал Роман Виктюк (в музкомедию! — **прим.автора**) и поставил «Горе от ума». Постановка произвела настоящий фурор. Правда, в афишах спектакль продержался только 20 дней и прошёл всего лишь раз шесть — запретили. Не созрел не зритель, не созрела элита, которая даёт разрешения...

Потом стали приходиться совершенно случайные режиссёры, и мы задумались о переезде.

Новые ориентиры

В этот момент в театре появились новый балетмейстер Нина Дьяченко и директор Сергей Костин. Стоящего режиссёра так и не было, и они решили попробовать какое-нибудь другое направление, которым стал балет.

Поставили «Шахеризаду». Честно говоря, предложение потанцевать в балете явилось для меня полной неожиданностью. Начал выступать в «чистом» балете, танцевал шаха.

Из Москвы приехал знаменитый Гедиминас Таранда, который руководит Имперским русским балетом. Многие сейчас знают его по выступлениям в «Танцах на льду». Он предложил «поставить на меня» «Дон-Кихота». Пошло! Потом были «Щелкунчик» и «Спящая красавица». Оперетта, можно сказать, продолжала гнить, а я с этими спектаклями выезжал за рубеж: Испания, Франция, Германия, Швейцария. И везде — успех.

Искренне сочувствовал другим артистам. Ничего хорошего театр не ставил. Что оставалось делать? Тут дом, сын, пошли внуки. Бросать театр уже поздно, да и у самого предпенсионный возраст. Пришлось вариться в этом неинтересном веществе.

На сегодняшний день получается так, что у нас нет достойных претендентов на «Хрустальную Павлинку» и премию «За духовное возрождение». Увы, те, кому вручают награды, недостойны таких почестей. Мы в ужасе от того, как падает уровень культуры. И никому до этого нет дела!

Для чего стал директором театра Исаев? Не для того, чтобы вернуть ему былую славу, а для того, чтобы показать, какая он «звезда» на фоне всеобщей серости. Но этой «звезде» мешали хорошие актёры, которых и пришлось срочно сделать пенсионерами. Именно это и позволило превратить театр в круглосуточный ресторан для своих высокопоставленных собутыльников...

Авторское послесловие

Наш разговор состоялся 21 февраля 2010 года, то есть через две недели после представления музыкальному театру нового директора вместо освобождённого от должности Алексея Исаева — того самого, который семь лет назад фактически сломал творческую биографию заслуженного артиста Беларуси Германа Козлова (и не только его), того, которому в этом монологе посвящено всего несколько слов.

Только по-настоящему благородные люди могут ответить на «бьяку» длиной в пять лет одним коротким абзацем...

www.kamunikat.org

Павел КОЗЛОВСКИЙ

Поговорить с Павлом Козловским автор задумал давно. Оснований для этого немало, поскольку именно он стал первым министром обороны суверенной Беларуси.

«Прусские» корни

Судьба у меня сложилась несколько необычно и виной тому — война. Когда она началась, наша семья жила в деревне Волковня Пружанского района Брестской области, что в Беловежской пуще. Семья имела свою землю, хозяйство. Немцы очень быстро вошли в нашу деревню (до границы 13 км), и мы оказались в тылу врага. Всех мужчин из окрестности, в том числе и моего отца Павла Антоновича, просто не успели призвать в Красную Армию. В это время в семье было пятеро детей, потом одна сестра умерла. Немцы, боясь сопротивления, жгли дома в приграничных сёлах, а людей на подводах увозили в Восточную Пруссию на работы. Там оказались и мои родители. Я родился 9 марта 1942 года.

В 1945-м, когда бои шли уже в Германии, тех мужчин, которые не были призваны в армию, а работали у бауэров, сразу же отправили на фронт. Папа буквально через полтора месяца после мобилизации, 3 марта 1945 года, погиб под Кёнигсбергом и похоронен там в братской могиле.

Старший брат был на окопных работах, когда попал в «плен». Его отправили в фильтрационный лагерь в Польшу. Мама, Мария Васильевна, на «попутках» перевезла нас в Волковню. Там нас и нашёл «захваченный в плен» брат Фёдор, пятнадцатилетний пацан. Кстати, мои два брата и сестра и сегодня живут в Волковне. Все они уже пенсионеры, а я, получается, из всех самый молодой пенсионер...

Вначале жили у одного дяди, потом у другого, затем построили свой небольшой дом, в котором до сих пор живёт одна из сестёр.

Учился в пяти школах: начальные классы — в одной деревне, семилетка — в другой и т.д. Заканчивал учёбу в

13 км от нашей деревни, жил в интернате, домой приезжал на выходные.

В 1961 году поступил в Ташкентское высшее командное общевойсковое военное училище. Служить начал в Грозном, куда меня направили после учёбы. В то время там было мирно и спокойно. Потом меня перевели в Орджоникидзе (теперь Владикавказ), где на базе суворовского организовывалось общевойсковое командное училище. К слову, в училище меня наградили медалью «За боевые заслуги», хотя я, естественно, не воевал. Позднее это заведение закончили мои племянник и зять. Оттуда я поехал в академию имени Фрунзе.

В 1974 году, закончив академию, я стал начальником штаба полка в Калинин (ныне Тверь). Через полгода назначили командиром полка, стал подполковником. Это второе воинское звание, которое мне было присвоено досрочно (первое: майор. — **Прим. автора**).

В 1978-м уехал в Анголу советником — оттуда ушли португальские войска, которые заменили мы и кубинцы. Учили создавать армию по советскому образцу. В боевых действиях мы не участвовали, так как были советниками. Кубинцы, а их в Анголе находилось пять полков, вначале воевали. Несли большие потери: в отличие от ангольцев они не ленились. К сожалению, их гибло больше, нежели тех, за кого они сражались. Мужественные люди.

Советником пробыл два года. В 1980-м стал начальником штаба дивизии в Ахалцихи (Грузия), Закавказский военный округ. Там жило приблизительно одинаковое количество армян и грузин. И те, и другие к офицерам относились очень хорошо. Приглашали на праздники, как лучшим друзьям, предлагали осушить рог с вином. Попробуй не выпей...

Через два года стал в Ереване комдивом и уехал в академию Генерального штаба, а оттуда — в родную Беларусь.

Первый министр обороны

Так получилось, что я периодически становился молодым командиром полка, молодым командиром дивизии, молодым заместителем командующего армии.

Через полтора года стал командармом, моего предшественника и друга Юрия Павловича Селезнёва назначили начальником штаба, а затем — и командующим Ленинградским военным округом (позднее вместе с женой он погиб в авиакатастрофе).

В 1991 году меня назначили начальником штаба Белорусского военного округа. Это было летом, до ГКЧП оставалось около двух месяцев. Мне пришлось пережить тяжелейшую для военных ситуацию — начало развала Советского Союза. Военные наиболее остро её ощущали, потому что к этому времени известный перестройщик Горбачёв уже подставил армию в Баку, Тбилиси, Сумгаите и так далее.

Министр обороны СССР Язов в первый день путча телеграммой приказал командующему округом Костенко быть готовым к тому, чтобы привести войска в повышенную боевую готовность. Никто толком не мог понять, что происходит. Этот вопрос решал военный совет. Сошлись во мнении, что выводить на улицы танки никто не будет. Костенко поступил очень «мудро» — поехал куда-то на ротные учения. Он просто хотел быть подальше от прямой телефонной связи с министром. Меня оставил «на хозяйстве». На третий день раздался звонок. Язов, как всегда грубым голосом, спрашивает:

— Где командующий?

— На ротных учениях.

— Не х.. ему там делать.

Я так и не понял, зачем он звонил.

Потом наступило 8 декабря. Мы с Костенко находились на подведении итогов в Москве и утром по радио услышали про ночное совещание в Вискулях. Были просто ошарашены: уезжая в Москву, мы понятия не имели о том, что происходит в нашей Беловежской пуще. Язов опоздал к началу на 20 минут (такого никогда не было). Хотя он что-то и пытался объяснить, было понятно, что всё идёт к краху.

Где-то в январе следующего года Совмин назначил меня руководителем комиссии по разработке законов, направленных на создание собственных Вооруженных Сил. Надежд на что-то общее уже почти не было, начался «парад суверенитетов». Россия и Беларусь заявили об этом

последними, мне никто не предлагал стать министром обороны РБ, хотя с другими такие разговоры велись.

Приблизительно в это же время Пётр Григорьевич Чаус стал министром обороны, то есть министром без войск. Его разместили в здании областного военкомата. Чаусу никто не подчинялся, поскольку был ещё командующий округом. Кстати, когда начались консультации по поводу первого министра обороны, он был одним из кандидатов. Я понимал, что Костенко не станет министром обороны, так как является этническим русским, а искали именно белоруса. Среди прочих была кандидатура Георгия Шпака, который сейчас занимает должность тульского губернатора.

Руководитель Гродненской области Артименя (ныне покойный), который тогда возглавлял в парламенте депутатскую группу «Республика», пригласил меня в гостиницу «Минск», где он тогда жил. Спросил, почему я не претендую на должность. Честно говоря, я опешил от такого вопроса. Мы были неплохо знакомы по работе на Гродненщине, и он не понимал, почему к Шушкевичу и Кебичу ходят люди и говорят, что я некий недоумок, неспособный быть министром. Если я думаю иначе и даю согласие, то он начинает «работать». Вскоре меня пригласили на беседу к Кебичу, где я повторил своё согласие. После этого меня позвал к себе Костенко и предложил отказаться. Ответил, что если бы речь шла о нём самом, то я бы так и сделал, а здесь разговор про Шпака... Две недели он со мной даже не разговаривал.

Мою кандидатуру поддержали все, в том числе и фракция БНФ. На заседании Верховного Совета с большим преимуществом голосов я был назначен министром обороны РБ.

Иск ценой в звезду на погонах

Поначалу было аж девять заместителей. Пошли склоки, я стал попросту сокращать их.

После выборов 1994 года ушёл в отставку с правительством Кебича, как и положено. С А.Лукашенко не работал ни дня, чему безмерно рад. Да он и не

предлагал и не мог предложить, так как в суде находился мой иск.

Я до сих пор считаю свою работу в команде Кебича правильной и полагаю, что тогда это был самый лучший выбор. И Гончар, и Булахов мне предлагали переориентироваться в сторону вероятного победителя, но я отказался. Сказал, что пойду с Кебичем до конца, ибо вижу опасность для страны. Ещё в марте 1994 года подал в суд иск на Лукашенко. Выступая в парламенте, он назвал семь фамилий коррупционеров, в том числе и мою. Иски собирались подать все, но сделал это только я. Лукашенко, встретив меня в кулуарах парламента, предложил забрать иск: иначе, мол, пожалею. Я ответил, что сделаю это только в том случае, если он публично извинится.

После победы Лукашенко, ещё до заседания Верховного Совета, пригласил на беседу меня, Александра Иосифовича Тушинского и Николая Павловича Чуркина. В беседе принимал участие и Шейман. Нам было предложено работать до назначения новых людей. Попутно мне было сказано о большом количестве компромата. Я попросил озвучить компру, но ничего противозаконного не прозвучало.

Выступая в Верховном Совете, президент предложил «нулевой вариант» и моё трудоустройство. В то время в Колодищах проходила коллегия, которую проводил начальник штаба Чуркин, я приехал и простился с коллективом.

Если бы власть проявила мудрость и не назначила Костенко, который непременно бы мстил, то этого, возможно, не произошло бы. Увы, я оказался прав в своих опасениях. Всех, кто был при мне на высоких должностях в министерстве обороны, почти мгновенно уволили. Не пойму, чем они провинились. Они «пахали» до меня, при мне и могли бы принести ещё много пользы.

После отставки поехал в последний положенный мне армейский отпуск. Возвращаясь, приглашает Долголёв, имя и отчество этого человека я называть не хочу, хотя и знаю. Он сказал, что проведено расследование свадьбы моего сына и дочери Гриба, нанесён ущерб на 28 миллионов рублей. Я прочёл и спросил: разобрался ли он, насколько написанное соответствует действительности или

речь идёт об обычной кляузе? Среди прочего указывалось, что одной только посуды мы перебили на сумму почти в пять миллионов. Даже катаясь по столам, сделать это невозможно, нужно бить ящиками. Это свадьба, а не «ледовое побоище».

Буквально через несколько дней звонит из Бреста сестра и плачет: дескать, услышала указ президента о моём наказании. Я стал первой жертвой мщения новой власти.

По-военному коротко о семье

У меня прекрасная жена Наташа. Женился в 1965 году в Ташкенте, когда только-только стал лейтенантом. Перед этим мы с ней целый год дружили. После свадьбы привез её в Волковню. Поехали служить вместе в Грозный. Там у нас родилась дочь Лена, потом — сын Андрей. Это было в Москве, когда я учился в академии имени Фрунзе.

Третьего сына зовут Павел, он родился, когда я командовал дивизией в Ереване.

Дочь замужем. Двое внуков.

Андрей женат на дочери Мечислава Ивановича Гриба. У него тоже двое детей.

Таким образом, у меня растут четыре гвардейца.

Павел пока не женат, заканчивает факультет компьютерного проектирования БГУИР. Надеюсь, внуков он тоже добавит.

Тыл у меня очень надёжный.

Авторское послесловие

С Павлом Павловичем Козловским мы встретились 12 мая 2006 года в парке Горького. Наш разговор записан на фоне щебетания птиц, что для военных не совсем привычно. Они привыкли к менее мелодичным звукам стрельбы и взрывов.

Александр КОЗУЛИН

Один из блогеров верно подметил, что в тюрьму садился Козулин-терминатор, а вышел Козулин-проповедник. Впрочем, наш разговор совсем не о философии. Козулин рассказал мне про свою жизнь. Лишь о тюрьме мы принципиально не говорили.

Спортивные схватки

Родился 29 ноября 1955 года. Мама, Евгения Константиновна, работала учительницей. Отец, Владислав Александрович, был мастером на Тракторном заводе. Слава Богу, все пока живы.

Моё детство прошло в Тракторозаводском районе. Посёлок у нас был довольно своеобразный, в том смысле, что на улицу просто так выйти там нельзя было — жёсткие порядки дворовых компаний. Территория получалась довольно большая: окрестности Тракторного завода, кварталы у «Мотовело» и знаменитая танцплощадка, которую мы называли «Корчи» (сегодня там находится парк 50-летия Октября).

Естественно, развлечений тогда было немного, поэтому большую часть времени мы проводили на улице. Какие там хоккейные коробки? В хоккей играли прямо на асфальте, а для футбола подбирали подходящую поляну. Во дворах была своя иерархия. Обычно командовала какая-то группировка, которая устанавливала свои порядки и правила поведения. А я рос не самым «уличным» мальчиком. Никогда не курил, и спиртное меня не привлекало. В силу того, что в таких условиях нужно было иметь крепкие кулаки, пришлось плотно заняться спортом.

В четвёртом классе увлёкся волейболом. В те времена тренеры работали «селекционно», в школу приходили прямо из спортивных клубов. Со временем вошёл в команду мастеров «Трактора». Потом в силу дворовых обстоятельств перешёл на самбо. (Думаю, что такое «дворовые обстоятельства», понятно каждому.)

Некоторое время занимался боксом, но с ним ничего не получилось, так как именно в тот период заболела моя сестра Лена (она младше на 11 лет; есть ещё брат Володя,

младше меня на 4 года), и кому-то нужно было сидеть дома.

Самбо помогло мне решить все дворовые проблемы, и меня со временем уже никто не трогал. Имел первый взрослый разряд, даже входил в сборную республики. Занимался самбо до самой армии, а в последние годы — и его боевым вариантом.

В восьмом классе сломал лодыжку. Захваты и приёмы в боевом самбо, как известно, более жёсткие, и я, к тому же, занимался с теми, кто старше на 5-6 лет, так как был физически крепким. Естественно, опыта и навыков, чтобы избежать травм, у старших ребят было побольше. А в десятом я классе сломал ещё и ключицу.

(В жизни на самом деле я всегда противлюсь насилию. Глубоко убеждён: насилие — самое страшное, что есть у человечества. Увы, люди никак не поймут, что таким образом можно разрушить всё созданное. Но тяга к разрушению у людей, наверное, формируется на некоем генном уровне. Слишком уж много у нас разрушителей, а вот созидателей, наоборот, мало.)

Тогда было модно мечтать о разведке: все желали стать Штирлицами, в том числе и я, влекла романтика. Когда проводился очередной отбор в военные училища, я заявил об этом напрямик. Предложили поехать в Краснодар. Приехал в Краснодар в своём самом нарядном кримпленовом костюме (по тем временам он стоил большие деньги), но это никого не впечатлило: швабру в руки, и — вперёд. Благо, хорошо играл в шахматы, поэтому месяц «абитуры» чаще передвигал фигуры, чем работал полотёром.

Все вступительные экзамены сдал на пятёрки. На мандатной комиссии начальник училища, генерал-лейтенант, поздравил с зачислением и стал выяснять, знаю ли я, куда поступаю. Оказалось, училище занимается правительственной спецсвязью, а это не совсем разведка. Но штука очень престижная: пять человек на место, должности — как минимум в штабе армии.

На раздумье мне дали двое суток. Рассудил так: коль это не моя мечта, значит, попал не туда. И вернулся в Минск. Такой случай за всю историю училища был первым.

Армейские схватки

По приезду в Минск направился в жёлтое здание на проспекте, который в последнее время постоянно переименовывают, то есть в КГБ. Но там тоже сказали, что разведка — не их профиль.

Тогда пошёл на мехмат БГУ. Вначале обещали зачесть училищные оценки, но в итоге пришлось сдавать всё заново. Получил одну досадную четвёрку и набрал так называемый полупроходной бал. На дневное отделение путь был закрыт, поступил на вечернее и... отправился в военкомат, где попросил направить меня в морскую пехоту. Мама плакала, но я полагал, что надо выбирать самые элитные войска. Одновременно работал в школе лаборантом в кабинете физики.

Призвали в мае 1974 года. Сначала попал в Пионерск, в «учебку» морской пехоты Балтийского флота, затем — в Балтийск (тогда Пилау). В то время армия была настоящей школой жизни. Жалко, что сегодня всё не так. Служить было, скажем прямо, тяжело. Только физической и спортивной подготовкой мы занимались пять раз в день. Но это здорово закаляло. Юноши превращались в настоящих мужчин.

После «учебки», естественно, стал сержантом. Командовал одним из подразделений морского десанта. Мы должны были уметь всё: управлять плавающими танками, боевыми машинами пехоты, стрелять из всех видов оружия. Боевая служба (походы) длилась девять месяцев. Как десанникам за количество прыжков дают нагрудные знаки, так и морпехов поощряют значками «За дальнее плавание». Для этого нужно «пройти» определённое количество километров. Как известно, морские пехотинцы в отличие от чистых моряков, которые «набирали» необходимое расстояние, служили не три года, а два.

В Балтийске стояла бригада морской пехоты, а мы составляли отдельное подразделение — небольшое, всего около тысячи человек. Специализировалось как раз на боевой службе (к слову: соседи специализировались на парадах в Москве).

Тогда происходило противостояние между XI флотом США и ВМФ СССР. Мы «ходили» на большом десантном

корабле. Это была «машина» очень внушительных размеров — метров 150 в длину и около 50-ти в ширину, высотой с пятиэтажный дом. (Чтобы проще представить размеры нашей «коробки», достаточно сказать, что на верхней палубе играли в волейбол и купались в бассейне.) Одновременно там размещались и экипаж корабля, и морской десант — всего около тысячи человек. На всём Балтийском флоте таких всего несколько штук.

Наша база находилась в Конакри (Гвинея). Кроме Гвинеи, мы «ходили» в Нигерию, Конго, Анголу (там тогда как раз начиналась гражданская война). Помню, как нас подняли по тревоге. Поездом из Балтийска мы доехали до Севастополя, там погрузились на корабли и «пошли» в Анголу: через Босфор, Дарданеллы в Атлантику, а там — к берегам Африки.

В силу того, что служили в непростых условиях, с 12.30 до 16.00 у нас был «тихий час» — при температуре +50 градусов в тени заниматься чем-либо просто невозможно.

Август. Бывает, стоишь ночью на вахте — флотские шорты, лёгкая курточка, сандалии, и становится холодно. Подходишь к термометру, а там +35 градусов. По сравнению с полуденным зноем это прохлада. (Про Балтийск я не говорю — там зимой было 30—40 градусов мороза.) Но для морпехов не бывает плохой погоды. Утром подъём, и, по пояс раздетые, бежим три километра. А когда добирались до полигона, то отработывали всякие вводные упражнения. Например, ползли по слегка подмёрзшим лужам, и лёд сразу же ломался.

На корабле, конечно, не побегаешь, но физподготовка там тоже была в обязательном порядке: турники, брусья. Если не выполнял норму, тебя просто подвешивали на перекладину и тянули вверх за волосы. Да, жестоко, но ведь это армейская служба. Повторю: физподготовка у нас была 5 раз в день. Плюс всякие учения, занятия по рукопашному бою, стрельба из разных видов оружия, танков, БМП — и с воздуха, и с корабля. Морская пехота — это отлично организованная мощная боевая машина. Я не помню, чтобы мы прохлаждались когда-либо.

С парашютом тоже прыгал, но всё же основное для морской пехоты — это выход с кораблей. Судна подходят к

берегу, открываются аппарели, и из них в воду выезжают танки и БМП. Безусловно, есть поддержка и с воздуха, там также идёт десантирование, но основное происходит на воде. Определённые трудности возникают во время шторма. Если мне память не изменяет, то допускается шторм не более трёх баллов, поскольку большие танки не осият. У нас даже занятия были специальные. Над тобой 10 метров воды, нужно выбраться и подняться наверх. В противогазах специальные ампулы, рассчитанные, кажется, на 40 минут. Если за что-то зацепился — конец. Естественно, сначала тренировки проходят без воды, а потом уже, что называется, по полной программе.

Но это детали, в целом же впечатления потрясающие. Не зря ведь говорят, что те, кто не видел моря, не понимают, что это такое. Красота неописуемая, когда солнце восходит или заходит — всё, как в сказке! Особенно это замечаешь на экваторе. А сколько всякой живности: и дельфины, и киты, и летающие рыбки. Порой мы ловили рыб на голый крючок. Вода чистейшая, всё просматривается на 40—50 метров.

Бывало, командир корабля даёт команду: «Прекратить занятия, всем подойти к борту и смотреть китов!» Киты большие, маленькие — фантастика! Особенно по тем временам. Очень большие касатки 10—15 метров длиной всегда сопровождали корабли. Несколько раз мы даже поймали акулу: опускали в воду толстый (с руку) металлический тросс с привязанным к нему солидным куском мяса. Вытащили на аппарат одну белую и одну рыбу-молот. Невероятно живучие. Представляете: через пасть багром извлекли наружу все внутренности, а прошло несколько часов, и один мичман чуть не пострадал. Попытался дотронуться, щелчок пастью — багор пополам. На суше таких вещей не увидишь никогда.

...В Анголу направились с полным боекомплектом. Опередили американцев всего на несколько часов. К слову, американские самолёты пролетали прямо над нашей палубой. Мы бросали в них помидоры, видели лица пилотов. По морским законам, самолёт не имеет права проходить по курсу корабля — это называется боевым заходом. На корабле две ракетные установки. Когда американцы «шалили», командир приказывал их путать, и

ракетные установки начинали двигаться. Самолёты мгновенно исчезали.

Кормили тоже пять раз в день: завтрак, обед, полдник, ужин и второй ужин, но никто не поправлялся, наоборот, все сбрасывали вес, как правило, 6—8 килограмм. Во-первых, жара. Во-вторых, физические нагрузки. Всё выходило с потом.

Гвинея — удивительная страна. Женщины там ходят по пояс раздетые. А мы ведь молодые ребята... Всегда, когда шли строем, командир отдавал команду о равнении в другую сторону.

Когда корабли пересекают экватор, устраивается праздник Нептуна. Обычно это различные соревнования, но самое главное — по борьбе. Естественно, определяются различные весовые категории, но самой престижной считается та, которая без каких-либо ограничений. В ней принимал участие и я. Весил в то время всего 76 килограмм. Было много участников, и чтобы дойти до финала, мне пришлось побороть человек десять. В финале встречался с противником, который весил 130 кг. Провести какой-то приём против такой массы очень сложно, его даже просто поднять трудно. Но я всё же смог бросить соперника через бедро, стал чемпионом. Вот так, и здесь помогли школьные занятия самбо.

Житейские схватки

Уволился в запас в мае 1976-го. До начала учёбы оставалось ещё несколько месяцев, и я устроился работать в кузницу Тракторного завода. На момент призыва я практически закончил два курса, но при переводе с вечернего на дневное отделение, как известно, теряется один курс. В армии я вступил в партию. Как и в комсомол, шёл туда по убеждениям, поскольку верил в идеалы, прописанные в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Если не ошибаюсь, то они взяты из Библии, поэтому я верю в них и сегодня. Идеалы — это как раз то, чего нам больше всего не хватает.

Понятно, что внимание ко мне было довольно большим. Достаточно быстро стал заместителем секретаря комсомольской организации факультета, а потом и

секретарём. Учился, как и на вечернем, — на одни пятерки. Когда закончил университет, пошёл в аспирантуру, хотя были предложения выбрать и комсомольскую линию. Предпочёл путь в профессию, но избежать общественной работы не удалось. На втором курсе аспирантуры попросили возглавить комитет комсомола университета. Пришлось перевестись со стационара на заочное. Конечно, с защитой диссертации был вынужден повременить.

После работы секретарём комитета комсомола БГУ мне предлагали очень высокие должности в ЦК ЛКСМБ, вплоть до самого секретаря. Отказался, ибо считал, что прежде всего надо получить полноценное образование. Пошёл работать ассистентом преподавателя.

Во время учёбы в университете женился. Это произошло 25 ноября 1978 года. Ирина училась на третьем курсе, я — на четвёртом. Очень любопытно познакомились. Ира дежурила в комитете комсомола. Заканчивалось дежурство в 16.00, но я попросил немного задержаться. Пришёл почти в семь часов вечера и очень удивился, что она ещё ждёт. Вот что значит держать слово! Тогда я и обратил на неё внимание. И вообще: студенческие браки, на мой взгляд, самые искренние.

В материальном плане жить тогда было очень трудно. Если бы не студенческие отряды, было бы совсем туго. Сидеть на шее у родителей мы не могли. Летом неплохо зарабатываешь в стройотряде, в сентябре все на картошку, а ты — на шабашку. За эти три месяца нужно было заработать столько, чтобы потом хватило на весь год.

Оля родилась, когда мы были ещё студентами, — 15 февраля 1980 года. Как раз в тот год я закончил БГУ, а жена — в 1981-м. Никаких «академок» она не брала.

Студенческие годы — самые светлые в жизни.

После работы «главным комсомольцем» БГУ усиленно занялся диссертаций. Вскоре стал кандидатом наук, а затем и деканом подготовительного отделения. Кстати, моё «ассистенство» почти никто не понимал. После комитета комсомола университета на такие малозначимые должности обычно не шли. Зарплата уменьшилась в три раза, но я хотел быть поближе к будущей профессии.

Жена тогда работала в конструкторском бюро точного электронного машиностроения НПО «Планар», получала совсем мало. И тот период (полтора года) был довольно тяжёлым — семью, как известно, надо кормить всегда.

Защитился в ноябре 1987-го, а утвердили диссертацию в феврале 1988 года. К тому времени у нас уже была ещё одна дочь — Юля.

Получилось так, что министром образования стал Николай Демчук, который во времена моего руководства комсомолом БГУ был секретарём парткома университета. Соединили три министерства — высшего и среднего специального образования, госпрофобр и министерство просвещения. Демчук позвал работать своим помощником и начальником отдела. Выяснилось, правда, что университетскую зарплату он платить не может: в БГУ я уже получал 530 рублей в месяц, он же мог мне дать максимум 350. Потому на переходе я потерял достаточно много, но деньги для меня никогда не были главным в жизни.

Хотелось сделать что-то очень хорошее, ведь сфера образования влияет буквально на всё.

После министерства образования в 1990 году Демчук стал заместителем председателя правительства. Вячеслав Францевич Кебич предложил мне должность министра образования. Это в мой-то 34 года! Скорее всего, я бы и стал им, но не прошёл комиссию родного парламента по образованию, культуре и историческому наследию. Дело в том, что я тогда разговаривал на «трясянке» и не очень хорошо владел белорусским языком. Комиссия посчитала, что для министра образования это недопустимо. И я стал заместителем, а потом и первым замом министра. Курировал проблемы перспективного развития, занимался аналитической работой, финансовыми вопросами.

В декабре 1995 года защитил докторскую диссертацию.

В августе 1996 года возглавил БГУ.

В 1999 году стало понятно, что Лукашенко ведёт нас не в светлое будущее, а к серьёзным катаклизмам и очень нехорошим проявлениям прошлого. Есть люди, которые могут приспособиться к любым ситуациям и обстоятельствам, но я этого делать не умею.

В моей жизни многое происходило в ноябре.

17 ноября 2003 года отмечался очередной День студента. Я тогда был в отпуске, но на традиционную ежегодную встречу со студентами всё-таки решил приехать. Оказалось, меня уже ищут, потому что я «похитил» какое-то золото — целых пять килограмм. Я спокойно позвонил тем, кто ищет, поздравил нынешнего госсекретаря Жадобина с 50-летием, зашёл к министру Радькову: дескать, я никуда не прячусь.

В тот момент, когда я направлялся непосредственно на встречу, позвонил Радьков и сказал, что меня срочно вызывает президент. Ответил: ничего не могу отменить. Министр подчеркнул, что я ухудшаю своё положение, и мой аргумент насчёт 600 человек, которые ждут, его не убедил. Тогда я попросил передать президенту, что пока ничего не могу сделать. Но Радьков настоял на встрече. Тогда я согласился прервать ответы на вопросы студентов на 10 минут. Именно во время этой паузы он и сказал, что подписан указ о моем освобождении. Для меня это не стало неожиданностью. Вернулся и продолжил отвечать на вопросы. Правда, через 15 минут кто-кто из студентов увидел в интернете информацию о том, что меня сняли с должности ректора. Весь зал засмеялся — подумали, что это шутка. Но я подтвердил подписание указа. Тогда студенты спросили, чем можно помочь. Ответил, что в такой ситуации не стоит ломать свои судьбы. Я уже знал, что ко всем студенческим общежитиям стянуты внутренние войска и милиция, потому призвал ничего не предпринимать, а в жизни ценить нечто большее, чем какие-то кадровые рокировки.

Вместо послесловия

Первый раз я попытался сделать этот материал перед президентскими выборами 2006 года, но не получилось. Надежду на возвращение к теме дала мне Ольга Козулина в августе 2008 года. Мы договорились, что она запишет ответы на мои вопросы во время намеченного на конец месяца долгосрочного свидания с отцом. Через несколько дней неожиданно для многих Александра Козулина освободили, а 15 сентября 2008 года был записан на диктофон этот рассказ.

Уладзімір КОЛАС

Наша размова адбылася ў момант, калі вакол Рады беларускай інтэлігенцыі ўзнікла новая інфармацыйная хваля. Не хачу займаць чыйсьці канкрэтны бок, бо гэта кніга зусім пра іншае. Скажу толькі, што калі палітыкай пачынаюць займацца неінтэлігентна, то інтэлігенцыя час ад часу сама пачынае займаецца палітыкамі.

3 чаго пачалася Бацькаўшчына

У нейкім сэнсе я зрабіў па Мінску “кола”. Нарадзіўся 22 верасня 1951 года на вуліцы Чкалава. Пасляваенная атмасфера — драўляны Мінск. Жылі ўсе разам. Бацькі мае былі тады яшчэ студэнтамі тэатральна-мастацкага інстытута, а бабуля працавала галоўным бухгалтарам у ДOME ўрада. Звалі яе Марыя Емяльянаўна. Пасля вайны яна прыехала ў Мінск і без праблем уладкавалася сакратаркай, бо спецыялістаў у тэя часы не хапала. Па гэтай жа прычыне стала бухгалтарам, а потым паднялася па службовай лесвіцы да “галоўнага”. Добра памятую, як гулялі каля Заходняга моста, які захаваўся і сёння. Там стаяла наша хата.

Пакінуць мяне не было з кім, таму бабуля часта брала мяне “на работу”. Там прыходзіла незнаёмая жанчына, брала мяне за ручку і адводзіла ў нейкі пакой, дзе былі чырвоныя скрыначкі з узнагародамі — зоркі Героям Савецкага Саюза, розныя ордэны і медалі. З гэтымі “цацкамі” я і гуляў.

Бацькі майго бацькі (Даніла Іванавіч і Ганна Апанасаўна) з-пад Чэрвеня, а сам ён (Георгій Данілавіч) нарадзіўся ў 1929 годзе на хутары Куцень. У 1930 годзе іх сям’ю “раскулачылі” і саслалі на Урал, дакладней, кудысьці пад Кудымкар у Комі-Пярмяцкую АССР. Са “ссылных” там стварылі калгас, які вельмі хутка стаў лепшым ва ўсёй акрузе, бо людзі ўмелі працаваць. Неўзабаве ўсё мужчынскае насельніцтва арыштавалі. Майго дзеда абвінавацілі як польскага шпіёна, які хацеў зрабіць замах на жыццё Сталіна. З Урала...

Бабця расказвала, што аднойчы яна ў мужчынскай шапцы пайшла па ваду. Збеглася ўся вёска, думалі, з'явіўся мужчына, бо там пакінулі толькі жанчын і дзяцей. А калі гналі працаваць на лесапавал, то свайго сына (майго будучага бацьку) яна проста прывязвала да пня. Вярталася і бачыла, што ён аб'ядаў вакол увесь мох.

У такіх жудасных успамінах я і гадаваўся.

Маці звалі Алена Паўлаўна.

Па акцёрскай лініі бацькі не пайшлі. Маці стала рэжысёрам спачатку на тэлебачанні, а потым — на кінастудыі “Беларусьфільм”. Бацька ж — тэатральны крытык. Працаваў спачатку ў Міністэрстве культуры, затым — у розных рэдакцыях. Рэцэнзіі і сцэнары дакументальных фільмаў у яго атрымліваліся вельмі добра.

Потым мы пераехалі на Бранявы завулак, пасля — на вуліцу Натуралістаў, што побач з паркам Чалюскінцаў. Затым былі вуліцы Кахоўская і Варанянскага. Такім чынам, я зноў вярнуўся ў тыя мясціны, з якіх пачынаў. “Кола” замкнулася.

Натуральна, разам з пераездамі мяняліся і школы, што, на мой погляд, не вельмі добра. Ды і тое, што адбывалася ў тых школах, — як там выкладалі гісторыю, трактавалі пэўных аўтараў, пэўныя творы і апісанья ў іх падзеі, як убівалі ў галовы дзяцей фальшывыя лозунгі — усё гэта пакінула далёка не светлыя ўспаміны. Можна, нават таму і з'явілася жаданне стварыць школу, гады навучання ў якой вучні ўзгадвалі б як самыя светлыя ў сваім жыцці. Так узнікла першая думка пра беларускі ліцэй.

З чаго пачалося кіно

Яшчэ ў школьныя гады я займаўся ў аматарскай кінастудыі “Юнацтва” пры Палацы прафсаюзаў. Потым Аляксандр Сабаташ, які кіраваў ёю і працаваў аператарам на тэлебачанні, перайшоў у ініяз, у “Лабараторыю кіно”. Там была прафесійная кінакамера. Гэта і “вызначыла” мой выбар ВНУ, бо ўва ВГИК пасля школы не бралі.

Першапачаткова думаў правучыцца ў Інстытуце замежных моў тры гады, а потым пайсці “па лініі кіно”, але вырашыў давесці справу да канца і атрымаў дыплом.

Першай у мяне была французская мова, другой — англійская.

Калі ішло размеркаванне, вырашыў “панюхаць жыццё”, ды і бацька параіў менавіта гэта. Ні на ёту не шкадую. Працаваў настаўнікам замежнай мовы ў школе вёскі Ухлё Чашніцкага раёна. Там месцілася торфапрадпрыемства пасёлка Першамайскі. Праехаць можна было па адзінай дарозе толькі летам і ўзімку. Паміж сезонамі на “вялікую зямлю” можна было трапіць толькі на матавозе, які вазіў з Чашнікаў рабочых торфапрадпрыемства ў 6 раніцы і 12 ночы, альбо пешшу — 15 кіламетраў. Аўтобусы не хадзілі, захрасалі нават трактары.

Запомнілася, як патрапіў туды першы раз. Спачатку мяне накіравалі ў Браслаўскі раён, але там “не было французскай мовы”, і мне давялося ехаць у Чашнікі. Прыляцеў туды на “кукурузніку”. Аўтобуса няма, а матавоз толькі ў поўнач. Вырашыў ісці пешшу. Тады для мяне гэта была не адегласць, бо “бегаў” значна больш — займаўся спортам.

У дарозе мяне заспела навальніца. Тады там была пясчаная дарога, а з двух бакоў — балоты. Навальніца раптоўна скончылася, і над узгоркам на тле цёмна-сіняга неба яскрава заззялі адна над адной дзве вялізныя вясёлкі. А дарога, па якой я крочыў, ішла дакладна па цэнтры гэтай своеасаблівай аркі. Адчуў вялікае захапленне і падумаў, што гэта добры знак.

Праз год мяне хацелі прызваць у войска, але ў той прызыў не трапіў, бо падварнуў нагу. Затое папрацаваў на кінастудыі асістэнтам аператара. Потым быў Белполк, пасля якога паступіў на Вышэйшыя рэжысёрскія курсы.

Прызвалі мяне ў Вільню, потым адазвалі ў Мінск, бо тады пры Доме афіцэраў дзейнічала вайсковая кінастудыя, пры якой я мусіў служыць. Але ў Мінску пра мяне “забылі”. Паўгода я “цягнуў лямку”, як усе: страляў, бегаў крос і г.д. Дарэчы, я не выходзіў за агароджу часці і не адчуваў ніякай розніцы — ці ў Мінску я, ці недзе ў Сібіры.

Потым мяне “адшукалі”з Дома афіцэраў. Я пачаў здымаць фільм пра свой полк, хадзіў на кінастудыю манціраваць. Словам, служба стала спалучацца з творчай работай.

Пачала хваляваць праблема нашай тоеснасці ў былым Савецкім Саюзе, асабліва падчас вучобы ў Маскве. Кожную савецкую рэспубліку, альбо кінастудыю на Вышэйшых рэжысёрскіх курсах “прадстаўлялі” па 2-3 чалавекі. Памятаю, там я адчуў, што СССР — азіяцкая краіна. Нават ад кіеўскай кінастудыі імя Даўжэнкі прыехаў бурат Саша Іцігілаў, а Свядлоўскую кінастудыю прэзентаваў калмык Клім Чьмідаў. Абодва зрабіліся маімі найлепшымі сябрамі, як і туркмен Сапараў, і казах Аман Тажбаеў. На жаль, Саша ўжо нябожчык. Да нашых курсаў ён ужо быў вядучым аператарам студыі Даўжэнка, а Клім Чьмідаў у свае 26 год быў галоўным рэжысёрам Калмыцкага нацыянальнага тэатра. Да гэтага ён прайшоў школу тэатральнай рэжысуры ў знакамітага Талстанова ў Ленінградзе. Калі выключыць нешматлікіх прыбалтаў (сярод якіх таксама былі сапраўдныя зоркі: Ёнас Будрайціс, Ёнас Вайткус, кіраўнік Каўнаскага тэатра), а таксама грузін і армян, то амаль усе астатнія былі ўжо “чыстымі” прадстаўнікамі азіяцкіх кінастудый.

Для мяне гэта было цікавым адкрыццём іншых культур, своеасаблівым самаўзбагачэннем. Я ўбачыў, што кожны мой сябар прадстаўляе культуру сваёй краіны. Там абсалютна не было нічога рускамоўна-аморфна-сярэднеарыфметычнага, як у нас. Яскрава праступала нацыянальная культура. У нейкім сэнсе для мяне гэта было дакорам.

У прынцыпе, на тым жа “Беларусьфільме” народ таксама быў з усяго Савецкага Саюза, як у той песні — “мой адрас не дом і не ўлица...”. Пераважная большасць з іх прыехалі ў Мінск па размеркаванні. Некаторым было цалкам “пляваць”, дзе яны знаходзяцца — ці тут, ці ў Петрапаўлаўску-Камчацкім. Яны нічога не хацелі ведаць — ні мовы, ні гісторыі. І гэта было вельмі непрыемна.

На мой погляд, кіно і тэлебачанне — гэта тое, што павінна стварыць у нас моду на беларушчыну.

Дарэчы, маёй дыпломнай работай быў “Малады дубок” па Якубу Коласу. Ёй папярэднічала навэла па “Дзяніскавых апавяданнях”, але гэта было, хутчэй, вучэбнай практыкай.

Дэбютам жа стала “Багровая трава” па сцэнарыі Аляксея Дударова. Карціна была прызнана лепшым

дэбютам у былым СССР, і я атрымаў свой першы прыз “Надзея”. Далей ішлі “Дрэвы на асфальце” з Галінай Макаравай, Леанідам Кулагіным і Святланай Кузьміной у галоўных ролях і “Хочаце любіце, хочаце не” зноў жа з Макаравай, а таксама з Алегам Буддаковым і Неёле Ажэлітэ. Потым зняў “Адну ноч” паводле Васіля Быкава і шмат дакументальных фільмаў.

У 2008 годзе на прэстыжным Берлінскім фестывалі, у якім бяруць удзел амаль усе галоўныя тэлеканалы Еўропы, мая стужка “Галерэя Ады” атрымала “Прыз Еўропы” як лепшы дакументальны фільм. У карціне распавядаецца пра мастацкую галерэю, якую наладзіла ў сваёй вёсцы падзвіжніца беларускай культуры Ада Райчонак. Тое, што фільм пра невялікую беларускую вёску і яе жыхароў перамог фільмы, створаныя на самых буйных еўрапейскіх тэлеканалах, такіх як “АРТЭ”, “Bi-Bi-Ci” і г.д., дае падставу ганарыцца. Дарэчы, фільм быў зроблены дзякуючы падтрымцы тэлеканала “Белсат”, які працуе ў Варшаве для Беларусі. Дзякуючы названаму каналу мы маем магчымасць асэнсоўваць сваё існаванне праз аб’ектыўную інфармацыю і незаангажаванае кіно.

3 чаго пачаўся ліцэй

Менавіта неабходнасць садзейнічаць падрыхтоўцы “сваіх” кадраў і стала для мяне своеасаблівым штуршком. Да таго ж кансультантамі на некаторых карцінах у мяне былі Алег Трусаў, Эрнэст Лузгін і іншыя, хто з энтузіязмам займаецца нацыянальным адраджэннем. Апроч гэтага, у сярэдзіне 1998-га я трапіў на Беласточчыну — здымаў там фільм пра беларускую мову, яе праблемы. І пабачыў там беларускія школы, ліцэй.

У 1989 годзе Алег Трусаў, які працаваў тады ў археалогіі, папрасіў мяне дапамагчы яму ў выбарчай кампаніі. Мы папрацавалі даволі добра і пасадзейнічалі таму, што ён стаў дэпутатам. На мой погляд, гэта былі першыя і, мабыць, перадапошнія справядлівыя выбары. Трусаў тады ўзначальваў адну з раённых суполак Таварыства беларускай мовы, пры якой ён прапанаваў стварыць ліцэй. Першапачаткова мы не будавалі вялікіх планаў — збіраліся вучыць дзяцей у пазаўрочны час, не

надта адрываючыся ад сваіх асноўных прафесійных спраў. На наша запрашэнне далучацца адгукнуліся вельмі салідныя людзі — Міхась Ткачоў, Алег Лойка, Вінцук Вячорка ды іншыя. Словам, узровень быў высокі.

Новая назва гучала звыш значна — ЛІЦЭЙ. Нягледзячы на тое, што навучанне было платным, займалася даволі шмат людзей. І не толькі дзеці. У нас было некалькі груп дарослых. Лекцыі нашых выкладчыкаў прыходзілі слухаць нават тыя, хто і сам быў аўтарытэтным спецыялістам у сваёй галіне. Тая ж доктар навук Высоцкая з Мастацкага музея, напрыклад.

Нагадаю, што ўсё гэта было пры ТБМ Савецкага раёна. Каб заахваціць больш шырокае кола людзей, мы звярнуліся ў Міністэрства адукацыі за дазволам залічваць нашы заняткі як заняткі школьнага ВВК (была такая творчая практыка раз на тыдзень). Заняткі ў ліцэі праходзілі па суботах і нядзелях, таму мы і папрасілі лічыць гэта нечым накшталт ВВК, заняткі ў якім таксама адбываліся ў гэты час.

Тагачаснага міністра Мікалая Дземчука я ведаў раней, бо браў у яго інтэрв'ю для аднаго са сваіх фільмаў. Разам з ім быў Аляксандр Казулін. Там мы і пазнаёміліся. Па пытанні ўсяго нацыянальнага ў грамадстве тады адзначаўся вялікі энтузіязм, і дазвол нам далі без праблем.

Праз пэўны час Казулін запрасіў мяне да сябе і прапанаваў стварыць адукацыйна-культурны цэнтр, дзе можна было б распрацоўваць метадыкі навучання і выхавання на беларускай мове. Падкрэсліваю, што спачатку гутарка ішла толькі пра пазакласнае выхаванне. “Выбіваць” усё гэта я паехаў у Маскву, хаця сам працаваў яшчэ на “Беларусьфільме”. І “выбіў”.

Навучанне ў ліцэі вельмі падабалася нашым вучням, а бацькі ўвогуле былі “ў экстазе”. Каб арганізаваць “стацыянар”, пачалі ціснуць на мяне. Прышлося рабіць выбар. Шчыра кажучы, думаў, што гэта часова: “запусччу карабель” і вярнуся назад у кіно. “Запускаю” дагэтуль...

Потым былі пошукі памяшкання, блуканні па розных “чужых кутах”. Мне нават прапаноўвалі зрабіцца дырэктарам школы. Маўляў, павесіш на ёй шыльду “ліцэй”, і ўсё будзе добра. Мае ж прапановы былі іншымі: бяру школу і па конкурсе набіраю туды вучняў і выкладчыкаў.

Зразумела, што калектывы школ на гэта не ішлі. Я ж таксама не пагаджаўся на іх умовы, бо добра разумеў, што ў такім выпадку сапраўднага ліцэя не атрымаецца, а будзе “вайна” за пасады.

Змагаліся вельмі доўга, але ў рэшце рэшт нам далі будынак на Кірава, 21. Было гэта ў 1992 годзе. Прабылі мы там 11 год, да 2003-га, калі наш ліцэй закрылі пастановай Савета Міністраў (“ліквідаваць з мэтай аптымізацыі навучальнага працэсу”). У тым жа будынку аб’яцалі адкрыць “новы гарадскі ліцэй”. “Прычапіліся” да таго, што ліцэй быццам бы не можа быць нацыянальным, хаця самі нас так і назвалі. Карацей кажучы, звольнілі нас усіх, нават вахцёра. Прызначаная новым дырэктарам нейкая кабета прасядзела там пэўны час і ўцякла. Так яны нічога і не стварылі.

Парадокс, але атрымліваецца, што ўлады закрылі нас за сваю ж памылку. “Аптымізавалі”...

А наш будынак не пасаромеўся “ўзяць” суд Цэнтральнага раёна. Цяпер там час ад часу судзяць былых нашых вучняў. Тых, хто хоча, каб Беларусь была такой, як пра яе пішуць у падручніках, — дэмакратычнай, прагрэсіўнай, незалежнай. У класах, дзе яны калісьці вучыліся, міліцыянты пакорліва паўтараюць фальшывыя абвінавачанні: “лаяўся матам”, “чапляўся да мінакоў”... Гнюсна, хаця і сымбалічна.

З таго часу працуем, як і раней, у рэжыме грамадскай суполкі. Па сутнасці, вярнуліся да таго, з чаго пачалі.

З чаго пачалася Рада

У 1998 годзе Замяталін, які быў тады віцэ-прэм’ерам краіны, падчас чарговага моцнага “наезду” зрабіў нас Нацыянальным дзяржаўным ліцэем імя Якуба Коласа. Іезуіцкая іронія тут відавочная, хаця я заўсёды кажу, што ў адрозненне ад знакамітага паэта ў мяне не псеўданім, а сапраўднае прозвішча.

“Каталізатарам” стала тое, што яшчэ ў 1994 годзе мне паказалі ўказ (адзін з першых указаў новай улады), які загадваў знішчыць усе падручнікі, выдадзеныя пасля 1991 года. Іншымі словамі, знішчалася ўсё тое, што тычылася

перыяду, калі можна было гаварыць праўду. Потым гэты ўказ “паклалі пад сукно”, бо пад яго падпадала амаль усё, што было выдадзена, а нічога іншага не было, і школа засталася б увогуле без падручнікаў. Быў ужо жнівень, і рабіць відавочнае глупства чыноўнікі ад адукацыі не сталі.

Далейшыя падзеі прымусілі падумаць пра неабходнасць нешта рабіць, займаць актыўную пазіцыю, а не стаяць убаку. Стала відавочна: калі мы не будзем “рухацца”, то заслугоўваем таго, што з намі будзе далей. Асабіста я не мог зразумець, чаму нашы продкі дазволілі падчас рэпрэсій так сябе катаваць. Не мог прыняць логіку таго часу, але добра ўсведамляў: усё можа вярнуцца вельмі хутка. Таму мы і вырашылі паказаць, што інтэлігенцыя не абьякавая да таго, што з намі адбываецца. На жаль, ёсць і такія, хто жыве па прынцыпе “абы ціха” і лічыць, што гэтым займацца не трэба, галоўнае — сумленна выконваць сваю працу. Спачатку прыйдуць за аднымі такімі “сумленнымі”, потым за другімі... Словам, “давыконваюцца” і апынуцца ўсе разам за калючым дротам.

Мы вырашылі правесці сход інтэлігенцыі, каб данесці сваю пазіцыю не толькі да ўлады, але і да палітычнай апазіцыі, бо яна тады была, калі можна так сказаць, у нейкім расхрыстаным стане. Вельмі ўразіла тое, што нашы палітыкі, ў тым ліку і БНФ, замест таго, каб кансалідаваць грамадства і аб’ядноўваць людзей, адштурхоўвалі іх, пастаянна кланіраваліся.

І самае галоўнае, у чым я абвінавачваў сваіх калег і сяброў: яны не парупіліся аб тым, каб вылучыць годную перспектыву кандыдатуру на прэзідэнцкія выбары, знайці сапраўднага канкурэнта тагачаснаму і сённяшняму кіраўніку краіны. Асабліва гэта было бачна ў 2001 годзе. Асабіста я нічога не маю супраць спадара Ганчарыка. Ён падаецца вельмі добрым і годным чалавекам, аднак наша грамадства тады яшчэ было надта захоплена рамантычным духам дэмакратычных перамен. І калі людзям у якасці адзінага дэмакратычнага кандыдата прапаноўвалася асоба, якая сымбалізавала абрыдлы саўковы крывадушны і фальшывы “клопат” аб “працоўных масах” (а менавіта так успрымаліся пагалоўна ўсімі “савецкія прафсаюзы”), узнікала заканамернае пытанне: аб

чым думалі тыя, хто выставіў такую кандыдатуру? І чаму дэмакраты не парупіліся, каб загадзя выставіць моцнага кандыдата са сваіх шэрагаў і мець час на ягоную “раскрутку”?

Напярэдадні наступных выбараў сітуацыя была падобная — ні кандыдата, ні адзінства. Таму ў траўні 2003 года ў Палацы мастацтваў мы сабралі гарадскі сход інтэлігенцыі, а потым у ДOME культуры ААТ “Сукно” — і нацыянальны. Галоўны наш пасыл — кансалідацыя. Мы звярнуліся і да ўлады, і да апазіцыі, і да народа з заклікам шукаць тое, што нас яднае, а не раз’ядноўвае, разам будаваць дэмакратычнае грамадства, што немагчыма без свабоды сумлення, слова і выбару. Гэтыя прапановы былі накіраваны ўладам і палітычным лідарам.

Неўзабаве пасля гэтага Лукашэнка выступіў на нарадзе вышэйшых кіруючых кадраў у канцэртнай зале “Мінск” з прамовай. Працытаваў мяне і з уласцівай яму лоўкасцю ўсё падаў “як трэба” — маўляў, інтэлігенцыя імкнецца раскалоць грамадства на розныя тыпы беларусаў, хаця гутарка ішла пра супрацьлеглае. І ўпершыню абвясціў пра неабходнасць стварэння дзяржаўнай ідэалогіі. Ніколі не ведаеш, да якіх наступстваў прывядзе тое, што ты робіш...

Атрымаўшаецца, што наш сход інтэлігенцыі стаў штуршком для актыўнасці ў гэтым напрамку. Па сённяшні дзень гэтая “ідэалогія” не дала ніякага плёну і не можа даць, бо тое, што яны практыкуюць, — гэта эклектыка і нешта штучнае. Ідэалогіяй павінны быць праўда і імкненне да яе, а не кампіляцыя старой брэжнеўска-сталінскай прапаганды...

Мы пачалі збірацца рэгулярна. Партыю альбо рух не сталі ствараць па розных прычынах. Асноўная ў тым, што нашы палітычныя аднадумцы прасілі не ствараць нічога новага, бо баяліся “перабежчыкаў”. Іншымі словамі, тады магло адбыцца тое, што назіраецца цяпер. Кожны новы рух на чале з выбітным чалавекам пачынае “высмоктваць” кадры з іншых. Новае з’яўляецца даволі рэдка.

Таму мы і вырашылі існаваць толькі як грамадская ініцыятыва. На згаданым сходзе была створана адпаведная рада, у якую ўвайшлі знакавыя людзі. Рада пастаянна абнаўляецца, застаецца толькі “ядро”. Збіраемся

з нагоды нейкіх падзей, выпрацоўваем сваю пазіцыю, выказваем нейкія прапановы, накіроўваем іх грамадству, а калі трэба — кіраўніцтву краіны і лідарам палітычных партый.

З чаго пачнецца “адзіны”

Сёння з нашымі дэмакратычнымі сіламі адбываецца тое, што з імі было амаль дзесяць гадоў таму, і мы вымушаны зноў заклікаць да кансалідацыі. Безумоўна, палітыкі самі павінны прымаць пэўныя рашэнні, вызначаць адзінага апазіцыйнага кандыдата ў прэзідэнты, але калі выніку няма, то трэба падумаць чаму, і прыслушацца да іншых. Прыходзяць. Слухаюць. Выказваюцца.

Выснова з гэтых сустрэч наступная: ёсць сапраўды выбітныя і дасведчаныя палітыкі, але паасобку яны могуць рэалізавацца толькі ў нармальным дэмакратычным грамадстве. Паасобку ж стварыць яго ніхто не здолее. Таму аб'яднанне — адзіная надзея на поспех. Прапанавалі каардынаваць круглы стол, на якім яны імкнуцца дамовіцца аб адзінстве. Прагрэс пакуль невялікі. Галоўная перашкода — уласныя амбіцыі. Таму хацелася б заклікаць усіх дэмакратычных актывістаў, усіх сяброў партый мацней націснуць на сваіх босаў, каб прымусіць іх зрабіць адказны крок і ператварыцца ў адну каманду. Хаця б на гэты вырашальны час.

Аўтарскае пасляслоўе

Мая сустрэча са старшынёй Рады беларускай інтэлігенцыі Уладзімірам Коласам шмат разоў адкладвалася. І не таму, што ён гэтага не жадаў. Проста Колас вельмі заняты чалавек. І тут няма нейкай “рысоўкі”. Так бывае заўсёды, калі чалавек “хварэе” на канкрэтную справу.

Нарэшце 14 красавіка 2010 года мы запісалі гэтую размову. І я вельмі спадзяюся, што яе змест дасць адказ на пытанне “Чаму ўсё не адбылося хутчэй?”

Аляксей МАРАЧКІН

Магчыма, гэта гучыць банальна, але лёс кожнага чалавека можна скласці з нейкіх карцінак. А гэтую метафару я ўзгадаў не таму, што для мастака Аляксея Марачкіна (Алеся Мары) падобнае больш зразумелае. Проста яго жыццё, сапраўды, нагадвае цікавую галерэю.

Колеры дзяцінства

Мае бацькі — Антон Мікалаевіч і Хадора Хролаўна. Імя маці даволі рэдкае. Я з дзяцінства прывык да таго, што літару “ф” у нашай мясцовасці не вымаўлялі. Яна як бы ўвогуле не існавала: Хведзя, хвасоля...

Сям’я была вялікая — у мяне дзве сястры і два браты. Усе, слава Богу, жывыя. Я нарадзіўся 30 сакавіка 1940 года, на рэлігійнае свята мучаніка Аляксея (у гонар яго і назвалі), але ў пашпарце памылкова запісалі “10 сакавіка”. Справа ў тым, што падчас ваенных закатаў пасведчанне аб нараджэнні не захавалася, і ў школе дзень сваіх народзінаў я назваў амаль наўгад, бо дакладна ведаў толькі год. Пазней спытаў у маці, калі адзначаецца “святы Аляксей”, і пачуў — напрыканцы сакавіка, а калі паглядзеў царкоўны каляндар, то ўбачыў, што 30-га.

Мая родная вёска — Папоўшчына (Чэрыкаўскі раён Магілёўскай вобласці). Некалі тут былі надзелы папоў, адсюль і назва вёскі. Папы былі не дурныя, ведалі, дзе зямля ўрадлівая, каб вырошчваць бульбу, сеяць жыта і ўсё такое. Для савецкай улады, яе ваяўнічага атэізму слова “Папоўшчына” гучала немілагучна, і вёску перайначылі ў Новую Слабаду, але ніхто так і не стаў называць яе паноўнаму.

Трэба сказаць, што часы вайны я памятаю, як праз сон. Памятаю, як мы беглі ў лес, калі немцы адступалі. Я бег з маці праз поле, дзе ляжалі кімсьці забітыя каровы. Многія з іх былі ўжо даволі “брухатыя”. Відаць, яны праляжалі там досыць доўга. Мы схаваліся ў лесе — дзеці, жанчыны, старыя. Усе мужчыны былі на вайне. Ноч. Над нашымі галавамі праляталі самалёты. Вяскоўцы распалілі

невялікае цяпельца, а я браў сухую галінку, падпальваў яе ў цяпельцы і кідаў уверх. Вугольчыкі іскрыліся, і мне было дужа цікава глядзець на гэтыя зорачкі. Нехта ўшчуваў маю маці: “Супакой дзіцёнка. Што ён немцам сігналы падае? Бамбіць будучь...”

Памятаю таксама, што падчас нейкай страляніны я схаваўся ў жыце, каб паназіраць за бойкай паміж нямецкімі самалётамі і савецкімі “стракозам” (іх называлі менавіта так). Яны ляталі вельмі нізка, і мне, малому, здавалася, што іх можна нават рукамі злавіць.

Раптам я ўбачыў, як за адным самалётам з’явіўся чорны дым. Самалёт закруціла, ён узвіўся вышэй, а потым пачаў падаць за нашу вёску. Выбуху не было. Прайшло больш за сорок год, і калі пачалі асушваць балоты, знайшлі той самалёт. Мужыкі расказвалі, што як паднялі яго з вады, то ўбачылі — у торфе захавалася амаль усё. Загінуўшы савецкі лётчык быў, як жывы...

Малодшы брат Мікола працаваў тады ў Чэрыкаве і многае ведаў. Ён неяк паказаў мне старога механіка, апанутага ў куртку таго самага лётчыка. Карычневая такая. Мне стала ніякавата...

Пазней дазналіся імя загінуўшага і паставілі яму помнік.

Акрамя Міколы, які нарадзіўся пасля вайны, з намі жылі сёстры Валя і Аня, якую мы звалі Нютай, а таксама старэйшы брат Васіль. Канешне, яны мяне даглядалі. А ў другой хаце, што побач з нашай, жыла бабуля Хрысціна з сынам Васільком. Муж Хрысціны Нікіпар загінуў на вайне.

Непадалёк ад нас знаходзілася хаціна дзёда Андрэя. Ён быў легендарнай таямнічай асобай. Менавіта дзед Андрэй разбудзіў маю фантазію. Падчас Першай імперыялістычнай вайны ён быў у палоне ў Аўстрыі. Ведаў іх мову, любіў спяваць, расказваць казкі. Валодаў незвычайнай фізічнай сілай. Яго чамусьці называлі Магнітам-Балабумем. Іншыя звярталіся да яго паважліва — “Марцінавіч”.

А яшчэ ён мог лячыць вадой і заговорваў яе. Аднойчы гэтую чарадзеиную моц спазнаў і я. Помню, сур’ёзна нечым захварэў і папрасіў маці паклікаць дзёда. Ён нешта пашаптаў над вадой, я выпіў яе і...заснуў. Прачнуўся цалкам здаровым.

Першае ўражанне пасля вайны — вяртанне майго бацькі. Помню, было гэта раніцай. Ён прыйшоў з палявой вайскавай торбай за плячыма. Ніякіх трафееў там, мабыць, не было. Адзінае, што з’явілася ў доме, — вялізны стос каляровых паштовак. Гэта былі рэпрадукцыі розных карцін.

Захапленне карцінамі

Сядзячы на печцы, я любіў разглядаць гэтыя паштоўкі. Мне было вельмі цікава: Леанарда да Вінчы, Ціцыян, Рэмбрант... Пазней арыгіналы твораў гэтых мастакоў я ўбачу ў розных музеях свету і заўжды буду ўспамінаць дзяцінства і тыя паштоўкі...

Маляваць хацелася заўсёды. Хоць і нарадзіўся я ранняй вясной, называю сябе “зімовым чалавекам”. Зімы тады былі выключна марозныя і снежныя. Мяне заўсёды зачароўвала тое, што малявала прырода. На хатніх акенцах мароз ствараў розныя ўзоры. Я падоўгу глядзеў на іх, абводзіў пальцамі. Надзвычай прыгожае відовішча! Асабліва, калі хатняе цяпло пачынае мяняць гэтыя ўзоры.

Памятаю, як у чарговы раз перабіраў тыя паштоўкі, і да нас прыйшлі “старцы” — так звалі тых, хто хадзіў ад хаты да хаты ў пошуках нейкай ежы, бо пасля вайны наступіў вельмі галодны час. Гэтыя людзі жабравалі. Ведама, у некага хата згарэла, не было чым карміць дзяцей. Захар’я (цалкам сляпы) хадзіў са сваёй жонкай Маланняй. Ён граў на ліры і спяваў песні. Я вельмі любіў іх слухаць. Аднойчы сустрэў Маланню на вуліцы. Падалі першыя сняжынкi. Яна ўбачыла мяне і пачала па памяці чытаць верш Змітрака Бядулі: “Сняжыначкі-пушыначкі, як матылькі ляцелі...”.

У такім асяроддзі я і рос. Любіў святло і баяўся цемры. Калі хадзіў за чатыры кіламетры ў школу і вяртацца прыходзілася цемрай (бо, як вядома, дні перад Новым годам кароткія), то заўсёды радаваўся таму, што не адзін, а нас цэлая кампанія: Віцька, Каця, Шурка, Валодзька... Чалавек 10—15 з вёскі. Зараз гэтай вёскі няма, засталіся толькі прысады.

Маці была непісьменным чалавекам, не скончыла ні аднаго класа. Нарадзілася ў сям’і, дзе было 12 дзяцей. Была

пастушкай і дужа прыгожа спявала старадаўнія беларускія песні. А бацька вучыўся ў царкоўнапрыходскай школе. Больш за тое, пасля вайны ён скончыў Магілёўскае культасветвучылішча, дзе рыхтавалі работнікаў сельскіх клубаў. Яго прызначылі бібліятэкарам у суседнім калгасе, таму дома заўсёды былі кніжкі, было што пачытаць.

Мне вельмі падабаўся часопіс “Огонёк”, бо там друкаваліся рэпрадукцыі карцін розных мастакоў. Я разглядаў іх з вялікім захапленнем, але зразумець подпісы не мог. Сястра Валя ўжо хадзіла ў школу і ўмела чытаць, я прасіў яе дапамагчы. Яна адказвала: пойдзеш у школу, навучышся чытаць сам. Але чакаць не хацелася, і я навучыўся чытаць яшчэ да школы. І калі бацька прынёс мне кніжку казак Пушкіна, то з ёй не ўзнікла ніякіх праблем. Чытаць мне вельмі падабалася.

Дыктоўкі, сачыненні, пераказы ў школе пісаў добра. Быў толькі адзіны “дэфект”: школа ў нас была беларуская, і я ніяк не мог уцяміць, што на рускай мове слова “малако” трэба пісаць як “молоко”, бо прызвычаіўся да таго, што “як чуецца, так і пішацца”. Калі за дыктанты па рускай мове я атрымліваў тройку, гэта ўжо было вялікім дасягненнем. У беларускіх словах памылак фактычна не рабіў.

Вучыўся ў Язёрскай сярэдняй школе. Вучыўся добра. Канешне, у першых класах было нецікава, бо там вучаць чытаць па складах, і я “тармазіў” разам з усімі. Адзіная радасць — малюнак. Настаўніцу звалі Марыяй Ільвічнай. Яна выклікала мяне да дошкі і казала: “Сёння будзем маляваць кая”. Прасіла мяне яго намаляваць, каб усе астатнія маглі скапіраваць. Гэтак аднакласнікі вучыліся ад мяне малюнку.

Найбольш светлы ўспамін пакінуў аб сабе настаўнік беларускай мовы і літаратуры Пётр Рыгоравіч Плісікаў. Геніяльны быў педагог. Ён даваў нам значна больш, чым прадугледжвала школьная праграма. Мабыць, на таго ж Якуба Коласа там даюць толькі некалькі дзён, а мы вывучалі “Новаю зямлю” амаль што паўмесяца. Больш за тое, калі ў паэме падыходзілі да нейкіх дыялогаў, то ён арганізоўваў сапраўдны спектакль — даваў дзецям чытаць па ролях, каб на 45 хвілін яны маглі стаць тым ці іншым героем. Светлая памяць гэтаму светламу чалавеку. Гаварыў ён толькі па-беларуску. Не па-вясковаму, а на літаратурнай

мове. Таму гуманітарныя навукі ў школе мне падабаліся больш, чым дакладныя.

Фарбы юнацтва

Яшчэ ў школе я марыў паступіць у мінскую вучэльню, якая рыхтуе мастакоў. Так і зрабіў. У Мінску ўжо тады жыла мая старэйшая сястра Нюта. Пасля ўступных экзаменаў нас, чалавек пяць-шэсць, сабраў тагачасны дырэктар Краснеўскі і сказаў: “Усіх у вучэльню прыняць не магу, тым больш што вы не праходзіце па конкурсе”. Ён параіў нам узяць экзаменацыйныя лісты і паехаць у Віцебск, у мастацкі тэхнікум (дарэчы, там некалі спрабаваў вучыцца Васіль Быкаў). На той час у тэхнікуме пачалася рэарганізацыя — яго ператваралі ў мастацка-графічны факультэт Віцебскага педагагічнага інстытута.

Я быў найшчаслівейшым чалавекам у свеце, калі летам на вачах у бабці Хрысціны паштальён прынёс мне ліст з паведамленнем аб тым, што я стаў студэнтам. Дадам, што разам са мной студэнтамі сталі ўсе, хто прыехаў з Мінска, у тым ліку геніяльны мастак Антон Валатовіч, унікальны скульптар Валодзя Хмызнікаў (на жаль, яны рана пакінулі гэты свет), вядомы скульптар Лёня Зільбер, які зараз жыве і працуе ў Ізраілі.

На апошнім курсе (на чацвёртым) пабраўся шлюбам з Ірынкай, якая пасля скончыла біялагічны факультэт педінстытута. Вучыцца хацелася далей, але добра ўяўляў, што наперадзе чакае армія, таму паехаў па размеркаванні працаваць настаўнікам па малюнку і чарчэнні ў глыбокае Палессе — у вёску Рубель Столінскага раёна, самую вялікую вёску ў Беларусі. Гэта быў 1962 год. Палешукі — вельмі каларытны і цікавы народ. Калі паказваў ім малюнку (у тым ліку і свае), яны казалі: “Ой, як хвайна!”, а я не мог зразумець, што гэта такое, і толькі пазней даведаўся — “Добра”...

Служыў пад Барысавам, у знакамітых Печых. А калі прызываўся, на плячах трымаў эцюднік з фарбамі — не мог яго пакінуць. Адзін з сяржантаў на размеркавальным пункце спытаў: “Ты што, на рыбалку сабраўся ці ў армію?” Напэўна, эцюднік нагадаў яму “скрыню” для зімовай рыбалкі. Прыйшлося патлумачыць.

У “вучэбцы” мяне навучылі вадзіць танкі, аднак больш часу я маляваў плакаты ў Доме афіцэраў. І маляваў добра, таму далей нікуды не адправілі. На адным з плакатаў замест “Воин, будь бдителен!” напісаў “Воин, будь спокоен!”. Ніхто гэтага не заўважыў. Арганізаваў для афіцэрскіх дзяцей студыю выяўленчага мастацтва. Дарэчы, сярод іх быў і рыжы хлопчык Мікола Ісаёнак — сёння гэта вядомае прозвішча ў беларускім мастацтве.

Пасля войска вырашыў перабрацца бліжэй да Мінска. Два гады працаваў настаўнікам у СШ № 4 Жодзіна. Чатыры гады вучобы ў Віцебску мяне не задавалілі, таму паступіў у Беларускае дзяржаўнае тэатральна-мастацкае інстытут.

Вельмі цікавы тады быў час. З аднаго боку — пасляхрушчоўская адліга, з іншага — пачатак брэжнеўскага застою. Уся творчая інтэлігенцыя была ўражана выставай “Архітэктурнае Злучаныя Штаты Амерыкі”, якая адбылася ў Операім тэатры. У нейкім сэнсе савецкая “жалезная заслона” крыху прыўзнялася. Мы нават выпісвалі чэшскае фотарэвію і румынскую літаратуру, дзе друкаваліся даволі цікавыя рэчы.

Тады ў наша жыццё толькі-толькі ўваходзіў дызайн. Многія бачылі ў ім сваю будучую прафесію. Мой сябра Валеры Кісялёў, з якім я вучыўся яшчэ ў Віцебску, паступіў на аддзяленне дызайну БДТМІ і агітаваў мяне пайсці разам з ім. А я так думаў: навошта той дызайн, калі дастады жывапіс? Якраз так атрымалася, што народны мастак Беларусі Іван Восіпавіч Ахрэмчык неафіцыйна (аб гэтым мы даведаліся пазней), тайна ад Масквы (ведала толькі беларускае кіраўніцтва) адкрыў у БДТМІ, дзе ён загадваў кафедрай, факультэт жывапісу. Афіцыйна мы паступалі на “дызайн і інтэр’ер”, а неафіцыйна вучыліся зусім іншаму.

Выбар сюжэта

Так, Ахрэмчык вырас на “сацрэалізме”, але ў наш час ён ужо быў іншым. Яшчэ студэнтам я прачытаў Салжаніцына і напісаў сваю першую грунтоўную працу “На лесапавале” (1967 год). Я ўвогуле быў завадатарам усяго, што не ўкладваецца ў існуючыя рамкі. За гэтую карціну мяне хацелі выключыць, але дзякуючы Ахрэмчыку,

які сказаў, што гэта ўжо не так і кепска зроблена, мяне пакінулі ў інстытуце. Пазней карціну купілі амерыканцы з Нью-Джэрсі ў мясцовы музей нанканфармізму. Яна і зараз знаходзіцца там у пастаяннай экспазіцыі.

Ахрэмчык ведаў, што я “ціхі дысідэнт”, але імкнуўся не звяртаць на гэта асаблівай увагі. Наадварот, папярэджаў — трэба быць асцярожным, бо інакш вучобы не закончыць. На жаль, у гэтым сэнсе я не быў паслухмяным. Дух супраціву натхняў і ўзбуджаў. Вось цікавы выпадак. Усім студэнтам загадалі напісаць што-небудзь да 100-годдзя з дня нараджэння У.І.Леніна. Я зрабіў “Смаленне чорнага кабана”. Можна толькі ўявіць, які вэрхал тады падняўся! У рэктарат патэлефанавалі з Міністэрства асветы, і мяне выклікалі ў адпаведныя інстанцыі. Але я застаўся на сваіх пазіцыях, бо не бачыў ніякай крамолы ў сваім творы. Хапіла нахабства сказаць чыноўнікам, што “правадыр” пралетарыяту таксама любіў паесці сала.

На дыплом мяне “вывеў” Натан Майсеевіч Воранаў, які быў вучнем знакамітага Асьмёркіна (піцёрская школа жывапісу). У той час я жыў з сям’ёй (жонка і сын) у Жодзіне, дзе меў кватэру, а ў Мінск ездзіў толькі дзеля вучобы. Перад дыпламам я паказаў майму кіраўніку эскізы да карціны “Гуканне вясны”, бо хацеў напісаць менавіта гэты твор. Гэта вельмі прыгожы вясновы абрад, традыцыйна беларуская тэма. Бачыў яго на роднай Магілёўшчыне шмат разоў. Не тое, што мне забаранілі рабіць яе, проста “параілі” намаляваць іншае — напрыклад, Жодзінскі аўтазавод з яго магутнымі БелАЗамі. З цяжкасцю быў змушаны пагадзіцца. На абароне атрымаў вышэйшую адзнаку.

“Гуканне вясны” я потым усё ж такі намаляваў. Сустрэлі карціну вельмі добра. Доўгі час яна знаходзілася сярод пастаянных экспанатаў нашага Нацыянальнага мастацкага музея, але прыйшлі “новыя кіраўнікі дзяржавы”, і мой твор схавалі. Гэтак жа адбылося і з карцінай “Вераніка і Максім”, якую перад візітам Лукашэнкі ў “новы корпус музея” адданыя паслугачы рэжыму хуценька прыбралі з экспазіцыі.

Падобнае здаралася і раней. Нягледзячы на нейкія творчыя дасягненні, чыноўнікі ад мастацтва не спяшаліся

браць мае палотны на нейкія буйныя выставы. У той жа Маскве я быў не вельмі жаданым госцем. Мабыць, камусьці не падабалася тое, што было намалёвана. Канкрэтны прыклад — “Воблака” (1984 г.). Тэма — экалагічная катастрофа на Палессі, куды я з’ездзіў некалькі разоў. Карціна выстаўлялася на агульнасаюзнай выставе, але яе паказалі не ў цэнтральнай выставачнай зале, як іншыя, а ў нейкім клубе. Было гэта за два гады да Чарнобыльскай аварыі. Вазьміце таго ж Міколу Селепчука. Яго таксама не “балавалі” Масквой, бо бачылі сапраўдны талент, а значыць — патэнцыяльнага канкурэнта. А якую знішчальную крытыку ў адрас Міколы мы пачулі на з’ездзе Саюза мастакоў з вуснаў самога Міхаіла Савіцкага! Было жудасна слухаць.

Увогуле, я прадстаўнік незапатрабаванага пакалення, бо неабходна было працаваць толькі так, як загадала КПСС. Магчыма, менавіта па гэтай прычыне мае равеснікі так цяжка “прабіваліся” ў мастацтва. Выжывалі толькі самыя моцныя. Іншых пасылалі на перыферыю, дзе яны співаліся і паміралі...

Ніколі не працаваў “на заказ”, не маляваў ні Леніна, ні Маркса з Энгельсам. На маіх карцінах — іншыя героі: Францыск Скарына, Кірыла Тураўскі, Рагнеда, Ефрасіння Полацкая, Вітаўт Вялікі, Іван Луцкевіч, Цётка. Сёння за гэта, магчыма, атрымаў бы (калі б сябраваў з уладай) дзяржаўную прэмію. Але як небудзь абыдуся без такой ласкі. У 90-я гады, калі Саюз мастакоў вылучаў мяне на званне заслужанага дзеяча мастацтва, я прынцыпова адмовіўся.

Палітра жыцця

Магчыма, гэта задужа пафасна, але з гадамі я пачаў разумець, што мы НАРОД, НАЦЫЯ, і, каб не згубіцца ў свеце, павінны не забываць, адкуль і хто мы. Творчы арыенцір на этнаграфічнасць і гістарычныя партрэты абраў у той час свядома. Нават у нейкім сэнсе абмежаваў у сабе пошукі “чыстага мастацтва”.

У 1990 годзе пры Саюзе мастакоў Беларусі была створана суполка “Пагоня”.

Я быў маральна падрыхтаваны да перабудовы, і таму цалкам лагічна тое, што мяне прызначылі загадчыкам кафедры жывапісу Беларускай акадэміі мастацтва. Дагэтуль займаўся вольнай творчасцю і некалькі гадоў з'яўляўся галоўным мастаком у мастацкім фондзе БССР. Іншымі словамі, адказваў за мастацка-ідэйны ўзровень таго, што рабілася ў нашых вытворчых майстэрнях. Дарэчы, менавіта ў той час у Мінску пачалося будаўніцтва метро. Дзякуй Богу, тое-сёе ўдалося адваяваць, аднак многае выратаваць не атрымалася. Сумны прыклад — станцыя “Парк Чалюскінцаў”. Керамічныя пласты там рабіў вядомы (светлай памяці) мастак Аляксандр Кішчанка. Ідэалагічная камісія ЦК КПБ і прадстаўнікі гарвыканкама, нягледзячы на яго рэгаліі і вядомасць, загадалі знішчыць ужо зробленае, бо нехта ўбачыў у гэтых пластах эратычная матывы. Тое ж самае пагражала і вітражам з падсветкай на станцыі метро “Інстытут культуры”. Некаму падалося, што ў шклянёй арнаменталіі прачытваецца... фашысцкая свастыка. І таксама хацелі ўсё знішчыць, але ад гэтага маразму ўдалося адбіцца.

Яшчэ адзін прыклад — станцыя метро Якуба Коласа. Каля ўвахода там ёсць пано з выявай прыгожых каласоў. Нехта ўбачыў у гэтых каласах габрэйскую мінору, і мне прыйшлося звяртацца да галоўнага барацьбіта з сіянізмам і масонствам Уладзіміра Бегуна, якому ўдалося даказаць, што гэта не так і што мастакі пра тое зусім не думалі...

У 1974 годзе я пераехаў у Мінск і працаваў у Акадэміі мастацтва на кафедры малюнка. А як стаў загадчыкам кафедры жывапісу ў часы перабудовы, здавалася, што ўсё будзе іначай — “дойдзем да Беларусі”. Ды нядоўга тое было. Прыйшлі новыя мудры “гісторык” і сумна вядомы палкоўнік Замяталін, службы якога выціснулі мяне з пасады загадчыка кафедры. Гэтым самым улады папоўнілі шэрагі праціўнікаў рэжыму. На мой погляд, яны зрабілі неразумна, бо тым самым як бы падштурхнулі мяне запоўніць нішу нанканфармізму — мастацтва супраціву. І я вымушаны маляваць карціны накшталт “Плошчы Каліноўскага”, “Звычайнага нацюрморта” і да т.п.

Такі лёс і ў іншых творцаў, якім не ўсё роўна, што адбываецца ў краіне.

Часта пытаюся ў сябе: “Навошта мастаку палітыка?” Я не мазахіст і спецыяльна не раблю, каб нехта мяне “біў”, арыштоўваў і саджаў за краты. Але не магу інакш. Душа востра рэагуе на падман, знявагу, цемрашальства. Можна, у іншых гэта адбываецца неяк інакш. Я не вінавачу тых мастакоў, пра якіх некалі склаў такія радкі: “Штодня маляю хмызнякі і застаюся на вякі...”. Толькі адны хмызнякі маляваць не змагу і не буду. Мне не па душы тая фальш, што ідзе ад галоўнага “брыгадзіра” нашай краіны, якую я адчуваю ўсюды, асабліва ў культурнай палітыцы. На жаль, сёння з усяго беларускага (мова, культура) робіцца звычайны сувенір, каб было што паказаць за мяжой — зубры, буслы, ручнікі і да таго падобнае.

Я не магу схавацца пад стол альбо зрабіць выгляд, што быццам бы нічога не адбываецца. Не змагаюся за нейкую пасадку, але і не парываю з Народным фронтам, у якім я знаходжуся з самага пачатку яго існавання. Не магу здрадзіць сваім думкам і стаць на калені перад цемрай. А галоўнае — я не адзін такі.

Аўтарскае пасляслоўе

Наша гутарка адбылася 28 снежня 2009 года ў майстэрні вядомага мастака, што месціцца ў знакамітым “Доме над Свіслаччу”. Аляксей Антонавіч патлумачыў, што атрымаў майстэрню яшчэ ў 1992 годзе пры кіраўніцтве Станіслава Шушкевіча. Дарэчы, гэта была апошняя майстэрня, пабудаваная на сродкі Саюза мастакоў пры падтрымцы дзяржавы.

Аляксандр МІЛІНКЕВІЧ

Мені за ўсё хацелася б, каб гэты аповед нагадваў выбарчую агітку, менавіта таму ў ім будзе так мала бягучай палітыкі. І гэта, на мой погляд, абсалютна правільна. Шмат хто ведае Аляксандра Мілінкевіча па ўлётках і Руху “За Свабоду”. Мне ж хочацца, каб людзі больш даведаліся пра яго жыццё.

Фізік

Нарадзіўся ў Гародні 25 ліпеня 1947 года. У сям’і амаль усе былі настаўнікамі — бацька, маці, дзядуля, брат. І першая жонка, і другая таксама былі педагогамі. Словам, абсалютна педагогічны асяродак.

Бацькава сям’я праваслаўная, у дасавецкі час — заможная сялянская; з Пілюкоў, што за 12 кіламетраў ад Гародні, калі ехаць па старым віленскім тракце на Азёры. Іх раскулачвалі, нават на расстрэл вялі. Скончылася ўсё канфіскацыяй на карысць калгаса. Дзед Іван Антонавіч быў вельмі суровага характару, прагны да працы і майстар на ўсе рукі. Мог і воз, і бочку змайстраваць, і хату паставіць. Усяго дасягнуў сам, сваім розумам і працай ад світання да сутоння. Ён быў тыповым прадстаўніком Дамастроя. Ягоная жонка, мая бабуля Марыя Мікалаеўна, была вельмі добрай і настолькі ціхай, што я нават кепска памятаю ейны голас.

Бацька мой, Уладзімір Іванавіч Баран, чвэрць стагоддзя быў дырэктарам школы, лепшай у Гародні. Вядомы ў горадзе чалавек, заслужаны настаўнік рэспублікі. Меў урадавыя ўзнагароды, у тым ліку і вышэйшую — ордэн Леніна. Нядаўна пад рэдакцыяй Аляксандра Фядуты выйшаў першы нумар беларускага біяграфічнага альманаха “Асоба і час”, і бацька там — адзін з персанажаў. Таленавіты педагог. Да вайны скончыў Варшаўскі ўніверсітэт. Географ. Працаваў у элітным ліцэі Стэфана Баторыя ў сталіцы Рэчы Паспалітай. Палякі, як даведаюцца пра тое, здзіўляюцца. Малады праваслаўны беларус — і ў такім прэстыжным месцы. Такое здаралася даволі рэдка ў той час.

Маці звалі Марыя Аляксандраўна Мілінкевіч. Ейны бацька быў сынам і ўнукам паўстанцаў 1863 года. Род Мілінкевічаў я ведаю да васьмага калена, гэта ўсё службылыя людзі. Жылі яны ў вёсцы Зубрава, непадалёк Берштаў, на беразе рэчкі Котры. Сёння гэта самая мяжа з Літвой. Яны з XVII стагоддзя былі на службе ў караля, потым у цара — асочнікамі (наглядчыкамі) пушчы. А ў часы манаршых паляванняў былі яшчэ і егерамі. Дарэчы, за ўдзел у паўстанні матчынага дзеда і бацьку пазбавілі ўсяго нажытага і выселілі на пустое месца ў той жа пушчы.

Сярод маіх сваякоў па лініі Мілінкевічаў тыя, хто ходзіць у царкву, лічаць сябе беларусамі, а тыя, хто ў касцёл, — палякамі.

Маці была чалавекам высокай культуры і эрудыцыі, цёплай, чулай, захавальніцай хатняга ачагу. Яна значна ўплывала на маё выхаванне. Да вайны скончыла Гарадзенскую прафесійную школу па спецыяльнасці “Хатняя гаспадарка”. Наша хата заўсёды была поўнай чашай, хаця пасля вайны мы ўтраіх жылі на адзін бацькаў заробак. Маці была ўнікальнай гаспадыняй, усё магла — шывец, гузаць, а ў склепе заўсёды былі нарыхтоўкі — саленні, варэнні, вельмі смачнае хатняе віно.

Маці яшчэ дзіцем да Кастрычніцкага перавароту і падчас грамадзянскай вайны паездзіла па Расіі: Пецярбург, Лібава, Баронеж, бо ейны бацька служыў на чыгунцы. У 30-я гады яны разам з маім бацькам працавалі ў Варшаве ў прытулку для дзяцей-сірот “Наш дом” на Бялянах. Прайшлі там выдатную школу ў выбітнага педагога, доктара і пісьменніка Януша Корчака.

Летам 1939 года маці прыехала ў вёску Бершты, што пад Гародняй, пагасціць да маіх бабулі і дзядулі. 19 чэрвеня нарадзіўся мой старэйшы брат Уладзь, а 1 верасня пачалася вайна. Бацьку давялося перабірацца да сям’і з Варшавы праз новую нямецка-савецкую мяжу пешшу. Яго двойчы арыштоўвалі. І калі немцы адпусцілі пасля допыту, то чырвонаармейцы прысудзілі да расстрэлу. У апошнюю хвіліну прысуд адмянілі: выратавала тое, што бацька свабодна размаўляў па-руску (дапамаглі гады навучання ў Расіі падчас эвакуацыі з бацькамі ў Сібір у гады Першай сусветнай.)

Увосень 1943-га ўсю нашу сям'ю ледзь не расстралялі ўжо немцы. Родных забралі як закладнікаў у гарадзенскую турму, 100 чалавек былі расстраляны, а яны аказаліся 120-мі па спісе...

Падчас вайны маці яшчэ раз зазірнула ў вочы смерці. Нашы суседзі на Цагляным завулку, габрэі Лапіны, гаспадары даваеннай гарадзенскай фабрыкі па вытворчасці гульнявых карт, апынуліся ў гета. Маці востра перажывала іх драму і па начох часта насіла ім ежу. За гэта пагражаў расстрэл на месцы, але яна рызыкавала і, нягледзячы ні на што, перадавала Лапіным праз калючы дрот клуначкі з харчамі. Адночы, аддаўшы перадачу, яна адчула, што нешта жорстка ўпёрлася ёй у спіну. Гэта была вінтоўка нямецкага ахоўніка. Чаму ён адпусціў яе, яна так і не даведалася. Мо ейная прыгажосць уратавала ёй жыццё? А можа ў жаўнера проста прачнулася пачуццё чалавечай спагады?..

Я нарадзіўся пасля вайны, быў жаданым дзіцем, але дакладна не запланаваным. Рос дужым, да 7 год ані разу не хварэў. Але ў першым класе падхапіў жудасную ангіну — нароўся у буйных слязох на морозе з прычыны з'ехаўшай у глыбокі яр лыжыны, пазычанай у майго сябра. Паднялася тэмпература 42 градусы, рэўматызм, парок сэрца, частковы параліч ног. Доктары дамовіліся: калі і выжыве, то наўрад ці будзе паўнаwartасным фізічна. І выжыў, і з дапамогай спорту прымусіў адысці парок сэрца. Аўтар сямейнага цуду — перш за ўсё мая звышвалявая і клапатлівая маці разам са сваёй блізкай сяброўкай, дзіцячай доктаркай Ядвігай Сільвестраўнай Урбановіч.

Мой старэйшы брат Уладзімір (дома мы яго звалі Дзімам: Уладзімір – Уладзім — Дзім) скончыў школу ў 16 год. Марыў пра мора, выправіўся ў ленынградскую мараходку. Прыехаў у Ленінград і даведаўся, што ў ягоным узросце шанцаў стаць курсантам няма. Вярнуўся вельмі засмучаны. Бацька параіў пайсці ў педінстытут на фізіку, каб не губляць час. А потым, калі будзе такое жаданне, зноў паехаць у мараходку. Але пазней жаданне не з'явілася.

Навучанне Уладзімір скончыў у 20 год (у педінстытуце тады вучыліся 4 гады) і пайшоў настаўнікам у маю школу. Вучыў і мяне. У яго боскі дар тлумачыць у

фізіцы нават самае складанае “на пальцах”. Асабліва быў ён аматарам “лузгаць” складаныя задачкі. З тройкай у атэстаце па ягоным прадмеце многія паступалі ў стаалічныя тэхнічныя ВНУ. Гэта ён зрабіў мяне фізікам. Я пра тое ніколі не шкадаваў — усё ж такі гэтая навука “абвастрае мазгі”, робіць мысленне лагічным і дыялектычным.

Дзяцінства, можна сказаць, у мяне было “складаным”: брат — настаўнік, бацька — дырэктар школы... Заўсёды трэба было быць “узорна дысцыплінаваным”. Балазе, па натуре я чалавек спакойны.

Асаблівых рэгалій у брата няма, але ў Гародні яго ведаюць многія. Магчыма, калі кажуць “Мілінкевіч”, то брата ўзгадваюць не радзей за мяне, а мо нават і часцей. Зараз ён на пенсіі, большасць часу праводзіць на малой радзіме, у Берштах.

У школе я вучыўся цэлых 11 год. Гэта з-за моды на “працоўнае навучанне”: апроч атэстата я атрымаў яшчэ і пасведчанне “рысавальшчыка-дэталіроўшчыка”. Навошта краіне былі патрэбны цэлыя класы аднолькавых спецыялістаў, застаецца таямніцай.

Універсітэта ў Гародні ў год майго выпускнога яшчэ не было, і ў педінстытут я пайшоў усвядомлена. Было гэта ў 1965 годзе. Я нікім сябе не ўяўляў, акрамя настаўніка. Гэтая праца бачылася мне вельмі цікавай і важнай. Маючы залаты медаль, мог паехаць і ў БДУ. Веды былі добрыя, і школа — лепшая ў горадзе. У нашым класе з 42 вучняў ледзь не палова былі медалістамі. Фантастыка! Клас была вельмі дружным. Да сённяшняга дня мы збіраемся на сустрэчы выпускнікоў.

Вучыцца ў педінстытуце з выдатнай школьнай падрыхтоўкай было вельмі проста. Я аддаваў усяго сябе баскетболу. У нас была адна з лепшых студэнцкіх каманд у Беларусі. Ды і зборная Гарадзенскай вобласці на чэмпіянатах рэспублікі стала знаходзілася ў прызёрах. Трэнерываўся я многа і фанатычна. Спорт шмат у чым сфарміраваў мой характар: настойлівасць, воля, трыванне, любоў да працы — адтуль.

Было і хобі: праз арганізацыю студэнцкага турызму “Спадарожнік” вазіў у студэнцкія гады польскія турыстычныя групы ў якасці гід-перакладчыка. Аб’ездзіў палову Саюза, мог самастойна правесці экскурсію па

Эрмітажы. Пабываў і ў Крыме, і ў Кіеве, і ў Вільні, і ў Самаркандзе, і ў Растове Вялікім, і ў тузіне іншых цудоўных гарадоў. Мову засвоіў выдатна і сяброў па ўсёй Польшчы здабыў.

Выкладчыкі раілі пайсці ў аспірантуру, а мне гэтага чамусьці не вельмі хацелася. Я аддаваў перавагу школе. Вельмі любіў дзяцей. Часам лавіў сябе на думцы, што нават у дзіцячым садку хацеў бы папрацаваць.

З адзнакай скончыў педінстытут, пачаў выкладаць. Колькі месяцаў папрацаваў у школе, але потым усё ж прадоўжыў вучобу ў аспірантуры. Справа ў тым, што адной з маіх інстытуцкіх выкладчыкаў была выдатны фізік-тэарэтык Клаўдзія Аляксеўна Акімава. Яны прыехала да нас з Ленінграда. Доўга пераконвала, давала чытаць дадатковую літаратуру. Пераканала. Нізкі ёй паклон.

У 1969 годзе я паступіў у аспірантуру Інстытута фізікі Акадэміі навук БССР. Шчыра кажучы, сталічны ўзровень тэарэтычнай падрыхтоўкі быў вышэйшы за гарадзенскі.

У фізіцы дысертацыі хутка не робяцца. Я займаўся тэорыяй лазераў. Разлікі рабіў на адной з першых савецкіх ЭВМ (электронна-вылічальная машына) “Мінск-1” — прататып сённяшняга камп’ютара. Машына гэтая займала цэлую залу, працавала яна тады яшчэ не на паўправадніках ці інтэгральных схемах, а на электронных лампах. Я часта працаваў ноччу: задачы былі аб’ёмныя, з разлікамі на тыдзень, а ўдзень вольнага часу можна было атрымаць на паўгадзіны-гадзіну. Але колькі было рамантыкі, якая была атмасфера ў інстытуце!

Кіраўніком у мяне быў Андрэй Міхайлавіч Самсон, які ўжо пакінуў нас. Доктар фізіка-матэматычных навук, а потым і член-карэспандэнт Акадэміі навук. Цудоўны фізік, жыццялюб, чалавек з добрым пачуццём гумару. Родам ён быў з Давыд-Гарадка, і ў маім станаўленні як беларуса адыграў досыць вялікую ролю. Помніцца, ён сказаў: “Трэба, каб першая праца па фізіцы ў цябе была толькі на беларускай мове”. Я спрабаваў пярэчыць і казаць нешта наконт таго, што ніхто тады не прачытае, але ён заставаўся непахісным. Маўляў, калі я свядомы беларус і люблю сваю краіну, то і пісаць мушу па-беларуску. Толькі

праз гады я пачаў разумець ягоныя мудрасць і патрыятызм.

Другім кіраўніком быў Вадзім Аляксандравіч Сава. Ён прайшоў выдатную маскоўскую школу тэарэтычнай фізікі, дысідэнт па натуре. Рахманы, разважлівы, ураўнаважаны, нават крыху замкнёны. Менавіта ён навучыў мяне бачыць за графікамі і дыяграмамі складаныя фізічныя працэсы і ўвёў мяне ў кола зусім новай літаратуры: Платонаў, Булгакаў, Галіч, знаўцам якой з'яўляўся.

Жыццё ў інстытуце фізікі было разнастайным і надта цікавым для мяне.

Велізарнае ўражанне пакінулі цудоўныя лекцыі Юрыя Хадыкі аб старажытнабеларускай культуры ў суправаджэнні каляровых слайдаў. Гэты выдатны фізік у душы сваёй шчыры лірык, глыбокі знаўца гісторыі нашага мастацтва. З групай энтузіястаў з Акадэміі навук у той атэістычны час ён праехаў і прайшоў амаль усю Беларусь у пошуках шэдэўраў нашай сакральнай культуры, выратаваў іх ад знішчэння і сабраў унікальную музейную калекцыю.

Пасля трох гадоў навучання ў аспірантуры яшчэ тры з паловай года я адпрацаваў у АН БССР і абараніўся. “Сырыя” працы ў нашым інстытуце не дапускалі да абароны. Маёй спецыяльнасцю была “Фізічная электроніка, у тым ліку квантавая”. Дысертацыя была вялікай і мела назву “Генерацыя звышмагутных лазерных імпульсаў”. Адным з навуковых апанентаў быў Анатоль Мікалаевіч Рубінаў, які потым сышоў ва ўладу. У той час я і падумаць не мог, што ў нас з ім настолькі несумяшчальныя погляды на гісторыю і грамадства.

У 1972 годзе я ажаніўся з Наталляй Якаўлеўнай Патлаценка. Мы пазнаёміліся падчас маёй педпрактыкі ў 1967 годзе ў гарадзенскай школе № 16. У 1974-м у нас нарадзіўся першы сын Аляксандр, а ў 1989-м — другі, Вітаўт.

Пасля абароны мне хацелася застацца ў Мінску: навука прыносіла велізарнае задавальненне. Але шанцаў атрымаць там кватэру не было, а заробкі ў навукоўцаў напачатку заўсёды былі невялікія. Давялося пераехаць у Гародню, дзе на базе нашага педінстытута збіраліся заснаваць універсітэт. Хаця “давялося” — не зусім

правільна: я бясконца люблю свой родны горад, ведаю яго да мілых дробязей, якія складаюць шарм заходняй сталіцы. Я вярнуўся да сябе.

Спачатку ў маёй альма-матар не было вакансіі, і я колькі месяцаў працаваў інжынерам у навуковым аддзеле. Потым выкладаў, вельмі хутка стаў дацэнтам. Фактычна ў Гарадзенскім універсітэце я адпрацаваў каля 25 гадоў, і мой лёс шмат у чым знітаваны менавіта з гэтай навучальнай установай.

Была ў маім жыцці яшчэ адна даволі цікавая прыгода — паездка ў Афрыку. У 1979 годзе з Міністэрства вышэйшай і сярэдняй адукацыі СССР ва ўніверсітэт прыйшла прапанова паехаць двум фізікам у камандзіроўку ў адну з краін Азіі і Афрыкі. Толькі два кандыдаты і знайшліся. Мне казалі, што ў Маскве, каб патрапіць у такую групу, трэба было даваць сур'ёзныя хабары альбо мець “касматыю лапу”. У нас жа — перыферыя, боязна, комплексы. Да таго ж трэба ехаць у Маскву, Ленінград, Кіеў вывучаць за 10 месяцаў замежную мову.

З гэтым эпізодам і звязана маё ўступленне ў партыю. У камунізм я тады не верыў, у “сацыялізм з чалавечым тварам” — так. Беспартыйнасць у тых часы была, як правіла, шлагбаумам для павышэння па службе, асабліва ў навучальнай установе. А для паездкі за мяжу ў камандзіроўку, ды яшчэ і на працяглы тэрмін, патрэбны былі выключна члены КПСС.

Мову я вучыў у Кіеўскім універсітэце на адмысловых курсах для “дацэнтаў-афрыканцаў”, якія рыхтуюцца да “дэсанту” ў Афрыку. Цудоўныя выкладчыкі, суперлінгафонныя кабінеты ва ўніверсітэце і інтэрнаце. Праз 10 месяцаў я выдатна размаўляў па-французску і меў уласнаруч напісаныя на гэтай мове канспекты лекцый меркаваных курсаў.

Напярэдадні паездкі ў Алжыр за поспехі ў навучанні патрапіў яшчэ на стажыроўку ў Францыю ў адзін з найстарэйшых еўрапейскіх універсітэтаў горада Манпелье ў раёне Блакітнага берага.

У алжырскім горадзе Сіціф я адпрацаваў чатыры гады. Узначаліў катэдру. У падначаленні ў мяне было 27 чалавек: французы, палякі, румыны, в'етнамец, немцы з ГДР. Больш за ўсіх французаў, “мілітэраў”, тых, хто замест

службы ў войску абраў працу ў краінах, што развіваліся. Універсітэты краіны ўжо тады былі абсталяваны, як у Еўропе. Алжыр — багатая краіна, шмат газу, нафты. На адукацыі не эканомілі. Поўнач Афрыкі прыгожая. Тут і субтропікі з Міжземным морам, і горы, дзе я працаваў, і, натуральна, самая вялікая экзатыка — Сахара з казачнымі аазісамі.

Лірык

Я заўсёды быў вельмі актыўным чалавекам — чальцом грамадскай рады пры гаркаме АКСМБ, старастай студэнцкай групы, сябрам прафкама. Удзельнічаў у гульнях КВЗ: тады яшчэ не было запісу, і ўсе жарты ішлі толькі ў прамым эфіры. Хто паверыць, што такое было ў 1969-м? Але гэта факт.

І ў палітыку я, па сутнасці, патрапіў з-за свайго захаплення краязнаўствам. Бацька выкладаў геаграфію, гісторыю, і ў нас дома была цудоўная бібліятэка старых паштовак, фотаздымкаў, шмат кніг, у тым ліку на польскай, французскай, нямецкай мовах.

З іх і са слоў бацькі я і спазнаў сапраўдную гісторыю Беларусі, а не тую, што выкладалі ў школе. Верагодна, калі б не гэтае хатняе фарміраванне гістарычнай самасвядомасці, мой лёс быў бы іншым.

Мяне заўсёды цікавіла пытанне: ёсць свая гісторыя ў расейцаў, ёсць у палякаў, а ў нас чаму няма? Калі па школьным падручніку, то мы, здаецца, і расейцы, але другога гатунку, бо беларусы.

У 1986 годзе, пасля вяртання з Алжыра, мне прапанавалі весці на гарадзенскім тэлебачанні аўтарскую перадачу “Па вулках старога горада”. “Перабудова”, “галаснасць” — для Гародні гэта было ў першую чаргу адраджэнне культуры, мовы, гістарычнай праўды. Невыпадкова наша гарадзенскае адраджэнне ў 1980-х пачыналася з краязнаўства, беларускай культуры і мовы. І першая грамадзянская ініцыятыва (як тады казалі — “нефармальнае аб’яднанне”) “Паходня” нарадзілася на гэтай хвалі прагі да сваіх каранёў.

На экране прабыў амаль 9 гадоў. Перадача выходзіла як мінімум раз на месяц. Звычайна рабілася так: я

распавядаў перад камерай нейкія невядомыя гісторыі пра наш край і горад, паказваў гледачам старыя паштоўкі, гравюры, слайды. У мяне іх — сотні. Я здымаў іх з nature і ў архівах многіх краін, у прыватнасці, у Санкт-Пецярбургу, Маскве, Вільні, Варшаве, Кракаве, Мінску, Гародні. Перадачы гэтыя былі вельмі папулярныя. Людзі нібыта нанова адкрывалі свой горад. Многія, хто не вучыўся ў Гарадзенскім універсітэце, думалі, што я не фізік, а гісторык.

Раскажу пра дзве асабліва цікавыя падзеі, звязаныя з маім захапленнем гісторыяй.

У 1988 годзе добрая знаёмая маёй маці, сёння 98-гадовая Марыя Рамуальдаўна Гратулевіч, наглядальніца ў музеі знакамітага Фарнага касцёла, неяк сказала: “Ты ведаеш, Сашанька, мы з маім мужам Іосіфам з 1944-га, як пераехалі ў Гародню з Полацка, год 10 заводзілі гарадскі гадзіннік — той, што сёння знаходзіцца на касцёльнай вежы. Потым прыйшлі нейкія гэбісты, сказалі, што такім чынам мы “адпраўляем камусьці сігналы” ў суседнюю турму, і гадзіннік на доўгі час прыпынілі”. Яна папрасіла мяне як фізіка, тэхнара, паглядзець механізм і, калі нешта патрэбна, выправіць. Час ужо быў іншым — адліга.

...111 стаптаных прыступак вежы. Мы забраліся туды са старэйшым сынам Аляксандрам. Гадзінніка амаль не бачна з-за птушынага памёту, таму што краты на вокнах не было, і там дзесяцігоддзямі абжываліся галубы. Першае, што мы зрабілі, — прыбралі ўвесь памёт. Рукамі. Пякучы ён, горшы за любую хімію. Натуральна, я тады нічога ў гадзіннікавай справе не разумеў, аднак адразу ж адчуў, што гэта, напэўна, рэч унікальная. Механізм старажытнай коўкі, прыблізныя памеры — два метры на метр з нечым і вышынёй з мяне. На дубовай аснове-фундаменце. Не было ківача, не хапала механізма бою чвэрцаў, але з часам запусціць гадзіннік атрымалася. З дапамогай... кампартыі, дакладней, першага сакратара гаркама Аляксандра Алёшына. (Як потым высветлілася, ён, выпускнік Ленінградскага паалітэха, быў аматарам і знаўцам старой тэхнікі.) Далучылі завод карданых валаў, дзе ў механічных майстэрнях выраблялі тое, чаго не хапала ў механізме. Вырабілі новыя цыферблаты па эскізе майго сябра, мастака-рэстаўратара Уладзіміра Кіслага. Але

спачатку прыйшлося перачытаць шмат кніг, прасядзець нямала дзён у архівах — нашых, польскіх і расійскіх. У Вільні знайшоў выдатнага кансультанта — краязнаўца Рамуальдаса Юшку.

Добра памятаю, што запуск быў доўгім і скончыўся ў дзень народзінаў маёй маці, то бок 14 красавіка. Гэта не выпадковасць, а падзея ў ейны гонар.

Магчыма, прагучыць рамантычна-пафасна, але калі гадзіннік усё ж такі пайшоў, мне падалося, што зноўку пачало грукатаць сэрца старажытнага горада. Радасць маю нельга апісаць! Аб гэтым гадзінніку я напісаў артыкул у Зборнік па гісторыі навукі і тэхнікі АН СССР, і ў Гародні вельмі хутка з'явіліся спецыялісты з Эрмітажа. Прыехалі і фізікі (праўда, ядзершчыкі), фанаты старажытных гадзіннікаў, на чале з Юрыем Платонавым. У Ленінградзе яны займаліся рамонтам музейнай калекцыі гадзіннікаў. Каалі яны пабачылі тое, што ёсць у нас, то ледзве не пачалі абдымаць гарадзенскі гадзіннік і казаць пра цуд. Па іх ацэнках, яму было амаль паўтысячы год, а не трыста, як меркаваў я. Гэта самы першы вежавы гадзіннік у Беларусі. Думаю, ён самы стары дзеючы гадзіннік і ва ўсёй Усходняй Еўропе. Стварыў яго невядомы майстар на пераломе XV і XVI ст.ст. пасля атрымання Гародняй поўнага Магдэбургскага права. Дарэчы, дзіўнае супадзенне: гэты акт аб праве нашага горада на самакіраванне, валоданне гербам, сцягам, пячаткай і будаўніцтва ратушы з гадзіннікам быў падпісаны Вялікім князем Аляксандрам менавіта ў маіх родных Берштах “у дзень Святога Бенядзікта ў 1496 годзе”. Спачатку ён быў усталяваны на гарадской ратушы, якую ў сярэдзіне XVII ст. разбурылі войскі рускага цара Аляксея Міхайлавіча. Потым мясцовыя габрэі пачалі збіраць грошы на аднаўленне гадзінніка, але ратушу ўсё ніяк не маглі адбудаваць. І тады гарадзенскія іезуіты змясцілі гадзіннік спачатку на вежы калегіума, а пасля, з 1725-га, — на сваім касцёле на Рынкавай плошчы, дзе ён знаходзіцца і па сённяшні дзень. Але на працягу двух стагоддзяў, да прыходу “другіх Саветаў”, гадзіннік лічыўся гарадскім і абслугоўваўся магістратам.

Старажытныя помнікі тэхнікі звычайна захоўваюцца намнога горш за творы мастацтва, таму што з часам іх мяняюць на лепшыя і больш сучасныя. У міжваенных

гарадзенскіх архівах я прачытаў, што ў 1939 годзе механізм гарадзенскага гадзінніка таксама хацелі замяніць, але перашкодзіла вайна. Атрымліваецца, што гэтая трагедыя яго і ўратавала...

Другая гісторыя звязана з пошукам месца захавання Станіслава Аўгуста Панятоўскага. У той час я даволі актыўна займаўся вывучэннем гісторыі Гародні XVIII ст. Гэта была эпоха імклівага развіцця майго горада. Гарадзенскім старастай служыў Антоній Тызенгаўз, сябар дзяцінства і юнацтва апошняга польскага караля. Калісьці яны сустрэліся ў Волчыне — сёння гэта ўжо не мястэчка, а вёска ў Камянецкім раёне на мяжы з Польшчай. Тады там месцілася рэзідэнцыя Чартарыскіх (старажытны беларускі род; з яго паходзіла маці Станіслава Аўгуста; апошні польскі кароль і Вялікі князь Літоўскі меў беларускія карані.)

Вельмі спрэчная была постаць. І сёння вядуцца дыскусіі вакол яго імя. З аднаго боку — рэфарматар, фундатар, прамоўтар культуры, мастацтва, адукацыі, “філосаф на троне”, як казаў пра яго Жан-Жак Русо. З іншага боку, пры ім Рэч Паспалітая прыпыніла сваё існаванне ў выніку трох падзелаў. Гэта быў адзін з каханкаў Кацярыны II. Яна спрыяла ягонаму ўзыходжанню на прастол, і яна ж потым змясціла яго з трона.

Пасля таго, як Панятоўскага пазбавілі ў Гародні кароны, ён цэлы год правёў пад хатнім арыштам у нашым замку. Руская імператрыца памерла, да ўлады прыйшоў ейны сын Павал, які маці, як вядома, не любіў і бачыў Расію іншай. Ён запрасіў да сябе ў Пецябург Станіслава Аўгуста. Прымалі яго, як караля, хаця ім Панятоўскі ўжо не быў. Размясцілі ў Мармуровым палацы, які па прыгажосці і значэнні быў другім пасля Зімяга. На ўсіх прыёмах да Станіслава Аўгуста звярталіся “Ваша каралеўская вялікасць” і нават часткова абяцалі аднавіць Польскае Каралеўства. Птушка ў залатой клетцы.

Праз год знаходжання ў Санкт-Пецябургу Станіслаў Панятоўскі памёр. Пахавалі яго ў касцёле Святой Кацярыны, што на Неўскім праспекце.

У 1937 годзе пачалася камуністычная перабудова горада Пятра. Вось тады і прапанавалі польскаму ўраду забраць свайго караля на радзіму. Але тое была, паўтаруся,

постаць неадназначная. Дыскусія ў Польшчы разгарнулася не на жарт. Пра тое распавядаў мне і бацька. Адны лічылі яго здраднікам, іншыя называлі найвыбітнейшым чалавекам мінулага, тым, хто заклаў фундамент польскай адукацыі і дамогся незвычайнага росквіту культуры. У рэшце рэшт вырашылі, што Панятоўскаму не месца на Вавэлі ў Кракаве побач з тым, хто з шабляй у руках адрадзіў нядаўна польскую незалежнасць, — Юзэфам Пілсудскім. Ды і Варшава — не месца для караля сумніўнай рэпутацыі. Было вырашана перазахаваць Панятоўскага ў Волчыне, які ў тых гады быў польскім. Чаму? Бо ён там нарадзіўся ў маёнтку маці. (Дарэчы, як адзін з варыянтаў разглядаўся і Гарадзенскі Фарны касцёл.)

З Ленінграда парэшткі перавезлі таварным цягніком у Стоўбцы, потым перадалі іх польскім уладам. Пасля былі Баранавічы, адкуль на паштовым грузавіку патаемна, уначы парэшткі караля даставілі ў Волчынскі касцёл.

Гэта быў пачатак 1938 года, а ў 1946-м амаль уся каталіцкая палова насельніцтва Волчына рэпатрыравала ў Польшчу. Як распавядалі мне мясцовыя жыхары, той жа ноччу касцёл абрабавалі. Зрабіла гэта завуч школы са сваім мужам па мянушцы Хлыст, які быў камісарам пагранатрада. Яны адчынілі грабніцу, якая складалася з трох тун — велізарнай сасновай, цынкавай і дубовай, дзе ляжалі самі парэшткі. Шукалі, натуральна, каштоўнасці, але дарма, бо Панятоўскі быў пахаваны даволі сціпла. Затым у Волчынскім касцёле савецкая ўлада зрабіла склад хімікатаў. Дах пачаў працякаць, ацынкаваная бляха ці то прадзіравілася, ці то яе банальна скралі.

Першы раз я наведаў Волчын яшчэ ў 1979 годзе. Але цікавасць да гісторыі нашага апошняга манарха не пакідала мяне, і я лёгка пераканаў майго сябра, прафесара-археолога Міхася Ткачова, і музейшчыка-рэстаўратара Валодзю Кіслага зноўку паехаць туды. Стан касцёлу быў, мякка кажучы, аварыйны, на зламаных дзвярох надпіс: “Небяспечна для жыцця”. Пралезлі ўнутр. Зверху звісаюць у храм вялізныя кроквы. Груды цэглы, абломкі невялікай гадзіннікавай вежы. Пачалі аглядаць касцёл. Мой сын Аляксандр у адной з ніш даволі хутка знайшоў бурую тканіну з польскім арлом, у цэнтры якога

быў знак Цяльца — герб роду Панятоўскіх. Стала зразумела, што мы на магіле караля Станіслава Аўгуста. Да канца дня мы знайшлі і напоўнілі некалькі мяхоў магчымымі фрагментамі пахавання. Не было толькі костак. Цалкам верагодна, што яны спарохнелі яшчэ падчас частых паводак на Няве ў сталіцы імперыі.

Не было шпагі і кароны. Тамтэйшы настаўнік распавядаў, што шпагу звезлі літоўцы, якія прыезджалі сюды ў 70-х гадах. Цынкавую труну мясцовы каваль парэзаў на часткі і зрабіў з яе “дабрэзныя вёдры”. Калі напіваўся, ён надзяваў на галаву карону караля і танчыў у ёй. Карона была бронзавая, з лёгкай пазалотай. Потым яна наогул знікла. У Волчыне казалі, што яе проста здалі ва ўтыльсыравіну “як каляровы метал”.

Усё знойдзенае мы перавезлі ў музей да Кіслага, а праз год беларускае Міністэрства культуры перадало парэшткі манарха адмысловай польскай дзяржаўнай камісіі. Сёння польская грамадская думка практычна рэабілітавала Станіслава Аўгуста. Большасць гісторыкаў і палітыкаў лічаць, што ягоная дзейнасць шмат у чым спрыяла таму, што Польшча здолела адрадіцца праз 120 год няволі. А віну за падзелы Рэчы Паспалітай нельга персанфікаваць, прычыны гэтага надта глыбокія.

Зараз знойдзеныя намі фрагменты перазахаваны ў варшаўскім катэдральным касцёле Святога Яна, дзе калісьці і каранавалі гэтага караля.

За заслугі перад польскай культурай нас трох — Міхася Ткачова, Уладзіміра Кіслага і мяне — узнагародзілі ордэнамі Рэчы Паспалітай.

Для мяне гэта наша беларуская спадчына, наша культура, аднак кароль — агульны. Станіслаў Панятоўскі заўсёды будзе апошнім нашым манархам, Вялікім князем Літоўскім, Рускім, Жамойцкім. Але ці падрыхтаваны мы да гэтага? Відавочна, пакуль не. Таму і беларускі каралеўскі пантэон у Волчыне і дагэтуль стаіць у руінах.

Палітык

На першых часткова свабодных выбарах 1989 года кіраўнік “Паходні” Міхась Ткачоў балаціраваўся ў Вярхоўны Савет СССР. Усе дэмакраты Гародні працавалі

на яго. Але мы прайгралі, набралі каля 30% галасоў. Нам супрацьстаяў “гарадзенскі Ельцын” — сакратар абкома партыі Уладзімір Сямёнаў, прыхільнік дэмакратызацыі КПСС.

Наступным годам адбыліся выбары ў Вярхоўны Савет БССР. Мяне вылучылі ад універсітэта насуперак рашэнню парткама, членамі якога з’яўляліся і мы з Ткачовым. Тады спрабавалі рэфармаваць КПСС праз “Дэмакратычную платформу”.

Першым з ідэяй “аддаць” мяне ў палітыку прыйшоў Яўген Пятроўскі, аспірант-фізік, сёння бізнесмен. Ён сказаў: “Мы на “Сацыялцы” (лабараторны корпус на вуліцы Сацыялістычнай) вырашылі, што Вас трэба вылучаць у кандыдаты”. Група падтрымкі была вялікая: і студэнты, і людзі з НДС (навукова-даследчы сектар). Усе імкнуліся ў бой. Перапоўненая зала ўніверсітэта. Мой сапернік — вядомы прафесар Сцяпан Сокал, цудоўны чалавек, дэкан юрфака. Адміністрацыя ў напружанні, студэнты акрыленыя “перабудоўчымі” вятрамі. Большасць прагаласавала за мяне. Мяне выклікала ў абком партыі сакратар па ідэалогіі Марыя Міхайлаўна Бірукова. Пераконвала, што я не маю права ісці насуперак лініі партыі, казала вядомыя рэчы пра партыйную дысцыпліну, а я ёй — пра дэмакратызацыю і свабоду думкі.

...У агітацыі ўдзельнічалі амаль усе студэнты фізфака, прычым абсалютна добраахвотна. Прыдумлялі ўлёткі, праводзілі сходы, сустрэчы. Ніхто не перашкаджаў — лібералізацыя ж. Ладзілі пікеты, хадзілі “ад дзвярэй да дзвярэй”. Не было тэхналогій, ніхто не чуў пра піяр. Але быў велізарны энтузіязм, малады імпэт, вера ў перамены і ў сябе. Нам падавалася, што свабода прыходзіць назаўсёды.

У першым туры я з вялікім адрывам перамог усіх шасцярых канкурэнтаў, у другім таксама быў першы і афіцыйна набраў 49,7% , але выбары не адбыліся. У выніку ў Вярхоўны Савет не патрапіў. І, мяркую, так было нават лепш.

Аднак у палітыцы, як кажуць, засвяціўся. Потым дэпутаты гарсавета Гародні выбіралі мэра. Самыя першыя, рэальныя выбары. Ледзь-ледзь выйграў Сямён Домаш, якога дэмакраты тады яшчэ лічылі партыйнай

наменклатурай. Яны ж і паставілі Домашу ўмову — узяць сабе ў намеснікі па сацыяльных пытаннях каго-небудзь з нашага лагера. Пазней я зразумеў, што гэтая ўмова была для яго не вельмі складанай.

Памятаю, патэлефанаваў мне стары сябар, гарадзенскі краязнаўца Андрэй Майсяёнак, зараз член-карэспандэнт акадэміі навук, і кажа: “Зараз табе будзе званіць новы мэр і прапануе пасаду свайго намесніка. Толькі не надумай адмаўляць. Гэта важна для нашага горада, для нашай справы”. Майсяёнак жыў з Домашам на адной лесвічнай пляцоўцы.

Наша сустрэча з Сямёнам Мікалаевічам была нядоўгай. Дагэтуль я яго не ведаў і нават не бачыў ніколі. На ягоную прапанову адказаў, што падумаю, што мне цудоўна працуецца ва ўніверсітэце, да таго ж я не ведаю адміністрацыйнай працы ў органах улады. “Мне Вас парэкамендавалі людзі, якім я веру. А ў тым, чаго не ведаецца, абяцаю дапамагачь. Я не супраць, каб Вы працягвалі выкладаць на сваім фізфаку”.

Так і адбылося. Домаш — чалавек слова, надзейны і сумленны. Можа, занадта асцярожны і часам марудны ў прыняцці рашэнняў, але вельмі рашучы і паслядоўны пры іх выкананні. Ён дэмакрат ад прыроды. Зрабіў сябе сам, без “касматай лапы”. У 40 год стаў мэрам Гародні, у 43 быў абраны кіраўніком вобласці. Тэхнар, не палітрук. Ужо ў той час шчыра адчуваў неабходнасць нацыянальнага адраджэння. Працавалася з ім добра, я заўсёды адчуваў сябе абароненым з боку шэфа, і мы без вялікіх праблем знаходзілі ўзаемапапулярнае.

А было няпроста. Велізарная інерцыя апарату. Ва ўладных структурах вобласці я быў, напэўна, адзіным “дэмакратам”. Але часта і гэтага было дастаткова. Час такі быў — усюды панаваў дух перамен. Усе разумелі, што з грамадскай думкай трэба лічыцца.

Напачатку старая наменклатура ставілася да мяне насцярожана, аднак не варожа. Многія чакалі, што я пачну чысткі ў падпарадкаваных мне аддзелах адукацыі, культуры, аховы здароўя, спорту, міжнародных адносін, у моладзевым аддзеле, рэстаўрацыі помнікаў. Замены кадраў, канешне, былі, але не мелі рэвалюцыйнага характару. Шмат працаваў. Уздзейнічаў словам, дзеяннем,

пазіцыяй. Нават лекцыі чытаў са слайдамі па гісторыі Гародні для супрацоўнікаў гарвыканкама.

Апроч звычайнай штодзённай працы — функцыянавання школ, шпіталяў, палацаў мастацтва, стадыёнаў, будаўніцтва новых аб'ектаў, былі пытанні, якія выклікалі вялікі грамадскі рэзананс: беларусізацыя дзіцячых садоў і школ, вяртанне гораду гістарычнага герба, вуліцам — гістарычных назваў, адраджэнне і рэстаўрацыя архітэктурнай спадчыны, падтрымка творчых людзей і нацыянальных культур. Адрадзілі “Гарадзенскую капэлу”, якая існавала яшчэ пры старасце Тызенгаўзе.

У горадзе з’явіліся мемарыяльныя дошкі, прысвечаныя памяці паўстанцаў 1863 года, Грунвальдскай бітве. З помнікам Вітаўту Вялікаму здарылася амаль дэтэктыўная гісторыя. Літоўскі фонд культуры замовіў аднаму з народных майстроў драўляную скульптуру князя Вітаўта і падараваў яе беларускаму боку для ўсталявання ў адным з памятных месцаў. Нашы ўлады пасля непрацяглых дыскусій падарунак прынялі, але ставіць не сталі: “Што мы будзем увекавечваць іх князя?” Дэпутат абласнога Савета дэпутатаў Андрэй Майсяёнак пасля аднаго з пасяджэнняў нашай гарадской камісіі па тапаніміцы падышоў да мяне і паведаміў, што скульптура Вітаўта парахнее пад адкрытым небам аднаго з лідскіх ПТВ. “Давай забяром і паспрабуем паставіць у горадзе”. У нас не было сумневаў, што ён, Вітаўт, — выбітная постаць нашай гісторыі, гарадзенскі па праве, тут пачынаў сваю палітычную кар’еру, называўся “Rex Grodnensis”, тут пабудаваў свой першы замак. Паехалі ў Ліду, пагрузілі кранам на грузавік, прывезлі ў Гародню, вельмі хутка ўсталявалі. Узгаднілі з Домашам. Вышэй і не спрабавалі — адчувалі, што шансаў няшмат.

Абвыканкам выказваў абурэнне: няма іх дазволу, няма пастановы Саўміна, зямля пад помнікам належыць не гораду, а абласным уладам... Але помнік аднаму з самых вялікіх гарадзенцаў і сёння стаіць там, дзе мы яго паставілі.

Нам гэта спадабалася, і праз колькі год мы паспрабавалі замяніць чырвоную зорку на спічаку Новага замка на сімвал патрона горада — Святога Губерта.

Святога з аленем з крыжом паміж рагоў вырабіў выбітны мастак-каваль Юрась Мацко. Я дамовіўся з дырэкцыяй “Азоту” наконт крана са звышдоўгай стралой. Аднак аблвыканкам гэтым разам быў нападготове і абараніў сымбаль савецкага мінулага. Каралеўская рэзідэнцыя была ў іх на балансе...

Мы ў Гародні першымі ў краіне вярнулі вернікам усе храмы, на якія яны прэтэндавалі, — і праваслаўныя, і каталіцкія, і лютэранскую кірху, і Вялікую сінагогу. Асабліва цяжка было вызваліць Бернардзінскі манастыр для духоўнай семінарыі. Там месціліся, падаецца, 7 ці 8 арганізацый. Атрымалася. Пры вялікім жаданні ўсё па сілах. Менавіта тады я вельмі зблізіўся з Тадэвушам Кандрусевічам, які пачынаў сваю службу ў Гародні ксяндзом-пробашчам Францысканскага касцёла. Чалавек мудры, вельмі просты, адкрыты і даступны, з цудоўным пачуццём гумару, рэдкай моцы хрысціянскі прапаганднік. Побач з ім адразу становішся больш моцным. Я думаю, мая сённяшняя вера шмат у чым адбылася дзякуючы тым нашым сустрэчам і абмеркаванням, хоць мы і людзі розных канфесій. Думаю, што Бог трымае нас, беларусаў, у сваім клопаце, вярнуўшы архібіскупа Тадэвуша Кандрусевіча з Масквы на Радзіму.

На пачатку 90-х я ачольваў гарадскую камісію па тапаніміцы, у склад якой уваходзілі вядомыя гісторыкі, культуролагі і краязнаўцы. Нашай галоўнай мэтай было вяртанне гістарычных назваў вуліцам і пляцам горада. Рашэнне прымаў Савет дэпутатаў, а мы муслі былі рыхтаваць прапановы. Усё гэта выклікала вір эмоцый. У мяне захаваўся архіў “лістоў ад грамадзянаў” — найцікавейшы матэрыял для будучага даследчыка настрояў постсавецкай эпохі. У нас часткова атрымалася вярнуць гістарычную тапаніміку старой Гародні: на плане горада нанова з’явіліся вуліцы Гараднічанская, Калочынская, караля Стэфана Баторыя, Вялікая і Малая Траецкая, князя Давіда Гарадзенскага, пляц старасты Антонія Тызенгаўза. Калі вуліцы Урыцкага, Крупскай, Кашаваго і нават частку Леніна камуністычная большасць дэпутатаў нам аддала, то за вуліцы Сацыялістычную і Савецкую яны стаялі насмерць. Гэтым дзвюм вуліцам меркавалася вярнуць назовы “Вітаўта Вялікага” і

“Віленская”. Для новых мікрараёнаў замест традыцыйных Кветкавых, Бярозавых і Ліпавых мы прапанавалі імёны паўстанцаў 1830 і 1863 гадоў. Рэалізацыя праекта ў сілу вядомых прычын, як вядома, адкладзена.

У тыя гады Беларусь адкрывалася свету. У гарадоў з’яўляліся новыя магчымасці наладжвання пабрацімскіх сувязей — вельмі папулярная форма развіцця гарызантальнага супрацоўніцтва. Мы падпісалі дамовы з нямецкім Міндэнам, французскім Ліможам і польскім Беластокам.

...Я пакінуў выканкам па ўласным жаданні ў 1996-м, на шостым годзе працы віцэ-мэрам. Ужо рыхтаваўся другі рэферэндум, завяршаўся антыкарупцыйны пераварот. Было відавочна, што я мушу альбо стаць часткай ідэалагічнай машыны, якая пачала фарміравацца, альбо сысці, захаваўшы твар. Пасля першага рэферэндуму я яшчэ мог часткова супрацьстаяць новай палітыцы: захаваў беларускія класы і часткова сімваліку, прапанаваўшы ў школах змяшчаць побач “нацыянальную гістарычную і новую дзяржаўную”. Цяпер жа маіх паўнамоцтваў ужо не хапала. Краіна вярталася да рэжыму аднаасобнай улады. Газета “Пагоня” адгукнулася на мой сыход артыкулам “Глядзіце, хто пайшоў”.

Я вельмі любіў працу ва ўніверсітэце, і ўсе гады, пакуль быў у аблвыканкаме, працягваў там выкладаць, каб не страціць форму, захаваць кантакт з калегамі і моладдзю. Але вяртацца толькі на сваю ранейшую працу мне не вельмі хацелася. Я быў заангажаваны ў мностве гарадскіх спраў, асабліва ў культуры, адукацыі, міжнародных сувязях, рэстаўрацыі старога горада. Адным словам, стаў грамадскім актывістам.

Як выкарыстаць гэты патэнцыял, я не ведаў.

Спачатку прыняў прапанову гарадзенскага бізнесмена Аляксандра Таўканіцы, спонсара гарадзенскай баскетбольнай каманды “Крош”, пазней – “Гродна-93”, і стаў прэзідэнтам клуба. Узяўся з імпэтам — усё ж такі галоўнае захапленне маладосці. У Гародні вялікія баскетбольныя традыцыі, яшчэ да вайны гарадзенцы стала змагаліся з Варшавай за чэмпіёнскі тытул.

У Таўканіцы былі ў добрым сэнсе напалеонаўскія планы: гуляць у Кубку еўрапейскіх чэмпіёнаў, пабудаваць

Палац спорту для гультяных відаў спорту. Гэта заінтрыгоўвала. Мы адразу выправіліся ў горад-пабрацім Лімож, баскетбольная каманда якога па шчаслівым збегу акалічнасцей якраз была ўладальнікам згаданага кантынентальнага кубка. Дамовіліся з імі пра супрацоўніцтва, стажыроўку гульцоў, трэнерскі абмен, затым паляцелі ў Маскву на сустрэчу з нашым земляком Іванам Ядзешкам, алімпійскім чэмпіёнам, былым гульцом ЦСКА і зборнай СССР. Да таго Ядзешкі, які на алімпіядзе ў Мюнхене праз усю пляцоўку даў Аляксандру Бялову знакаміты “залаты” пас за тры секунды да канца матчу і зрабіў пераможны кідок. Я трошкі хваляваўся перад сустрэчай: жонка Івана — Ларыса, таксама былая баскетбалістка, — маё першае школьнае каханне. Мы не бачыліся больш як дваццаць год...

Цудоўная сустрэча, цёплыя ўспаміны. Праўда, пераканань Івана Ядзешку папрацаваць з гарадзенскай камандай не атрымалася, нягледзячы на нашы вельмі выгадныя прапановы. Дамовіліся пра кансультацыі.

Тым годам “Тродна-93” стала чэмпіёнам Беларусі. Можна, маёй вялікай заслугі ў гэтым і няма, але было вельмі прыемна. Я ганарыўся, аднак усё больш разумеў, што гэта не маё — надта ўжо вузка для мяне.

І тут ужо ў другі раз мой лёс крута змяніў мой стары сябар Андрэй Майсяёнак. Ён сустрэўся са мной і сказаў, што ў Беларускага фонду Сораса ёсць праект пашырэння сваёй дзейнасці на рэгіёны. У іх дзейнічаюць свае філіялы ў Віцебску і Гомелі, але яны плануюць адкрыць аддзяленні ва ўсіх абласных цэнтрах. А гэта новыя вялікія магчымасці для падтрымкі культурных, адукацыйных, выдавецкіх праграм на Гарадзеншчыне. “Ты лепшая кандыдатура, Аляксандр. Прадоўжыш многае, што рабіў у выканкаме”. Варыянт для мяне ідэальны, але сказаць, што я лепшы, Андрэй паспяшаўся. Дырэктар фонду Пітэр Бэрн напачатку і слухаць не хацеў: “Мне не патрэбна адстаўная наменклатура. Мы не бюро па працаўладкаванні”. Майсяёнак не з тых, хто здаецца з першага разу. Падключыў Сямёна Домаша — тады ўжо апазіцыйнага дэпутата Вярхоўнага Савета, які падпісаў імпічмент, і яны ўдвох пераканалі Бэрна падтрымаць маю кандыдатуру. Сярод аргументаў быў увесь набор маіх гарадзенскіх

“дэмакратычных заслуг”. Пазней Пітэр казаў мне, што ні разу не пашкадаваў пра тое.

Для мяне, на самай справе, гэта была ідэальная магчымасць заняцца цікавамі і важнымі справамі.

Мы вырашылі не адкрываць філію, а стварыць новую арганізацыю — “Ратушу”, партнёрскую фонду Сораса. Па сутнасці, гэта была рада лідараў найбольш вядомых грамадскіх аб’яднанняў вобласці, якія і заснавалі “Ратушу”. Мы сталі адным з рэгіянальных рэсурсных цэнтраў. На пачатку 2000-х асацыяцыя такіх цэнтраў складалася ўжо з 72 арганізацый. Яны ўзялі на сябе абавязак садзейнічаць развіццю грамадзянскіх ініцыятыў на мясцовым узроўні. Мы гойсалі па рэгіёнах, шукалі “ненармальных” людзей — неабякавых, актыўных, таленавітых. Вучылі іх самаарганізацыі, працы з уладай, СМІ, дабрачыннымі фондамі, дапамагалі ў афіцыйнай рэгістрацыі, шукалі партнёраў. Усё гэта ў цывілізаваных краінах называецца пабудовай грамадзянскай супольнасці. Касцяк складалі абласныя рэсурсныя цэнтры — магілёўскае “Кола сяброў”, берасцейская “Вежа”, гомельскія “Грамадзянскія ініцыятывы”, віцебскі фонд Льва Сапегі і наша “Ратуша”. Пазней — мінская “Супольнасць”.

За колькі год сеціва арганізацый, звязаных з Беларускай асацыяцыяй рэсурсных цэнтраў (БАРЦ), павялічылася да некалькіх соцень з дзясяткамі кірункаў дзейнасці. У прынцыпе, рэгіянальны дэмакратычны кандыдат у прэзідэнты-2001 экс-кіраўнік вобласці Сямён Домаш быў у першую чаргу кандыдатам гэтага грамадскага сектара.

Пасля разгону Вярхоўнага Савета ён спачатку ачоліў гарадзенскую дэмакратычную кааліцыю “Гарадзенская ініцыятыва”, у якую ўваходзілі 34 партыйныя і грамадскія арганізацыі. Пасля мы стварылі кааліцыю рэгіянальных кааліцый “Рэгіянальная Беларусь”. Гэта была не новая партыя, а суполка грамадскіх аб’яднанняў, актыўных людзей па ўсёй краіне, са сваёй гісторыяй, разнастайнымі мэтамі, рознымі кірункамі дзейнасці. Але напярэдадні кампаніі 2001 года яны аб’ядналіся ў адну каманду аднадумцаў, якія ўзялі на мэту дамагчыся свабоды і дэмакратыі ў Беларусі.

На месцах супрацоўніцтва заўсёды было больш эфектыўным, чым у Мінску. Больш робіцца рэальных спраў разам, а амбіцый — менш. Ідэя вылучыць кандыдатам у прэзідэнты Домаша належыць мне, Алясю Астроўскаму, тады сябру БНФ, прафесару Гарадзенскага медуніверсітэта, і Віктару Карняенку з Гомеля. Пазней я падтрымалі і іншыя лідары рэгіянальных кааліцый.

Гэта было вельмі ўдалае рашэнне.

Пасля завяршальнага выступу на беларускім тэлебачанні Сямёну Домашу зрабілася кепска — шырокі інфаркт. У яго, у чалавека з бездакорным здароўем, актыўнага спартсмена?! Я і сёння адчуваю муку сумлення, калі ўзгадваю цёмна-сіні кубак з вадой, які яму паставілі ў тэлевізійнай студыі...

Калі ў 2006 годзе я рабіў свой кандыдацкі выступ на БТ, то прыйшоў са сваёй мінеральнай вадой.

Аўтарскае пасляслоўе

Гэтая гутарка была запісана 15 лістапада 2008 года. Раней я не раз чуў, як яго называюць “мяккім” палітыкам, а падчас размовы зразумеў, што прычына зусім у іншым. Мілінкевіч — інтэлігент, а мы ад гэтага ўжо пачынаем адвыкаць.

Уладзімір НЯКЛЯЕЎ

9 ліпеня 2006 года вядомаму беларускаму паэту Уладзіміру Някляеву споўнілася 60 год. Далучаемся да віншаванняў і прапануем яго кароткі аповед пра сваё жыццё.

Паміж пісталетам і абразом

Даўным-даўно адзін з каралёў Брытаніі, састарэўшы і стаміўшыся быць каралём, вырашыў скінуць са сваіх плячэй цяжар улады і падзяліць каралеўства на тры часткі паміж трыма дочкамі, адну з якіх, Кардэлію, у апошні момант абдзяліў. Дзякуючы геніяльным фантазіям Шэкспіра, увесь свет ведае пра тое, што сталася далей...

Значна менш, чым прыдуманая легенда пра ўладара Брытаніі караля Ліра, вядома свету рэальная гісторыя пра ўладара Вялікага Княства Літоўскага Гедзіміна, які, састарэўшы, вырашыў падзяліць паміж сямю сынамі найбагацейшыя гарады сваёй дзяржавы. Двух са сваіх семярых сыноў, у тым ліку Альгерда, вялікі князь абдзяліў.

Па смерці Гедзіміна Альгерд, якому дасталася Крэва, рушыў вайной на брата свайго Еўнута, адабраў у яго вялікакняжацкі вянец, перададзены па спадчыне, і з дапамогай другога свайго брата, Кейстута, сам стаў вялікім князем.

Амаль праз сорак гадоў Кейстут дапаможа стаць вялікім князем і сыну Альгерда, свайму пляменніку Ягайле, а Ягайла ў «падзяку» за гэта загадае забіць яго ў кутняй вежы Крэўскага замка. Мала таго, Ягайла загадае забіць у Крэве і сына Кейстута, свайго стрыечнага брата Вітаўта, якога ўрагуе, прыняўшы смерць за яго, жанчына...

Напал жарсцей чалавечых, што віравалі ў Крэўскім замку, ніколькі не слабейшы, чым у трагедыях Шэкспіра. У Крэве стагоддзямі спляталіся, сцягваліся ў вузел заблытанья шляхі і сцяжыны нашай гісторыі.

Пад рэшткамі замкавых сцен, на руінах нашай гісторыі прайшло маё дзяцінства. Адсюль я беларус. Нацыяльнасць — не запіс у пашпарце, а мова, гісторыя і культура, да якіх ты належыш. Хоць бацька мой, Пракоп Міхайлавіч Някляеў, ва ўсім рускі чалавек (родам ён з

Волгі), з неабдымнымі, як прыволжскія стэпы, памкненнямі і стыхійным, так да скону і неўтаймаваным характарам. На вайне яго, цяжка параненага і кантужанага, нават закапалі былі ў магілу, але ён і ў магіле выжыў. У 1945 годзе, калі адваяваў, яго не адпусцілі на Волгу, а накіравалі ў Заходнюю Беларусь. Тут лёс і звёў яго з маёй маці, так што я ў нейкім сэнсе — вынік вайны, таму і напісаў у адной з першых сваіх паэм: *«Сутыкненне нацый і народаў вырашала, быць мне ці не быць...»*.

Маці, Настасся Іванаўна Магер, вечная працаўніца, ціхая верніца. Калі бацьку я помню з пісталетам у руках, з якога, ледзь што не па ім, ён пачынаў страляць ва ўсе бакі, дык маці — са Святым Пісаннем, з малітваю перад абразом: «Даруй, Божа, пасланаму Табой мужу майму...».

Так і вырас, так, паміж пісталетам і абразом, і прайшло дзяцінства. Амаль усё, што мной напісана, адтуль.

“Цяпер твае вочы будуць маімі”

Чытаць я навучыўся недзе гадоў у пяць, і не па буквары, а па Бібліі. Мой дзед Ясь — Іван Маркавіч Магер, якога дасюль у Крэве згадваюць як святога, аслаб на вочы і ўжо не бачыў літар Святога Пісання. “Цяпер твае вочы будуць маімі”, — сказаў ён аднойчы і стаў вучыць мяне грамаце. Літары ў нас называліся Агрэст, Гурок, Парэчка, Яблык, Бульба, Морква, Шчаўе, Карова, Свіння, Цялушка, яны “раслі” ў садзе і на агародзе, мыкалі і рохкалі ў хлеве. І што вечар дзеду, заікаючыся і ад няўмення, і ад намагання хоць неяк спасцігнуць тое, што напісана, чытаў: “Слово в начале было у Бога и само было Бог”.

Не надта любячы Саветы, якія яго раскулачылі, адабралі зямлю, лес, тартак і зрабілі амаль жабраком, дзед Ясь у вайну хаваў у сваёй хаце савецкага афіцэра, габрэя ды яшчэ і камісара. Знайшоў яго, усяго ў крыві, у яме, дзе буртавалася бульба. Сказаў жонцы, дачцэ і тром сынам: “Бог паслаў да нас чалавека, каб мы яго выратавалі...”. Немцы, калі б дазналіся, адразу б іх павесілі б за гэта.

(Калі дзед памёр, з таго свету ён паслаў мне доказ існавання Бога. Праз гады я напісаў пра гэта ў прыпавесці “Чмель і вандроўнік”, прысвечанай Васілю Быкаву.)

У першы клас я пайшоў у Крэве, у другі — у Смаргоні. Скончыўшы сёмы, захацеў стаць геалагам: вандроўкі, намёты, касцёр, гітара — рамантыка. У чатырнаццаць год паехаў у Кіеў “паступаць на геолога”, дзе драматычна закахаўся. Бялявенькая такая, яснавокая... Не помню, як яе звалі, але помню, як мяне праз яе білі пяцёра таксама закаханых у яе хлопцаў, з якімі жыў у адным інтэрнацім пакоі. Старэйшыя за мяне, ужо пасля арміі, яны закручвалі мяне ў коўдру — і кедамі! Каб раскахаў... Справіцца з імі мне было не па сіле, паскардзіцца не дазваляў характар. Трываў, колькі мог. Адночы закахаўся — на насоўцы з’явілася кроў. Ну, думаю, рамантыка рамантыкай, каханне каханнем, а жыццё даражэй. Бывай, бялявая! Дый экзамены паздаваў абы як, бо не да іх было. Не паклалася перада мной сцяжына, па якой можна было б прайсці ў геологі. Не лёс.

Праз два гады падаўся вучыцца ў Мінск на радыёмеханіка, не стаўшы перад тым ні ветэрынарам, як бацька хацеў, ні музыкам, як жадала маці. Хоць яна і ўгаварыла бацьку прадаць карову і купіць мне акардыён.

Але і радыёмеханіка з мяне не атрымалася. Законы, па якіх бяжыць ток па электраланцугах, аказаліся неспасцігальнымі. Пасля трэцяга курса вярнуўся дадому, сказаў: “Усё. Не маё”. Маці ў плач: “Сыноч, ты ўжо хоць дзе-небудзь давучыся, людзі ж думаюць, што адусюль цябе выганяюць. З хаты на вуліцу не выйсці...”.

Каб маці магла выходзіць на вуліцу, паехаў давучвацца. А як давучыцца, калі не цяміш, якую навуку пасцігаеш?

Перад зімой сесіяй купіў кнігу Альберта Эйнштэйна, нават не ведаючы, навошта. І раптам чытаю, як Эйнштэйн прызнаецца: вось усе кажуць, што я геній, тэорыю адноснасці прыдумаў і ўсялякае такое, а я, па праўдзе сказаць, дагэтуль не ведаю, чаму электрычная лямпачка гарыць.

Раблю ў кнізе закладку і іду з “Эйнштэйнам” здаваць экзамен па спецыялізацыі. Шэры зімовы ранак, у аўдыторыі гараць лямпачкі. Бяру экзаменацыйны білет і, нават не чытаючы прапанаваных мне пытанняў, вяртаю білет выкладчыку. Кажу: у вучэльні вашай я выпадкова, зараз вы паставіце двойку, станеце мяне выганяць, і гэта

будзе справядліва. Але, каб усё ж хоць нешта талковае я вынес адсюль, растлумачце вы мне на развітанне, чаму гарыць электрычная лямпачка. Давай мне выкладчык распавядаць, як адзін электрон штурхае другі электрон, а другі — трэці і гэтак далей. Я ўважліва слухаю, галавой ківаю. Дзякую за тлумачэнні і кладу перад на сваю заліковую кніжку разгорнутую кнігу Эйнштэйна — маўляў, а вось ён не ведаў.

Прозвішча выкладчыка было Дубко, але дубам ён зусім не быў. Выпускнік прэстыжнага “баўманскага” інстытута, ён ацаніў мой, як сёння б гэта назвалі, перфоманс і даў магчымасць скончыць электратэхнікум сувязі.

З дыпламам маладога спецыяліста я апынуўся спачатку на Далёкім Усходзе, пасля — у Сібіры і на Поўначы. З гэтымі маімі інстытутамі, з іх хоць і кароткімі, але насычанымі праграмамі, не параўнаць аніякія іншыя. Ва ўсякім выпадку, не параўнаць з імі ні педагагічны, ні літаратурны інстытуты, адзін з якіх я скончыў, а другі, зноў жа, не.

Чаму гарыць электрычная лямпачка

Першая мая кніга павінна была выйсці на рускай мове, калі я вучыўся ў Літаратурным інстытуце. Свет яна не пабачыла: я забраў рукапіс з маскоўскага выдавецтва “Молодая гвардия”. На мяне там глядзелі, як на вар’ята, але я ведаў, што рабіў: у выдавецтве “Мастацкая літаратура” паабяцалі выдаць мае беларускія вершы. У выбары не сумняваўся.

Прыехаў з Масквы ў Мінск падпісваць дамову, а мне паказалі адмоўную (так званую закрытую) рэцэнзію на чатырох аркушах. Зваротная старонка апошняга аркуша была ў плямінах ад сала, са слядамі нажа і пахла цыбуляй — пілі, закусвалі, пасцяліўшы на рэдакцыйным стале газету, пад якую падквалі тое, што трапіла пад руку, каб стол не парэзаць.

Паэзія тады ўяўлялася мне храмам, і гэта было, як лаянка ў храме. Не сама рэцэнзія, якую, як пасля прызнаўся яе аўтар, яго змусілі напісаць, а тое, як

абышліся з ёй, са мной і з самім храмам ягоныя служкі. Я быў гатовы ўзненавідзець усю беларускую літаратуру...

Урэшце кніга выйшла, хоць і са змененай назвай (не маёй, а выдавецкай). Выйшла найперш намаганнямі Барадуліна, які падключыў да гэтага, як цяжкую артылерыю, Куляшова з Панчанкам — народных паэтаў, якія мелі вагу і моц.

Неяк праглядаў сваю першую кнігу і стараўся зразумець: з чаго маглі ўзнікнуць праз гэтыя вершы хоць нейкія праблемы? Так і не зразумеў.

Я і зараз шмат чаго не разумею, таму займаюся, займаюся і займаюся літаратурай. Бо толькі праз яе (праз мастацтва наогул) і яшчэ праз Бога (праз веру) можна нешта ўцяміць у гэтым свеце, хоць крышкву наблізіцца да ўсведамлення таго, дзеля чаго ты тузаешся ў жыцці.

Калі сказаць, што няма і не можа быць з гэтага тузання ніякага выніку, гэта будзе праўдай, але нейкай надта ўжо абсалютнай, касмічнай, па-за межамі разумення. Таму, можа, і пілуем мы, рэжам, трушчым неймаверную праўду на меншыя, маленькія і маленечкія (кожны на свае) праўдачкі. Здавалася б, з іх, няхай і маленькіх, але бясконцых у сваёй колькасці, ужо даўно павінна была б скласціся нейкая адна вялікая праўда, а яна не складваецца, не складваецца... Ці нечакана для ўсіх і кожнага, раптам склаўшыся, зноў рассыпаецца. Бо не можа быць праўдзівым малюнак, складзены з кубікаў. Тым больш што ўсе ведаюць: на кожным баку кубіка — фрагменты розных малюнкаў.

І ўсё ж менавіта мастацтва здолела больш-менш праўдзіва накідаць абрысы свету, у якім няма адной праўды для ўсіх. І найперш гэта здолела зрабіць літаратура, якую не цікавіць, чаму гарыць электрычная лямпачка. Тая літаратура, у якой я пачынаў, — савецкая імперская літаратура — скончылася. Яна патанула, як “Тытанік”. Лёс тых, хто знік у акіяне разам з караблём, трагічны. Але ці не горшая, бо самотная, доля тых, хто застаўся на беразе? Мы чыталі вершы на стадыёнах, друкаваліся ў часопісах з мільённымі накладамі, і мільёны хацелі быць падобнымі на нас, паэтаў. На каго яны хочуць быць падобнымі сёння?..

Парадаксальная праўда ў тым, што і на стадыёнах, і ў часопісах мы ўсё зрабілі для таго, каб ні стадыёнаў, ні

часопісаў у нас не стала. Сённяя літаратура не большая, але і не меншая за сябе і займае тое месца, якое займае. З ім можна звывкнуцца, калі пісаць і пісаць, а не ўспамінаць і ўспамінаць...

*Калі пісаць, дык толькі так пісаць,
Як бліскавіцу доўжыць бліскавіцай,
Як з вены ў вену кроў пераліваць...
Пісаць, як спавядацца і маліцца.*

Адно — падумаць, іншае — зрабіць

“Калі ты не займаешся палітыкай, дык яна зоймецца табой...”. Мной яна ўпершыню (шчыльна, каб адчуў) занялася ў сярэдзіне 70-х.

Набліжаўся чарговы з’езд КПСС. Мяне выклікалі ў Маскву ў ЦК камсамола: “Ты выбраны з усіх паэтаў Савецкага Саюза, каб напісаць прывітанне з’езду ад савецкай моладзі”.

Пытацца “чаму я?” не выпадала. “Дзякуй за гонар”. Сапраўды ж, адзін з усіх. Напісаў і паехаў у Мінск. Праз месяц зноў выклікаюць: “Твае вершы зацверджаны ў ЦК КПСС. Ты выбраны з усіх, каб прачытаць з трыбуны з’езда”.

Да канца эпохі Брэжнева, абвешанага зоркамі і анекдотамі, заставалася чатыры гады. Гарбачоў ужо быў сакратаром ЦК. У грамадстве, не для ўсіх прыкметны, блукаў прывід таго, што пасля назвалася перабудовай. І ў гэты час мне чытаць на ўсю краіну “Плывы, страна, эпохі ледакол!”.

Я ўсё разумеў. Няшмат знойдзецца паэтаў, якія захочуць са мной выпіць. Пасля тыя ж паэты, усё ж выпіваючы, дапытваліся: “Чаму не адмовіўся?” А вы станьце пасярод неабсяжнага кабінета сакратара ЦК па ідэалогіі і адмоўцеся. Толькі перад тым папрасіцеся ў псіхушку з больш-менш адвольным рэжымам, дзе вам хоць бы пісаць дазволілі б.

Пайшлі бясконцыя рэпетыцыі на радыё, тэлебачанні, у Крамлёўскім Палацы з’ездаў. З усіх бакоў — “гэбісты”, загадчыкі цэкаўскіх аддзелаў і сектараў (чалавек сто за гэта адказвала). Я ў соты раз чытаў пра ледакол і ў соты раз думаў...

Кожнаму чалавеку жыццё дае шанц на выйгрыш: некаму — выйграць грошы, некаму — лёс. Калі шанц вялікі, дык ён, звычайна, адзін, але многія людзі, мяркуючы, што шанц гэты не апошні, прапускаюць яго. Мой шанц выглядаў, як лёс. І, у соты раз падумаўшы, я вырашыў не прапусціць яго і сказаць не пра тую краіну, якая плыве, а пра тую, што патанае. Прыкінуў: расстраляць мяне наўрад ці расстраляюць — часы ўсё ж не сталінскія. Канешне, пасадзяць, але шанц таго варты...

Ды адно — падумаць, і зусім іншае — зрабіць. Не змог. У апошні момант не знайшлося сілы, мужнасці. І не толькі таму, што на крамлёўскую сцэну, якую ў тры шэрагі аточвала ахова, мяне выпусцілі не ў прызначаны час, а гадзіны на паўтары пазней, нібы нешта западозрылі. І не таму, што папярэдзілі, каб не надта хваляваўся, чытаючы, — усё адно пойдзе фанаграма, запісаная на Шабалаўцы. Якая розніца, пачулі б мяне, ці не? Проста не здолеў, не хапіла мяне на гэта. Выйшаў: “Пльыві, страна, эпохи ледакол!” І вяла запляскалі ў далоні Брэжнеў, Суслаў, Гарбачоў...

Я не быў тады (і нават не меркаваў, што буду) дысідэнтам, не збіраўся выступаць (беларускі савецкі паэт) супраць савецкай улады. Мяне не задавальнялі ў ёй какрэтныя асобы і, адпаведна, іх канкрэтныя дзеянні. Гэткай матывацыі аказалася недастаткова, каб з разлікам, запланавана здзейсніць тое, на што здольны толькі апантаныя людзі.

Шкадаваць позна, а прызнацца — не, хай яно і без патрэбы. Хіба толькі гэтым можна патлумачыць адну з прычын, не зусім зразумелых нават для блізкіх мне людзей, па якіх не склаліся мае адносіны з Лукашэнкам. Я не мог дапусціць, каб тое, што некалі адбывалася са мной на імперскай сцэне Савецкага Саюза, праз паўжыцця паўтарылася на месчачковай сцэне на ўзроўні фарсу. Хоць і на крамлёўскай сцэне, зразумела, была не высокая трагедыя, але ўсё ж...

Бог не дазволіў саграшыць перад Крэвам

Наўрад ці хто-небудзь чуў, каб я жаліўся на жыццё. Некалькі разоў яно падломвалася, дык што ж? Бацькі мае

жылі куды цяжэй, не жалячыся. І ніколі, і нічога, молячыся, маці ў Бога не прасіла. Толькі дзякавала, толькі дзякавала...

У кнізе “Так”, напісанай у Польшчы і Фінляндыі, дзе мне не надта хацелася быць, я вынес на вокладку радкі з паэмы “Ложак для пчалы”, самай беларускай з усіх напісаных мной паэм:

*...Як смерць, бялее маці,
Кажа маці: “Не прасі.
Ані каліва якога,
Ні свайго і ні чужога,
Як бы ты ні бедаваў,
Не прасі нічога ў Бога —
Ён і так табе ўсё даў...”*

Паэма гэтая маці і прысвечана. У гэтай жа кнізе — прысвечэнні жанчынам, якіх кахаў. Нябесныя жанчыны. Я не варты ніводнай з іх.

Апроч кахання, сям’і, сяброў, Бог даў яшчэ і занятак, які па мне, — паэзію. Хоць доўгі час, даволі жорстка ацэньваючы сябе і самому сабе не давяраючы (“*Нібыта ўвайшоў без білета туды, дзе спытаюць білет...*”), я і Богу не давяраў — а раптам Ён памыліўся? І толькі пасля трэцяй ці чацвёртай кнігі ці нават пасля пятай, пасля “Прошчы”, я падумаў, што, магчыма, і не сталася памылкі на нябёсах. А калі сталася, дык невялікая. Такая, якую можна выправіць на зямлі.

...Я рабіў некалькі спроб (даруй, Божа!) пакінуць зямлю. Бог не даў мне гэтага здзейсніць. Не дазволіў саграшыць перад Крэвам, перад продкамі, перад маці, а ў першую чаргу — перад Ім. Каб я ўрэшце ўцяміў:

*Ува ўсім, што ёсць, было і будзе —
Ані ў чым цябе магло не быць.
Цуды ўсе ў адным-адзіным цудзе:
У неверагодным цудзе
Жыць.*

Аўтарскае пасляслоўе

Тэкст па маіх шматлікіх просьбах У.Някляеў даслаў 28 чэрвеня 2006 года, за што я яму вельмі ўдзячны. Няма

сэнсу выказваць свае эпітэты, скажу толькі: адчуваецца — пісаў ПАЭТ.

www.kamunikat.org

Алесь ПАШКЕВІЧ

Гэты артыкул быў падрыхтаваны падчас супрацьстаяння Саюза беларускіх пісьменнікаў паралельнай афіцыйнай структуры, якую ўзначальвае вядомы міліцэйскі генерал — даволі адыёзная фігура. Падтрыманая ўладамі квазі-структура патрабавала зрабіць беспрацоўнымі ўсіх “дэструктыўных”, якія працуюць пад кіраўніцтвам Алеся Пашкевіча. Чаму менавіта ён? Спадзяюся, адказ на гэтае пытанне ёсць і ў артыкуле, што змешчаны ніжэй.

Першыя словы

Дзяцінства, яго непаўторнасць і незваротнасць бачыцца на жыццёвай адлегласці. Ад самага прыходу... Калі я сабраўся з’явіцца на свет, мама выбірала бульбу на агародзе, пад высокай чырвонай грушай. Пахла спеласцю, сонцам, тлустай зямлёй, вярцінямі, макрацом і чаканнем. Прыперчваў усё тое аскомісты смак падсохлага бульбоўніка.

Мне ўпершыню стала цесна і няўтульна.

У баразну да выбранай бульбы падалі саспелыя чырвоныя грушы, а ў мамы забалеў живот. Яе адвезлі ў бальніцу, дзе яна, збіраючы сілы, нават змагла паспаць. А вечарам 11 верасня 1972 года з’явіўся я. І закрычаў. Мне хацелася сонца і малака...

Маёй першай зямной “прапіскай” стала вёска Набушава, што на старадаўняй Случчыне. У XIX стагоддзі гэта быў сціплы шляхецкі засценак. У ім, наколькі хапае згадак і ўспамінаў родзічаў, і жылі мае дзяды-прадзеды. Прадзед Мітрафан Пашкевіч працаваў на зямлі і гадаваў коней. З дзябёлай кабылкай патрапіў у Пецярбург на выставу і заняў прызавое месца. Атрымаў узнагароду царскімі залатоўкамі, прыкупіў на іх некалькі валокаў і падзяліў іх паміж пяцярымі дзецьмі. Золата здаў у “таргсін”. Гэта выратавала ад Сібіры, калі да яго прыйшлі “ўпаўнаважаныя”. “Вось даведка, — сказаў, — а золата цяпер — вось гэтая зямля”.

А затым Случчына стала “нейтральнай” зонай паміж польскім войскам і Чырвонай Арміяй. Пачаўся антыбальшавіцкі Слуцкі збройны чын. Старэйшы сын Мітрафана пайшоў у паўстанцкі полк і быў інтэрнаваны за Ланню на “польскай” тэрыторыі. След ягоны на тым згубіўся. Малодшы сын Мітрафана Іван, бацька майго бацькі Аляксандра, быў у 1941 годзе мабілізаваны на фронт (дома засталіся жонка Марыя і два сыны (трохгадовы і паўтарагадовы) і загінуў, паводле адных звестак, пад сценамі Кёнігсберга-Караляўца, паводле іншых — у Чэхаславакіі. Мой дзед па матчынай лініі Іван Пятровіч Акуліч партызаніў, ваяваў у дзеючай арміі і вярнуўся жывым. Праз два гады пасля перамогі ў яго і маёй бабулі Соф’і нарадзілася дачка Зоя — мая маці.

З імі і звязаны мае першыя крокі і першыя ўспаміны. Маці працавала ў вясковай краме прадаўцом, бацька сачыў за “меліярацыяй” — абкошваў на колішніх балотах канавы. “Гадаваў” мяне дзед Іван, які жыў у нашай хаце. Прачнуўшыся, я выбягаў на вуліцу і прасіў яго: “Дзед, пасі мяне”. Калі мне было шэсць гадоў, дзед навучыў мяне спраўна касіць, адмыслова асадзіўшы дзеля гэтага пад мой рост касільна і “лучок”.

З шасці гадоў я сябе і памятаю, з незвычайнай на той узрост прыгоды: у мой дзень народзінаў у краме сабраліся вясковыя жанчыны і ўтаварылі маму адзначыць мой “юбілей” савецкім “Савіньёнам”. З 50 грамаў нейкім чынам перапала і мне, і я з песнямі, трымаючыся за плот, ледзь дакльпаў да хаты — нейкіх 70—100 метраў. Сядзеў на парозе варывенькі і спяваў: “Балэ-балэ-балэ...”. “А галава, як у нягеглага пеўня, на плячо падала”, — успамінаў дзед.

А далей — лес, грыбы, кар’ёр-копанка, рыба, сябры, кнігі. І школа...

У Вясейскую школу мусіў дабірацца за шэсць кіламетраў, і ў дождж, і ў снег. Але тыя гады ўзгадваюцца сонечна: добрыя настаўнікі, новыя ўражанні; вучоба, якая давалася лёгка і цікава. Памятаю ўсе прачытаныя ў той час кнігі. У старшых класах штотыдзень ездзіў у Слуцк на заняткі школы юных рабселькараў пры рэдакцыі раёнкі “Шлях Ільіча”.

У 1989 годзе з залатым медалём скончыў школу і вырашыў паступаць у БДУ. Меркаваў на журфак, але

старэйшы (і адзіны) брат, на той час сам студэнт-журфакавец, адгаварыў, і дакументы я падаў у прыёмную камісію філалагічнага факультэта. Здаў першы экзамен на “выдатна” і быў залічаны студэнтам.

Чаму менавіта такі выбар? Атрымлівалася, да прыкладу, і з хіміяй (удзельнічаў у абласных алімпіадах), але цягнула толькі да слова. Да беларускага слова.

Навучанне слову

Студэнцтва — асобная “залачоная” старонка жыццёвай кнігі. Асабліва калі яно, як у мяне, супала і з асабістым станаўленнем, і са станаўленнем маёй краіны.

Тагачасны філфак БДУ — акадэмія з найславуцейшымі выкладчыкамі-славістамі: прафесары Супрун, Шакун, Бурак... Першы ў жыцці студэнцкі экзамен — “Гісторыю КПСС” — здаваў дэкану Воўку, а праз тры гады тая партыя аказалася пад забаронай. Хацеў (на першым курсе) пасля ўніверсітэта паступаць у ВПШ (Вышэйшую партыйную школу), а на чацвёртым курсе ўжо вучыўся ў ейных сценах (дом 31 па вуліцы Карла Маркса), куды пераехаў-перабраўся філалагічны факультэт БДУ на чале са сваім новым дэканам прафесарам і пісьменнікам Алегам Антонавічам Лойкам. Мой першы дэкан на першай лекцыі хваліўся, што прачытаў поўны збор твораў Леніна. Дэкан Лойка першую лекцыю пачаў з прызнання, што прачытаў усе старабеларускія летапісы і хронікі. Ён (Алег Лойка) стаў маім “хросным” апекуном — кіраўніком дыпломнай, навуковым кіраўніком кандыдацкай, навуковым кансультантам доктарскай дысертацыі і аўтарам прадмовы да майго першага зборніка паэзіі “Нябесная сірвента”, які выйшаў у “Мастацкай літаратуры”, калі я быў яшчэ студэнтам.

Філфак вучыў мяне не толькі думаць, чытаць і пісаць, але і вязаць ды скірдаваць снапы лёну (восеньская “практыка”), падвязаць вінаграднікі ды палоць тытунь (крымскі будатрад), а яшчэ — хадзіць на шматтысячныя апазіцыйныя мітынгі і... піць моцныя напоі. З год я жыў у студэнцкім інтэрнаце на Кастрычніцкай у адным пакоі з кіраўніком карэйскага зямляцтва-студэнцтва Ан Дон Чэрам. Стыпендыю на той час ён атрымліваў небывалую

(думаю, і рэктар столькі не меў). Ан, шчыры і кампанейскі чалавек, ладзіў сустрэчы з землякамі, умеў смачна кухарыць-гатаваць, а ў ягоным халадзільніку заўсёды чакалі скрыня гарэлкі і скрыня шампанскага. Аднак найбольш ён паважаў родную “гарэлку”, якую перадавалі з маскоўскага дыппасольства, — жаўтаваты спірытус у трохкутнай бутэльцы са змейкай-спіраллю ўнутры. Гэта таксама была адмысловая “практыка”, асабліва калі назаўтра зранку ва ўніверсітэце цябе чакаў экзамен па нямецкай мове. Мне, першакурсніку, Ан дазваляў пастаць з паўгадзіны, а перад іспытам даваў мне тоўсты, з палец, корань лекавага жэньшэня, пасля прыёму якога мне не толькі спаць не хацелася некалькі дзён, але і пачуваў сябе немцам з баварскім вымаўленнем. Дый экзамен здаваўся на “выдатна”.

Аднак жэньшэнь не здолеў уратаваць паўночных карэйцаў (і тых, хто вучыўся расійскай мове, і тых, хто штудзіраваў лётную справу) ад гарбачоўскай перабудовы. Пачасціліся праверкі, падчас якіх студэнты-замежнікі дэманстравалі на чаплялі на пінжакі “камсамольскія” значкі з выявай Кім Ір Сэна, і неўзабаве іх усіх спешна вывезлі на радзіму — каб не “набраліся дэмакратычнай заразы”. З Анам перад развітаннем мы абмяняліся хатнімі адрасамі, але ад яго не прыйшло ні слова...

Былі ў маім студэнцтве яшчэ і вайсковая кафедра, і зборы, і прысяга на пляцы пад бел-чырвона-белым сцягам, і запіс у ваенным білеце “камандзір узвода мотапяхоты”...

Шмат у чым дапамагі мне і літаратурнае аб’яднанне “Крыніцы” пры газеце “Чырвоная змена”, і падтрымка ягонага нястомнага літкансультанта Алеся Герасімавіча Масарэнкі. Літаратурная моладзь “у разгар дэмакратыі” (пачатак 90-х) заснавала і выдавала за грошы дзяржавы свой штомесячны часопіс “Першацвет”, і я, будучы студэнтам, працаваў намеснікам галоўнага рэдактара, а таксама быў кіраўніком згаданага літаб’яднання.

Галоўнае, я не пераставаў быць удзячным брату за тое, што сагітаваў мяне паступаць на філфак. І найперш з такой прычыны. Уявіце: на курсе 110 чалавек, з іх толькі дзесяць — хлопцы. Проста дзявочае царства! Філфаку я абавязаны знаёмствам са сваёй будучай жонкай Вольгай, з

якой пяць гадоў адвучыўся на адным курсе, у адной групе. Затым мы “напісалі” з ёй дачку Алесю і сына Багдана...

Закончыў БДУ з дыпломам з адзнакай, паступіў і выдатна адвучыўся ў аспірантуры. Абараніў кандыдацкую “Феномен узвышэнства ў беларускай паэзіі ХХ стагоддзя”, стаў выкладаць у альма-матар. Падрыхтаваў і абараніў (у трыццаць гадоў) доктарскую, ужо па прозе. Яе тэма — “Канцэпцыя нацыянальнага быцця ў прозе беларускага замежжа ХХ стагоддзя”.

Захапленне словам

Як стаў пісьменнікам, не ведаю. Згадваюцца нейкія няпэўныя памкненні, адчуванне радаснай і бадзёрай узлётнасці (непараўнальныя, канечне, з ужываннем карэйскага жэньшэню). Пахваліцца тым, што спасціг мноства кніг, не магу. У школе з прозы найбольш уразілі Янка Маўр, Іван Мележ, Якуб Колас, Міхаіл Лермантаў, Барыс Васільеў, у паэзіі — Максім Багдановіч, Максім Танк, Пімен Панчанка, Аркадзь Куляшоў. Пазней з беларусаў да іх дабавіліся Кузьма Чорны, Андрэй Мрый, Вацлаў Ластоўскі, Уладзімір Жылка і Уладзімір Дубоўка. Памятаю, штосьці сам рыфмаваў яшчэ з чацвёртага класа. Выдатна атрымаліся сачыненні. Але зацікаўленасць у маім “пісьменніцтве” выразна адчуў у пятым класе, падчас ліставання са стрыечным дзядзькам Анатолем з Асіповічаў (унукам майго прадзеда Мітрафана). Мой “рэспандэнт” радаваўся маім беларускамоўным лістам і прасіў пісаць часцей...

На пачатку 1995 года я як аўтар паэтычнага зборніка быў прыняты ў Саюз пісьменнікаў Беларусі (пасля таго, як, згодна са змененым заканадаўствам, было забаронена ўжываць назву краіны ў назвах недзяржаўных арганізацый, ён быў перанайменаваны ў Саюз беларускіх пісьменнікаў). Апублікаваў раман-дакумент пра Слуцкі збройны чын і трагічную гісторыю БНР “Пляц волі”, дзве літаратурнаўчыя манаграфіі. У 2002-м тайным галасаваннем быў абраны старшынёй пісьменніцкага саюза, у 2006-м — пераабраны на другі тэрмін. У тым жа годзе выйшла мая кніга (раман-біяграфія) пра Уладзіміра Дубоўку “Круг”. Вершы і проза перакладаліся на рускую,

українскую, польскую, літоўскую, балгарскую, славацкую, ангельскую і шведскую мовы.

Быццё — быццём, а проза — прозай. У звязку з гэтым, думаецца, я прайшоў яшчэ і “дактарантуру” па вывучэнні дзяржаўнага механізму, чалавечай двудушнасці, паклёпніцтва, чыноўніцкай хцівасці. “Стажыраваўся” і ў высокіх кабінетах Адміністрацыі прэзідэнта, і ў альма-матар, і ў “апартаменты” Вышэйшай атэстацыйнай камісіі, і яшчэ шмат дзе. За некалькі дзён да з’езда Саюза пісьменнікаў (2002 год) тагачасны памочнік прэзідэнта і начальнік галоўнага ідэалагічнага ўпраўлення настойліва ўтаварваў мяне зняць сваю кандыдатуру перад галасаваннем, уважліва распытваў пра работу і акуратна запісаў тэму маёй доктарскай у свой блакноцік з дзяржаўнымі сімваламі на вокладцы. “Вы ж разумны чалавек, вам жыць далей”, — вымавіў напрыканцы. “Пераможцаў не судзяць”, — занадта ўпэўнена, адмаўляючыся ад ягонай прапановы, сказаў я яму перад адкрыццём з’езда. І памыліўся — у нас судзяць усіх. І, у прыватнасці, трыццацігадовага доктара філалагічных навук, старшыню СП. Рапэнне Вучонага савета БДУ па прысуджэнні мне навуковай доктарскай ступені двойчы зацвярджалася на спецыялізаваным Экспертным саветае ВАКа, аднак ягоны прэзідыум нястомна (два гады!) шукаў “чорнага” рэцэнзента, які б напісаў адмоўны водзых. Такага ў Беларусі не знайшлося, і “ідэолагі” пайшлі апошнім апрабаваным шляхам: аўтарэферат дысертацыі “случайно попал” у рукі групы генералаў, палкоўнікаў, Герояў СССР, ветэранаў вайны. Яны і даслалі прэзідэнту і ў іншыя інстанцыі свае абураныя “водзывы”, у якіх “почти каждая фраза автореферата” называлася “опошлением белорусской национальной идеи, внутренней и внешней политики Республики Беларусь”, а сама праца — “хорошо продуманной и организованной политической и идеологической акцией, маскируемой под науку”, “попыткой националистов и их зарубежных покровителей украсть у белорусского и других народов бывшего Советского Союза Победу” і “антигосударственной, антипатриотической, национал-предательской диверсией”. Генералы-ветэраны ў згаданым лісце прасілі кіраўніка дзяржавы “защитить идеологию современного белорусского

государства, защититъ белорусскую науку от перевёртышей, карьеристов и политических проходимцев”. Як вы разумеете, пасля такой “рэцэнзіі” мне і не выдалі пасведчанне. А наўздагон пайшлі даносы на майго навуковага кіраўніка і на мяне за некаторымі подпісамі калег-кафедралаў. Словам, анічога новага пад небам...

Вера ў слова

Жыццёвае і літаратурнае крэда супадаюць — “Быць”. Быць з вялікай літары. Ну, а незвычайнае жаданне... Над беларускай літаратурай другой паловы ХХ стагоддзя рэфрэнам гучаў сімвал “сена на асфальце” (апавяданне Міхася Стральцова). Вяскоўцы, якія ішлі ў літаратуру, асядалі ў горадзе, жылі ў настальгіі, ім і сена вясковае мроілася, і ўрбаністычны асфальт вабіў іх. У творчасці яны імкнуліся спалучыць вёску і горад.

У Стакгольме на адной з цэнтральных вуліц, якая вядзе да каралеўскага палаца, пасярод асфальту замест дарожнай разметкі выліты словы класіка шведскай літаратуры Стрындыберга. І вось аднойчы мне захацелася бачыць на адной з цэнтральных вуліц Мінска (нават і месца выбраў — цяперашнюю вуліцу Карла Маркса) вылітыя выказванні нашых літаратурных класікаў. Можна, тады будзе што ўспомніць не толькі старэйшынам нашай літаратуры, але і сённяшнім маладзейшым літаратарам, мастакам, музыкам, спевакам ды і простым людзям, якія патрапяць у нашу сталіцу ды пройдуцца яе вулкамі, дзе не толькі будуць умураваны беларускамоўныя тэксты, але і будзе годна і ўзнёсла гучаць беларуская мова?..

Хобі — нічым не займацца, проста па-японску сузіраць. А яшчэ захапляюць машыны, дарога, горы, мора (апошняя не ставала на маёй “роўнай” Случчыне).

Пра веру ж некалькімі сказамі не распавесці. Пра веру ў зямлю і неба над ёй. Не ў Зямлю як частку космасу, а ў той лапкі, на якім упершыню стаў на ногі; у той куток Случчыны, абжыты, тысячы разоў пераараны ды ўтаптаны маімі дзядзямі-прадзедзямі. Веру высокім моцным дрэвам, якія звязваюць маю зямлю з небам. Веру найперш вязу і грабу, восеньскаму верасню, у які прыйшоў на свет; у ягоную шчодрасць ды сімвалічную выніковасць. Веру

сабакам і катам. З мільярдаў людзей веру адзінкам (ды і тое, баюся, часова). З людскога царства найбольш веру нябожчыкам: яны не баяцца, не хлусяць і не зайздросцяць. Веру ў каханне як у адзінае, што трымае і лякуе. Веру ў слова, у ягоную найвялікшую моц — і сонечную, і чорную. У ягоную першаснасць і першапрычыннасць.

Нарэшце, веру ў мудрага Стваральніка ўсяго вышэй названага, у ягоную дабрыню і цярпліваць.

Мог бы паверыць у матэматычна-фізічныя формулы ды тэарэмы, але як верыць нежывому? (Нябожчыкі — выключэнне.) Я нават не веру ў тое, што $2 + 2 = 4$, бо трымаюся першаснасці і абсалюту тварэння. Тварыць — гэта значыць называць, супастаўляць, ксціць словам. Назаві хтосьці першым чацвёрку пяцёркай, і $2 + 2$ было б 5...

І яшчэ паэтычна хачу верыць у тое,

што не зрокся і ўнук зямлі:
узараўшы нябёсы болям,
на чырвоным арле-кані
праімчуся бялюткім полем;

што не вечны ў мурах кашчэй,
што ў нябыт павядуць не першым,
што чарніла святых начэй
яшчэ хопіць
на дзесяць
вершаў...

Так сталася, што традыцыйна нашы літаратары адказваюць на пытанне “Што рабіць?”, аднак, на маю думку, першым пытаннем сапраўднага літаратара павінна быць “Ува што я веру?”. А потым ужо належыць думаць, што рабіць, каб гэтую веру не страціць і пашырыць.

Аўтарскае пасляслоўе

Гэты маналог я атрымаў 11 сакавіка 2010 года і яшчэ раз зразумеў, чаму з людзьмі такога кшталту змагаюцца “афіцыйныя” пісьменнікі. Таму што яны, гэтыя людзі, умеюць ПІСАЦЬ. На такім фоне асабліва бачныя тыя, хто рабіць гэтага не ўмее.

Леонид СИНИЦЫН

О том, что Леонид Синицын не только был первым главой президентской администрации, но и руководителем избирательного штаба президента, известно всем. Как и то, что из властных структур он ушёл по своей воле. Только вот последнее обстоятельство некоторые предпочитают не вспоминать. На мой взгляд, совершенно напрасно, поскольку таких поступков мы знаем немного.

Первые увлечения

В некоторых источниках дата моего рождения указана неверно — 25 июля. На самом деле я родился 28 июля 1954 года. Родной Полоцк — очень красивый город. До сих пор приезжаю туда с чувством приятной ностальгии.

Сестра Нина старше на три года, всю жизнь занимается дорожным строительством, сейчас работает в министерстве.

Детство было таким же, как у всех ребят того времени. Школа, рядом лес. Там проходила линия фронта, и с войны осталось много интересного.

Отец построил дом на краю Полоцка — до леса было всего около четырёх километров. И мы, мальчишки, проводили там всё свободное время. В третьем классе меня чуть не выгнали со школы за пропуски. Рядом с домом был ещё и стадион. Естественно, летом — футбол, зимой — хоккей. Очень популярен был баскетбол. А ещё играли в карты. Кстати, в них я научился играть раньше, чем считать. (Когда приходил покупать эскимо, говорил: два короля и дама (в сумме одиннадцать.)

Поначалу у меня не было никакого желания учиться. А с класса седьмого учёба пошла очень хорошо. Даже областные олимпиады выигрывал. Окончил школу всего с несколькими четвёрками, в 16 лет. Поступал в Московский инженерно-физический институт (МИФИ), всё сдал хорошо, а с сочинением «пролетел» (никогда не дружил с правописанием). Экзамены в МИФИ проводились на месяц раньше, чем в остальные вузы, но больше в тот год я

поступать не стал. Пошёл работать на мебельную фабрику упаковщиком, потом столяром. Кстати, это была первая запись в трудовой книжке, хотя саму книжку я имел давно: отец умер рано, поэтому трудиться я стал с 13 лет.

Маму звали Екатерина Фёдоровна, много лет работала на Полоцком молокозаводе. Отец, Георгий Алексеевич, бывший военный, работал в КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть. — **Прим.автора**). Он начал перестраивать наш дом, а заканчивали уже мы с мамой. Всё сделали только через три года после смерти отца. Возможно, именно поэтому я и решил стать строителем.

Через год после провала с сочинением попробовал поступить в МИФИ ещё раз. Но не хватило полбалла. Физика тогда была очень модной, а я хотел стать кибернетиком. Если бы поступил, жизнь, наверное, пошла бы совсем по другому сценарию. С баллами МИФИ можно было идти в местные вузы по их профилю, но душа у меня не лежала ни к нефти, ни к газу.

После первого провала пры поступлении я по совету матери выбрал вечернее отделение Полоцкого инженерно-строительного института (ПИСИ), чтобы были заняты вечера, поскольку днём я работал на заводе. А когда не поступил в МИФИ во второй раз, то пошёл туда уже на дневное.

Староста у нас был мастером спорта по тяжёлой атлетике и всех сагитировал заниматься именно этим спортом.

Сессии часто сдавал на «отлично», но ленинскую стипендию не получал, потому что не занимался какой-либо общественной работой. Не любил это дело ещё со школы, не видел в нём абсолютно никакого смысла.

Никаких «напрягов» с учёбой не было. Как и все студенты, подрабатывал, разгружал вагоны. Даже работал сторожем. После окончания института получал столько же, сколько имел в студенческие времена.

Самое известное увлечение

Страсть к зимней рыбалке с пяти лет. Мой дядя Степан Захарович, брат мамы, именно в этом возрасте впервые взял меня с собой на рыбалку. Он, к слову, и

погиб, торопясь на очередную (попал под поезд). На Полоччине озёр и сейчас очень много, а тогда было ещё больше. Всё делали сами — мормышки, блёсны.

Не знаю почему, но зимняя рыбалка мне нравится больше летней. Когда работал в Могилёве, ездил на неё каждые выходные. Собирался целый автобус желающих. Потом появились личные машины, и люди стали ездить на них.

Рыбалка — это не только добывание рыбы, а и общение на свежем воздухе, но самое главное — настоящая медитация: сидишь возле лунки и смотришь в одну точку целый день, словно йог. Обычно выставляю одну удочку, максимум — три.

Люблю жареных окушков (сантиметров 12—15). И жена их тоже любит. Помногу я никогда не ловил: как обычный белорусский рыбак — по 2-3 килограмма. Если, конечно, не ловить леща. Только один раз поймал «на подтяжку» рыбину весом в 12 кг.

Ловлю в районе Лепеля. В деревне Бор, что в 180 километрах от Минска, у меня дача. Долго искал такое место, где много озёр и зимой можно спокойно порыбачить. Дом стоит на горе, с порога видно озеро.

...Вторая половина девяностых. Собираемся затемно, выходим с рассветом. Потом жена разогревает жаркое. В обед свистит, зовёт есть. Прекрасная природа. Хорошо.

У меня прямо на берегу озера — баня. За два часа до окончания рыбалки мы посылаем человека её топить. Он же рядом рубит прорубь, накрывает стол, каким бы ни был мороз. В этом и есть особый кайф зимней рыбалки.

Естественно, когда мороз ниже 20 градусов, ловить невозможно — замерзает лунка, покрывается льдом леска.

Чаще всего мы приезжаем на озеро на несколько дней.

Очень хорошим напарником по рыбалке был для меня мой племянник в его 12—13 лет. (Сейчас ему уже 25, ездит редко — государственная служба.) На рыбалку мы с ним могли выехать в 10—11 вечера. Приезжаем, до 3 часов утра топим дом. Несколько часов спим.

Однажды мой джип даже перевернулся. К счастью, все остались живы, автомобиль просто лёг на крышу. Произошло это в районе Плещениц. Было очень скользко,

нас вынесло на встречную полосу, а там — машина. Ну, я и ушёл в кювет. Снега было очень много. Хорошо, что ехали пристёгнутыми. Домкрат (они тогда ещё не были жёстко закреплены) пролетел между нашими головами. Подождали фуру, поставили джип на колёса и поехали дальше.

В последние годы езжу реже. Оно и понятно — стал дедушкой, много времени уделяю внуку. Да и со льдом в последние годы проблемы. Я любитель ловить на мормышку или на блесну, особенно, когда лёд чистый, как стекло, то есть абсолютно бесснежный.

«Плавал» четыре раза.

Помню озеро в поселке Яново, что в Ушачском районе. Мне 15—16 лет, ловил рыбу со школьным другом. Прорубь, из которой местные брали воду, занесло снегом. Веточек никто не поставил. Было ещё темно. Мороз, ветер. «Шухнули» в прорубь сразу вдвоём. Двоим и повезло.

Второй раз это случилось на Днепре, около Могилёва. Мы сидели в заводи, а на реке уже всюду шёл ледоход. Я подошёл к краю — вроде, лёд толстый, пробурил лунку, сел. Через некоторое время смотрю, что-то не то с леской. Я оказался на льдине. Благо ещё было только самое начало. Пришлось проплыть несколько метров. На реках всегда ловить очень опасно.

Третий случай произошёл в районе Осипович, на Друти, кажется. Там железнодорожный мост и зимовальная яма. Там ловить нельзя, но поскольку в неё заходит лещ, рыбаки, естественно, браконьерничают — ходят по льду и бурят лунки. Как только кто-то поймает рыбу, все идут к нему. В обычных условиях это очень неприлично. А здесь в таком способе сама суть. Я вышел на глубину и тут «Бабах!». Со всех сторон ракетницы — рыбнадзор. Лёд был не очень толстым, и все в один момент «дёрнулись». В итоге я оказался в воде. Плыл метров пятнадцать. Тогда «плавало» человек восемьдесят.

Благо до берега мне было недалеко. Многих оштрафовали. Больше я туда не ездил.

Последний случай произошёл лет девять назад, на небольшой речке между Гомелем и Могилёвом. Ловили мы втроем «по первому льду». Места я знал. Там рядом мост. Я был с одной стороны, а они с другой. Клевало хорошо. Чтобы не провалиться, я взял себе жерди (это поймут

только рыбаки). Там реки-то всего метров 40—50 и глубина до трёх метров. Пошёл по жердям, поставил ящик, ловлю. И тут прямо по лунке пошла трещина. До берега было метров 25. Я понял, что вот-вот провалюсь. Смотал удочку и сидел без движения. И... провалился. Первыми могли потеряться валенки, так как они намокают очень быстро. Пришлось держать их пальцами ног. Оттолкнулся от жерди. Это меня и спасло. Ломал лёд до самого берега и кричал.

А мой племянник с отцом сидели с другой стороны моста и из-за шума проезжающих машин меня не слышали. Кто-то из водителей просигналил. Тогда они всё увидели, прибежали, но я уже выбрался сам. Температура воды была не выше четырёх градусов. Я мог запросто «отбросить коньки» от переохлаждения. Вылез и сразу выпил граммов двести водки. И не заболел.

Самое «официальное» увлечение

Наши вузы не готовят управленцев, и молодые специалисты больше склонны к научной деятельности. Возможно, именно по этой причине мне предложили пойти в аспирантуру в Полоцком строительном институте. Но я отказался. Решил сначала немного поработать и побывать в армии. «Откосить» не стремился. Более того, как и многие в то время, считал, что, если человек не служил, значит, у него не всё в порядке со здоровьем. Дедовщина меня не пугала. Улица научила стоять за себя. Да и в семье у нас было принято, что мужчина — это защитник. Отца забрали на войну с самого начала (ему тогда было 19 лет) и демобилизовали только после победы. К слову, когда я слушал его рассказы, всегда отмечал про себя, что это полностью противоречит тому, что пишут в книгах и показывают в фильмах. Отец рассказывал о тех ужасах, о которых мы узнали только в начале 90-х и позже. В тех воспоминаниях — вся грязь войны, когда человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша. Судьба у него была очень любопытной: пошёл служить в Красную Армию, попал в плен, бежал. Вернулся домой. Мой дед отличался очень крутым характером и своего сына даже не впустил в дом: дескать, кому присягал, к тому и иди. Линия фронта.

Штрафбат. В Кёнигсберге отца серьёзно ранило. Как говорится, «смыл кровью»...

По распределению я шёл первым. Выбрал Могилёв, где начиналась большая стройка — «Химволокно». Начал работать на третьем участке 317-го строительного треста. Прекрасный коллектив. К слову, строить нам помогали в большинстве своём ээки. И строили мы тоже за «колючей проволокой».

Служил в Орле, во внутренних войсках. У нас был специальный взвод, который занимался проблемами организации строительства. Почти все имели высшее образование. «Кочевали» от стройки к стройке. Плюс к этому — учения, стрельбы и т.д. Словом, было всё, чему положено быть в армии. В конце проходили специальные курсы, после которых присваивали звание лейтенанта, но я на них не пошёл, так как понял, что военным быть не хочу. Отслужил своё (полтора года), и баста. И в обкоме партии, и в президентской администрации потом можно было получить какие-то воинские звания, но меня это не интересовало. Быть сержантом запаса для меня вполне достаточно

Отслужив, вернулся на старое место и стал подниматься по ступенькам карьерной «строительной» лестницы: мастер — прораб — начальник участка — главный инженер управления — главный инженер треста. Учителя были отличные. Со всего Советского Союза в Могилёв приехали самые лучшие специалисты — не только прекрасные профессионалы, но и тонкие знатоки людской психологии. Философия человеческих отношений там постигалась очень быстро.

С 1985 года работал инструктором по строительству Могилёвского обкома партии, а заведующим моим отделом был Геннадий Новицкий, нынешний главный сенатор страны. КПСС была уже на исходе, но больше всего меня поражало частое отсутствие здравого смысла во время принятия решений. Все понимали, что прежняя система скоро рухнет.

Через несколько лет вернулся в свой трест. Думал, что больше никогда не буду заниматься политикой, но вышло иначе. В тресте решили, что «наверху» у них должен быть свой человек, и в 1990 году меня избрали депутатом

Верховного Совета 12 созыва. (Иначе просто и быть не могло, так как в Могилёве мы построили и заселили целый район — Октябрьский.)

Поначалу работать депутатом мне было как-то неловко: на стройке пропадаешь «от зари до зари», а тут почти ничего делать не надо. И зарплата высокая. Конечно, те же сторонники БНФ были более политизированы, а я смотрел на них с недоумением. На периферии всё абсолютно другое. На «акклиматизацию» ушло почти полгода. Меня избрали замом в Комиссию по вопросам архитектуры, строительства и производства строительных материалов и жилищно-коммунального хозяйства.

В 1991 году переехал в Минск. После обкома партии, где всё было строго регламентировано, работа в парламенте чем-то походила на махновскую вольницу — никто никому ни в чём не подчинялся, все кричали, что их избрал народ. Мне, привыкшему к иерархичности власти, это было непонятно.

Длилось подобное несколько лет. Как-то мы ехали вместе с Лукашенко (знакомы были довольно давно) на очередную сессию и во время разговора пришли к выводу, что главной целью для политика должна быть власть. Для того мы и попали в парламент. Я никогда не стремился к первым ролям, не рвался к микрофону, работал, как на стройке. Для депутатов главное — написание законов.

Тогда мне представлялось, что мы с Лукашенко всё понимаем одинаково. Увы. В будущем выяснилось, что это касалось лишь тактики, то есть процесса прихода к власти, а не стратегии её дальнейшего применения.

Дальше идёт исключительно политика, о которой я когда-нибудь расскажу в своих мемуарах. Пока же отмечу лишь то, что 7 октября 1995 года на заседании Совета безопасности я написал заявление об уходе из президентской администрации, так как понял, в каком направлении у нас в стране будут идти все процессы. А 26 июля публично ушёл и с должности вице-премьера, который курировал внешнюю экономику, банки, строительство, транспорт и связь. К слову, увидеть в тот период, что страна движется к тоталитаризму, было

довольно сложно. К сожалению, я не ошибся. В политике сразу видно, кто к чему стремится.

После ухода стал заниматься бизнесом. Естественно, в России, потому что в Беларуси никто бы мне этого не позволил. Года три политикой мне вообще не хотелось заниматься, а потом снова стал проявлять к ней интерес. В 2001 году решил пойти на президентские выборы. Шансы были хорошие. Но тогда меня к власти просто не пустили. 30 тысяч подписей банально «забраковали». Было много судов, в том числе и в ООН, где мы выиграли, но сделать что-либо уже было нельзя.

Самое важное увлечение

Это, конечно же, семья. С женой Ольгой мы родились в один день и в один год, только она в Витебске, а я — в Полоцке. А ещё я старше на целый час. Она окончила ПИСИ раньше. Поженились, когда я учился на последнем курсе. Вместе уехали в Могилёв. Мне дали комнату в общежитии. Военной кафедры в нашем институте не было, поэтому перед призывом пошёл к начальнику треста и сказал, что если не будет жилья, оставаться в Могилёве Ольге не имеет смысла. Нам сразу же дали квартиру в малосемейке. За неделю сделал там ремонт и ушёл служить. Сыну Алексею на тот момент даже ещё год не исполнился. Представляю, как моей жене было трудно...

Сейчас «работаю» дедом. Внука зовут Марк Алексеевич. Ему уже больше двух лет. Это моя отдушина. Какие бы сложности ни возникали, в свободное время стремлюсь с ним пообщаться. У нас схожая энергетика, чувствуем друг друга интуитивно. Наверное, так к внукам относятся все деды, поскольку, когда рос сын, в голове была одна работа. Теперь же всё совершенно иначе. Всегда прошу не наказывать его и не ограничивать, так как знаю, что со временем это, увы, приходит само по себе.

Мама у него очень решительная: Марку не было ещё и месяца, когда родители решили научить его плавать. Сейчас внук уже плавает во взрослом бассейне. Не боится ничего. Интеллигентный, умный мальчишка.

Вместо послесловия

Это интервью я включил в книгу 28 июня 2008 года, а записано оно было за полгода до названной даты. Просто в то время создавался проект «Будзіцелі», так что этот материал, как коньяк, — с «выдержкой». Разница лишь в том, что коньяк набирает качество со временем, а рассказ Синецины был качественным с самого начала.

www.kamunikat.org

Александр СОСНОВ

Не хочу проводить никаких параллелей и сравнивать А.Соснова с кем-то из ныне действующих министров. Суть не в этом. Человек добровольно отказался от власти, что сделать довольно непросто. Надеюсь, данный жизненный выбор в некотором смысле объяснит и этот монолог.

Родные места

Родился в первой половине прошлого века, точнее, 14 августа 1947 года в деревне Титенки Красненского сельсовета (тогда это была окраина Гомеля).

Отец, Виктор Павлович, служил в МВД. В Гомеле он пробыл недолго: сначала отправили служить в Добруш, затем — в Оршу. Единственное, что помню из того времени (мне было три года), как меня несли по мосту через какую-то реку. Позднее выяснял у матери, Ольги Петровны, где это было. Она сказала, что река была только в Орше. Оттуда отца перевели в Сибирь, в Братский район Иркутской области. Видимо, его послали дослуживать в тихое спокойное место, поскольку к службе в строевых войсках он был непригоден из-за ранения, полученного на войне. У отца в Сибирь семья переехала тогда, когда что-то прояснилось с жильём (дали комнату в коммуналке). Так в начале пятидесятых я оказался в Сибири.

В 1951 году у меня появилась сестра Наталья. Сейчас на том месте, где она родилась, находится Братское море, то есть водохранилище Братской ГЭС. Сестра говорит, что родилась на дне моря...

Там пошёл в школу и окончил шесть классов.

Прекрасно помню сибирскую тайгу и Ангару. Таких рек мне больше не довелось видеть. Помню, как ловил рыбу, как часа за два «врукопашную» переплывал на лодке реку, как собирал в лесу грибы, как всё лето заедал гнус...

В штабе отец прослужил до 1960 года, когда по указанию Хрущёва в запас списали свыше миллиона человек. Отцу дали третью группу инвалидности и в звании капитана отправили на все четыре стороны. Потом была вторая группа, затем — первая. В 1944-м где-то в

Прибалтике отца ранило в голову. Возможно, именно от этого у него после шестидесяти лет развилась глаукома, и последние пять лет жизни он ничего не видел.

Мы вернулись в Гомель, где я пошёл в седьмой класс 25-й средней школы. Учился в основном на «четыре» и «пять», всё давалось легко. Попутно хочу отметить, что уровень моих «сибирских» знаний оказался намного выше аналогичных показателей в Гомеле. В седьмом классе мне было настолько вольготно, что многое, признаюсь, просто игнорировал. На уроках скучал, постоянно конфликтовал с учителями, был не в меру любознательным.

Потом поступил в Гомельский дорожно-строительный техникум на механическое отделение. Там учиться было значительно интересней. Две группы. Одни парни, почти пятьдесят человек. К нам относились, как к взрослым. Платили стипендию. На первом курсе я получал 14 рублей (это уже после денежной реформы, так как поступил я в 1962 году).

Учёба в техникуме ничем особым не отмечена, кроме повышенного уровня молодёжного непослушания. Но за время учёбы удалось овладеть целым букетом различных специальностей и даже получить соответствующие удостоверения: автогрейдерист, водитель-профессионал, машинист асфальтобетонного смесителя, электрик. Умел обращаться практически с любой дорожно-строительной техникой — с экскаватором, бульдозером, катком. Неплохо освоил кузнечные и сварочные работы, общестроительные и бетонные, мог работать на основных металлообрабатывающих станках и т.п. Словом, стал мастером на все руки; потом это очень пригодилось.

Следует отметить, что когда мы вернулись из Сибири, ещё был жив дед, Пётр Федосеевич. На нашей улице его знали все, поскольку у него одного было личное авто — трофейный немецкий «Опель». Дед многое сделал своими руками, например, пилораму и трактор. Учил и меня. Трактор имел немецкий двигатель, коробку и дифференциал от «Победы», очень быстро передвигался, поэтому, когда мы с дедом «бегом» пахали наш огород, смеялись все соседи.

В 1966 году окончил техникум и пошёл в армию (24 декабря защитил диплом, а 28 декабря уже началась

служба). Служил в Беларуси, под Минском: вначале в роте связи, потом, уже сержантом, в учебном батальоне механиков.

Каждое лето к нам приезжали так называемые «партизаны», то есть призванные из запаса. Они доедали гнилую капусту, из которой целый месяц готовилось отвратительное по вкусу овощное рагу. Эту капусту мы заготавливали осенью. Хорошо помню, как в костюме химзащиты бегал по дну огромного бетонного чана и утапывал её, а потом, когда чан становился полным, плавал в солёном капустном соке.

Служил до мая 1969-го, два с половиной года. Наш призыв оказался «переходным»: после нас в армии служили два года, до нас — три.

Демобилизовавшись, почти год работал в строительном управлении механиком по запчастям, проще говоря, снабженцем. В это время меня стали активно агитировать продолжить службу в армии, поскольку перед увольнением в запас после курсов присвоили звание младшего лейтенанта. Я отказывался, говоря о том, что я сутобо гражданская личность и не способен выполнять некоторые приказы начальства. Тогда в военкомате стали угрожать: дескать, по закону можно призывать на два года и без моего желания. Я понял, что шутки кончились, и в 1970-м поступил на дневное отделение экономического факультета Гомельского университета. Техникум в своё время закончил с красным дипломом, поэтому при поступлении мне нужно было на «отлично» сдать всего лишь один экзамен — письменную математику, что я и сделал.

На первом курсе института меня избрали секретарём комсомольской организации факультета. Экономический факультет в то время был ещё небольшим, так как его создали за год до моего поступления, а уже к моему пятому курсу он превратился в один из самых крупных в университете. Комсомольскую должность я «сдал» на пятом курсе. Учился хорошо, несколько лет получал Ленинскую стипендию. На последнем курсе занимался по индивидуальному плану — сдавал экзамены и зачёты, когда хотел.

Четыре раза руководил студенческим стройотрядом: дважды в Беларуси, по разу — в Уральске и Печоре.

Во время учёбы в университете женился. Жену зовут Ольга. Мы с ней учились в одной группе (она пришла к нам на втором курсе). Любовь с первого взгляда.

Университет окончил тоже с красным дипломом, остался ассистентом на кафедре, где учился. Поступил в аспирантуру, начал работать над кандидатской диссертацией, которую защитил в 1982 году в Петербурге, в Финансово-экономическом институте им. Н.Вознесенского.

В 1983 году по результатам конкурса был выбран старшим преподавателем кафедры управления, экономики и организации производства Гомельского политехнического института (сейчас политехнический университет имени П.Сухого).

В 1984 году заведующий нашей кафедрой ушёл в отставку, и меня назначили исполнять его обязанности, а через год я возглавил кафедру уже без приставки «и.о.». Кафедра была самой большой в институте, обеспечивала выпуск двух экономических специальностей, вела экономические дисциплины для всех специальностей института очной и вечерней форм обучения. В конце 1985-го меня уговорили вступить в КПСС, поскольку, как оказалось, я был единственным завкафедрой, который не являлся членом этой партии.

«Бэнэфовец», который не был в БНФ

В 1989-м началась моя политическая деятельность. Сначала выборы в Верховный Совет СССР. В Гомеле было два округа — национальный и территориальный. В одном соперничали ныне хорошо известные В.Корнеенко и Ю.Воронежцев, в другом, как тогда ещё было заведено, — двое, наверное, очень неплохих рабочих. Тогда впервые им всем дали возможность выступить на телевидении. Это и погубило рабочих, которые, честно говоря, не могли и двух слов связать. На фоне Корнеенко и Воронежцева этим парням ничего не светило, поскольку время наступало бурное, и только с багажом рабочего профессионализма в парламенте страны делать было нечего. В итоге они оба

«пролетели» из-за плохой явки избирателей. То же случилось с Корнеенко и Воронежцевым, но по причине уж слишком активной борьбы между ними: «чихвостили» друг друга по всем статьям. Были назначены повторные выборы, в которых коллеги и друзья убедили участвовать и меня.

Так я стал соперником В.Корнеенко (его выдвинули вновь). А Воронежцев выдвигался кандидатом в том округе, по которому проходили те двое рабочих. Вполне естественно, что они и выиграли выборы, так как их популярность в городе была очень высокой.

Приобретённый опыт не прошёл для меня даром. Весной 1990-го, когда объявили выборы в Верховный Совет БССР, коллеги и друзья вновь убедили меня баллотироваться. Меня выдвинул один из цехов завода станочных узлов. На обще заводском собрании рассматривались три кандидатуры: моя, молодого «афганца» и третьего секретаря Гомельского обкома партии Ивана Николаевича Смоляра (ныне, к сожалению, покойного), которого уже до этого выдвинули в Мозыре, где он когда-то работал. Хитрый И.Смоляр предложил снять наши кандидатуры в пользу молодого участника войны в Афганистане, который в политическом плане был «чистым листом». Это было самым напряжённым моментом на том собрании. Все ждали моего ответа. А я сказал, что не самовыдвиженец, что меня выдвинул цех, и если люди решат снять мою кандидатуру, то я так и поступлю. Ответом было громогласное «Нет!» почти всего собрания. Так я стал кандидатом.

Избирательная компания была бурной. Вопрос о независимости страны тогда не поднимался, по крайней мере, в Гомеле; акцент делался на экономику. Я с понятным возмущением говорил о том, что в данной сфере КПСС всё «завалила», нефтедоллары «проели», делаем подлодки и ракеты, а прилавки совсем пустые, война в Афганистане никому не нужна, «кормим» прогнившие режимы, необходима кардинальная перестройка экономики. Выступал во всех общезитиях, малосемейках, даже в спецкомендатурах, где отбывают срок так называемые «химики». Первый тур, в виду того, что желающих стать депутатами было много, победителя не

выявил. Во второй со мной вышел врач В.Ключенович, ныне заместитель министра здравоохранения. Мне удалось выиграть с небольшим перевесом.

15 мая 1990 года открылась первая сессия вновь избранного парламента. Началась борьба между нами и так называемыми партократами, которых было почти 90%: директора предприятий, председатели колхозов, секретари райкомов, чиновники разного уровня, главврачи, директора школ и др. Плюс ещё верный партактив в виде депутатов-делегатов — по 50 человек от ветеранов и инвалидов, которые назначались на собраниях соответствующих организаций. К слову: среди инвалидов оказалось и несколько вполне порядочных людей. Но некоторые, особенно руководители таких организаций, были более консервативны, чем партийные вожди. Многие публично демонстрировали свой демократизм и понимание проблем, но на деле оказались настолько зависимы от исполнительной власти, что в большинстве случаев голосовали так, как хотела эта власть. В любой момент их могли освободить от должности, то есть лишить доходов, поэтому они осторожничали. Лишь небольшая группа депутатов БНФ во главе с Зеноном Позняком не боялась острой полемики с партийно-правительственным большинством. Я, хотя во многом и разделял их взгляды, в группу не входил, поскольку не был членом БНФ. Более того, в ту пору я ещё состоял в КПСС, и не скрывал этого. Наоборот, неоднократно говорил, что партию необходимо перестраивать. Был уверен, что нужна многопартийность, конкурентная политическая борьба. Партия, которая всего одна и бесценно управляет страной, превращается в государственный орган, подавляющий любое инакомыслие ради того, чтобы одни и те же партийные вожди оставались у власти вечно.

В борьбе партийно-правительственной номенклатуры и оппозиции решался вопрос распределения должностей председателей парламентских комиссий. Одну из таких должностей оппозиция предложила мне. Удивительно, но и депутатское большинство с этим согласилось. Так я стал председателем Комиссии по вопросам труда, цен, занятости и социальной защищённости населения и членом Президиума Верховного Совета.

Помимо политических баталий в ВС, нужно было создавать новое, не советское законодательство, чем мы активно и занялись. Практически все новые законы по трудовым отношениям прошли через нашу комиссию. Их разрабатывали в различных госорганах, министерствах, ведомствах, институтах, однако на обсуждение Верховного Совета выносилось не более 10—15% всего того, что предлагалось перечисленными организациями. Всё «перелопачивалось» в комиссии, работали даже по ночам.

Хорошо мы делали или плохо, судить не берусь. Отмечу только, что трудовое законодательство в стране работало неплохо, пока после 1994 года новая власть не стала всё переделывать под себя.

О ГКЧП я узнал по радио, поскольку был в отпуске. Сразу же приехал в Минск. Выступал на митингах. От имени Президиума Верховного Совета Н.Дементей поддержал ГКЧП. Впоследствии он всячески от этого отрекся, хотя имеются документальные подтверждения. Часть членов Президиума придерживалась абсолютно противоположного мнения, что и было изложено в нашем заявлении, где происходящее было названо государственным переворотом. Несколько дней спустя с трибуны Верховного Совета я публично заявил о том, что в такой преступной организации, как КПСС, состоять омерзительно.

После падения ГКЧП вместо Н.Дементя избрали С.Шушкевича.

Я считаю Станислава Станиславовича хорошим человеком, но не более того. Как политик, на мой взгляд, он был слаб. Создавалось впечатление, что после своего избрания он уверовал, будто дело сделано и дальше ничего делать не нужно. К сожалению, это было совсем не так. Лично я ему неоднократно говорил и предлагал конкретные действия, но он слушал других советников. Он предложил мне стать его первым замом и на практике осуществить всё, о чём я говорил. Я ответил, что меня не изберут, так как знал настроения парламентского большинства. Не буду гадать, насколько искренним был Станислав Станиславович, когда предлагал ВС мою кандидатуру, но не добрал я около двух десятков голосов.

Как-то я сказал Шушкевичу, что рано или поздно противники «оклемаются», и от него останется мокрое место. Увы, так и произошло. Незадолго до этого в газете «Европейское время» я написал передовицу, где изложил, как, на мой взгляд, будут «дожимать» С.Шушкевича. Лишь дату «дожима» не угадал...

Одно время работал и в Конституционной комиссии, но потом вышел из неё, поскольку те варианты, которые готовило большинство, меня не устраивали. Все они не имели правильного баланса властей, у президента было слишком много полномочий. Не случайно потом А.Лукашенко говорил, что Конституция писалась под В.Кебича — она давала просто «царские» полномочия. В этом А.Г. был прав.

Помню, как Г.Козлов, который тогда руководил прокебичевской группой «Беларусь», предложил провести «тайное поимённое голосование» по вопросу Конституции. Полный абсурд, но голосование состоялось.

Председателем комиссии я проработал до осени 1994 года, а весной началась президентская кампания. Я был в команде З.Позняка. В отличие от С.Шушкевича он казался мне более целеустремлённым, цельным и понятным. Кроме того, я был уверен, что Позняк наберёт больше голосов. Так и вышло.

С Позняком мы проехали почти всю республику. Обычно первым выступал я на русском языке, громил экономический курс правительства, показывал всю нелепость советской экономической и социальной систем. Потом З.Позняк на белорусском языке озвучивал свою программу. Получалось неплохо. Но победил А.Лукашенко. Народ хотел популизма, и он его получил.

Вскоре меня пригласил С.Линг, который временно выполнял функции вице-премьера, и предложил стать министром труда. Позже я узнал, что мою кандидатуру назвал тогдашний глава администрации Л.Синицын.

Я поинтересовался мнением «теневого» правительства, членом которого являлся. З.Позняк высказался против, а «теневой» премьер В.Заблоцкий был «за». Дескать, нужны люди, которые прошли все «ступеньки». Так тогда думал и я.

Меня позвали к А.Лукашенко, который сообщил, что в курсе моей работы у З.Позняка, но наступило время забыть про политику и заниматься только экономикой. Я согласился и выдвинул три условия. Первое: мы строим рыночную экономику в независимой стране. Второе: решения по вопросам, которые находятся в моей компетенции, без меня не принимаются. Третье: если я с чем-то буду не согласен, то уйду, и меня сразу же отпустят.

Лукашенко со всем согласился и при мне подписал указ о назначении.

Через несколько месяцев я заметил, что условия не соблюдаются. Уже в декабре А.Лукашенко подписал указ, которым в полтора раза поднимал зарплаты военным. Меня при этом в известность не поставили. Я не против повышений как таковых, но не приемлю популизм. По моей просьбе в одном из управлений министерства всё просчитали, и оказалось, что вице-премьер получает столько же, сколько прапорщик. Поднялся шум. В итоге нашли временное решение вопроса, но я сразу же нажил массу влиятельных врагов.

Это было «первым звоночком», потом они стали раздаваться всё чаще...

Всё это вынуждало отказываться от министерского портфеля. А тут началась подготовка к известному референдуму 1996 года. За каждым министром «закрепили» какие-то регионы. Мне определили Гомельский район. Съездил туда и увидел, что ведётся массовая подготовка к тому, чтобы «сделать» нужные цифры. Понял — надо уходить с должности. За два дня до референдума кто-то из моих замов сообщил, что премьер-министр М.Чигирь подал в отставку из-за несогласия с референдумом. Я немедленно договорился с ним о встрече, где он сообщил (написал на бумаге, так как понимал, что кабинет прослушивается), что с ним в отставку уйдут все члены президиума правительства и все ведущие министры. Я заинтересовался, почему он так уверен. Оказалось, это обсуждалось у него на совещании. Наивный человек... Слишком порядочный. Я сказал, что кроме меня не уйдет никто. На том и расстались.

Написал заявление об уходе, показал его своим заместителям и занёс в администрацию президента в

18.00, а уже через три часа в вечерних новостях А.Лукашенко объявил об уходе М.Чигиря и ещё одного «известного бэнээфовца». Почему-то было очень приятно.

Новый ориентир

Новым его можно считать лишь частично. Ещё в 1992-м я стал одним из учредителей Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). Всегда и во всём поддерживал его, принципиально выступал и выступаю за свободу информации. Считаю, что государственных газет не должно быть вообще, а государственное телевидение — полный нонсенс, хороший способ для нечистоплотных людей долго и прочно кормиться из государственного «корыта». Даже по поводу общественного телевидения, как это есть в России, можно много спорить.

Пригласили меня работать в НИСЭПИ осенью 1998 года. До момента ликвидации института в 2005 году я работал там заместителем директора.

Наш институт — самый значительный независимый исследовательский центр в стране, который изучал социальные процессы в обществе и, самое главное, представлял результаты исследований самому обществу. Но вот это-то нашим властям и не нравилось. Сначала нас «отлучили» от государственных СМИ, запретили показывать по телевидению и печатать материалы в гозгазетах. Потом в этих газетах стали писать мерзости, «изобличая» нас как непрофессионалов и «наймитов» Запада. Порой не слишком одиозные люди, с которыми ранее я нормально общался, стали писать о нас такую ахинею, что было просто смешно. Конъюнктурщики!

Позже принялись «душить» непосредственно сам институт. Особенно отличался один сотрудник Минюста, который, похоже, мать родную по приказу начальства не пожалел бы. Вот с подачи таких людей институт и был ликвидирован решением Верховного суда. За что? А ни за что. Например, все эти же обвинения можно предъявить БРСМ, однако это «своя» организация, которая, естественно, Минюст не интересуется.

Сейчас, когда институт «выдавлен» из страны (он зарегистрирован в Литве), власти собрались вернуть советские правила и нормы проведения социологических исследований. На всё понадобятся разрешения, а их независимые исследователи, естественно, получить не смогут. И останется только государственная социология. А много ли вы читали информации об обществе, которую даёт эта социология? Дело в том, что правда власть не устраивает, а учёным-социологам врать не позволяет научная совесть. Вот и работают только на заказчика, коим является всё то же государство. Круг замкнулся. Всё это есть способ сохранить во главе страны конкретный клан людей, «присосавшихся к власти», как когда-то любил говорить А.Лукашенко о В.Кебиче и его приспешниках. Как выяснилось, по его же словам, «ля карыта ўсе хрукаюць аднолькава...».

Вместо послесловия

Этот материал был закончен 9 октября 2006 года. Признаюсь, в нём я не нашёл ничего, что говорило бы о неком национальном радикализме. Проще всего называть «бэнээфовцами» всех, кто имеет своё мнение. Гораздо сложнее кого-то убедить в собственной правоте.

Василий СТАРОВОЙТОВ

В 1984 году в одном московском издательстве тиражом 20 тысяч экземпляров была издана книга «Человек на земле», посвящённая белорусскому колхозу «Рассвет». Шикарное подарочное издание, твёрдая обложка, обильно проиллюстрированный цветными фотографиями текст.

А через 20 лет вышло «Евангелие от Василия» моего коллеги Павла Владимировича. Тоже о В.Старовойтове. Только к прославленному «Дважды Герой Социалистического труда» добавился ещё и «тюремный период». Тонкая брошюрка и тираж — всего 300 экземпляров.

Под знаком войны

Родился 13 июня 1924 года, в деревне Борок (это на стыке Могилёвского, Бельничского и Кличевского районов). Отец, Константин Иванович, был одним из первых председателей колхозов Могилёвщины. В семье — четверо детей: сёстры Евдокия и Татьяна, младший брат Виктор, я — самый старший.

Перед войной отец несколько лет «сидел»: в его хозяйстве неожиданно сдохли триста поросят, а потом — исключение из партии, арест, срок... Вначале валил лес на Севере, потом строил Беломорканал.

Честно говоря, я не мечтал стать доктором, но вышло именно так, по совету деда по материнской линии Тимофея Осипова. «Семилетку» закончил с похвальной грамотой и без экзаменов поступил в Могилёвский фельдшерско-акушерский техникум. Когда началась война, перешёл на третий курс. А буквально за неделю до этого мне исполнилось 17...

Мать звали Татьяной Тимофеевной. Работала, как говорится, от зари до зари. Даже родила меня в поле, впрочем, как и всех остальных своих детей. В начале войны её расстреляли местные полицейские.

В мае 1942 года около двух десятков жителей нашей деревни организовали партизанский отряд «Николаевский», я числился там под седьмым номером. К

концу года нас уже было человек четыреста, а позже — и вовсе 1300. Занимались в основном диверсиями на железной дороге, но стрелять в людей тоже пришлось.

Первый бой нашего отряда был таким. На ближайшей станции Друть стоял военный гарнизон. Состоял он из немцев-штрафников и 250 украинцев-полицаев, которые потом в полном составе перешли на нашу сторону. Гарнизон восстанавливал взорванный партизанами мост. Как-то раз они решили повоевать с нами, и 28 человек направились в сторону деревни Борок, где находилась база «Николаевского». Решили устроить засаду. Координация между отрядами была налажена хорошо, и «соседи» помогли нам. Подстерегли немцев прямо в лесу. Партизаны стреляли с деревьев. Я тоже залез на берёзку — корректировал огонь... Уцелел только один оккупант.

Плохое дело война. Негоже людям убивать друг друга. Но тут ничего не поделаешь — ненависть. Однажды немцы неожиданно, на рассвете, напали на «соседей». Партизаны даже не успели одеться. Когда мы пришли на помощь, то увидели, что те отстреливаются прямо в нижнем белье. Разбили всю команду нападавших, а 12 человек взяли в плен. Решили всех расстрелять. Одиннадцать связали, а один копал могилы. Когда убивали последнего, рядом ещё шевелилась земля...

Или другой случай. Полицаи расстреляли семью, члены которой были нашими надёжными связными. В отместку партизаны уничтожили двенадцать семей полицаев. Дома сожгли вместе с детьми. Ужас! Среди них был и один мой бывший одноклассник...

Летом 1944-го в лесу, рядом с нашей деревней, отряд встретился с частями наступающей Красной Армии.

Путь в «начальники»

После освобождения Беларуси я закончил в Минском физкультурном институте трёхмесячные курсы низшего руководящего состава. Конечно, мне, как и другим, хотелось на фронт, так как война ещё продолжалась, но судьба распорядилась иначе. Первый секретарь ЦК КПБ Пантелеймон Пономаренко формировал новую партийную советскую элиту республики, потому старался оградить от

смерти в бою всех, кто стал партизаном до Сталинградской битвы, когда исход войны был очевиден.

После курсов я приехал в качестве комсорга в Быховский леспромхоз. Тогда из белорусской древесины делали шпалы для железных дорог и крепёж для донбасских шахт. Через несколько недель я убежал в Осиповичи, где велась запись в действующую армию. Поймали. Привели к секретарю райкома партии Андреенкову и вернули обратно, предварительно подобрав для меня в райкоме партии полученные через Красный Крест пиджак, штаны и пальто.

Через год меня перевели в райком комсомола. Был вторым секретарём и какое-то время даже первым.

В Быхове проработал до начала осени 1947 года. Потом был направлен в Высшую партийную школу, затем стал заведующим лекторской группой Могилёвского обкома комсомола, а после этого попал в Климовичи первым секретарём райкома комсомола.

Честно говоря, никогда не видел себя кадровым военным, однако пришлось побыть и им. Борьба с последствиями культа личности началась не сразу после смерти Сталина, однако многие официальные друзья СССР мгновенно перестали ими быть. Конкретный пример — несуществующая ныне Югославия. Советские идеологические метаморфозы, мягко говоря, не понравились Иосифу Брос Тито, и он предпочёл то, что у нас уже называлось сталинизмом: не только перестал быть союзником, но и подписал договоры с Турцией и Грецией. Многие в Советском Союзе восприняли это как признак приближающейся войны. Потому «наверху» в спешном порядке стали укреплять армию.

Так я стал замполитом, точнее, младшим лейтенантом, заместителем командира мотострелковой роты по политической части в знаменитых Печах. Командир полка, комбат, ротный и многие другие офицеры были бывшими фронтовиками, а те, кого призывали из запаса — партизанами. (Возможно, именно поэтому так стали называть всех, кого призывают на военные сборы.)

Вообще, карьерная конкуренция среди тех, кто воевал, тогда была очень большой, поэтому многие спивались.

Наверное, для солдат я был весьма неплохим замполитом. Политзанятия проводил неординарно. Очень много читал, а память у меня была хорошей всегда. Солдаты всё время просили меня что-нибудь рассказать. Естественно, об этом донесли замполиту полка. В то время я как раз увлёкся «Мартином Иденом» Джека Лондона, и он меня за этим занятием «накрыл». Затем был кабинет комполка. Благо, они не отличались какими-либо знаниями в области литературы. Объяснение «рассказываю о становлении в Америке дикого капитализма» вполне устроило.

Рапорты об увольнении начал писать буквально с первых дней службы, но командование их принципиально игнорировало. Тогда написал письмо лично Маленкову, как коммунист коммунисту. Приказ о моём увольнении начальство встретило с нескрываемой злобой.

После этого я вновь вернулся на «гражданку», где заведовал сельскохозяйственным отделом райкома партии. А вскоре стал секретарём райкома по зоне МТС. Мудрёная должность. Там и встретил приход к власти Хрущёва. Проработал почти три года.

В 1956-м меня назначили директором совхоза «Роднянский», который я возглавлял целых десять лет.

Рассвет карьеры

Звали и председателем исполкома в Бельниччи, секретарём райкома партии в Хотимск и Чаусы. Даже предлагали стать председателем Могилёвского облисполкома. Не согласился. А когда умер Кирил Прокофьевич Орловский (Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда), предложили возглавить знаменитый «Рассвет». Дал «добро», но попросил три месяца, чтобы защитить уже практически готовую диссертацию в Институте Госплана СССР. Защититься не дал первый секретарь Могилёвского обкома партии Глеб Креудин. Он банально «кинул». Меня назначили сразу же. Приехал сюда 28 января 1968 года.

Своего предшественника я очень уважаю, но не вспомнить некоторых проблем тех времён тоже не могу. Конечно, о «мёртвых либо хорошо, либо ничего», но и правда здесь не помешает.

Справедливости ради нужно отметить, что Орловского воспринимали больше как заслуженного партизана и подпольщика, чем крепкого хозяйственника. И для этого были все основания. Кирилл Прокофьевич был подпольщиком ещё во времена панской Польши, воевал в Китае и Испании, партизанил в Великую Отечественную. Авторитетом он пользовался огромнейшим. Именно благодаря этому и удавалось чего-то добиться. Новаторов начальники всех уровней встречают более настороженно и враждебно, чем людей заслуженных. Как бывший чекист Орловский это понимал. К тому же по характеру он был нахрапистым и довольно умело использовал принцип «Важно не только быть, но и слыть». Но вранья о «Рассвете» тоже хватало.

Честно говоря, меня это поначалу сильно озадачило. Например, то, что Орловский свёз в одно место несколько деревень, сровнял всё с землёй, уничтожил все кусты. И то, что повсеместно использовался в основном ручной труд. Орловский был человеком другой эпохи.

Я стал всё переделывать по своему разумению. Наверху, конечно, это вряд ли кому-то могло понравиться, поэтому я заранее «подстраховался». На должность председателя «Рассвета» претендовало аж 18 человек. Я у Машерова шёл под первым номером, а когда назначение состоялось, набрался наглости и попросил передать ему мою просьбу: в течение двух первых лет не присылать в хозяйство проверяющих. Дескать, если не справлюсь, приеду сам.

Справился. Когда в 1984 году мне давали вторую звезду Героя Социалистического Труда, на заседании Политбюро ЦК КПСС зачитывали соответствующую характеристику. В ней говорилось, что каждые пять лет колхоз «Рассвет» словно бы рождал в области ещё один колхоз. То есть увеличение объёма продукции приравнивалось к показателям среднего колхоза. За 25 лет моего председательства получалось целых пять таких

колхозов. Генсек Черненко зачитывал эти слова несколько раз.

Не буду вспоминать всё, что было создано за эти годы. Скажу только, что если бы кто-то из старожилов, уехавших при Орловском, вернулся обратно, он бы ничего не узнал.

С 1968 по 1993 год в развитие хозяйства было вложено 35 миллиардов полновесных советских рублей. Если же считать в долларах, то только строительство центрального посёлка Мышковичи (с настоящим Дворцом культуры) обошлось в 35 миллионов. Раньше здесь стояли избышки на курьих ножках, теперь — комфортабельные коттеджи.

Заасфальтировали все колхозные дороги, провели механизацию зернотоков, построили комбикормовый завод, открыли колбасный, швейный, сапожный цеха. Пробурили скважину и начали «качать» собственную минеральную воду.

Колхоз сотрудничал с одиннадцатью НИИ. Даже собственное пиво варить начали: заключили с одним оружейным институтом в Тульской области договор и купили мини-пивзавод. Раньше они ракеты делали, а по конверсии «переквалифицировались».

Если кто-то думает, что мне всё время покровительствовали сверху, он глубоко ошибается. Наоборот.

Против течения

Для начальников я всегда был очень «неудобным» подчинённым, слишком самостоятельным и ершистым. Это нравилось не всем. Особенно то, что в «Рассвете» люди получали самые большие в Советском Союзе зарплаты (уступали только узбекским хлопководам). Начальству это очень «мозолило» глаза. Даже хотели «урезать» зарплаты. Но не вышло.

Первым заместителем Совета Министров БССР тогда был некий Мицкевич, он же руководил и всем сельским хозяйством Беларуси. В очередной раз приехал в наш Могилёв, и меня почти сразу вызвали «на ковёр» к первому секретарю обкома партии Креулину. В кабинете находился

ещё и председатель Могилёвского облисполкома Прищепчик. Посадили за стол, и Креулин говорит: «Большая у вас зарплата. Это разлагающе действует на другие колхозы. Снижайте». Я сразу удивился такой постановке вопроса, а когда пришёл в себя, спросил: «А что, мы у вас одолжали деньги?» Он ответил отрицательно, а сравнивать наших рабочих с американцами или французами и вовсе не стал. «Крыть» было нечем. Словом, урезать зарплаты я категорически отказался и пригрозил уйти с должности. Более того, пригласил его на колхозное собрание и пообещал рассказать всем о нашем разговоре. Конфликт разгорался нешуточный, и, видя это, Мицкевич приказал оставить меня в покое.

А на собрание Креулин всё же отважился приехать. И выслушал там столько всего неприятного, что я думал — будет мстить, но «пронесло». Это был 1971 год. Через 15 лет, сразу после XXVI съезда КПСС, провозгласившего перестройку, в своём колхозе я создал комиссию для изучения мирового опыта преобразований в сельском хозяйстве, и мы первыми заговорили про акционирование.

Как и следовало ожидать, в Минске это очень сильно не понравилось. Во время путча 1991 года к нам приехали сотрудники КГБ, но сделать ничего не смогли. Просто не успели, так как переворот провалился.

Через шесть лет у них получилось всё...

Конечно, Лукашенко относился ко всему происходящему в «Рассвете» очень ревниво, даже завидовал. Совхоз «Городец» — почти отсталое хозяйство, а тут — сказка. К тому же перед первыми президентскими выборами я ему лично сказал: «Это не ваша ноша, вы её не понеёте». Наверняка запомнил.

12 октября 1997 года меня сняли с должности, а 20-го арестовали. Прямо как во времена сталинских репрессий.

Безусловно, я пережил сильнейший шок. Да и другие тоже. «Рассвет» стал одним из первых в Беларуси сельскохозяйственных ОАО, по нашему пути пошло уже 250 хозяйств. Всё вернули обратно, вновь сделали из крестьян рабов.

Авторское послесловие

К Василию Константиновичу Старовойтову вместе с председателем Объединённой гражданской партии Анатолием Лебедько мы приехали в день его юбилея — 13 июня 2009 года, как раз в разгар «молочной войны», потому лидер белорусских либералов фактически сразу же спросил об отношении именно к ней. И услышал: не надо было вместо молока посылать порошок.

Старовойтов сказал то, что думали многие, но боялись произнести вслух. В очередной раз.

Алег ТРУСАЎ

Добра разумею, што гэта разлічана на тых, хто не вызначаецца магутным розумам, але калі чую рэкламу якой-небудзь латарэі, то не адчуваю ўзняцця жыццёвага тону. Мала таго, што ў гэтыя “лахатроны” гуляе амаль уся краіна, так яшчэ і літаральна навязваецца думка пра тое, што “на халяву”, без вучобы і напружанай працы, можна вырашыць усе жыццёвыя пытанні.

Я размаўляў больш чым з сотняй людзей. Кожны з іх нечага дасягнуў у жыцці, і нікому нічога не звалілася “з неба”. Адзін з іх — Алег Трусаў.

Мсціслаўскія карані

Я нарадзіўся 7 жніўня 1954 года ў Мсціславе. Калісьці гэта была сталіца адпаведнага княства, якое з часам ператварылася ў ваяводства.

Мне неаднойчы даводзілася чуць пра сваё рускае паходжанне — маўляў, Таварыства беларускай мовы ўзначальвае этнічны рускі. Сапраўды, мой бацька — з памораў, нарадзіўся на мяжы Валагодскай і Архангельскай абласцей, а маці са шляхецкага роду Драздоўскіх і Мяжэвічаў. Аднак, паколькі яна нарадзілася на Урале, дзе тады працаваў дзед, ёй у пашпарце напісалі “руская”. Так што я не толькі этнічны беларус, але і нашчадак беларускай шляхты. У розныя часы даволі многа паездзіў па свеце, але доўга за межамі Беларусі ніколі не жыў.

Так атрымалася, што бацькі разышліся рана. Мне тады было толькі чатыры з паловай года. Застаўся ў Мсціславе, на выхаванні ў бабулі і прабабулі. Бацька вярнуўся на Валагодчыну. Больш яго я ніколі не бачыў і толькі нядаўна даведаўся, што ён ужо памёр. Маці з’ехала ў Кобрын, сустракаўся з ёй усяго раз на год, зараз яна вярнулася ў Мсціслаў.

Прабабуля Марыя Драздоўская (1882 года нараджэння, пражыла роўна сто гадоў) выхоўвала мяне, скажам так, у “дабальшавіцкім духу”. Дзякуючы такому выхаванню яшчэ ў маленстве я вывучыў мсціслаўскі

дыялект беларускай мовы, і сёння ў слоўніку Насовіча я чытаю словы свайго дзяцінства.

У цэнтры горада мы мелі два дамы, з вялікім садам кожны. Адзін сад пасадзіў мой прадзед. Па гэты дзень памятаю тую смачную (рэдкіх гатункаў) антонаўку і салодкія сакавітыя грушы.

Калі пазней усё гэта стала маёй спадчынай, я жыў ужо ў Мінску. Вельмі не хацеў прадаваць, але быў вымушаны, бо бамжы ператварылі хату амаль у руіны. Новыя гаспадары ўсё знеслі, але нічога новага не збудавалі.

Мінулай восенню я з'ездзіў у Мсціслаў і не пазнаў таго месца. Вельмі сумна. Замест дрэў — агароджаная пустка, і жывуць там іншыя людзі. Зараз гэта самы цэнтр горада. Сціскае сэрца ад усведамлення таго, што прыйшлося страціць “родны кут”...

У мяне было шмат сяброў. Любіў валејбол. Прыдумлялі і іншыя гульні, з вясковымі назвамі. Зараз такіх няма.

Яшчэ ад часоў вайны ў нашых мясцінах засталіся акопы, дзе можна было знайсці шмат чаго, пераважна нямецкае. Зброі не было, але гільзаў і куль хапала. У маёй прабабкі нават быў адрэзаны кавалак дула ад нямецкай (са свастыкай) гарматы. Яна ў ім таўкла тытунь на продаж, якога была пасаджана цэлая града. А каля нашай хаты ўздоўж вуліцы цягнулася напалову засыпаная траншэя, выкапаная яшчэ немцамі. Чаго там толькі не знаходзілі! Памятаю, мы збіралі кавалкі разбітых фаянсавых талерак з фашысцкай сімволікай, дэталі ад іх процівагазаў. Дзякуй Богу, мін і гранат не было.

Што тычыцца рыбалкі, то яе аматарам я ніколі не быў. Здарылася, праўда, адно “выключэнне”: аднойчы ў дзяцінстве я налавіў на нітку з мухай поўнае вядро... жаб. Сажалка была выкапана прама ў нас на агародзе. Прынёс у хату і ціхенька, каб не ўбачыла бабуля, паставіў вядро. А ноччу, гадзіны ў тры, жабы распачалі канцэрт — “заспявалі” на розныя галасы. Бабуля моцна лаялася...

Зімы былі вельмі снежнымі. Бывала, за ноч засыпала так, што не маглі выбрацца. Прыходзілася адкапваць дзверы. Увогуле, рабіць у снезе дарожкі было толькі маёй работай.

Калі надыходзіла адліга, любілі ляпіць снежныя крэпасці і ваяваць. А да школы звычайна дабіраліся так: спачатку ішоў трактар, які расчышчаў нам дарогу (1,5—2 метра снегу), а потым — вучні.

Павучыцца мне давалося ў трох школах. У 1961 годзе пайшоў у школу (былую гімназію), пабудаваную прадзедам яшчэ ў 1908 годзе. Раней гэта быў беларускі педтэхнікум, дзе вучыліся Аркадзь Куляшоў і мая бабуля Ганна. На жаль, зараз, нягледзячы на пратэсты, гэтая школа цалкам пераведзена на рускую мову.

Праз тры гады мяне перавялі ў так званую “казіміраўскую” школу, якая знаходзілася побач з маім домам. Будынак захаваўся і сёння. Правучыўся там няпоўны год. А як скончыў чатыры класы, за горадам збудаваў новую школу, і нас усіх “падзялілі”. Школьны будынак стаяў пасярод чыстага поля. Напрамкі — хвілін 10 хады, а так — і ўсе 20. Вясной і восенню хадзілі ў гумавых ботах, а зімой — альбо на лыжах, альбо пасля трактара.

Шлях у прафесію

Школу я скончыў у 1971 годзе з залатым медалём. Паступіў на гістарычны факультэт БДУ з цвёрдым намерам стаць археолагам, аб чым марыў яшчэ з першага класа, калі давалося трапіць на раскопкі. Адбылося гэта такім чынам. Маю першую настаўніцу звалі Дамініка Сямёнаўна Казлоўская. Дарэчы, гэта была маці Міхася Ткачова. Нашы сем’і сябравалі. Дамініка Сямёнаўна лічылася самай лепшай настаўніцай у Мсціславе, і трапіць да яе ў клас было вельмі цяжка, бо там вучыліся дзеці адных начальнікаў. Так што мяне ўзялі ў нейкім сэнсе “па блаце”.

Аднойчы нас павялі на экскурсію на замчышча, і там я ўпершыню ўбачыў падземны горад. Там вёў раскопкі вядомы археолаг Леанід Васільевіч Аляксееў, з якім я потым пасябраваў. Ubачанае тады стаіць у мяне перад вачыма і сёння: мы — на вышыні, а ўнізе — маставыя, дамы. Усё так прыгожа!

Нібыта спецыяльна пад маю мару ў 1973 годзе ў БДУ адкрылі кафедру археалогіі. Я стаў яе першым выпускніком. Падчас вучобы жыў у інтэрнаце. У нашым

блоку жыло дзевяць чалавек, амаль як у салдацкай казарме: чатыры ў нашым пакоі, пяць — у “сумежным”. Для першакурснікаў гэта было нармальна. Заслужыш — дадуць лепшае, не — выганяць. Як вядома, месцаў у студэнцкіх інтэрнатах не хапала ніколі. Як і сёння, многія студэнты жылі на кватэрах. Я апынуўся ў інтэрнаце праз ЦК камсамола Беларусі. Там мне далі спецыяльнае заданне — жыць у адным пакоі, карміць і апранаць хлопца-інваліда, якога звалі Пятром Сурвілам.

Чаму гэта выпала мне? Таму што многія адмовіліся. Апроч гэтага, у школе я займаўся грамадскай дзейнасцю, узначальваў піянерскую дружыну і ў апошніх класах як выдатнік насіў на ўсіх мерапрыемствах даволі цяжкія школьныя сцяг.

Да гістфака Пятро вучыўся на фельчара. Летам студэнты паехалі ў камсамольскі будатрад. Пятро трапіў пад нейкую машыну, якая адрэзала яму абедзве рукі. Хлопцу было толькі 18 год. Зразумела, што медыкам ён ужо не мог стаць, а на гістфаку можна вучыцца і без рук, таму Сурвіла паступіў у БДУ. Шэфства ўзяло кіраўніцтва камсамола. Цэлы месяц у інтэрнаце з ім жыў бацька.

Ніколі не забуду, як мяне запрасілі ў камітэт камсамола нашага факультэта на гутарку і агучылі гэтую прапанову. Я сам вырас у цяжкіх умовах, без бацькоў, таму папрасіў паказаць таго хлопца і пагадзіўся. Мы адразу пасябравалі.

Даглядаў я Пятра да чацвёртага курса, а потым ажаніўся і перайшоў у асобны пакой, які выдзелілі нам з жонкай. Калі Пятро скончыў вучобу, то паехаў працаваць на родную Ушаччыну. Напісаў мне два лісты і, на жаль, на гэтым нашы кантакты перарваліся. Далейшы лёс Пятра мне невядомы...

Жонку маю завуць Алена, яна скончыла журфак. Пазнаёміліся мы “пад ёлкай”, на Новы год у нашым інтэрнаце. Я быў тады на другім курсе, а яна — на першым. Пасябравалі, праз пару гадоў ажаніліся і жывём разам ужо чвэрць стагоддзя.

Размеркавалі мяне ў Спецыяльныя навукова-рэстаўрацыйныя вытворчыя майстэрні Мінкульта БССР (СНРВМ МК БССР), дзе ў 1980 годзе я стаў загадваць археалагічным аддзелам і адпрацаваў да 1992-га.

Паралельна я завочна вучыўся ў аспірантуры Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР. У 1981 годзе ў Ленінградзе абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму “Археалагічнае вывучэнне помнікаў манументальнага дойлідства XI—XVII стст. на тэрыторыі Беларусі (метадычныя даследаванні)”.

Палітычны і жыццёвы арыенцір

Вы, мабыць, здзівіцеся, але стаць камуністам мяне прымусіў... Зянон Пазыняк. Да гэтага я двойчы адмаўляўся. Першы раз прапанаваў стаць сябрам КПСС яшчэ ва ўніверсітэце. Падчас работы ў СНРВМ МК БССР Зянон Пазыняк прапанаваў мне стаць камуністам, аргументуючы гэта так: “Ты павінен уступіць у КПСС і ўзначаліць там абарону Верхняга горада”. Было гэта ў 1979 годзе.

А палітыкай я пачаў займацца ў 1988 годзе дзякуючы Міхасю Ткачову. Атрымалася гэта амаль выпадкова. Напярэдадні камандзіроўкі 19 кастрычніка 1988 года я шпацыраваў міма Чырвонага касцёла (тагачасны Дом кіно) на вакзал, каб купіць білет. Нечакана сустрэў Ткачова, які прапанаваў зайсці ў гэты будынак — маўляў, там будзе шмат чаго цікавага, а білет можна купіць і пазней. Так я трапіў у аргкамітэт па стварэнні БНФ, а праз два гады вылучаўся ў дэпутаты Бярхоўнага Савета 12-га склікання. Перамог. Стаў намеснікам старшыні камісіі па адукацыі, культуры і захаванні гістарычнай спадчыны. Быў сярод тых дэпутатаў, якія абвясцілі галадоўку пратэсту ў зале пасяджэнняў ВС і каго першымі ў нашай краіне пабілі прадстаўнікі спецслужбаў.

У сакавіку 1991 года была створана Беларуская сацыял-дэмакратычная грамада. Старшынёй абралі Міхася Ткачова, а першым намеснікам — мяне. Праз год, пасля заўчаснай смерці Ткачова, я стаў на чале партыі. Кіраваў ёю да лета 1995 года.

На хвалі перабудовы паралельна з партыямі пачалі фарміравацца і грамадскія арганізацыі. Ці не першай з іх 28 верасня 1989 года было афіцыйна зарэгістравана Таварыства беларускай мовы (ТБМ), створанае па ініцыятыве выбітнага паэта Ніла Гілевіча, які і быў абраны

яе першым старшынёй. А я тады стварыў суполку ТБМ у Савецкім раёне, якой і кіраваў да 1997 года. У красавіку мяне абралі намеснікам старшыні ТБМ, якую тады ачольваў Генадзь Бураўкін.

Аб гэтым мала хто ведае, але ў той час над ТБМ навісла першая пагроза высялення з офіса, што аўтаматычна цягнула за сабой страту рэгістрацыі з немагчымасцю легальнага існавання і непазбежным скарачэннем колькасці сябраў. Для ТБМ (па азначэнні прызначанай для масавага фармату дзейнасці) гэта значыла непазбежнае знікненне з грамадскай арэны. Сітуацыю вырашыў тагачасны мэр Мінска Уладзімір Ярмошын пасля сустрэчы з Генадзем Бураўкіным.

17 красавіка 1999 года на VI з'ездзе ТБМ мяне па прапанове Бураўкіна абралі старшынёй.

Па інерцыі (беларуская мова, бел-чырвона-белы сцяг, “Пагоня”) ТБМ успрымаецца як нешта вельмі блізкае да БНФ. На мой погляд, Таварыства беларускай мовы значна шырэйшае, чым адна пльнь. Палітычная прыналежнасць тут не мае ніякага значэння. У склад арганізацыі ўваходзілі і ўваходзяць і камуністы, і дзеючыя міністры. У новых валанцёраў не пытаюцца ні пра партыйнасць, ні пра нацыянальнасць, ні пра веравызнанне. Крытэрыі адзін — любоў да беларускай мовы. Як вядома, нават БНФ не пазбегла расколу. У ТБМ жа за дваццаць год існавання не было ніякіх унутраных сварак, ніякіх расколаў, бо няма чаго дзяліць і ёсць за што змагацца — за мову.

Дарэчы, палітычныя партыі вельмі паважаюць ТБМ, якое на сённяшні дзень налічвае пяць з паловай тысяч сябраў (лічба для Міністэрства юстыцыі). Гэта толькі самыя актыўныя. На самай справе, сябраў значна больш.

Упэўнены, што ва ўмовах таталітарнай дзяржавы “трэці сектар” мае больш перспектыву, чым іншыя. Што такое польская “Салідарнасць” або літоўскі “Саюдзіс”? Гэта не палітычныя партыі, а тыповыя недзяржаўныя структуры. І БНФ такім быў, пакуль не ператварыўся ў партыю. Самай вялікай памылкай Пазьняка і яго каманды лічу стварэнне партыі БНФ. З гэтага і пачаўся развал. Трэба было спачатку прыйсці да ўлады...

Калі гутарка заходзіць пра ТБМ, то без разважанняў пра цяперашні стан беларускай мовы абысціся немагчыма.

Мабыць, камусьці падобнае падасца спрэчным, але я сцвярджаю, што сёння мова “патроху адраджаецца”.

Сам жа я пачаў размаўляць па-беларуску недзе на пачатку 1980-х гадоў. А першай беларускай кнігай была “Новая зямля” Якуба Коласа, якую прэзентавалі на Дзень Савецкай Арміі ў восьмым класе. На беларускую мову перайшоў свядома — у знак пратэсту супраць выключэння з БДУ некаторых студэнтаў — за “праяўленне нацыяналізму”, а па-сутнасці, за любоў да роднай мовы і Беларусі.

Зараз гэтае пытанне чыста палітычнае. Трэба дачакацца змены палітычнай улады. Беларусы заўсёды размаўляюць на мове начальства. Гэта ў нас у крыві. Калі прэзідэнт і прэм’ер-міністр загавораць па-беларуску, нават не давядзецца мяняць заканадаўства. Хай будуць дзве мовы. Я б не мяняў ніякія законы, памяняў бы толькі ўладу — і ўсё. За два гады большасць людзей пяройдзе на беларускую мову.

Асабіста для мяне перыяд пераходу на беларускую мову ўклаўся ў згаданыя два гады. З 1982 года я размаўляю выключна па-беларуску і добра памятаю, як да таго ставіліся ў рускамоўным Мінску — лаяліся ў тралейбусах, крамах, патрабавалі “гаварыць нармальна”. Сёння сітуацыя кардынальна змянілася. Пачуўшы мову, прапускаюць без чаргі, і міліцыянты выказваюць павагу. А адзін таксіст нават не ўзяў з мяне грошай за праезд.

Прапановы перавесці на беларускую мову ўсе дзяржаўныя ўстановы ўжо не выклікаюць з’едлівых усмешак. Сацыялагічнае апытанне, нядаўна праведзенае Беларускай інстытутам стратэгічных даследаванняў сумесна з лабараторыяй “Новак”, нечакана пацвердзіла маё ўспрыманне моўнай сітуацыі. 83,7 працэнта жыхароў краіны лічаць беларускую мову нацыянальным сімвалам і нацыянальным здабыткам. І каля 50 працэнтаў назвалі людзей, якія размаўляюць на мове, элітай нацыі.

У адрозненне ад многіх шчырых беларусаў я не енчу пра гаротны стан беларускай мовы, а змагаюся, дакладней, метадычна працую.

Аўтарскае пасляслоўе

Так атрымалася, што каб зрабіць гэты артыкул, мы сустрэкліся з Алегам Анато́льевичам некалькі разоў. Апошні раз — 4 лютага 2010 года. І заўсёды ён бездакорна выконваў свае абяцанні. Магчыма, за гэта Трусава і паважаюць — і ва ўладзе, і ў апазіцыі.

www.kamunikat.org

Михаил ЧИГИРЬ

«Пчеларом» из-за всем известного увлечения Михаила Чигиря его как-то публично назвал глава государства. Наверное, таким образом он хотел подчеркнуть что-то негативное. Получилось наоборот, поскольку пчеловодством занимаются только очень трудолюбивые люди.

Ошибка в документах

Родился ранним утром в крестьянской семье. Мать пошла доить корову и родила меня прямо в хлеву. Домой принесла в подоле. Стучала в окошко, а отец так крепко спал, что не слышал. Было это 24 мая 1948 года.

Отец, Николай Семёнович, женился во второй раз. Его первая жена умерла. Она была американкой. Получилось так: она приехала из США в Беларусь в гости, а назад её не отпустили.

На момент моего рождения отцу было 49 лет, а маме, Анастасии Петровне, 36. От первого брака у отца дочь. Я был ещё маленьким, когда она вышла замуж. До укрупнения хозяйств отец работал председателем колхоза. Потом ушёл — возраст всё-таки.

Когда у столь солидных по годам людей рождаются дети, это настоящее счастье. Меня отец никогда не бил, крепко не ругал. Процесс воспитания проходил очень мягко, доброжелательно. И в этом есть свои плюсы. Когда у меня родился первый сын, мне было только 25 лет. У самого ещё характер не совсем сложился.

У нас был хороший, по деревенским меркам, дом. Недалеко от деревни Усово находился маленький посёлок Братский (два километра от Копыля), всего 12 домов. Для строительства он считался неперспективным. Во всех моих документах, включая паспорт, местом рождения указано Усово, хотя на самом деле это не так. К слову, в письмах мы не писали «посёлок Братский», так как об этом не знали даже почтальоны, они несли письма в деревню Братково.

Начальная школа находилась в деревне, а затем я ходил учиться в Копыль — это около трёх километров каждый день: летом на велосипеде, зимой пешком или

тоже на велосипеде, если хорошо вытоптана дорожка. Для физической подготовки это очень хорошо, неплохая зарядка.

Не знаю, как по статистике, но после войны наблюдался явный демографический подъём. В первом классе нас училось 12 детей — самый крупный для Усово «набор». Это очень хорошо: учитель знает всех, может спросить каждого. Не учить уроки и на что-то надеяться было бесполезно. Учился я без особого усердия, но среди отстающих никогда не был. Любил математику, физику. Ездил на олимпиады. Не жаловал: русский, немецкий. В дальнейшем судьба распорядилась так, что мне пришлось научиться абсолютно грамотно писать и говорить на немецком. Жаль, что столько лет было потеряно.

Копыльская средняя школа номер один считалась одной из самых лучших в районе, из нашего класса очень многие поступили в вузы. Конкретный пример. Нас было четверо друзей: один закончил Институт физкультуры, второй — радиотехнический, я — нархоз, и лишь четвёртый учился в техникуме.

Я играл за сборную школы в баскетбол, хотя при моём росте это непросто. В любой команде должен быть тот, кто пошустрее, и рост здесь не главное.

Дома я делал всю деревенскую работу: пас коров, смотрел за пчёлами. Рядом был лес, где мы собирали грибы, и небольшой водоём, где купались.

В 1966 году в нашей школе выпускалось три одиннадцатых класса и два десятых (за два года до этого в сельских школах было введено профобучение). Такая армада по всей стране «штурмовала» вузы. Детей после войны родилось много.

Банкир из деревни

Выбор вуза обусловили прежде всего вступительные экзамены. Я подбирал место, где дважды нужно было сдавать математику — мой любимый предмет. Сначала пришёл на математический факультет университета. Там, увидев мой аттестат, сказали, что даже если я всё сдам успешно, то пройти конкурс аттестатов у меня шансов немного, так как конкуренция очень высокая. Поехал

поступать в «политех» на инженерно-экономический факультет и узнал там, что в нархозе есть специальность «Банковское дело». В понимании деревенского мальчишки это было очень престижно. Кроме математики нужно было сдавать географию и сочинение. Решил, что с географией трудностей не должно быть — здесь всегда можно что-то почитать. Что касается сочинения, то я умышленно писал его простыми предложениями, чтобы не наделать много ошибок. Поступил.

Считалось, что для получения высшего образования нужно много и усердно учиться. Поначалу я всё конспектировал. В нашей группе было только два человека, которые успевали «записать» любого преподавателя, как бы быстро он не читал лекцию, — это я и Коля Мележков.

Я быстро сориентировался и понял: для того, чтобы не было претензий, не обязательно сильно «напрягаться». Тем более что уже на первом курсе входил в команду по лыжным гонкам, то есть учился «на стипендию», как и многие спортсмены.

По математике у нас была очень строгая преподавательница. Изначально в группе училось 25 человек, потом восьмерых отчислили (наверное, в первую очередь тех, кто поступил «по благу»). Конечно, высшая математика сильно отличается от обычной, но я, повторяюсь, её любил. Без знания высшей математики в те времена окончить нархоз было невозможно.

Окончил институт в 1970 году. По распределению попал в Солигорское отделение Госбанка СССР. Мог остаться в Минске, но сам решил «ехать на район», поближе к родителям.

Со временем понял, что уровень моих институтских знаний не позволяет быть наравне с теми, кто много лет работает в этой сфере. Начал читать банковские инструкции и осознал, что понимаю в них не всё. Поехал в Минск и купил учебники по бухгалтерскому учёту. В итоге удалось освоить то, что было пропущено в нархозе. Самое необходимое для работы законспектировал.

Через полгода вызвали в областную контору и предложили поработать начальником кредитного отдела в

Березино. Приходил на работу пораньше, уходил позже других.

Из Березино призвали в армию. Служил в Ивано-Франковске в военно-воздушных войсках. Был в штабе писарем. Напрасно шутят по поводу этой должности — работа сложная, ответственная. Через меня «прошли» все приказы, быстро научился печатать на машинке. Как банкир могу отметить: в армии всё было организовано чётко. Поскольку имел высшее образование, служил только год.

После увольнения в запас мне сразу предложили работать в Клецком отделении. Обещали родной Копыль, но не вышло. В Клецке произошла страшная трагедия: мой предшественник из-за каких-то неурядиц застрелился. После его смерти проверили кассу — всё в абсолютном порядке.

Так я в 25 лет стал управляющим филиала — по тем временам очень успешный карьерный рост. Это послужило поводом для различных кривотолков: парень из деревни, а тут такой взлёт; наверное, у него есть «волосатая лапа». Мне позвонила куратор нашей институтской группы и попросилась в гости. Обо всём сказала, что называется, открытым текстом. Я показал ей все свои конспекты. Она была просто в шоке, так как в нархозе я не считался прилежным студентом.

Из банкиров в премьеры

В 1978 году мне впервые предложили поехать на учёбу в Москву — академический уровень, подготовка банковских сотрудников для работы в советских банковских учреждениях за границей. Подобное не афишировалось, но после революции в разных странах остались бывшие царские банки, например, в Лондоне, Париже, Цюрихе и т.п. Все они стали советскими и приносили приличную прибыль. На ключевые должности туда назначали людей из Советского Союза. Попасть в число избранных было почти невозможно. Зарплата была приличной, даже по меркам западных государств, но в те времена было принято, что никто не может получать больше послов. Банкиры же получали больше, но разницу

они приносили и сдавали в посольство. По сравнению с западными коллегами жили очень скромно. Всё контролировалось очень строго.

Часто туда посылали неквалифицированных работников, то есть «блатных». Специфических банковских знаний у них не было, они только хорошо владели иностранными языками, знали, что это пригодится. В итоге — масса провалов. Потери исчислялись миллионами долларов. В ЦК решили брать людей с мест, с должностей не ниже управляющего.

В 1979-м предложение повторили, через год сделали это ещё раз. И если раньше у меня было двое совсем маленьких детей и я не мог оставить жену с ними одну, то теперь дети подросли, ходили в ясли, и я поехал.

Учёба длилась почти два года, с частыми загранкомандировками. Преподаватели были просто классные! Они говорили правду обо всём, что происходит за границей, чтобы у нас глаза «не выскочили» из орбит по прибытию туда. И их усилия были ненепростыми. Например, посылают специалиста в Германию. Три года уходит на его адаптацию, потом ещё много лет работы. Люди едут с семьями. Дети идут в школы. Возвращаются, видят советские очереди и не хотят жить в СССР. Это только если верить пропаганде, мы были впереди всей планеты. К развалу Советского Союза привела людская нищета...

После окончания учёбы мне предложили работать в Москве, давали квартиру. Я сказал об этом родителям. Отцу тогда было 81 год, матери — 69. Мама стала плакать: дескать, что мы сделали плохого, раз нас бросаешь или предлагаешь переехать в Москву?

В итоге попал в Минск. Сначала работал в Московском отделении, потом пригласили в обком партии. Через год перешёл в ЦК КПБ, где четыре года проработал в экономическом отделе.

В 1986 году сам попросился управляющим Минской городской конторы госбанка, хотя считалось, что это ниже уровня инструктора ЦК. Проработал там почти пять лет. В 1989 году был на стажировке в Дойче Банке. Это была первая подобная стажировка граждан СССР.

Кстати, одной из главных причин создания «Агропромбанка» явился именно экономический хаос. Было очевидно, что нужно создавать специализированные банки. Так были созданы «Жилсоцбанк», «Промстройбанк», «Агропромбанк», куда я перешёл из Минской городской конторы и стал первым заместителем председателя. Председателем правления тогда был Сергей Семёнович Туровский, бывший партизан, очень уважаемый и заслуженный человек. Работалось с ним в одно удовольствие. В 1992 году он ушёл на пенсию, и председателем стал я.

Это был самый прибыльный банк, хотя и считался он колхозным. К слову, за это меня часто обвиняли. Депутаты парламента так и говорили: колхозы нищие, а банк богатеет. На самом деле прибыли делались не на колхозах: я прошёл стажировку за рубежом и знал, что такое борьба за клиента. Услугами нашего банка пользовались многие предприятия. Назову только самые известные: Белорусский металлургический завод, «Белшина», «Белкалий», «Азот» и т.д. Я хорошо понимал, что правило «банк для клиента» должно быть основным. Клиент, как говорится, всегда прав. Прибыли по тем временам были колоссальными — сорок миллионов долларов в год. Хотел построить красивое здание в Минске, уговорил Ермошина выделить земельный участок. «Пятачок» на Республиканской площади, рядом с обувным заводом «Луч», и сейчас свободный. Разработали документацию на 27 этажей, начали строительство, и вдруг...

После президентских выборов меня пригласил А.Лукашенко и предложил возглавить правительство. Я ответил, что у меня нормальная работа. (С Лукашенко мы уже были знакомы. Во-первых, по парламенту; во-вторых, он являлся клиентом нашего банка. У него возникли проблемы во взаимоотношениях с руководительницей местного филиала — он считал, что там его ущемляют. Хотел перейти в другой банк, но в райисполкоме по каким-то причинам его не отпускали. Я решил эту проблему прямо при нём. А.Г. очень удивился.) Жена была против, но я всё же согласился стать премьером, прекрасно понимая, какие трудности меня ждут. Хотелось что-то изменить в экономике страны.

Первый серьёзный конфликт между нами возник осенью 1994 года, когда правительство, чтобы остановить экономический хаос и спасти производителей, подняло цены. Лукашенко узнал об этом, находясь в Сочи, и приказал мне к 10.00 следующего дня всё вернуть назад. Экстренно вернулся в Минск, со мной встречаться не стал, поехал прямо на телевидение. На следующий день за пять минут до истечения назначенного президентом срока в мой кабинет вошёл Кучинский и сказал, что в его распоряжении специальный отряд. Я проводил совещание. Люди стали спрашивать, что это значит, но я говорил, что ответы на все вопросы знает только сам Кучинский. В итоге компромисс был найден. Я пришёл к президенту и сказал: всё валите на меня. Новые цены остались, за исключением цен на хлеб, молоко и т.п.

Это позволило на довольно долгий срок остановить падение курса белорусского рубля, во что почти никто не верил. Банки начали скупать валюту, рассчитывая на то, что падение рубля непременно продолжится. По телефону мы с Богданкевичем договорились ещё раз немножко укрепить национальную валюту. Движение пошло в обратном направлении. Средняя заработная плата в эквиваленте выросла с 20 до 100 долларов.

То, что происходит в экономике сейчас, просто кошмар. Цены почти на всю сельскохозяйственную продукцию у нас выше, нежели в соседних Литве и Польше! Вот что происходит, когда все беспрекословно выполняют указания одного человека.

Проблем у меня, как у премьера, всегда хватало — и в правительстве, и в администрации президента. Тот же Линг — экономически «чистый строитель социализма».

Общий язык мне всегда легко было найти с Богданкевичем, пока его не «ушли». Помнится, меня вызвал президент и сказал, что устал от такой работы. Богданкевич всегда говорит то, что думает, даже на один сантиметр от своих взглядов не отступает. После того как был подписан указ об его отставке, президент посоветовался: может, есть смысл выставить в Нацбанке нашу охрану? Дескать, там же ценности. Я ответил, что в этом нет никакой необходимости, Богданкевич в хранилище не ходит. Лукашенко меня не послушал.

Вечером, по старой дружбе, Богданкевич зашёл ко мне, а в это время в Нацбанке начали менять охрану. Едва не дошло до перестрелки между милицией и президентской службой охраны. Захаренко мне так и сказал: если бы его люди выполнили инструкции, была бы стрельба.

В этот же момент кто-то пустил слух, что Богданкевич исчез. Началась полная неразбериха: Богданкевича ищут, а он сидит у меня в комнате отдыха. Анекдот прямо. Пришлось всем в этом деле помочь...

С уходом Богданкевича возражать президенту было почти некому. На освободившееся место я предлагал Алейникова, но Лукашенко назначил Винникову и сказал ей, что все были за неё, кроме Чигиря. После назначения Тамара пыталась выяснить мою мотивацию, я ответил тогда, что на этом посту нужен человек государственных взглядов, а не коммерческих, и она, по сути, взошла на эшафот. К сожалению, я оказался прав. Она до сих пор обижена на меня за те слова.

Приглашать на совещания с участием президента Винникову начали ещё тогда, когда она возглавляла «Беларусбанк». Тамара Дмитриевна всегда садилась рядом со мной, так как мы были знакомы по работе и учёбе в нархозе. Происходило всё так. Выступает Лукашенко, Винникова записывает. Спустя некоторое время президент интересуется её мнением. Она смотрит свои записи и начинает озвучивать то, что говорил Лукашенко, например, два месяца назад. После совещаний он оставлял меня и подчёркивал, что мнение Винниковой всегда лучше, чем моё. Ещё в ЦК смеялись, что сверхподхалимаж — это когда сам пишешь шефу доклад, а потом садишься в первый ряд и добросовестно его конспектируешь.

Винникову назначили, а спустя несколько месяцев она стала делать именно то, что критиковала. Надо отдавать должное президенту, когда тот этого заслуживает: он попросил «поднять» стенограммы её прежних выступлений, и выяснилось, что раньше она говорила совсем другое. Лукашенко понял, что она поступала так ради карьерного роста. И Винникова попала в немилость. На мой взгляд, причина опалы именно в этом, ибо таких вещей Лукашенко не забывает и не прощает.

Я всегда был против конституционного референдума и ушёл в отставку, когда он был объявлен. Незадолго до этого состоялся форум глав правительств Центрально-Европейской инициативы. Романо Проди на специальной встрече по его требованию тогда чётко сказал: европейцы против подобных инициатив. Я высказал своё мнение, но отметил, что президент считает иначе.

Трагедия нынешнего времени ещё и в том, что все говорят президенту только то, что он хочет слышать.

От тюрьмы не зарекайся

Гончар и Шарецкий рассказали мне всё не так, как было на самом деле, но понял я это только тогда, когда стал участвовать в альтернативных президентских выборах. Кроме того, знал, насколько трудна работа президента, и не ожидал, что ко всему происходящему он отнесётся подобным образом. Хотелось видеть с его стороны честную конкуренцию. Даже если бы он тогда лишился власти, то остался бы в истории только первым президентом страны.

То, что провёл за решёткой восемь месяцев, не главное, ибо я не из тех людей, которые, взлетев, не готовы опуститься на землю. А вот правоохранительной системе за то, что она сделала с моим сыном Сашей, когда-то придётся ответить.

Уголовное дело сына очень грубо шито белыми нитками. Это сразу же понятно тем, кто хочет установить истину. Эпизоды речей так называемых пострадавших, которые всё время «крутило» БТ, даже не прозвучали на суде, а на заседаниях выяснилось, что идти прямо к Сашиному торговому месту им приказал следователь. По понятным (80% — сотрудники МВД и прокуратуры) вообще полный маразм: одни и те же люди подписывали протоколы одновременно в разных частях города. Кроме того, стало известно, что микроавтобус, который якобы сообщники моего сына украли и, загнав его в гараж, разбирали, на полтора метра выше самого гаража.

Не буду называть фамилию, но мне встречался один следователь, который не знает, что такое СИЗО. Меня это повергло в шок: те, кто туда отправляют людей, не знают, как там живётся.

Возглавляя правительство, я работал допоздна. Однажды произошёл такой случай: какая-то женщина отказывалась уйти из приёмной, пока не попадёт ко мне. Она рассказала, что её муж сидит в Витебске абсолютно ни за что. Отправили запрос в прокуратуру и милицию. Через неделю пришёл ответ — всё законно. Я не знал, кому верить. Теперь уверен, что женщина могла не врать.

Для государства это большая беда. Что такое около ста тысяч за решёткой? У нас две с половиной тысячи колхозов и совхозов. Получается, что на каждое сельскохозяйственное предприятие приходится по сорок человек. Рабочих рук нам больше не надо, ведь далеко не все из них махровые рецидивисты и уголовники.

Что это такое — человек сидит за воровство государственного леса, а у него в семье четверо детей?! Если государство само ничего не может сделать с лесом, то должно помочь человеку, а не сажать его в тюрьму.

Пока сам там не оказался, проблему эту не понимал.

Семья и любимое занятие

Свадьбу праздновали, как принято говорить, «на два конца» — в моей деревне и в деревне жены (недалеко от Клецка). Это было 31 мая, почти в день моего рождения. Получился такой подарок самому себе. С Юлей мне очень повезло. Да и ошибиться я не мог — слишком хорошо её знал (она работала у меня в банке).

Только один пример. Канун Нового года. Все сотрудники «мечутся» в поисках места для встречи праздника. Я предложил собраться у меня — трёхкомнатная квартира управляющего, где я жил холостяком, находилась в здании банка. Первого января утром пришли мыть посуду только две девушки, одна из них — моя жена (будущая на тот момент).

Первым родился сын Лёша. Это случилось в феврале 1975-го. Через полтора года появился Сашка. Наверное, семья была бы больше, но у нас с женой разные ресурсы крови — у меня положительный, у неё отрицательный. Врачи порекомендовали больше не рожать. На мой взгляд, должно быть как минимум три ребёнка.

Леша начал читать в три года. Когда пошёл в школу, достаточно долго просто скучал на уроках. Потом он к этому привык, и нам даже пришлось заставлять его работать с учебниками. Способности у него были хорошие. Поступил в нархоз, но учёбу не закончил: создал свою фирму и сказал, что учиться некогда, нужно работать.

Саша более усидчив, получил высшее образование.

Два внука — Миша и Стасик.

Пчеловодством ещё занимался мой отец. Я научился ползать около ульев. Наверное, тогда пчела меня в первый раз и укусила. В нашей деревне три человека держали пчёл. Это трудно, но выгодно и очень полезно. Больше всех в мире мёда едят немцы, а они — далеко не глупые люди.

Были годы, когда я по тонне мёда «откатывал» — пятьдесят ульев. Будучи руководителем правительства, каждое воскресенье ездил смотреть пчёл. Двое моих охранников сами стали пчеловодами.

Когда пчёлы кусают человека в первый раз, место укуса опухает. Потом организм привыкает к пчелиному яду. Я работаю уже без защиты.

Авторское послесловие

С Михаилом Николаевичем мы познакомились через год после его отставки. Дело в том, что Чигирь обещал не контактировать с прессой как минимум 12 месяцев. И своё слово он сдержал.

А предложенный вашему вниманию рассказ был записан вечером 10 августа 2006 года.

Станіслаў ШУШКЕВІЧ

Пра пенсію былога Старшыні Вярхоўнага Савета Беларусі Станіслава Шушкевіча, якая складае “рэкордны” адзін долар у месяц, напісана столькі, што дадаць нешта новае складана. Гэта нават вартае знакамітай кнігі Гінэса, але справа не толькі ў нейкім прэцэдэнце. Вельмі спадзяюся на тое, што гэты маналог стане адказам на пытанне “Чаму такая ганьба адбываецца ўвогуле?”.

Пад знакам цяжкасцей

Усё вельмі проста. Нарадзіўся ў Мінску 15 снежня 1934 года, а двума тыднямі раней, 1 снежня, мая маці Алена Людвіганаўна Раманоўская стала членам Саюза савецкіх пісьменнікаў і атрымала членскі білет, падпісаны Максімам Горкім.

Першыя дзіцячыя ўспаміны звязаны з 1936 годам, калі “забралі” бацьку, але яго самога амаль не памятаю. Пасля гэтага маці перастала працаваць на радзьё, бо зразумела, што добром гэта не скончыцца, і стала звычайнай школьнай настаўніцай беларускай і рускай моў.

Пачалася вайна. Хацелі ўцячы ад захопнікаў, але нямецкія дэсантнікі “перарэзалі” ў раёне Барысава шашу. Мы — бабка, маці, малодшая сястра і я — вярнуліся назад у Мінск разам са сваімі козамі, якіх у нас было дзве, і яны сапраўды былі нашымі карміцелькамі ў час акупацыі.

Мой дзед жыў у вёсцы Шчытоміравічы, што за два кіламетры ад цяперашняй калыцавой дарогі ў слуцкім напрамку. Забраў ён мяне да сябе ў зіму 1941—1942 гадоў, і я зразумеў, што вясковае жыццё крыху больш сытнае за гарадское: карова, кіслая капуста, бульба, куры, а час ад часу і мёд. У Мінску ў гэтым сэнсе жылося непараўнальна горш. Пасля заўсёды радаваўся, калі мог наведаць дзеда Пятра Антонавіча Шушкевіча — сапраўднага селяніна, садоўніка, пчаляра.

Добра памятаю, як 3 ліпеня 1944 года вызвалілі Мінск, а ўжо ў верасні паўстала пытанне пра школу. Але ў які клас ісці? Вайна ж для мяне пачалася ў шэсць гадоў.

Чытаць і пісаць навучыўся дома, таму вырашылі, што пайду ў чацвёрты клас.

У мяне была цудоўная настаўніца Таццяна Канстанцінаўна Мальцава. Больш я такіх не сустракаў. Яна пасябрвала з маёй маці, бо ў іх было агульнае гора — арыштаваная мужы. Мая 13-я школа была рускамоўнай, а пачынаў я вучыцца ў 19-й беларускай, дзе выкладала маці. Яна перавяла мяне ў 13-ю, каб не выслухваць папρόкі ў свой адрас за мае не вельмі ціхія паводзіны.

Чацвёрты клас закончыў з пахвальным лістом, а ў сярэдняй школе мне падабалася праводзіць некаторыя ўрокі па-за школай, гуляючы ў “футбол” бляшанкай з-пад кансерваў. У выніку перастаў добра займацца і нават атрымліваў двойкі.

Захапіла карэспандэнцкая дзейнасць. Была такая газета “Пионер Белоруссии”, якая потым ператварылася ў “Зорьку”. Я пісаў у яе пра тое, што адбываецца ў нашай школе і класе. Так што мы з вамі ледзь не сталі калегамі.

Рэдакцыя моцна “правіла” маю пісаніну, і ў публікацыях усё атрымлівалася значна лепшым, чым было на самай справе. Пэўны час аднакласнікі называлі мяне не “дзеткар”, як было напісана ў газеце, а “дзетбрэх”.

Напрыканцы пятага класа мяне выклікала да сябе рэдактар Настасся Мазурава, і я ледзь не страціў прытомнасць, выслухаўшы яе.

“Дорогой Стасик, у тебя, конечно же, с учёбой всё по-прежнему. Редакция решила премировать тебя путёвкой в “Артек” за деткоровскую работу. Уезжаешь через два дня”, — сказала яна.

Трэба было вельмі хутка сабраць розныя даведкі і рэчы. Усё гэта я зрабіў імгненна, аднак пра тое, што пачаў даволі дрэнна вучыцца, Мазуравай не сказаў. Пабаяўся, што для “Артека” выберуць каго-небудзь іншага.

Было гэта ў канцы сакавіка, а ўжо з першага красавіка я два месяцы займаўся ў артекаўскай школе. Стараўся, як мог, і вярнуўся з даведкай аб тым, што ў чацвёртай чвэрці па ўсіх прадметах атрымаў выдатныя адзнакі. У маёй 13-й такога не чакалі.

Па сённяшні дзень помню, што ў “Артеку” можна было ў волю наесціся хлеба. Ён стаяў на стале, і браць можна было колькі хочаш. Для мяне гэта быў сапраўдны

цуд. У Мінску жылі па картках: у мяне з сястрой — спажывецкія, у маці — працоўная. Ёй давалі пяцьсот грамаў хлеба, а нам па трыста. Калі б была нейкая іншая ежа, жылі б някепска, а так даводзілася тугавата. У “Артэку”, як кажуць, ад’еўся ў волю.

Цудоўныя ўспаміны. Цікавыя заняткі, паходы, важатыя, мора. Вада была халаднаватая, але для жыхара Беларусі — цудоўная.

Памятаю, як да нас прыехаў маршал Будзённы. Нас з ім сфатаграфавалі, і на здымку я высунуў галаву вышэй за ўсіх.

Пад знакам вучобы

Закончыў школу з медалём, але прымаць мяне на “фізіку” не хацелі. Рэктар Чымбург быў вельмі ідэйны — выкладчык “гісторыі КПСС”. Увесь час ад мяне патрабавалі перапісаць аўтабіяграфію. Я пісаў, што бацька “з сям’ёй не жыве”. Гэта насцярожвала, бо ўсе дагадваліся, у чым тут справа, але папракнуць мяне было цяжка.

— З сям’ёй не жыве, а дзе ён, не ведаю, — адказваў я, як навучыла маці. І ні слова болей. Урэшце прынялі.

Гэта быў 1951 год. Вучыўся я нармальна, іграў на домры ва ўніверсітэцкім аркестры, займаўся ў матацыклетнай секцыі, нядрэнна ездзіў на ўніверсітэцкім матацыкле і прымаў удзел у ралі. Павінен быў стаць удзельнікам мотапрабегу Мінск — Кіеў, і тут рэктар мяне выкрасліў. Вялікая была крыўда...

Калі я быў на трэцім курсе, памёр Сталін, а рэктарам стаў Канстанцін Ігнацьевіч Лукашоў. І мяне ніхто больш ні адкуль не выкрэсліваў і нічым не папракаў.

Курс у нас быў вельмі таленавіты. Да гэтага часу штогод сустракаем з тымі, хто жывы. Пасяя былі аспірантура інстытута фізікі, радыёзавод, універсітэт, кандыдацкая дысертацыя. Доктарскую абараніў у Маскве, таму што быў не ўладах з нашымі акадэмічнымі сіламі на чале з “вялікім мафіёзі”, які кіраваў Акадэміяй навук. Ён “падмяў” усіх, і людзі былі павінны спачатку служыць яму, а потым — навуцы. Я такога не любіў, таму знаходзіўся ў няласцы.

Мая доктарская называлася “Інфарматыўныя параметры электрамагнітных сігналаў”. Гэта тое, што цяпер называецца атрыманнем інфармацыі ва ўмовах выпадковых і датэрмінаваных (вызначаных) перашкод. Маскоўскі савет складаўся з найвядомейшых навукоўцаў.

— Куды ты лезеш? — пыталіся ў мяне добра дасведчаныя людзі. — Калі там правалішся, то доктарам ужо ніколі не станеш.

— А калі не правалюся, то ВАК (Вышэйшая атэстацыйная камісія СССР) абавязкова зацвердзіць. І ніякая ананімка не перашкодзіць, — адказваў я.

Так і сталася 13 мая 1970 года, хаця ананімка і была: яе мне паказаў пасля ўручэння дыплама доктара навук старшыня савета. Асабіста мне было даволі проста дагадацца, чых рук гэта справа.

Заўсёды любіў выкладчыцкую работу, пачаў выкладаць яшчэ ў студэнцкія гады, у сваёй роднай школе — замяняў там настаўніцу фізікі, якая завочна заканчвала педагагічны інстытут і была на сесіі. Мне было прыемна зацікавіць клас рашэннем нестандартных фізічных задач, і не толькі са школьных падручнікаў. Вучні ж, са свайго боку, “правяралі” мяне, як тады модна было казаць, “на вашывасць”, прапаноўваючы задачы ў тым ліку і са зборнікаў конкурсных задач для алімпіяд па фізіцы. Калі вярнулася настаўніца, то ледзь не страціла прытомнасць, бо яна была не надта вялікім хватам, але вельмі сумленным і працавітым чалавекам і прапаноўвала вучням толькі тыя задачы, якія папярэдне сама рашыла дома.

Аспіранцкая стыпендыя ў 62 рублі асуджала на вельмі сумнае існаванне. І я зарабляў тым, што праводзіў заняткі са студэнтамі па фізіцы ў Інстытуце народнай гаспадаркі і ў школах.

Пасля заканчэння аспірантуры мяне размеркавалі ў Акадэмію навук малодшым навуковым супрацоўнікам Інстытута фізікі. Адразу прыйшлося сутыкнуцца з фінансавымі цяжкасцямі. Кандыдацкую дысертацыю я на той момант яшчэ не абараніў, і мой аклад складаў усяго 83 рублі. Натуральна, гэта не задавальняла.

І тут да мяне прыйшоў чалавек з радыёзавода, дзе праз некаторы час я сутыкнуўся са знакамітым Лі Харві Освальдам і падчас практыкі зрабіў вельмі шмат цікавых

рэчаў. Прапанаваў пайсці да іх, у спецыяльнае канструктарскае тэхнічнае бюро (СКТБ), якое толькі-толькі пачало працаваць. Яно распрацоўвала тую апаратуру, якую распрацоўваў і я. Мне параілі аб'яднаць гэтыя рэчы і назвалі суму акладу — 160 рублёў плюс 40% “прагрэсіўкі”, калі будзе станоўчы вынік. Зразумела, гутарка ідзе пра грошы, якія былі пасля рэформы 1961 года.

Я вырашыў, што напісанню дысертацыі такая работа перашкаджаць не будзе. А радыёзавод, мабыць, стаў адной з лепшых маіх жыццёвых школ. Там былі вельмі добрыя практыкі, якім часам не хапала тэарэтычнага разумення таго, што яны робяць. Калі ты пабудуеш тэарэтычную мадэль, то потым ужо можна палепшыць і зробленае. Мне пашанцавала працаваць з такімі практыкамі, якія і вышэйшай адукацыі не мелі, але сапраўды стваралі нешта арыгінальнае. Са многімі шчыра пасябравалі, напрыклад, з Ізем Капланам. Ён вельмі здзівіўся, калі я прапанаваў, як палепшыць характарыстыкі распрацаванай ім прылады. Ён не без падстаў крытычна ставіўся да маладых супрацоўнікаў з вышэйшай адукацыяй, бо зроблення ім прыборы звычайна былі лепшымі за іх распрацоўкі. Спачатку і мяне Ізя ўспрыняў як дылетанта з дыпламам, але калі зрабіў тое, што я раіў, сказаў: “Ты першы чалавек, які сапраўды ведае арыфметыку і рэальна мне дапамог. Ад падлікаў тых, хто прэтэндуе на веданне вышэйшай матэматыкі, я яшчэ ніколі не адчуваў карысці”.

З той пары я часта ўжываю словы “арыфметычны разлік”, а не “тэарэтычнае абгрунтаванне”.

Дарэчы, прыборы пад тагачаснымі назвамі “селектыўны ўзмацняльнік” і “сінхронны дэтэктар”, распрацаваныя менавіта мной і таленавітымі самавучкамі з радыёзавода, выпускаліся радыёзаводам у Мураме дваццаць гадоў. У пэўным сэнсе гэта рэкорд.

Пад знакам навукі

На жаль, кіраўніцтва СКТБ і радыёзавода адмовілася браць заказы на новыя распрацоўкі прыбораў для навуковых даследаванняў. Адразу я не разумеў чаму? Потым датумкаў: рухацца наперад прыемна, але рызыкаўна, прасцей удасканальваць старэчу. Такой

працай, без перанпружання, у савецкі час можна было займацца многія гады, і дасведчаныя кіраўнікі ўсяляк адбіваліся ад новых распрацовак і выпуску новай прадукцыі. Іх можна было зразумець: не трэба дабівацца фондаў, гэта значыць уключэння ў дзяржаўны план забеспячэння абсталяваннем і матэрыяламі. Безнаўныя грошы на рахунку прадпрыемства нічога не вырашалі. Без дзяржпланаўскіх фондаў на іх нельга было набыць неабходнае. Старая прадукцыя дазваляла каціцца па наезджанай каляіне. Прасцей за ўсё было атрымаць фонды, як і ў мінулы год, плюс невялічкі дадатак на павелічэнне аб'ёмаў вытворчасці. Іншы падыход мог мець месца тады, калі быў бы пэўны зачын, але пераканаць кіраўніцтва, што ён у мяне ёсць, было цяжка. А ў балота ўдасканалення старэчы мяне было складана заманіць. Тым не менш сітуацыя, з якой я сутыкнуўся, стала для мяне выдатнай навукай на будучыню. Пазней я заўсёды шукаў такія захады, каб, працуючы над планавай тэмай, забяспечанай пэўнымі фондамі і фінансаваннем, ажыццяўляць дзякуючы гэтым фондам і фінансаванню пошук новага. Наяўнасць створанага такім чынам “зачыну” дазваляла брацца за новыя распрацоўкі і зноў у межах новага фінансавання і фондаў, у тым ліку фонду заробтнай платы, рабіць новы зачын. Пра гэта гаварылася як пра спалучэнне навукі з вытворчасцю, якое неабходна падтрымліваць і развіваць. А на самай справе трэба было старанна ўтойваць, што грошы па тэме, якую аплачвае заказчык, ты выкарыстоўваеш для таго, каб зрабіць зачын і без рызыкі папрасіць і паспяхова завяршыць наступную тэму. На радыёзаводзе я не дайшоў да рэалізацыі такога падыходу і баяўся, што мая далейшая праца там будзе даволі сумнай.

Але пашанцавала. Менавіта ў гэты момант мяне знайшоў Аляксандр Мікалаевіч Пісарэўскі і прапанаваў перайсці ва ўніверсітэт. Яго запрасілі ў Мінск з Ленінграда, каб стварыць кафедру ядзернай фізікі. Я сказаў яму, што да ядзернай фізікі маю нязначнае дачыненне, на што ён адказаў: “Менавіта для ядзернай фізікі патрэбна самая сучасная электроніка, а да яе, па маім разуменні, Вы дачыненне маеце”.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт — мая альма-матар. Мне там заўсёды падабалася, а тут яшчэ і аплата амаль такая ж, як на заводзе. Перайшоў, хаця, як аказалася, з СКТБ, а больш за ўсё з яго мудрым кіраўніком, сапраўдным прафесіяналам і цудоўным чалавекам Веньямінам Натанавічам Пумпянскім, расставалца было цяжка.

— Праз месяц-два я змагу значна павысіць вам аклад, ды і з супрацоўнікамі вы ўмеете ладзіць. Заставайцеся тут, — сказаў Пумпянскі, калі я прыйшоў да яго з заявай аб звальненні.

Прышлося шчыра прызнацца, што хачу перайсці ва ўніверсітэт, каб займацца навукай, і вельмі ўдзячны СКТБ за досвед, які там атрымаў.

Ва ўніверсітэце спачатку працаваў галоўным інжынерам навуковай лабараторыі пры кафедры, пасля абараніў кандыдацкую па тэме “Фізічныя прынцыпы выяўлення разведвальных прыёмнікаў”. Гэтая тэма фінансавалася ваеннай часцю, якая з’яўлялася навукова-даследчым інстытутам у сістэме КДБ. Трэба было ідэнтыфікаваць тых, хто цікавіўся сігналамі і кодамі савецкіх радыёлакацыйных станцый і меў для гэтага спецыяльнае абсталяванне, якое па вонкавым выглядзе не адрознівалася ад прылад бытавой электронікі ці ад радыёпрыёмніка ў аўтамабілі. Мне ўдалося прыдумаць метады для таго, каб ідэнтыфікаваць такія прылады нават у выключаным стане.

Наша распрацоўка выкарыстоўвалася даволі доўга, выкарыстоўваецца яна і сёння, але ўжо для іншых мэт. У 1997 годзе мяне як аўтара падручніка па асновах радыёэлектронікі для ўніверсітэтаў запрасілі ў Томск на даволі спецыфічнае свята — 50-годдзе вышэйшай радыётэхнічнай адукацыі ў Сібіры. (Падручнік быў там перавыдадзены.) На адным з томскіх радыётэхнічных заводаў яшчэ працягвалі выпускаць прыбор, асновай якога быў узор, створаны мной у 1961—1962 гадах падчас працы над кандыдацкай дысертацыяй. Гэта крыху здзівіла, бо пасля я ўсё значна ўдасканаліў, і новы, прапанаваны мной метады дазваляў ствараць прыборы, больш адчувальныя ў 20—30 разоў.

У Томску я выступіў перад тымі, хто распрацаваў надзейны варыянт прыбора на аснове майго лабараторнага макета для кандыдацкай дысертацыі, распрацаванага ў 1962 годзе. Ні яны пра мяне, ні я пра іх нічога не ведаў. Я па-ранейшаму быў “універсітэтчыкам”, яны — “абароншчыкамі” — супрацоўнікамі заўсёды сакрэтнай абароннай прамысловасці.

Каб не тагачасны рэктар томскага Інстытута сістэм кіравання і радыёэлектронікі прафесар Іван Мікалаевіч Пустынскі, з якім мы цесна супрацоўнічалі, я б так і не даведаўся аб укараненні вынікаў маёй кандыдацкай дысертацыі. У сваю чаргу і ён, будучы кансультантам на заводзе, які выпускаў “мой” прыбор, таксама не ведаў, што я маю дачыненне да яго распрацоўкі. Такімі былі правілы гульні: парушэнне падпіскі аб “невываданні” пагражала доўгімі гадамі турмы.

Мой даклад на заводзе тамічы ўспрынялі на ўра, і мы разам пашкадавалі, што сакрэтнасць не дазволіла своечасова дасягнуць значна лепшых вынікаў у сапраўды дзяржаўнай справе.

Але вернемся да таго прызначэння. У канцы 1965 года мяне (беспартыйнага) паклікалі ў гаркам партыі і прапанавалі стаць прарэктарам па навуковай рабоце радыётэхнічнага інстытута (МРТІ). Здраджваць універсітэту было няёмка, але гарантаванне таго, што праз 2-3 месяцы атрымаю кватэру, было важкім козырам. Вельмі хацелася пазбавіцца прыбіральні з акенцам “бубновы туз” у нашым двары на Спартыўным завулку. На тым месцы зараз стаіць універсітэт культуры.

Сакратаром гаркама партыі тады быў Васіль Іванавіч Шарапаў — вельмі дзелавы, энергічны і, я б сказаў, мудры кіраўнік. Нікога не абражаючы, ён даў мне зразумець, што ў кіраўніцтве МРТІ павінны з’явіцца дасведчаныя “тутэйшыя”, бо, на яго думку, там мнагавата не самых лепшых прывазных, у чым я хутка пераканаўся. На вялікі жаль, такіх кіраўнікоў, як В.І.Шарапаў, было ў нас вельмі мала.

Словам, я пагадзіўся. Праз тры гады ўдалося належным чынам наладзіць у МРТІ навуковыя справы, і я вярнуўся ва ўніверсітэт (праўда, не без прыгод, але гэта тэма для іншай размовы).

Я заўсёды захапляўся пабудовай апаратуры, заснаванай на новых прынцыпах. Сёння гэта называецца прыборабудаваннем на аснове інавацыі ў канструктарскіх распрацоўках. Павінен сказаць, што калі майго загадчыка кафедры пачалі выжываць з універсітэта, то я добра ўсведамляў прычыну: ён меў усе шансы прэтэндаваць на больш высокае становішча, быў небяспечным канкурэнтам для тых, хто прэтэндаваў на гэтыя пасады. І, як было прынята ў камуністаў-“інтэрнацыяналістаў”, яго спынілі, скарыстаўшы тое, што ён быў габрэем. А каб усё выглядала прыстойна, мне прапанавалі падаць заяву на конкурс, каб заняць яго месца. Я добра ведаў конкурсныя парадкі і адказаў, што ёсць усе падставы аб’явіць конкурс на **пераабранне**, бо загадчык кафедры (Пісарэўскі) адпавядае самым высокім патрабаванням для такой пасады. Рэктар адказаў, што будзе конкурс на **абранне**, што так вырашыў Савет універсітэта, што Пісарэўскі таксама мае права падаць на конкурс, але як рэктар ён перакананы — Пісарэўскага не выберуць.

Я адмовіўся прымаць удзел у “закулісных гульнях” і пачуў ад рэктара: “Тады табе будзе дрэнна!” Сагітавалі іншага, але ён не “цягнуў” на кіраванне ўжо вялікай на той час кафедрай з мноствам таленавітых супрацоўнікаў і праз чатыры месяцы напісаў заяву аб адстаўцы. Прафесар Пісарэўскі не пайшоў ні на якія здзелкі і вярнуўся ў Ленінград. Беларусь страціла двух цудоўных навукоўцаў: Пісарэўскага і яго жонку — сусветна вядомага хіміка, цудоўнага чалавека, доктара навук Галіну Ахатаўну Шагісултанаву.

Пасля іх ад’езду быў аб’яўлены новы конкурс. Я перамог і стаў загадчыкам кафедры з поўнай назвай “Кафедра ядзернай фізікі і мірнага выкарыстання атамнай энергіі”.

У 1985 годзе ўніверсітэт наведаў Першы сакратар ЦК КПБ Мікалай Слюнькоў. Яму вельмі спадабалася “мая” кафедра. Адразу пасля візіту ён параіў новаму рэктару акадэміку Леаніду Іванавічу Кісялеўскаму прызначыць мяне прарэктарам БДУ па навуковай рабоце з захаваннем на пасадзе загадчыка кафедры. У той час такая парада была фактычным загадам. Да гэтага месца прарэктара было занята адным з “партыйцаў пры навуцы”, які

прабраўся на высокую пасаду дзякуючы партбілету і здольнасці дагаджаць начальству. Рашэнне Слюнькова і для мяне, і для ўсіх іншых было поўнай нечаканасцю.

У наступным годзе здарылася чарнобыльская катастрофа.

Аб тым, што вецер нясе радыеактыўныя рэчывы, мы даведаліся раней за іншых, і вось як. Выкладчыца, якая праводзіла лабараторныя заняткі ў лабараторыі кафедры, адна са студэнтак паказала вынікі зробленых ёю замераў радыеактыўнасці. Выкладчыца пасаромела студэнтку за абсалютна “дзікія” лічбы, параіла быць акуратнай і правесці новыя замеры. Новыя замеры радыеактыўнасці далі амаль такі ж вынік. Выкладчыца вырашыла, што сапсавалася апаратура, папрасіла лабарантку замяніць дэтэктар і ўзмацняльнік. Вынік зноў аказаўся такім жа.

Нешта падобнае адбылося і ў іншых лабараторыях кафедры, і стала ясна, што радыеактыўны фон вырас у дзесяткі разоў. Пазванілі ў Сосны, мяркуючы, што там нешта здарылася на рэактары. Там усё было ў норме. Зразумелі: радыеактыўнасць прынёс паўднёвы вецер.

Мы абсталявалі ў адной з лабараторый кафедры кантрольны пункт, у які мог звярнуцца кожны, хто хацеў зрабіць замер забруджвання радыенуклідамі адзення, рэчаў і ежы. Мяне выклікаў да сябе тагачасны першы сакратар гаркама партыі Бажко і абвінаваціў у распаўсюджванні панікі. На што я адказаў: “Калі гаварыць пра партыйныя справы і дзейнасць, Вы для мяне аўтарытэт і начальнік, а што да спраў фізічных і ядзерных выпраменьванняў, то тут не Вы, а я Вас таму-сяму магу навучыць”. І пайшоў. Можна толькі ўявіць, які ён у той момант стаў раз’юшаны, бо ў кабінцеце знаходзіўся не адзін...

У 1991 годзе, калі мяне абралі Першым намеснікам Старшыні Вярхоўнага Савета, з фізікай і якой бы там ні было сур’ёзнай дзейнасцю ва ўніверсітэце давялося развітацца, калі не лічыць таго, што да 1995 года я ўзначальваў Савет па абароне дысертацый. Да гэтага часу пад маім навуковым кіраўніцтвам былі выкананы і паспяхова абаронены 33 кандыдацкія дысертацыі.

Пад знакам перамен

Ва ўніверсітэце не адзін раз паўставала пытанне выбараў, але я заўсёды адразу браў самаадвод. А тут мы сабраліся з маімі сябрамі на нейкі “сабантуй”, і яны кажуць: “Заўтра сход, мы будзем вылучаць цябе кандыдатам у народныя дэпутаты. Дай сёння слова, што не адмовішся”. Я доўга не пагаджаўся, але ў рэшце рэшт слова даў. Вылучылі, і я даволі лёгка прайшоў усе неабходныя этапы.

Цікавы выпадак. На сталічнай вуліцы Гурскага, у будынку аднаго з прадпрыемстваў, мы праводзілі перадвыбарны сход. Перад пачаткам была распаўсюджана папера, у якой гаварылася, што я тайны сексот КДБ, здрадзіў свайму бацьку і г.д. Многія пачалі пытацца пра аўтара, а на сходзе прысутнічаў трэці сакратар Фрунзенскага райкама партыі, які адказаў на пытанне так: “Гэта не мы, і хто пісаў, не ведаем”. Аднак тут паднялася нейкая жанчына і сказала: “Ды што вы кажаце?! Па вашым загадзе вось гэтымі рукамі я друкавала гэтыя ўлёткі”. Пад крыкі “Ганьба!” яму прыйшлося збегчы.

Па выбарчай акрузе нас вылучалася шэсць чалавек. Трое былі прыстойнымі людзьмі, траіх іншых у прыстойнасці не западозрыш. Большасць выбаршчыкаў прагаласавалі за мяне. Так у траўні 1989 года я стаў народным дэпутатам СССР.

Неўзабаве мяне праз тагачаснага сакратара парткама БДУ Віктара Гайсёнка, які зараз з’яўляецца беларускім паслом у Польшчы, запрасілі на пасяджэнне парткамісіі, дзе планавалася разглядаць пытанне аб тым, як сябе павінен паводзіць дэпутат-камуніст. Прыйшоў. Камісія прызначыла мне на 15.00, але ў гэты час мяне ніхто з прыёмнай не запрасіў. Мабыць, сябры камісіі хацелі прадэманстраваць мне сваю важнасць. Хадзілі з кабінета ў кабінет, займаліся нейкім справам. Я сказаў Гайсёнку перадаць сябрам камісіі, што ў іх шмат свабоднага часу і за іх плячым — нікога, а ў мяне часу мала, і за мной 220 тысяч выбаршчыкаў, таму няхай навучацца працаваць як належыць, а калі да мяне ёсць пытанні, то няхай

прыходзяць на прыём да мяне ў прызначаны для гэтага час.

Я вельмі паважаю ветэранаў (а менавіта з іх складалася грозная парткамісія), але не заўсёды дзейнічаю ў адпаведнасці з іх парадамі і рэкамендацыямі, бо не яны, а я нясу поўную адказнасць за сваю дзейнасць.

А што да сакратара парткама ўніверсітэта, які мяне тады суправаджаў... Шкада, што той самы Віктар Гайсёнак — добры прафесар-фізік і неблагі выкладчык, які гатоў быў чытаць студэнтам курс фізікі на беларускай мове, сёння піша ліст еўрапарламентарыям, у якім расказвае, якая дэмакратычная і справядлівая ўлада ў Беларусі і якая несумленная Еўропа, бо чамусьці гэтага не ўсведамляе і хоча прыняць крытычную рэзалюцыю па Беларусі.

Прашу прабачэння за сентэнцыю, але чалавек сапраўды пазнаецца ў складаных умовах. Усе мае сябры як былі сябрамі, так імі і засталіся. Нікога з іх, “схадзіўшы” ва ўладу, я не страціў, таму што нікому не здрадзіў. А ў пэўных асобах разабраўся нядрэнна...

Калі ўсе прыбалты выдзеліліся з Савецкага Саюза, мне стала цалкам зразумела, што палітычны акцэнт трэба рабіць менавіта на гэтым, і неабходна абрацца народным дэпутатам Беларусі, якая ў той час называлася БССР.

Тады я ўзначальваў Мінскую гарадскую арганізацыю таварыства “Веды”, і ўсе добра ведалі, што вылучацца плануе менавіта ад гэтага калектыву. Аднак там было некалькі былых генералаў, якія ўпадалі ў шок ад таго, што я стаўлю знак роўнасці паміж Гітлерам і Сталіным. Ад іх і трэба было чакаць “сюрпрызу”, таму, калі мяне вылучыла яшчэ і нейкае канструктарскае бюро, вырашыў нікому пра гэта не гаварыць.

І недарма. Таварыства “Веды” мяне вылучыла, але “генералы” ўпрасілі некалькіх чалавек адысці са сходу, а потым напісалі ліст “наверх”, што ён быў неправамоцным.

У 1990 годзе мяне абралі без праблем, а ў 1996 камуністы на чале з Калякіным выставілі моцную альтэрнатыву — доктара фізіка-матэматычных навук. Прышлося пазмагацца і перамагчы..

Пад знакам хлусні

На жаль, пад ім апошнія 16 год даводзіцца жыць кожнаму з нас. Асабліва гэта тычыцца так званага “развалу” Савецкага Саюза.

Распавяду аб усім па парадку.

Перш за ўсё тут трэба пачаць з таго, што я ўжо казаў. У адрозненне ад многіх абранцаў па лініі Беларускага народнага фронту я добра ставіўся да некаторых прадстаўнікоў партыйна-гаспадарчай эліты краіны. Напрыклад, мне падабаўся Кебіч, таму што гэта вельмі разумны кіраўнік, але ў яго атачэнні было шмат падлюг, якія наўмысна спойвалі Вячаслава Францавіча. Раніцай — нармальны чалавек, а ў 12 гадзін ужо ўцёк.

Аднойчы ён прыйшоў да мяне і сказаў: “Вельмі дрэнныя ў нас справы. Рабі што хочаш, але нам трэба “зацягнуць” сюды Ельцына, бо газ і нафта фактычна залежаць ад яго. Наступную зіму мы не вытрымаем. Запрасі яго на паляванне, ён з табой сябруе”. Просьба была такой шчырай, што я адразу пагадзіўся.

20 кастрычніка 1991 года ў Нова-Агарове праходзіла нарада вышэйшага кіруючага органа Савецкага Саюза Дзяржсавету, членам якога я быў. Звычайна гэта адбывалася так. Прыходзіў Гарбачоў і прыносіў на разгляд праект нейкага дакумента, які потым прымаўся ці не. У той раз ён прынёс праект новай саюзнай дамовы. На той час я быў даволі дасведчаны ў сферы дзяржаўнага будаўніцтва, таму адразу сказаў: “Уважаемый Михаил Сергеевич, с позиции дефиниций это весьма сумбурный документ, и мне было бы стыдно отстаивать его в нашем Верховном Совете. Там сразу же поймут, что Вы хотите сделать близкое к унитарному государство, где права директивного органа будет иметь президент. Это большая концентрация власти, чем была в СССР. Почему всё называется конфедерацией?”.

Натуральна, былая “цэкаўцы” Карымаў, Назарбаеў, Краўчук звыкла прамаўчалі, а падтрымаў мяне Барыс Ельцын, які выказаў крытыку па шэрагу іншых пазіцый. Гарбачоў усё гэта выслухаў і моўчкі выйшаў. Тады Карымаў кажа мне і Ельцыну: “Вы нас поссорили с Михаилом Сергеевичем, вы и мирите”.

Мы пайшлі шукаць Гарбачова. Па дарозе я кажу: “Як тут у вас прыгожа! У нас таксама прыгожа, і я хачу запрасіць Вас на паляванне ў Белавежскую пушчу”. Шчыра кажучы, раней я сам быў там толькі як турыст. Ельцын з задавальненнем пагадзіўся. Прэс-службы ўзгаднілі дату. Кебіч параіў запрасіць яшчэ і Краўчука. Кожны разумеў, што нам трэба сустрэцца без Гарбачова.

Так мы сабраліся ў Белавежскай пушчы, і калі пачалі гаварыць аб тым, што неабходна зрабіць, то зразумелі: без адпаведнай заявы (якую потым і зрабілі) мы можам толькі прасіць Гарбачова, каб памілаваў.

Самым актыўным распрацоўшчыкам гэтага дакумента быў Ягор Гайдар, якога я шчыра паважаў і пры жыцці, і цяпер. На мой погляд, толькі вечнае расійскае халуйства не дазволіла ім зразумець гэтага чалавека. Калі Бальцаровіча Польшча фактычна насіла на руках, то Гайдара Расія не зразумела. Можна, таму, што дзяржава непараўнальна большая, і таму, што ў пэўных напрамках Гайдар быў рамантыкам. Гэта быў Эканаміст і Палітык з вялікай літары.

Добра памятаю, як філосаф Генадзь Бурбуліс тады спытаў: “А што, если вам предложит для подписания фразу “СССР как геополитическая реальность и субъект международного права прекращает своё существование”? Я разумеў, што пасля жнівёнскага путчу Гарбачоў кіруе краінай толькі намінальна, таму выказаў гатоўнасць падпісацца. Краўчук кажа: “И я подпишу”. Ельцын: “А я тем более”.

Працавалі над дакументам цэлы дзень, з 18-ці першапачатковых пунктаў засталася толькі 14, але пастаўленай мэты дасягнулі. Пазней Венецыянская камісія і іншыя вядомыя структуры ацанілі яго як узор вышэйшай юрыдычнай дасканаласці.

З нашага боку падпісаліся я і Кебіч, з украінскага — Краўчук і прэм’ер Вітольд Фокін, з расійскага — Ельцын і дзяржсакратар Бурбуліс.

Чарговы ілжывы міф, што гэта была “п’яная лавачка”. Поўны нонсенс. Смешна слухаць. Гэта мне нагадвае цыгана, які прадае каня і так яго хваліць, што нават самому становіцца шкада прадаваць...

Аўтарскае пасляслоўе

Са Станіславам Шушкевічам мы сустракаліся 23 чэрвеня 2010 года. Напярэдадні ён быў у літоўскай амбасадзе, а падчас нашай размовы спяшаўся ва ўкраінскую. Супадзенне невыпадковае. На жаль, за мяжой Станіслава Станіслававіча цэняць больш, чым на радзіме. На жаль, сёння такая дзяржаўная палітыка. У выніку яе былому спікеру беларускага парламента і плацяць самую малую пенсію ў свеце...

www.kamunikat.org

Александр ЯРОШУК

Наверное, жизнь каждого из нас тоже чем-то похожа на кинолентку. Но у А. Ярошука она начиналась с кинематографа в буквальном смысле.

Первые кадры

Я родился в одном из красивейших мест нашей страны — в деревне Внучки Каменецкого района Брестской области, рядом с Беловежской пущей, 16 ноября 1951 года. Скорпион, самый загадочный знак зодиака. Обычное детство, типичное для послевоенного поколения. Рос в крестьянской семье. Отец, Илья Алексеевич, умер 15 ноября 2004 года, накануне моего очередного дня рождения. Ему шёл 90-й год. Матери, Прасковьи Акимовны, не стало на двадцать лет раньше. Семья была многодетной: восемь детей — четыре брата и четыре сестры, я самый младший. В живых осталось шестеро.

Детские годы — уголок памяти, к которому человек всегда возвращается для того, чтобы найти опору в жизни, поскольку в этот период, по моему мнению, закладываются основы личности. Конечно, работы в многодетной крестьянской семье всегда хватало. Но были и неподдельные детские радости, которые для нынешних детей могут показаться удивительными и смешными. Например, почти вселенским событием для нас была возможность посмотреть фильм. На это дело просто не было денег. До денежной реформы билет стоил 50 копеек, а после 1961 года — 5, но их ещё где-то нужно было найти. Вспоминаю, как мы совершали «набеги» на колхозный курятник. Куриное яйцо стоило ровно 5 копеек, то есть один поход в кино. И было огромной трагедией, если тебя ловила птичница...

Жизнь после войны постепенно улучшалась, поэтому покупка очередных обновок становилась настоящим событием, особенно для сельских детей. Обновки приобретались дважды в год. Ничего более радостного в жизни я больше не испытывал. Мне очень хорошо запомнились мои первые ботинки, до этого я ходил босиком.

Самыми счастливыми праздниками для нас были Пасха и Яблочный спас. 19 августа 1782 года в нашей деревне началось строительство церкви. С тех пор каждый год этот день празднуют во всех окрестностях деревни. Слава Богу, храм стоит и сегодня. Это просто уникально.

А ещё запомнилось поголовное увлечение спортом. Как только выпадало время, мы обязательно во что-то играли. В деревне было футбольное поле, волейбольная и даже баскетбольная площадки. Всё делалось своими руками.

И никто из нас тогда не думал о какой-то идеологии. Кстати, именно наш родительский дом был тем местом, своего рода штабом, где часто собирались мои ровесники.

Отдельно хочется отметить любовь к чтению. С друзьями мы даже соревновались, кто больше прочитает книг за неделю. Библиотека была только в соседней деревне Ходосы. Я стал её третьим читателем после открытия и очень этим гордился. (Телевидения в наших местах ещё не было. Электричество появилось только в 1959 году.)

Помню, как долгими зимними вечерами младшие дети в семье садились ближе к лампе и читали вслух (в основном сказки), а остальные слушали. Мой «читательский дебют» состоялся в шестилетнем возрасте.

Читал я всё, что попадалось под руку. Больше всего увлекался военной прозой и очень популярным тогда Джеком Лондоном. Эта стихийная страсть к чтению и стала потом определяющей.

Название первого фильма, который я посмотрел, не помню. Тогда мне было лет шесть. Помню только, что фильм этот показывали в одном из домов, так как клуба в деревне не было. В памяти сохранились лишь фрагменты — множество солдатских фуражек.

Затем открыли клуб в Ходосах — деревянный барак с длинными лавками. Кино там показывали уже регулярно. Дух захватывало от шпионских приключений. Домой после сеанса мы возвращались тёмной ночью. В каждом встречном мерещились шпионы. Жуть. Времена «холодной» войны...

Часто вспоминается фильм «На дальних берегах». Смотрел его раз 12.

Делом чести было получить расположение киномеханика. Он давал расклеить афишу очередного фильма и в знак благодарности бесплатно пускал на киносеанс. Счастливчик чувствовал себя на седьмом небе от радости.

Отроческие кадры

Карибский кризис помню очень хорошо. С тревожным нетерпением мы ждали выступления Хрущёва, которое анонсировали много раз. Ощущение возможной войны было почти физическим. Запомнилось ликование отца, когда стало ясно, что войны не будет.

Меня называли в честь брата мамы, который погиб за три дня до конца войны. Он похоронен в чешской Острове. С отцом они случайно встретились буквально накануне. Так было угодно судьбе: воевали в разных частях, а увиделись на марше. Отец служил в полку гаубичной артиллерии, дядя был связистом. Он отца и окликнул. Говорили всего несколько минут. У дяди была вся грудь в орденах, хоть он и воевал всего лишь больше года, командовал отделением. Его слова: «Илья, прошу только об одном: чтобы ни происходило, не замарай ни рук, ни совести. Умоляю и заклинаю: не надо здесь ничего брать. Вернёмся, всё сделаем сами». А происходило обычное мародёрство. И понять людей, которые всё потеряли, можно.

Погиб дядя так. Шёл тяжёлый бой. Перебило связь. Он построил своё отделение, чтобы кого-то послать на верную смерть. Все отводили глаза — война заканчивалась, и умирать никому не хотелось. Дядя всё понял и решил идти сам. Исправил перебитый провод, восстановил связь. До окопов оставалось метров пятьдесят, когда рядом взорвалась мина. Похоронили его в братской могиле.

К сожалению, мне не довелось там бывать. В некотором смысле я живу и за него...

В начальную школу в соседней деревне пошёл в 1959 году. Здание школы располагалось под горой, а наверху стояла ветряная мельница. Зимой мы катались с горки. Учителя — бывшие партизаны Иван Васильевич и Полина Михайловна Стежко, муж с женой, — не могли нас

заставить уйти домой. Потом на базе этой школы сделали восьмилетку.

Повторюсь: много читал, причём не только художественную литературу. Особенно любил историю и географию. Даже есть не садился без книжки. В старших классах учителя доверяли мне проверять сочинения и ставить за них оценки. Позднее, уже работая в ЦК КПБ и Миноблисполкоме, наводил страх на подчинённых лишь тем, что всегда легко находил в подготовленных документах грамматические ошибки.

В 1967 году окончил восемь классов. С успеваемостью проблем у меня не было никогда, а вот с поведением... К тому времени терпение учителей абсолютно иссякло, и мне в аттестат сделали запись «при хорошем поведении» (случай, уникальный для всего района). У всех остальных поведение было отличным. Мне же прямо сказали, что путь в девятый класс для меня теперь закрыт, да и в техникумах такие хулиганы не нужны. Меня это ещё больше раззадорило. Отправил документы в Пинский гидромелиоративный техникум. Почему именно туда? В наших краях в то время набирал динамику пресловутый процесс мелиорации. Я даже работал в экспедиции. Помню, заработал целых 33 рубля. Для вчерашнего восьмиклассника это огромные деньги, сельские жители вообще их только-только стали получать.

В техникум я поступил, но учиться не поехал — принципиально пошёл в девятый класс Дмитровичской средней школы. Документы из техникума долго не высылали, неоднократно приглашали на учёбу. Я говорил об этом учителям, но они думали, что проблема в оценке по поведению, точнее, в том, что я не хочу её показывать.

Я всегда отдавал предпочтение гуманитарным наукам, а стал... агрономом, потому как агрономом был мой самый старший брат — Василий. Сестра Нина вышла замуж и переехала в Курск, на родину мужа. Туда же, поступать в сельхозинститут, поехал в 1960 году и Василий. Через девять лет по его стопам пошёл и я. Сегодня я несколько не жалею о своём выборе и очень благодарен за него судьбе.

В институте каждый год тоже ставился вопрос о моём пребывании среди студентов. После второго курса даже

заговорили об исключении за безобидную игру в карты — нас «поймал» секретарь комсомольской организации, который буквально ворвался в комнату. (Игра в карты тогда была строжайше запрещена. Полный маразм!)

А на третьем курсе декан нашего факультета уже на полном серьёзе рассматривал вариант моего перевода в Гродно. В качестве аргумента он приводил следующее: мол, я из Западной Белоруссии, где Советскую власть установили только в 1939 году; отсюда моё вольнодумство, неприятие официальной идеологии.

Карьерные кадры

Многие и сегодня убеждены, что нет ничего лучше коммунистического строя и советского образа жизни, а винить нужно лишь отдельные недостатки. Это не так. Порочна сама система. Увы, сейчас всё повторяется.

К сожалению, мои вузовские проблемы не ограничились несостоявшимся переводом в Гродно. Институт закончил успешно и имел право выбора. Но и здесь мне сделали «бьяку»: на предварительном распределении я выбрал Касторенский район Курской области, где проходил практику. (Те полгода стали моим первым опытом взрослой жизни. Рыбалка, знаменитые курские соловьи... Я сразу «впрягся» в работу. Помню колхозного агронома Женю Иванова, с которым мы крепко сдружились и поровну поделили обязанности. Как мне нравилось работать! Это же настоящее чудо! Взять тот же фотосинтез. В почве лежат миллиарды зёрен, но они не прорастают. Процесс начинается только тогда, когда на семена при обработке почвы попадает луч света... Система в некотором смысле делала нас технократами, особенно когда речь заходила о партийной карьере. Например, большие шансы стать первым секретарём райкома партии всегда имел тот, кто был специалистом в сельском хозяйстве. Когда я столкнулся непосредственно с агрономией, то вскоре понял, что здесь технократический подход просто невозможен. Сельское хозяйство нужно воспринимать как некую философскую категорию, что возможно только в одном случае — если человек является собственником земли, хозяином. В других условиях он

будет просто ремесленником. Исключения в данном плане лишь подтверждают общее правило.)

Окончательно меня распределили (вопреки выбору) на Смоленщину, в одну из «добитых до ручки» областей. И это ещё мягко сказано — тогда там в некоторых колхозах работали ээки.

Ректор сказал, что таково принятое решение. Я ответил, что в таком случае поеду туда, куда сам считаю нужным. Он заверил, что меня найдёт прокурор. Так я вернулся в родную деревню. Через несколько дней устроился агрономом в совхоз имени Димитрова, а спустя три месяца ушёл в армию. Служил в Татищеве Саратовской области, в РВСН. Сейчас это место часто показывают в новостях: там размещены первые «тополя», а тогда были первые «СС-20».

После увольнения в запас (был последним «дембелем», так как не ходил в отличниках боевой и политической подготовки) вернулся в родной совхоз. Через восемь месяцев перевели главным агрономом в совхоз «Жабинковский».

В 1980 году решением райкома партии я вновь был переведён секретарём партийной организации колхоза «Луч» в том же районе и одновременно стал заместителем председателя. Через два года после майского пленума, который принял Продовольственную программу, в райкомах партии ввели должности заведующих сельхозотделом. Мне предложили, и я, не без мучительных колебаний, согласился. Начался процесс стремительного карьерного роста. Внутренне у меня до сих пор нет уверенности: то ли это стечение обстоятельств, то ли я что-то из себя представлял? Возможно, одновременно и то, и другое.

Спустя два года стал инструктором обкома партии, ещё через год — инструктором ЦК КПБ. Прошло меньше года, и меня избрали (как тогда избирали, всем известно) первым секретарём Клецкого райкома партии. Случай беспрецедентный, поскольку таких должностей все ждали 6—8 лет. Мне было только 35 лет.

Партийные привилегии тяготили, коллеги не понимали. Даже когда в официальной торговле

невозможно было купить нормальное мясо, спецмагазинами не пользовался — мне это было противно.

Проработал там до февраля 1991 года. Назначили заведующим отделом аграрной политики ЦК КПБ. Это были бурные годы перестройки.

Многие мои коллеги могут подтвердить, что я был среди них «белой вороной», то есть поступал не так, как было принято, шёл «против течения». Даже Горбачёва поддерживал, когда его проклинали последними словами. Понимал, что дело не в одном человеке, который развалил страну и партию, — попробуйте развалите США, Францию, Великобританию или Германию. Это просто немыслимо.

В 1996 году меня как бы «воскресили» из небытия и позвали в новую систему власти. Произошло всё так: из архивов достали папку с личным делом и резюмировали — наш человек. Стал первым заместителем председателя Минского облисполкома.

Они ошиблись.

Семейные кадры

Моя жена, Надежда, брестчанка. Окончила Брестский инженерно-строительный институт. Её бабушка с бабушкой жили в Ходосах. Директору школы, Владимиру Алексеевичу Дорошку, коровы повалили забор, а у него оказалась сломана рука. Несмотря на своеобразие наших с ним отношений (кстати, я сохранил к этому человеку огромное уважение и, бывая в родных местах, всегда посещаю его могилу), мы с другом решили отремонтировать забор, но у нас не было пилы. Зашли в соседний дом, смотрим — там какая-то пигалица. Попросил дать пилу, она отказалась. Словом, мы сильно повздорили. Так и познакомились. Случилось это летом 1967 года.

Потом она приехала на Яблочный спас. Это, повторюсь, был крупный праздник для всей округи. Мы снова встретились, вечером я её проводил. Я тогда был уже студентом, а она училась в школе. Мы переписывались.

В сентябре я приехал на каникулы. Как раз в это время со службы вернулся мой старший брат Иван, приехала и Надежда. Встретились и опять поругались.

Помирились только через пять лет, опять на Яблочный спас...

Свадьба состоялась 14 февраля 1976 года, но тогда в СССР про День святого Валентина почти никто не знал.

У нас трое сыновей. Старший, Сергей, родился в 1976-м, 3 декабря в 00.10. 17 мая 1980-го появился Валерий. Юрий родился 2 декабря 1983 года в 20.30. Между старшим и младшим сыновьями разница в семь лет три часа и сорок минут.

По моим стопам, то есть в сельское хозяйство, не пошёл никто.

Как отцу, считаю, мне сильно повезло. Сыновья — мои полные единомышленники, что касается не политики, а жизненных принципов. Между нами существует духовное взаимопонимание.

Авторское послесловие

Сейчас Александр Ярошук возглавляет Белорусский конгресс демократических профсоюзов, но 14 мая 2007 года мы умышленно не стали даже упоминать об этом. Это отдельная тема. А ответом на вопрос, почему он пошёл против нынешней власти, во многом и является наш разговор.

© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2010 год

© PDF: Камунікат.org, 2010 год